

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2013

№ 3 (117)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2013

№ 3 (117)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
-
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Л. С. Соболева,
докт. филол. наук, проф.

Заместитель главного редактора

Д. А. Редин,
докт. ист. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева

Ответственные за направления

История

Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.

Е. М. Главацкая,
докт. ист. наук, доц.

Ю. А. Русина,
канд. ист. наук, доц.

А. В. Шаманев,
докт. ист. наук, доц.

Филология

О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.

А. В. Маркин,
канд. филол. наук, доц.

Ю. В. Матвеева,
докт. филол. наук, доц.

А. М. Плотникова,
канд. филол. наук, доц.

Искусствоведение
и культурология

Е. П. Алексеев, канд.
искусствоведения, доц.

Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.

Г. В. Голынец, докт.
искусствоведения,
чл.-корр. РАН

Л. С. Лихачева, докт.
социол. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Юмашева Ю. Ю.* Цифровизации культурного наследия России: нормативно-методическое регулирование 7
- Любимова О. В.* Брачные союзы как инструмент политики в эпоху поздней Римской республики: семья триумвира Красса 22
- Суровень Д. А.* Подготовка правительницей Дзингү корейского похода в Силла 346 г. Окинага-тараси-химэ в Центральной Японии 38
- Охлупина И. С.* Образы матерей в византийской агиографии 54
- Иоффе В.* Университетский квартал в городском пространстве Парижа (вторая половина XIV — начало XV в.) 68
- Высокова В. В.* Шотландские просветители: круг идей 78
- Мельчакова О. А.* Церемониал приема иностранцев при дворе Павла I 90
- Ермакова О. К.* Западноевропейские специалисты в составе уральской технической элиты: социокультурная адаптация (первая половина XIX в.) 107
- Павленко А. П.* Политическая деятельность вице-адмирала А. В. Колчака (февраль — июнь 1917) 119
- Нефедов С. А.* Теория военной революции: полвека спустя 134
- Запарий Ю. В.* Наброски нового мира: американские проекты международной организации по поддержанию мира (1939—1944) 142
- Городецкая Н. Б.* Югославия накануне системного кризиса (1960—1970-е) 155
- Лантева Е. Р.* Русалочья тема в интерпретации А. С. Даргомыжского: опыт создания либретто 187
- Постникова Е. Г.* Феномен власти в «Двойнике» Ф. М. Достоевского 197
- Быстров Н. Л.* Движение и неподвижность в поэтическом мире Вяч. Иванова 210
- Садомина Н. С.* Структурно-семантические особенности сравнения в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов) 223
- Сухих М. П.* Словообразовательные типы субстантивных неологизмов в поэтических текстах Д. Ревякина 230
- Мушикова Е. Н.* Обращение голубчик/голубушка в речевом этикете русских писателей и современные тенденции .. 237

ПАМЯТЬ ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ПАМЯТИ

- Мазур Л. Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти 243
- Чудинов А. В.* Кони в храмах: об одном из топосов народной памяти о войне 1812 г. 257
- Шаманаев А. В.* Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны ... 265
- Баранов Н. Н.* «Места памяти»: успешная реконструкция в европейском издательском проекте 273

РЕЦЕНЗИИ

- Козлов А. С.* Время Ромула Августула ... 281

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

- Первалова О. А.* Жанровая разновидность метамолитвы в творчестве русских поэтов XIX в. 163
- Аболина Т. М.* Роман М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» в контексте лопухинского цикла 170
- Конституционализм в современной мировой и российской истории. Международная научная конференция (С. И. Глушкова, М. А. Филиппова) 287
- Многоречие: проблема изучения. Межвузовский научный семинар (Борис Гаспаров) 292

Информация

Работа диссертационного совета по историческим наукам Д 212.285.16 (Л. Н. Мазур)	294
Новые публикации исторического факультета	299

ЮБИЛЕИ

К 100-летию со дня рождения профессора И. Н. Чемпалова	302
Сведения об авторах	307
Summary	311

CONTENTS

HISTORY

<i>Yumasheva Yu. Yu.</i> Digitizing Russian Cultural Heritage: Normative and Methodical Regulation	7
<i>Lyubimova O. V.</i> Marriage Unions as a Political Instrument in the Late Roman Republic (1st Century BC): the Family of Crassus the Triumvir	22
<i>Suroven D. A.</i> The Preparation of the Ko-rean March to Silla by Empress Jingy in 346 AD. Okinaga-tarashi-hime in Central Japan	38
<i>Okhlupina I. S.</i> The Images of Mothers in Byzantine Hagiography	54
<i>Ioffe V.</i> The University Quarter in the Urban Space of Paris (Late 14 th – Early 15 th Centuries)	68
<i>Vysokova V. V.</i> Scottish Enlighteners and Their Circle of Ideas	78
<i>Melchakova O. A.</i> Foreigners at the Court of Pavel I: Reception Ceremonies	90
<i>Yermakova O. K.</i> Western European Specialists within the Technical Elite of Ural Region: Social and Cultural Adaptation (Early 19th Century)	107
<i>Pavlenko A. P.</i> Vice-Admiral A. V. Kolchak's Political Activity (February – June, 1917)	119
<i>Nefyodov S. A.</i> Military Revolution Theory: Half a Century Later	134
<i>Zapariy Yu. V.</i> A Sketch of a New World: American Projects of an International Peacekeeping Organization (1939–1944)	142
<i>Gorodetskaya N. B.</i> Yugoslavia at the Threshold of a Systemic Crisis (1960s – 1970s)	155

PHILOLOGY

<i>Perevalova O. A.</i> Genre Variety of the Meta-Prayer in Russian 19 th Century Poets' Works	163
<i>Abolina T. M.</i> Lermontov's <i>Princess Ligovskaya</i> Within the Poetic Cycle Dedicated to Lopukhina	170
<i>Lapteva E. R.</i> The Mermaid Theme as Interpreted by A. S. Dargomyzhsky: on Creating a Libretto	187
<i>Postnikova E. G.</i> The Phenomenon of Power in F. M. Dostoyevsky's <i>The Double</i> ..	197

<i>Bystrov N. L.</i> Movement and Immobility in V. Ivanov's Poetic World	210
<i>Sadomina N. S.</i> Structural and Semantic Peculiarities of Comparison in the Khanti Language (with Reference to Shuryshkar and Kazym Dialects)	223
<i>Sukhikh M. P.</i> Derivational Types of Substantive Neologisms in D. Revyakin's Poetic Texts	230
<i>Mushnikova E. N.</i> The <i>Golubchik/Golubushka</i> Address in Russian Writers' Speech Etiquette and Modern Tendencies	237

THE MEMORY OF HISTORY AND THE HISTORY OF MEMORY

<i>Mazur L. N.</i> The Image of the Past: Historical Memory Formation	243
<i>Chudinov A. V.</i> Horses in Churches: a Topos of Russian Popular Memory of the War of 1812	257
<i>Shamanayev A. V.</i> Cultural Heritage Loss during the Crimean War	265
<i>Baranov N. N.</i> "Places of Memory": Successful Reconstruction in a European Publishing Project	273

REVIEWS

<i>Kozlov A. S.</i> The Times of Romulus Augustulus	281

ACADEMIC CURRICULUM

C o n f e r e n c e s

Constitutionalism in Modern World and Russian History. An International Conference (<i>S. I. Glushkova, M. A. Filippova</i>) ...	267
Multilingualism: the Problem of Study. An Interuniversity Seminar (<i>Boris Gasparov</i>)	292

I n f o r m a t i o n

On the Work of D 212.285.16 Dissertation Council on Historic Sciences	294
New Books of the Faculty of History	299

ANNIVERSARIES

On the Occasion of Professor I. N. Chempalov's 100 th Birthday	302
On the authors	307
S u m m a r y	311

ИСТОРИЯ

УДК 930.25: 004.352(07) + 008(07)

Ю. Ю. Юмашева

ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: НОРМАТИВНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Рассматривается содержание первого в России отраслевого нормативно-методического акта — Методических рекомендаций, регулирующих процессы создания электронных копий (оцифровки) архивных документов и объектов историко-культурного наследия на бумажной основе, хранящихся в библиотеках и музеях страны.

Ключевые слова: методические рекомендации; оцифровка; архивные документы.

Активно ведущиеся процессы оцифровки объектов историко-культурного наследия вообще и архивных документов в частности ставят во главу угла необходимость выработки единой для всей участников этого процесса нормативно-методической базы, регулирующей вопросы приоритетов и последовательности перевода в цифровой формат фондов, выбора методов оцифровки, сканирующего и другого специализированного оборудования, определения требований как к самому процессу создания электронных копий, так и к их учету, хранению и использованию».

Следует признать, что, несмотря на наличие богатого опыта нормативного регулирования процессов документооборота, а также архивного хранения и использования документов на традиционных носителях, в мировой и в отечественной практике в настоящее время отсутствуют апробированные и бесспорные подходы к организации аналогичных процессов в отношении электронных копий архивных документов и других объектов историко-культурного наследия.

Очевидно, что это обусловлено спецификой информационной среды, стремительностью развития техники и технологий, требующих постоянной моди-

фикации и переработки нормативно-методической базы отраслей культуры, а также поддержания ее в соответствии с современным уровнем развития цифровой техники.

Учитывая вышесказанное, Федеральное архивное агентство в рамках разработанной и принятой в конце 2010 г. ведомственной Программы информатизации [см.: Программа] запланировало осуществление целого ряда научно-исследовательских работ, целью которых должно было стать формирование комплекса нормативно-методических материалов (инструкций, методических рекомендаций, правил и т. п.), направленных на унификацию и регламентирование процессов перевода архивных документов в цифровой формат (создание электронных копий архивных документов). В рамках выполнения этих планов в 2012 г. по заказу Федерального архивного агентства ВНИИДАД разработал комплекс нормативно-методических актов, регулирующих процессы оцифровки архивной документации¹.

В состав данного комплекса входят семь нормативно-методических актов, центральное место среди которых занимают «Методические рекомендации по созданию электронных копий документов АФ РФ на бумажной основе и управлению полученным информационным массивом» [Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов...] (далее — МР)².

Разработка подобного комплекса нормативно-методических актов является первой³ в Российской Федерации попыткой осмысления на системном уровне проблем, связанных с цифровизацией⁴ историко-культурного наследия.

Нетрудно заметить, что хотя все перечисленные документы и разработаны для архивной сферы, но имеют более широкое применение и могут быть востребованы как библиотечным, так и музейным сообществами, а также в тех отраслях, где осуществляются работы по созданию электронного фонда пользо-

---

¹ Темы 2–6 разработаны совместно с Российским государственным архивом научно-технической документации (РГАНТД).

² См.: Методические рекомендации по созданию, хранению, учету и использованию фонда пользования фото- и фонодокументов на цифровых носителях (не опубликованы); [Регламент; Методические рекомендации по организации работы и технологическому оснащению хранилищ электронных документов; Рекомендации по созданию интернет-выставок архивных документов; Рекомендации по созданию интернет-каталогов архивных документов]; Методические рекомендации, программное обеспечение оценки и контроля качества функционирования сканирующего оборудования при выполнении работ по оцифровке архивных документов в российских государственных архивах (не опубликованы; разработаны ФГУП НИИР (г. Тула)).

³ К примеру, в Республике Беларусь эта тема получила свое нормативно-методическое закрепление более 5 лет назад, когда был создан Фонд цифровых копий архивных документов [Приказ первого заместителя директора...] и приняты «Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий» (утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 27.12.2007 №) и «Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, учету и хранению цифровых копий» (утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 25.11.2008 № 38) [Архивы Беларуси].

⁴ Термин «цифровизация культурного наследия» введен премьер-министром Российской Федерации Д. А. Медведевым [Выступление премьер-министра...].

вания с оригиналов объектов историко-культурного наследия и/или с их копий, созданных с использованием технологии микрофильмирования.

Все перечисленные нормативно-методические документы представляют собой особую разновидность регламентирующей документации, в которой в полной мере отражается междисциплинарный характер процессов, свойственных прикладной информатике. В ходе создания подобной документации необходимо объединить «гуманитарное» знание (источниковедение, архивоведение, музееведение, библиотекведение и другие вспомогательные исторические дисциплины, документационное обеспечение управления и т. п., взятые в их теоретическом и практическом аспектах) и естественно-научное, техническое и технологическое знания, также используемые в теоретической и практической ипостасях. Только равное владение всеми перечисленными отраслями знания может дать значимый результат в виде применимого в практической деятельности регламентирующего документа.

«Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом» созданы на основе изучения международного опыта реализации проектов оцифровки архивных документов и (шире) артефактов на бумажных носителях [см.: Юмашева, 2012б, с. 120—126; 2012а, с. 151—177], а также нормативно-методических актов, применявшихся в рамках осуществления этих проектов и доступных в сети Интернет. Рекомендации базируются на действующем в архивной сфере комплексе регламентирующей документации, в том числе на Правилах организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утверждены 18.01.2007 г.) [Правила организации хранения...], на основе международных (ISO) и российских (ГОСТ) стандартов в области архивного дела и информационных технологий.

Необходимо также особо отметить, что создание рекомендаций находится в русле Программы деятельности ЮНЕСКО на 2012—2013 гг., в которой прямо указывается, что одними из приоритетов деятельности ЮНЕСКО в означенный период являются «разработка принципов, которыми следует руководствоваться при оцифровывании», «защита и оцифровывание всемирного документального наследия... Принятие стратегий и принципов сохранения и оцифровывания и укрепление архивов и библиотек в качестве центров образования, обучения и информации» [36 С/5 Утвержденный...].

МР состоят из вводной части (введение, определение терминологического аппарата), четырех глав и обширных приложений.

Во введении к МР определены цели их создания — унификация и регламентация проведения архивами в плановом порядке работ по созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования копий архивных документов на бумажных носителях. МР описывают порядок проведения работ по созданию электронного фонда пользования копий архивных документов с учетом технических возможностей архивов, учет электронных копий, входящих в электронный фонд пользования, и принципы управления медиаресурсами.

В перечне терминов приводятся наиболее распространенные и используемые в практике проектов оцифровки трактовок терминов. При этом авторы рекомендаций отдают себе отчет в том, что приведенные дефиниции могут быть подвергнуты определенной критике с позиций быстро развивающихся информационных технологий и нуждаются в постоянном обновлении и актуализации.

Работа над терминологией в рамках создания МР обнажила проблему неразработанности терминологического аппарата, путаницу в дефинициях и в определении существа процессов создания электронных (цифровых) копий архивных документов (шире — исторических источников любых типов и видов) и их последующего использования. С сожалением придется констатировать, с одной стороны, отсутствие (или противоречивость) нормативно-методических актов, национальных ГОСТов, вводящих единообразие в терминологию, описывающих и регулирующих технологические процессы, а с другой — значительное негативное влияние, оказываемое заимствованием англоязычной технической терминологии, повсеместным распространением неудачных переводов, транслитераций, а иногда и калек с иноязычных терминов⁵. При этом стоит особо подчеркнуть, что за рубежом данная терминология также не является строго унифицированной⁶, а при переносе на отечественную почву трактовки лексических значений заимствованных терминов различаются уже не только у разных авторов, но даже в рамках одного и того же официального документа. К сожалению, без выработки единого словаря терминов, одинаково понимаемых как гуманитариями, так и техническими специалистами, без проникновения в специфику работы каждой из вовлеченных в процесс сторон, без следования правилам, действующим на междисциплинарном поле, добиться качественного решения проблемы создания электронных копий архивных документов и иных объектов историко-культурного наследия практически невозможно.

Таким образом, уже на начальной стадии разработки МР был сделан вывод о необходимости осуществления в недалеком будущем отдельной научно-исследовательской работы, посвященной терминологическим аспектам.

В процессе написания МР было принято решение об использовании трактовок терминов, которые приняты в действующей нормативно-методической базе или активно используются на практике и не имеют большого числа

---

⁵ Например: 1) *Digital heritage* (англ.) — термин, который, в зависимости от контекста, при переводе на русский язык имеет двойное значение: а) культурное наследие, существующее только в цифровой форме («цифровое наследие»); б) переведенное в цифровой (электронный вид) «отсканированное» или «оцифрованное наследие», т. е. электронные копии исторических документов и артефактов; 2) сканирование — от *Scanning* (англ.) — пример транслитерации; 3) оцифровка — от *Digitalization*; 4) наравне с двумя последними терминами в качестве синонимов часто употребляются также выражения: создание электронных (цифровых) копий, перевод в электронную (цифровую) форму.

⁶ Несмотря на титанические усилия Международной организации стандартизации (ISO), которые в большей степени направлены на разработку нормативных документов в области документооборота и систем управления документацией.

нареканий. Такой подход позволил ввести относительную унификацию в используемый в создаваемом документе терминологический аппарат и на основе введенных дефиниций создать внутренне непротиворечивый регламентирующий текст рекомендаций.

Первая глава МР посвящена краткому обзору международных проектов оцифровки архивных документов, обеспечивающей их нормативно-методической базе и отечественному опыту реализацию подобных проектов.

Отечественный опыт представлен на основе отчета по научно-исследовательской работе, выполненной ВНИИДАД в 2011 г. на тему «Изучение опыта оцифровки (сканирования) документов Архивного фонда в архивных учреждениях Российской Федерации»⁷. В отчете был обобщен опыт 93 государственных архивных учреждений субъектов федерации по переводу архивных фондов в цифровой вид и получен определенный срез информации, характеризующий общую ситуацию в вопросах создания электронных копий.

Вывод, сделанный в исследовании, неутешителен: в Российской Федерации отсутствуют единые подходы к процессу оцифровки архивных документов.

Косвенным подтверждением этого итога является сформированная в результате выполнения НИР коллекция нормативно-методических актов по проблемам оцифровки архивных документов, разработанных и внедренных в инициативном порядке в государственных архивах 16 субъектов Российской Федерации. Коллекция состоит из внутренних инструкций, памяток, регламентов и методических рекомендаций 24 архивных учреждений⁸.

Сам факт инициативной разработки подобной документации говорит о многом. Прежде всего он свидетельствует об осознании остроты и многоаспектности стоящих перед архивистами проблем, связанных с реализацией общегосударственного курса на оцифровку архивных документов. Во-вторых, он является ярким выражением имеющегося у специалистов понимания того, что проекты оцифровки любых исторических артефактов не могут являться полем для бесконечных экспериментов по поиску технических и технологических решений. В-третьих, инициативная разработка регламентирующей документации является следованием высоким профессиональным традициям всех

---

⁷ В 2013 г. ВНИИДАД выполняет научно-исследовательскую работу, посвященную мониторингу проектов оцифровки. Судя по уже полученным данным (по состоянию на 01.05.2013 г.) в регионах Российской Федерации произошли существенные подвижки в вопросах реализации проектов оцифровки архивных документов.

⁸ По состоянию на май 2013 г. автору известно несколько подобных документов, разработанных и принятых в библиотечной сфере Российской Федерации на региональном уровне [см.: Методические рекомендации по оцифровке библиотечных фондов областных государственных и муниципальных библиотек Свердловской области; Инструкция по оцифровке периодических изданий Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова; Инструкция по оцифровке изданий для библиотек сети СО РАН]. К сожалению, единых руководств для реализации этих проектов в отрасли, вероятно, не существует. Среди мероприятий общероссийской Программы сохранения библиотечных фондов (второй этап, 2011–2020 гг.), в которой создание цифровых копий позиционируется в качестве одного из важных направлений сохранения активной части библиотечного фонда (документов, пользующихся постоянным повышенным спросом), не предусматривается ни разработка единых регламентов оцифровки, ни гармонизация имеющихся в библиотеках внутренних нормативно-методических актов. Аналогичная ситуация существует и в музейной сфере.

архивных, музейных и библиотечных структур, согласно которым любое «взаимодействие» с объектом историко-культурного наследия должно быть регламентировано и задокументировано, поскольку только такой подход к работе с артефактом позволяет обеспечить его сохранность.

Вместе с тем детальное изучение текстов этих документов наглядно продемонстрировало не только имеющуюся разницу в технических и технологических вопросах, связанную прежде всего с разными финансовыми и техническими возможностями региональных архивов, но и несогласованность терминологического аппарата, разное понимание целей и задач оцифровки и т. п.

Полученные сведения и сделанные на их основе выводы подтвердили отсутствие единых подходов к процессу оцифровки архивных документов. А это, в свою очередь, ведет к таким серьезным проблемам, как 1) необходимость проведения неоднократной оцифровки документов, что наносит вред сохранности подлинников; 2) невозможность соотнесения и интеграции результатов проектов оцифровки, осуществленных в различных архивных учреждениях; 3) невозможность полномасштабного использования электронных копий архивных документов.

Совокупность обозначенных проблем, с одной стороны, ставила под сомнение возможность осуществления задачи тотальной и полномасштабной оцифровки подлинников архивных документов в учреждениях, хранящих документы архивного фонда страны, а с другой — настоятельно требовала разработки нормативно-методических актов и методических рекомендаций, регулирующих данные процессы.

Выявленные в ходе исследования проблемы стали реперными точками, определившими содержательную структуру разработанных МР, в которых ответы на наболевшие вопросы сгруппированы в три главы (2–4), описывающие процессы создания, учета и хранения электронных копий.

Вторая глава МР посвящена организации работ по оцифровке архивных документов. В ней вводится понятие электронного фонда пользования (ЭФП), описывается его структура, перечисляются основные цели оцифровки архивных документов, описываются методы и главные технологические операции при создании ЭФП, вводятся критерии отбора архивных фондов для создания электронных копий.

Вводятся также понятия «электронной мастер-копии архивного документа», «рабочей электронной копии», «копий второго и последующего порядков», определяются технические параметры электронных копий различного назначения, созданных с разнородных подлинников архивных документов на бумажных носителях.

Особо подчеркивается, что электронные копии архивных документов и электронный фонд пользования не могут рассматриваться в качестве страхового фонда документации.

Несколько параграфов этой главы посвящены детальному рассмотрению вопросов организации проектов оцифровки, в частности процедурам планирования работ по созданию электронного фонда пользования; описанию примерного состава сотрудников структурного подразделения по созданию ЭФП и

требований к их квалификации⁹. Последний вопрос является чрезвычайно важным и болезненным, поскольку требует от сотрудников, занимающихся оцифровкой, не только профессиональных знаний и навыков в компьютерных технологиях, но и высокой культуры работы с историческими артефактами¹⁰.

Три параграфа МР посвящены материально-техническому оснащению проектов создания электронных копий. В них приводится примерный перечень оборудования и программного обеспечения, необходимого для создания электронных копий архивных документов¹¹, хранения ЭФП и управления созданным цифровым контентом; перечисляются основные требования к техническому оборудованию и программному обеспечению, к технологическим помещениям подразделения по созданию электронных копий архивных документов и рабочим местам сотрудников.

В следующих параграфах описываются процедуры подготовки и передачи документов на сканирование, подробно рассматриваются общие подходы и требования к самому процессу оцифровки. Особо акцентируется внимание на том, что независимо от целей и предназначения создаваемых электронных копий необходимо стремиться к тому, чтобы архивный документ (и/или исторический артефакт) оцифровывались **о д н о к р а т н о**¹².

В МР сформулированы общие правила, которым необходимо следовать при работе с подлинниками архивных документов в процессе создания электронных копий. Так, в частности, рекомендуется **о ц и ф р о в ы в а т ь в п о л н о м о б ъ е м е** единицы хранения, отдельные архивные документы (включая обложки, шмуцтителы, листы со служебной информацией, оборотные стороны титулов и т. п.).

Отмечается, что не оцифровывать «пустые» (незаполненные символьной, т. е. текстом, графической и иной информацией, пронумерованные) листы (страницы), входящие в состав единицы хранения (документа), допустимо только,

---

⁹ Учитывая то, что в методических рекомендациях рассматриваются вопросы оцифровки подлинников архивных документов, осуществление подобных проектов силами привлеченных коммерческих структур на основе договоров подряда (аутсорсинг) допустимо, но сопряжено с серьезными организационными трудностями. В Методических рекомендациях подробно описываются условия, которые должны быть соблюдены для выполнения подобных проектов.

¹⁰ 26–28 сентября 2012 г. ЮНЕСКО в сотрудничестве с Университетом Британской Колумбии (University of British Columbia, UBC, Ванкувер) провели международную конференцию «Память мира в электронную эпоху. Оцифровка и обеспечение долговременной сохранности». Одним из выводов конференции стал вывод о том, что специалисты по работе с информацией должны овладеть навыками, позволяющими им осуществлять оцифровку и практически деятельность по обеспечению долговременной сохранности в соответствии с потребностями государственных органов и сообщества, которые они обслуживают [Официальный сайт ЮНЕСКО].

¹¹ Проблеме оптимального подбора сканирующего оборудования для осуществления оцифровки архивных документов (по критериям «цена — качество») посвящена научно-исследовательская работа, выполненная в 2011 г. по заказу Федерального архивного агентства Научно-исследовательским институтом репрографии (г. Тула) [Отчет]. Там же размещен дистрибутив разработанной на основе многофакторного анализа компьютерной программы по подбору оборудования MregForm и пошаговая инструкция по ее применению [MregForm].

¹² Результаты современных исследований свидетельствуют о том, что даже однократное сканирование документа сокращает его «жизнь» на срок не менее 25 лет в зависимости от носителя информации и применяемого сканирующего устройства [см.: Кашеев, с. 24].

если осуществляется обязательная оцифровка листа-заверителя, а в сопроводительной документации (в описании электронной копии)¹³ делается специальная отметка о том, для каких именно листов (страниц) и по какой причине не создавались электронные копии¹⁴.

Неразброшюрованные дела (книги) целесообразно оцифровывать в разворот, отдельные документы (листовой материал) — полистно (включая оборотную сторону). Полистная оцифровка неразброшюрованных дел (книг) возможна только в случае, когда формат листов (в высоту) не превышает размер сканирующего стола, и дела (книги) необходимо располагать на столе горизонтально.

В случае, если в составе дела находятся документы разных размеров, необходимо использовать белые листы бумаги для подкладки их под небольшие документы с тем, чтобы следующий документ большего размера не предъявлялся на изображении.

В перечень правил специально включен пункт о нежелательности пофрагментной оцифровки большеформатных подлинников с последующей компьютерной «склежкой» («стикингом») изображения. Для оцифровки большеформатных документов рекомендуется использовать цифровой фотоаппарат.

Особо описываются процессы оцифровки «сложных» документов. Так, если архивный документ представляет собой трехмерный объект (например, книжное или альбомное издание, свиток, рулон и т. п.), кроме оцифровки его обложки, шмуцтитула и страниц с помощью сканера, рекомендуется также создание цифровой фотографии предмета, отражающей его физические размеры и форму, а также имеющиеся особенности (книжный корешок, три обреза книги, застежки и т. п.).

Если документ хранится в сложенном виде, кроме оцифровки его лицевой и оборотной стороны в развернутом виде, рекомендуется также оцифровать его во всех вариантах сложения в случае, если они (варианты сложения) имеют самостоятельную информационную ценность (например, надписи на внешних сторонах писем-треугольников периода Великой Отечественной войны).

Если документ представляет собой телетайпную или телеграфную ленту, книгу, выполненную азбукой Брайля, имеет филигранные, рельефные изображения, подчистки, исправления и другие детали, видимые только при определенном освещении или под углом, его сканирование целесообразно производить только с использованием специального оборудования. Если подобное оборудование отсутствует, то особенности документа подробно описываются в сопроводительной документации, в том числе в программе учета и описания электронных копий.

Если архивный документ имеет историческую упаковку (конверт, папку, обложку, кофр и т. п.), в обязательном порядке необходимо создать электрон-

¹³ В том числе в программе учета и описания электронных копий.

¹⁴ Данное положение не относится к листам с филигранями и другими особенностями, которые должны быть оцифрованы в обязательном порядке независимо от наличия на них символической или графической информации.

ную копию данной упаковки, применив при необходимости цифровой фотоаппарат.

При оцифровке таких сложных объектов, как, например, фотоальбомы, где на странице расположено несколько архивных документов (фотографий), демонтаж которых невозможен, рекомендуется создать электронную копию страницы в целом, а затем с помощью специальных установок сканирующего оборудования — каждого документа (фотографии) в отдельности.

В МР зафиксировано требование рескана (пересканирования) подлинника архивного документа в случае изменения его внешнего вида (например, в результате реставрации). Отмечается, что документ должен быть оцифрован повторно, а утратившая актуальность мастер-копия заменена на новую. При этом старая копия не уничтожается, а отправляется в архив.

Даются и практические технические рекомендации. К примеру, отмечается, что при оцифровке желательно располагать на поверхности сканера две линейки, демонстрирующие физические размеры документа. Необходимо также следить, чтобы граница области сканирования отстояла на 0,5–1 см от края документа, чтобы на изображении были видны края.

Отмечается, что использование прижимного стекла сканеров нежелательно в следующих случаях:

- толщина дела (книги) превышает глубину книжной колыбели;
- дело (книга) сшито таким образом, что при его раскрытии на 180 градусов¹⁵ у корешка возникает «волна» и появляется возможность нанесения вреда документам;
- при сканировании иллюминированных или пергаменных рукописей и книг.

В МР подчеркивается необходимость проведения ежедневной настройки сканирующего и компьютерного оборудования, используемого в процессе оцифровки¹⁶. Настройки осуществляются с целью получения максимально качественных электронных копий.

В специально разработанной таблице приводятся технические параметры (размер минимального и максимального разрешения, цветовой режим и рекомендуемый формат сжатия графического файла для мастер-копий), применяемые в процессе оцифровки подлинников в зависимости от особенностей архивных документов — типа носителя (пергамент, тряпичная бумага, стандартная бумага, калька, фотобумага, картон), а также физического размера документа.

---

¹⁵ Для оцифровки туго сшитых архивных дел или книжных памятников обычно рекомендуется использовать сканеры с V-образной книжной колыбелью и углом раскрытия книги, не превышающим 120 градусов. Существующие на рынке модели оборудования с V-образной книжной колыбелью и углом раскрытия от 60 до 90 градусов относятся к так называемым роботизированным сканерам (с автоматическим перелистыванием страниц) и не используются для оцифровки особо ценных, уникальных документов и редких книжных изданий.

¹⁶ В частности, рекомендуется осуществлять процедуру настройки сканеров в соответствии с «Методическими рекомендациями, программным обеспечением оценки и контроля качества функционирования сканирующего оборудования при выполнении работ по оцифровке архивных документов в российских государственных архивах», разработанными по заказу Федерального архивного агентства Научно-исследовательским институтом репрографии (г. Тула) в 2012 г.

В МР обращается особое внимание на недопустимость графической обработки полученной электронной мастер-копии; подробно описываются методы контроля качества эталонных электронных образов, обеспечение их аутентичности подлиннику, достоверности и целостности, предлагается схема маркировки мастер-копий, структура каталогов на носителях информации (в системах хранения), подробно рассматриваются механизмы репликации (перезаписи) электронных мастер-копий на другие носители информации.

Столь же детально рассматриваются процессы создания и использования рабочих электронных копий и копий второго и последующего поколений, предназначенных для использования в различных целях (в читальных залах архивов, в полиграфических публикациях и публикациях в сети Интернет, в том числе в форме электронных документов¹⁷, в качестве копий, созданных по заказам пользователей и т. п.). Основные технические параметры электронных копий разного предназначения представлены в таблице.

Размещение электронной копии в сети Интернет в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации является формой публикации архивного документа. В этом случае по действующим Правилам издания исторических документов в СССР¹⁸ в сопроводительных материалах (описании) к каждому из публикуемых документов (электронной копии) должно быть указано, какие работы по его графической обработке (ретушированию) проводились, что и как корректировалось, должны быть указаны фамилия и инициалы специалиста, проводившего графическую обработку электронной копии¹⁹. При этом также указывается на целесообразность защиты электронной копии архивного документа, размещенной в сети Интернет, «водяным знаком» (*watermark*) с изображением логотипа или названия (аббревиатуры названия) архива (владельца подлинника документа).

Завершающие параграфы второй главы посвящены нормам выработки при оцифровке архивных документов.

Третья глава МР посвящена учету электронных копий фонда пользования. В ней рассматривается ведение учета в традиционной и автоматизированной формах. Предлагаемые механизмы учета, а также формы учет-

---

¹⁷ «...Доступ к архивным документам обеспечивается: 1) путем предоставления пользователю архивными документами справочно-поисковых средств и информации об этих средствах, в том числе в форме электронного документа; 2) путем предоставления подлинников и (или) копий необходимых ему документов, в том числе в форме электронных документов» [Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ, ст. 24, пп. 1.1].

¹⁸ «Устранение неисправностей изображения кинофото документов. Для улучшения качества изображения кинофото документов в полиграфии применяется ретуширование различными механическими и фотохимическими способами. Вопрос о сохранении или устранении дефектов кинофото документов решается с учетом целей и задач издания и характера публикуемых документов. Так, в научных изданиях публикация кинокадров и фотоснимков должна полностью сохранять все имеющиеся внешние особенности носителя (трещины, царапины, пятна и др.), необходимые для восприятия и анализа документов» [Правила издания исторических документов в СССР, п. 150].

¹⁹ В соответствии с действующим законодательством по авторскому праву любая нерегламентированная и нестандартизованная графическая обработка электронной копии может рассматриваться как ее творческая переработка, а результат такого вмешательства — объектом авторского права сотрудника, который проводил графическую обработку.

ной документации базируются на общих принципах ведения государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации, а также на положениях ГОСТа 15489—1—2007. «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования»²⁰. Здесь же приводится описание основных принципов функционирования программного обеспечения (системы) по учету и управлению (учету использования) цифровым контентом (электронными копиями архивных документов), разработка которого запланирована Федеральным архивным агентством на ближайшее время, и наборы метаданных для описания электронных копий различного предназначения.

В четвертой главе МР рассматриваются проблемы хранения электронных копий²¹, резервного копирования, обеспечения информационной безопасности как самих копий, так и носителей информации; описываются процедуры контроля за состоянием электронных копий, а также наличием и техническим состоянием носителей информации.

В качестве приложений к тексту МР приведены рекомендуемые формы документов²², обеспечивающих проведение работ по подготовке и передаче документов на оцифровку, создание и учет электронного фонда пользования, а также карта этапов и документационного обеспечения процесса оцифровки.

В заключение необходимо сказать, что МР, описывая общие подходы, принципы и управленческие механизмы проектов оцифровки, не исключают определенной вариативности в организации работы по созданию электронного фонда пользования (ЭФП), базирующейся на сложившейся практике и имеющихся возможностях каждой конкретной организации.

МР разработаны в 2012 г. Технические рекомендации, содержащиеся в них, основываются на современном уровне развития информационных технологий, доступном для российских архивов. Учитывая вышесказанное, необходимо иметь в виду, что МР (в части описания технических параметров и характеристик оборудования) будут оставаться актуальными не более трех-пяти лет. По истечении указанного срока они должны будут перерабатываться в плановом порядке с учетом произошедших изменений.

Однако уже сейчас, в результате создания этих МР, стало очевидно, что имеется целый ряд проблем, решение которых невозможно откладывать в долгий ящик. Часть из них носит прикладной характер и связана с бессистемностью,

---

²⁰ В мае 2012 г. технический подкомитет TC46/SC11 Международной организации по стандартизации (ИСО) принял решение провести пересмотр стандарта ISO 15489 «Информация и документация — Управление документами» [Reunión del JTCG Noviembre 2012].

²¹ Эталонная модель системы хранения цифровой информации (цифрового архива) разработана Международной организацией по стандартизации — *International Standardization Organization* (ISO) в стандарте 14721:2003 «Reference Model for an Open Archival Information System (OAIS)».

²² Рекомендуемые формы документов разработаны на основе Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации... [Правила организации хранения...] и Приказа Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 10.09.2007 г. № 1273 «Об утверждении форм учетных и иных документов по организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации...» [Приказ МК РФ № 1273].

отрывочностью и недостаточностью имеющейся общедоступной и развитой нормативно-методической базы (системы менеджмента качества), регулирующей каждый этап технологического процесса создания, описания, учета, использования, хранения цифрового контента вообще и электронных копий объектов историко-культурного наследия в частности. Решение этой части проблем видится в проведении полномасштабного анализа имеющейся регламентирующей документации, в результате которой должен быть сформирован план дальнейших действий в виде перечня необходимых документов, разработка которых позволит создать полноценную систему контроля за процессом создания качественного цифрового контента (на базе оцифровки объектов историко-культурного наследия) и последующего управления им.

Другая часть проблем выражается в отсутствии «политической» воли со стороны всех заинтересованных сторон — участников процессов оцифровки (российских библиотек, музеев, архивов) в вопросах синхронизации содержания, разработки и внедрения внутриотраслевых нормативно-методических актов²³, в обучении своих сотрудников и привлечении специалистов, имеющих опыт осуществления подобных проектов.

Немаловажную роль в преодолении этих проблем должны сыграть властные структуры. Их роль видится не только в выделении необходимого финансирования, но и в координации общих усилий, направленных на цифровизацию историко-культурного наследия, развитие общей нормативно-методической базы.

---

36 С/5 Утвержденный — Программа и бюджет 2012–2013 гг. (Approved programme and budget, 2012–2013. Feb. 2012. UNESCO document. № 215286 gc) [Электронный ресурс] // База данных ЮНЕСКО — UNESCODOC. URL: <http://unesdoc.unesco.org/ulis/cgi-bin/ulis.pl?catno=215286>; Текст на русском языке: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002152/215286r.pdf>. С. 211, 213 (дата обращения: 01.03.2013). [36 S/5 Utverzhdenyj — Programma i bjudzhet 2012–2013 gg. (Approved programme and budget, 2012–2013. Feb. 2012. UNESCO document. № 215286 gc) [Jelektronnyj resurs] // Baza dannyh JuNESKO — UNESCODOC URL: <http://unesdoc.unesco.org/ulis/cgi-bin/ulis.pl?catno=215286>; Tekst na russkom jazyke: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002152/215286r.pdf>. S. 211, 213. (data obrashhenija: 01.03.2013).]

Архивы Беларуси [Электронный ресурс] // URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 01.02.2013). [Arhivy Belarusi [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija k resursu: 01.02.2013).]

Выступление премьер-министра Российской Федерации Д. А. Медведева на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России, которое проходило в компании «Яндекс» 24.12.2012 г. [Электронный ресурс] : стенограмма заседания. URL: <http://www.i-russia.ru/all/weekthemes/16438/> (дата обращения: 23.03.2013). [Vystuplenie prem'er-ministra Rossijskoj Federacii

---

²³ Принятая в сентябре 2012 г. Ванкуверская декларация ЮНЕСКО по вопросам оцифровки и обеспечения долговременной сохранности прямо призывает всех специалистов к «созданию многостороннего форума для обсуждения стандартизации процессов оцифровки и практики обеспечения электронной сохранности (включая создание реестров электронных форматов)» [Vancouver Declaration].

D. A. Medvedeva na zasedanii prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po modernizacii jekonomiki i innovacionnomu razvitiju Rossii, kotoroe prohodilo v kompanii «Jandeks» 24.12.2012 g. [Jelektronnyj resurs]: Stenogramma zasedanija. URL: <http://www.i-russia.ru/all/weekthemes/16438/>. (data obrashhenija: 23.03.2013.)]

Инструкция по оцифровке изданий для библиотек сети СО РАН // Официальный сайт ГПНТБ СО РАН. URL: [spsl.nsc.ru>win/frnew/stn2/ins_osfr.htm](http://spsl.nsc.ru/win/frnew/stn2/ins_osfr.htm) (дата обращения: 01.02.2013) [Instrukcija po ocifrovke izdanij dlja bibliotek seti SO RAN. // Oficial'nyj sajt GPNTB SO RAN. URL: [spsl.nsc.ru>win/frnew/stn2/ins_osfr.htm](http://spsl.nsc.ru/win/frnew/stn2/ins_osfr.htm) (data obrashhenija: 01.02.2013).]

Инструкция по оцифровке периодических изданий Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова. 2009 // Официальный сайт Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова. URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Sohrannost_bibliotechnyh_fondov.pdf (дата обращения. 01.02.2013). [Instrukcija po ocifrovke periodicheskikh izdanij Kemerovskoj oblastnoj nauchnoj biblioteki im. V. D. Fedorova. 2009 // Oficial'nyj sajt Kemerovskoj oblastnoj nauchnoj biblioteki im. V. D. Fedorova. URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Sohrannost_bibliotechnyh_fondov.pdf (data obrashhenija. 01.02.2013).]

Кашеев А. А. Воздействие сканирующего оборудования на бумажные первоисточники: мифы и реальность : материалы проблемного семинара «Создание качественного цифрового документа — проблемы и решения» в рамках XIX Междунар. конф. «Крым 2012». «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса», 2—9 июня 2012, г. Судак, Автономная республика Крым. Судак, 2012. С. 23—25. [Kashheev A. A. Vozdejstvie skanirujushhego oborudovanija na bumazhnye pervoistochniki: mify i real'nost'. Materialy Problemnogo seminaru «Sozdanie kachestvennogo cifrovogo dokumenta — problemy i reshenija» v ramkah XIX Mezhdunarodnoj Konferencii «Krym 2012». «Biblioteki i informacionnye resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovanija i biznesa». 2—9 ijunja 2012, g. Sudak, Avtonomnaja respublika Krym. Sudak, 2012. s. 23—25.]

Методические рекомендации по организации работы и технологическому оснащению хранилищ электронных документов // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 05.05.2013). [Metodicheskie rekomendacii po organizacii raboty i tehnologicheskemu osnashheniju hranilishh jelektronnyh dokumentov // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 5.05.2013).]

Методические рекомендации по оцифровке библиотечных фондов областных государственных и муниципальных библиотек Свердловской области. Утверждены приказом министра культуры и туризма Свердловской области. 16.06.2011, № 176 // Официальный сайт Министерства культуры Свердловской области. URL: <http://www.mkso.ru/data/File/dosug/rekomendacii%20po%20ocifrovke%20fondov%20bibliotek.pdf> (дата обращения: 10.03.2013). [Metodicheskie rekomendacii po ocifrovke bibliotechnyh fondov obla-stnyh gosudarstvennyh i municipal'nyh bibliotek Sverdlovskoj oblasti. Utverzhdeny prikazom ministra kul'tury i turizma Sverdlovskoj oblasti. 16.06.2011, № 176 // Oficial'nyj sajt Ministerstva kul'tury Sverdlovskoj oblasti. URL: <http://www.mkso.ru/data/File/dosug/rekomendacii%20po%20ocifrovke%20fondov%20bibliotek.pdf> (data obrashhenija: 10.03.2013).]

Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, учета и хранения цифровых копий : утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 25.11.2008 № 38 // Официальный портал «Архивы Беларуси». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 01.02.2013). [Metodicheskie rekomendacii po podgotovke i peredache arhivnyh dokumentov dlja ocifrovivanija, ucheta i hranenija cifrovyh kopij : utverzhdeny prikazom direktora Departamenta po arhivam i deloproizvodstvu Ministerstva justicii Respubliki Belarus' ot 25.11.2008 № 38 // Oficial'nyj portal «Arhivy Belarusi». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 01.02.2013).]

Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий : утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 27.12.2007 // Официальный портал «Архивы Беларуси». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 01.02.2013). [Metodicheskie rekomendacii po unifikacii processa ocifrovuvaniya arhivnyh dokumentov i identifikacii ih cifrovyh kopij : utverzhdeny prikazom direktora Departamenta po arhivam i deloproizvodstvu Minister-stva justicii Respubliki Belarus' ot 27.12.2007 // Oficial'nyj portal «Arhivy Belarusi». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837>. (data obrashhenija: 01.02.2013).]

Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 05.05.2013). [Metodicheskie rekomendacii po jelektronnomu kopirovaniju arhivnyh dokumentov i upravleniju poluchennym informacionnym massivom // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Отчет о научно-исследовательской работе на тему: «Разработка методических рекомендаций по выбору сканирующего оборудования, способного удовлетворить потребности российских архивов» // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.ru/documents/recomendacii-vybor-scan-oborudovaniya-2011.shtml/> (дата обращения: 31.03.2013). [Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote na temu: «Razrabotka metodicheskikh rekomendacij po vyboru skanirujushhego oborudovaniya, sposobnogo udovletvorit' potrebnosti rossijskikh arhivov» // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.ru/documents/recomendacii-vybor-scan-oborudovaniya-2011.shtml/> (data obrashhenija: 31.03.2013).]

Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/events/calendar-of-events/events-websites/the-memory-of-the-world-in-the-digital-age-digitization-and-preservation> (дата обращения: 30.03.2013). [Oficial'nyj sajt JuNESKO. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/events/calendar-of-events/events-websites/the-memory-of-the-world-in-the-digital-age-digitization-and-preservation> (data obrashhenija: 30.03.2013).]

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. перераб. и доп. [Главное архивное управление при СМ СССР]. М., 1990 // Открытый текст : электрон. период. изд. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/pravila/>. (дата обращения: 31.03.2013). [Pravila izdanija istoricheskikh dokumentov v SSSR. 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. [Glavnoe arhivnoe upravlenie pri SM SSSR]. M., 1990 / Otkrytyj tekst : jelektron. period. izd. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/pravila/> (data obrashhenija: 31.03.2013).]

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утверждены приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.01.2007 № 19, зарегистрирован в Минюсте России 06.03.2007, регистрационный № 9059; с изменениями (утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16.02.2009 № 68, зарегистрирован в Минюсте России 05.05.2009, регистрационный № 13893)) // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://www.rusarchives.ru/lows/pohkuidaf.shtml> (дата обращения: 05.05.2013). [Pravila organizacii hranenija, kompletovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arhivnogo fonda Rossijskoj Federacii i drugih arhivnyh dokumentov v gosudarstvennyh i municipal'nyh arhivah, muzejah i bibliote-kah, organizacijah Rossijskoj akademii nauk (utverzhdeny prikazom Mini-sterstva kul'tury i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacij ot 18.01.2007 № 19, zaregistrirovan v Minjuste Rossii 06.03.2007, registracii-onyj № 9059; s izmenenijami (utverzhdeny prikazom Ministerstva

kul'tury Rossijskoj Federacij ot 16.02.2009 № 68, zaregistririvan v Minjuste Rossii 05.05.2009, registracionnyj № 13893)) // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.rusarchives.ru/lows/pohkuidaf.shtml> (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 10.09.2007 № 1273 «Об утверждении форм учетных и иных документов по организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской Академии наук» // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: http://www.rusarchives.ru/news/prikmmk1273_07.shtml (дата обращения: 05.05.2013). [Prikaz Ministerstva kul'tury i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii ot 10.09.2007 № 1273 «Ob utverzhenii form uchetyh i inyh dokumentov po organizacii hranenija, komplektovanija, ucheta i ispol'zovanija dokumentov Arhivnogo fonda Rossijskoj Federacii i drugih arhivnyh dokumentov v gosudarstvennyh i municipal'nyh arhivah, muzejah i bibliotekah, organizacijah Rossijskoj Akademii nauk». // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: http://www.rusarchives.ru/news/prikmmk1273_07.shtml (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Приказ первого заместителя директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 22.06.2007 № 31. // Официальный портал «Архивы Беларуси». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 01.02.2013). [Prikaz Pervogo zamestitelja direktora Departamenta po arhivam i deloproizvodstvu Ministerstva justicii Respubliki Belarus' ot 22.06.2007 № 31 // Oficial'nyj portal «Arhivy Belarusi». URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 01.02.2013).]

Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. Утверждена Приказом Росархива от 02.12.2011 № 104 // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml> (дата обращения: 05.05.2013). [Programma informatizacii Federal'nogo arhivnogo agentstva i podvedomstvennyh emu uchrezhdenij na 2011–2020 gg. Utverzhdena Prikazom Rosarhiva ot 02.12.2011 № 104 // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml>. (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Регламент изготовления цифровых копий фонда пользования с микроформ архивных документов // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 05.05.2013). [Reglament izgotovlenija cifrovych kopij fonda pol'zovanija s mikro-form arhivnyh dokumentov // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Рекомендации по созданию интернет-выставок архивных документов // Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 05.05.2013). [Rekomendacii po sozdaniju Internet-vystavok arhivnyh dokumentov // Oficial'nyj sajt Federal'nogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837>. (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Рекомендации по созданию интернет-каталогов архивных документов [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Федерального архивного агентства Российской Федерации. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (дата обращения: 05.05.2013). [Rekomendacii po sozdaniju Internet-katalogov arhivnyh dokumentov // Oficial'nyj sajt Federal'nogo arhivnogo agentstva Rossijskoj Federacii. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=133837> (data obrashhenija: 05.05.2013).]

Об архивном деле в Российской Федерации : федер. закон от 22.10.2004 г. №125–ФЗ (в ред. от 27.07.2010 г. № 227–ФЗ). [Ob arhivnom dele v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 22.10.2004 d. № 125–FZ (v red. ot 27.07.2010 g. № 227–FZ).]

Юмашева Ю. Ю. Электронные копии исторических источников: зарубежный и отечественный опыт // Урал. ист. вестн. 2012б. № 3 (36). С. 120–126. [Jumasheva Ju. Ju. Jelektronnye

kopii istoricheskikh istochnikov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt // Ural. ist. vestn. 2012b. № 3 (36). S. 120–126.]

Юмашева Ю. Ю. Электронные копии документов Архивного фонда РФ: источниковедческие проблемы // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8, История. 2012а. № 5. С. 151–177. [Jumasheva Ju.Ju. Jelektronnye kopii dokumentov Arhivnogo fonda RF: istochnikovedcheskie problemy // Vestn. MGU. Ser. 8, Istorija. 2012а. № 5. S. 151–177].

MregForm [Electronic resource] // Архивы России. URL: <http://www.rusarchives.ru/8765sdjhg5680954365s/MprArc/MprArc.rar/> (дата обращения: 30.03.2013). [MregForm [Electronic resource] // Arhivy Rossii. URL: <http://www.rusarchives.ru/8765sdjhg5680954365s/MprArc/MprArc.rar/> (data obrashhenija: 30.03.2013).]

Reuniyn del JTCG Noviembre 2012 [Electronic resource] // Records, Information and Document Management. URL: http://www.carlotabustelo.com/index.php?option=com_content&view=section&layout=blog&id=8&Itemid=56&lang=es. ISO 15489 en revisiyn. Martes, 10 de Julio de 2012 13:21. (дата обращения: 15.12.2012).

Vancouver Declaration. The Memory of the World in the Digital Age: Digitization and Preservation. 26 to 28 September 2012. Vancouver, British Columbia, Canada [Electronic resource] // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/unesco_ubc_vancouver_declaration_en.pdf (дата обращения: 30.03.2013).

Статья поступила в редакцию 22.04. 2013 г.

УДК 929.513.17 + 94(37)“-31/284”

О. В. Любимова

БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СЕМЬЯ ТРИУМВИРА КРАССА

Рассматриваются брачные союзы Марка Красса и его сыновей в контексте политики отца семейства. Вопреки мнению ряда исследователей, браки сыновей Красса не свидетельствуют о консервативной политике триумвира. Брак Марка Красса-младшего с Метеллой скрепил союз его отца с Метеллом Критским для борьбы с их общим врагом Помпеем. Метелл Сципиондо 52 г. неизменно враждовал с Катонем и его окружением — наиболее консервативными кругами. Женитьба Публия Красса на его дочери обеспечила триумвиру дружественный нейтралитет знатного и влиятельного политика. Слухи о супружеской неверности Тертуллы, жены Красса, наиболее широко распространялись в 59 г. противниками триумвирата с целью вбить клин между Крассом и Цезарем, но вряд ли пользовались большим доверием в обществе.

Ключевые слова: триумвир Марк Красс; первый триумвират; оптиматы; Метелл Критский; Метелл Сципион; брачные союзы.

Для римской знати семья нередко служила инструментом политики: заключая брак, можно было укрепить уже существующий союз между кланами, создать новый или же прочнее привязать к себе недостаточно надежного союзника. Сходные соображения принимались во внимание при разводах: в конце

существования республики многие выдающиеся нобили нередко расторгали помолвки и браки (как собственные, так и своих детей), если вследствие изменения политических обстоятельств прежний семейный союз становился опасным или просто невыгодным. Поэтому анализ семейных связей порой позволяет по-новому взглянуть на деятельность того или иного политика.

Применить данный подход к семье триумвира Марка Лициния Красса не просто, так как происхождение его супруги определить невозможно и вряд ли это может послужить ключом к его политическим связям. Тем не менее редкие сохранившиеся упоминания об этой женщине в источниках все же дают некоторые дополнительные сведения о взаимоотношениях Красса с его союзниками и противниками в контексте политической борьбы того времени.

Нам известны также имена невесток Красса, и еще Р. Сайм отметил, что, интерпретируя политику триумвира, весьма важно учитывать эти сведения [Syme, 1944, p. 96–97; ср.: Idem, 1986, p. 271]. Современные исследователи, затрагивавшие данный вопрос, как правило, приходили к одному из двух выводов. Либо, вслед за Р. Саймом, они расценивали эти союзы как свидетельство прочных связей Красса с консервативными политическими кругами [см., например: Syme, 1944, p. 97; Parrish, 1973, p. 359–360; Marshall, p. 71–72; Ward, 1977, p. 284], либо же отрицали, что Красс вообще получил от данных браков какую-либо политическую выгоду [Gruen, 1995, p. 71]. Представляется, что обе точки зрения нуждаются в определенной корректировке.

Рассмотрим сначала те скудные сведения, которые сохранились о жене Красса. Плутарх сообщает, что триумвир женился на вдове своего старшего, рано умершего брата [Plut. *Crass.* 1]; Светоний называет ее Тертуллой [Suet. *Iul.* 50. 1]. Это имя – уменьшительный вариант прозвища Терция («третья»), которым обычно называли третью дочь в семье¹. Следовательно, Тертулла имела двух старших сестер. Однако ни один источник не называет ее родового имени, и она могла принадлежать как к нобилитету (подобно двум своим невесткам, Цецилии Метелле и Корнелии), так и к малоизвестному италийскому роду (подобно своей свекрови Венулее).

Как показал П. Гребе, первого мужа Тертуллы звали Публий, он был старшим из трех братьев Крассов и умер, вероятно, в конце 90-х или начале 80-х гг. (не позднее 87 г.)² [Drumann, Groebe, S. 603–610]. А. Уорд предполагает, что Марк Красс женился на вдове брата, чтобы сохранить в семье приданое Тертуллы [Ward, 1977, p. 48]. Исследователь считает семью Красса небогатой; однако это вызывает сомнения [Любимова, с. 97–99]. На наш взгляд, выбор Красса можно объяснить теми же родственными чувствами, которые побуждали его старших братьев и позднее его сыновей оставаться вместе со своими супругами в родительском доме [Plut. *Crass.* 1; Cic. *Fam.* V. 8. 2].

¹ Ср. с Юнией, женой Гая Кассия (убийцы Цезаря), которую называли и Терция [Cic. *Ad Brut.* II. 3. 3], и Тертулла [Cic. *Att.* XIV. 20, 2]. О значении имени Терция см.: [Chase, p. 170; Федорова, с. 88].

² Все даты в статье – до нашей эры.

Согласно Плутарху, Красс прожил с Тертуллой всю жизнь и «с этой стороны не уступал в добронравии никому из римлян» (не считая предъявленного ему в 73 г. обвинения в связи с весталкой, от которого он, однако, оправдался) [Plut. *Crass.* 1; Плутарх, с. 237]. Можно отметить, что Красс в этом смысле даже превосходил многих из своих сограждан. Для римских политиков этого времени единственный брак на протяжении всей жизни — не слишком типичное явление: так, Помпей был женат пять раз, Цезарь — три раза, Лукулл, Цицерон, Катон, Гортензий, Бибул — дважды, причем все названные (кроме, возможно, двоих последних) хотя бы раз разводились.

Такое постоянство Красса тем более примечательно, что Тертулла не осталась вне подозрений, и источники передают два слуха о ее супружеской неверности: Светоний [Suet. *Iul.* 50. 1] называет ее среди множества любовниц Цезаря, а Плутарх [Plut. *Cic.* 25] упоминает об остроте Цицерона насчет одного из сыновей Красса, сходство которого с неким Аксием также навлекло на его мать подозрение в супружеской измене. Личность Аксия не вполне ясна³, в любом случае он не имел особого политического влияния; однако Цезарь долгое время был союзником Красса, поэтому вопрос о супружеской верности жены Красса представляет определенный интерес.

Некоторые авторы уже высказали сомнения в достоверности рассказа Светония о Тертулле [см.: Ward, 1977, p. 292; Tatum, p. 110; Paterson, p. 137]. Разумеется, окончательно подтвердить или опровергнуть подобные слухи невозможно; однако стоит рассмотреть их возможный источник и контекст.

Обвинение в сексуальной распущенности было стандартным приемом очернения политических противников [Richlin, p. 81—104; Craig, p. 189—192; Langlands, p. 281—318]. Светоний не указывает, из какого источника он почерпнул свои сведения о Тертулле, однако в том разделе биографии Цезаря, который посвящен его любовным похождениям [Suet. *Iul.* 49—52], он многократно ссылается на инвективы врагов Цезаря: Долабеллы, Курионов, Бибула, Цицерона, Гая Меммия, Лициния Кальва, Марка Брута, Актория Назона; значительная часть этих памфлетов, по-видимому, была написана в 59 г., в период наивысшего накала пропагандистской войны оптиматов с триумвирами [ср.: *Cic. Att.* II. 20. 4. 6; 21. 3—4]. В данном случае обвинение Тертуллы в связи с Цезарем достигало бы тройной цели: во-первых, очерняло Цезаря как безнравственного человека; во-вторых, выставляло на посмешище Красса как обманутого мужа; в-третьих, вбивало клин между двумя влиятельными политиками, союз которых представлялся оптиматам весьма опасным по меньшей мере с 66 г. [Suet. *Iul.* 9, так называемый «первый заговор Катилины»]. Рассказ Светония о Муции [Ibid., 50. 1] подтверждает, что противники Цезаря действительно использовали подобную стратегию, чтобы посорить с ним Помпея: «и Курионы, отец и сын, и многие другие попрекали Помпея за то, что из жажды власти он женился на

---

³ Э. Клебс и А. Уорд предполагают, что это может быть сенатор Квинт Аксий, друг Цицерона и один из участников диалога Варрона «О сельском хозяйстве» [Klebs, Sp. 2634; Ward, 1977, p. 292]. Однако в это время существовали и другие Аксии, например всадник Луций Аксий из Реаты [Var. *RR.* III. 7. 10] и монетарий 71 г. Луций Аксий Назон [Crawford, p. 411, №. 400; см.: Wiseman, p. 216].

дочери человека, из-за которого прогнал жену, родившую ему троих детей, и которого не раз со стоном называл своим Эгистом» [Светоний Транквилл, с. 21; ср.: Haley, p. 50—53]⁴. Не случайно в одном ряду с Тертуллой и Муцией Светоний называет Лоллию, жену Авла Габиния, и Постумию, жену Сервия Сульпиция Руфа, которые тоже выступали как союзники Цезаря. Очень возможно, что этот перечень любовниц Светоний заимствовал целиком из какого-то памфлета времен первого консульства Цезаря: список обманутых мужей в этом предложении Светония полностью совпадает с предположительным списком кандидатов в консулы от триумvirата, как он представлялся в апреле 59 г., когда Цицерон спрашивал Аттика: «Кого прочат в консулы — Помпея и Красса, как говорят в народе, или, как мне пишут, Сервия Сульпиция с Габинием?» [Cic. Att. II 5, 2; Цицерон, 1949, с. 109]. Примечательно, что Сервилия, роман которой с Цезарем надежно засвидетельствован многими источниками [Plut. Cat. Min. 24; Brut. 5; App. BC. II. 112.], стоит особняком, вне данного списка, и о ней Светоний сообщает куда больше подробностей [Suet. Jul. 50].

Стоит также обратить внимание на поведение самого Красса. Цицерон, на собственном опыте узнавший, что значит иметь Красса своим врагом [см., например: Cic. Att. III. 23. 5; Fam. I. 9. 20; XIV. 2. 2; Sest. 39; Har. Rep. 47; Sall. Cat. 48. 9; Plut. Crass. 13; Cic. 30, 33.], характеризует его так [Cic. Tusc. V 116]: «Erat surdaster M. Crassus, sed aliud molestius, quod male audiebat, etiamsi, ut mihi videbatur, iniuria»⁶. Сплетни о Цезаре и Тертулле, пересказанные Светонием, наверняка были широко известны, и Красс не мог о них не слышать. Если он (по мнению Цицерона, столь чувствительный к злословию) не предпринял по этому поводу никаких мер и не развелся с Тертуллой, следовательно, он не верил этим слухам.

Точно так же Красс, по-видимому, не придавал значения сходству своего сына с Аксием. Валерий Максим и Плиний Старший приводят длинные перечни подобных случаев (Val. Max. IX. 14; Plin. NH. VII. 10. 53—55); римляне, по-видимому, охотно подмечали их как некую игру природы. Сходство могло послужить поводом для насмешек и породить прозвище, однако совпадения считались случайными и никто не пытался всерьез объяснить похожую внешность кровным родством⁷. О сходстве Красса-младшего и Аксиа не упоминают ни Валерий Максим, ни Плиний⁸, и нам стало известно о нем лишь благодаря язвительности Цицерона и его вражде с Крассом. В этом же самом месте Плутарх

⁴ Здесь поставлены под сомнения сообщения источников о супружеской неверности Муции, а развод Помпея с ней объясняется политическими соображениями.

⁵ Согласно Диону Кассию [Dio XXXIX 10. 2], Цицерон считал Красса одним из главных виновников своего изгнания.

⁶ «Глуховат был Марк Красс, но другое хуже: он слышал о себе дурное, даже если это бывало, как мне казалось, несправедливо» (пер. автора статьи. — *Ред.*).

⁷ Исключение составляет лишь случай проконсула Суры и похожего на него сицилийца [Val. Max. IX. 14. 3], однако, судя по их разговору, их сходство действительно было случайным. Кроме того, Макробий рассказывает точно такую же историю об императоре Августе и каком-то провинциале [Macrobi. Sat. II. 4, 19], и вполне возможно, что в основе обоих эпизодов лежит удачно придуманный анекдот.

⁸ Возможно, оно было не столь уж разительным.

перечисляет еще несколько ядовитых выпадов оратора, который явно не упустил случая уколоть триумвира, однако в данном случае колкость вряд ли достигла своей цели.

Есть основания считать, что не только Красс, но и более широкие круги в Риме не верили слухам о супружеских изменах Тертуллы. В речи «За Целия» Цицерон пытается оградить своего подзащитного от обвинений в распутном поведении и говорит следующее: «Все видели Марка Целия в расцвете его молодости только с его отцом или со мной, или в высоконравственном доме Марка Красса (*in M. Crassi castissima domo*), когда он обучался наукам, приносящим наивысший почет» [Cic. *Cael.* 9; Цицерон, 1962, с. 157]. Бесспорно, Цицерон был заинтересован в том, чтобы представить окружение юного Целия в самом выгодном свете. Однако если бы на деле Тертулла, супруга Красса, имела дурную репутацию, то утверждение Цицерона о доме Красса было бы смехотворно и лишь повредило бы его подзащитному. В таком случае защитнику следовало бы просто обойти молчанием пребывание Целия в этом доме. Но близость Целия к семье Красса упомянута именно как подтверждение его нравственности; следовательно, супружеская верность Тертуллы на самом деле не вызывала у аудитории Цицерона серьезных сомнений, вероятно, даже у тех, кто распускал слухи о ее неверности ради достижения собственных политических целей. Поэтому представляется, что к этим слухам следует относиться по меньшей мере с осторожностью.

Тертулла родила Крассу двух сыновей — Марка и Публия⁹. Имя супруги Марка Красса-младшего известно только из надписи на ее знаменитой гробнице на Аппиевой дороге: *Caeciliae / Quinti Cretici filiae / Metellae Crassi* [Dessau, №. 881]. Ее отцом был Квинт Цецилий Метелл, консул 69 г., который в 68—66 гг. успешно вел войну против пиратов на Крите, а позднее отпраздновал триумф за свои победы и принял почетное прозвище Критский [см.: Broughton, p. 139; 145; 154; 176]. Дата свадьбы Марка и Цецилии неизвестна, но ее можно определить приблизительно. Марк родился в 85 г.¹⁰, а его сын стал консулом 30 г.¹¹ Дион Кассий сообщает, что Октавиан сделал последнего своим коллегой по консульству, несмотря на то, что он поддерживал Секста Помпея, затем Марка Антония и пока не занимал претуры [Dio LI. 4. 3]. По-видимому, Марк Красс-внук перешел на сторону Октавиана незадолго до Акция, и тому было важно удержать рядом столь знатного, влиятельного и, вероятно, богатого¹²

⁹ Вопрос о датах их рождения вызвал некоторые разногласия: [ср.: Münzer, 1926, Sp. 291; Sumner, 1973, p. 149–150; Ward, 1977, p. 55–56; Syme, 1980, p. 403–408].

¹⁰ Он был квестором 54 г. [Caes. *BG.* V. 24; 46; VI. 6] и, учитывая политическое могущество его отца, наверняка занимал эту должность в свой год, т. е. на момент квесторских выборов ему должно было исполниться 30 лет [Sumner, 1973, p. 7].

¹¹ В Триумфальных фастах консул 30 г. назван сыном Марка и внуком Марка [Degrassi, p. 54–55; 129; 480–481].

¹² Источники не называют Красса проскрибированным; вероятно, он бежал на Сицилию из страха. Согласно условиям Мизенского мира, этой категории изгнанников недвижимое имущество было возвращено полностью [App. *BC.* V. 72], хотя за годы отсутствия хозяина в Италии оно должно было пострадать.

союзника. Поэтому будущий август ускорил карьеру Красса, и Р. Сайм вполне обоснованно сопоставляет ее с карьерой Мессалы Корвина, который сперва сражался на стороне Брута и Кассия, затем примкнул к Антонию, затем перешел к Октавиану и в 31 г. стал консулом в возрасте 33 лет [Syme, 1960, p. 16; 1980, p. 408]. Вероятнее всего Метелл Критский, вернувшись с Востока в конце 66 г. или 65 г., вскоре выдал свою дочь замуж за Марка Красса-младшего, а их сын родился около 64–61 гг. до н. э. Что же побудило Красса и Метелла заключить этот союз?

Квинт Метелл впервые появляется на политической арене в 75 г.: он добивался претуры, и плебс, измученный нехваткой продовольствия, напал на сопровождавших его консулов [Sall. *Hist.* II 45]¹³; впрочем, из сообщения Саллюстия видно, что объектами народного гнева были консулы, а не сам Метелл [ср.: *Ibid.* II 47, речь Котты]. В 70 г. Квинт Цецилий выиграл консульские выборы; в источниках нет сведений о том, кто из консулов этого года руководил избирательными комициями: Помпей или Красс¹⁴, в любом случае победе Метелла, по-видимому, куда больше способствовала финансовая поддержка его родственника Верреса, чем помощь председательствующего магистрата [Cic. *Verr.* I. 26–29]¹⁵. В консульство Метелла и Гортензия не произошло никаких важных событий во внутривластной жизни Рима. Таким образом, продвигаясь по карьерной лестнице, Метелл поддерживал хорошие отношения с ведущими оптиматами — Октавием, Коттой, Гортенziem¹⁶, однако сам, по-видимому, воздерживался от участия в спорах о судьбе сулланской конституции и иных острых политических конфликтах. Единственное громкое дело, в котором он фигурирует, — это суд над Верресом. Поддержка, которую Метелл ему оказал, объясняется его личными обязательствами перед бывшим наместником Сицилии [см.: Gruen, 1971, p. 9; 12; Twyman, p. 863; 874].

После консульства Метелл получил командование против критских пиратов и в 67 г. вступил в серьезный конфликт с Помпеем по поводу полномочий¹⁷.

¹³ *Qua re fatigata plebes forte consules ambo, Q. Metellum, cui postea Cretico cognomentum fuit, candidatum praetorium sacra via de[ducent]tis, cum magno tumultu invadit.*

¹⁴ Помпей, по-видимому, был старшим консулом в 70 г., так как в консульских списках его имя названо первым [Chronographus anni 354, p. 55; Chronicon Paschale, p. 349], и обладал фасциями в июле, когда проводились консульские выборы на 69 г. [Cic. *Verr.* I. 18–25; 30]: к моменту произнесения этой речи 5 августа все должностные лица уже были избраны). Однако ни старшинство избрания, ни наличие фасций не может служить надежным свидетельством о том, кто из консулов проводил выборы на следующий год; это, вероятно, решал жребий [Taylor, Broughton, p. 171].

¹⁵ О родстве Верреса с братьями Метеллами см.: [Cic. *Verr.* II. 2. 64; 138–139; 3. 153].

¹⁶ Последний тоже был обязан своим избранием Верресу и защищал его в суде [см.: Cic. *Verr.* I 18–21; 26; 37; 53; II. 3. 222]. Кроме того, Гортензий уступил Метеллу свою провинцию [Dio XXXVI. 1]; впрочем, согласно Диону Кассию, знаменитый оратор сам был заинтересован в том, чтобы не покидать Рим.

¹⁷ Э. Грюэн полагает, что вражда между Метеллом и Помпеем существовала уже в 69 г., если не ранее; однако источники, на которые он ссылается, относятся к 67 г. и позднее [Gruen, 1995, p. 128–129]. А. Уорд считает, что этот конфликт восходит к обвинению Верреса, за которым, по его мнению, стоял Помпей [см.: Ward, 1970, p. 58–71; 1977, p. 225]. Однако Э. Грюэн не разделяет этой гипотезы: по его мнению, Помпей не имел отношения к делу Верреса и не ссорился из-за него с кланом Метеллов [Gruen, 1971, p. 9–12]. В таком случае остается неясным, в чем он усматривает причины и проявления вражды Помпея с будущим Метеллом Критским до 67 г.

Согласно закону Габиния, Помпей получил империй на всем побережье Средиземного моря, на 400 стадиев вглубь суши. Таким образом, в его сфере ответственности оказался остров Крит, где Метелл уже год довольно успешно вел войну с пиратами. Морские разбойники решили воспользоваться этим и покориться Помпею, который мягче обходился с пленными; однако Метелл не пожелал дать им такой возможности. Помпей направил на Крит своего легата Октавия и потребовал от критского проконсула прекратить войну и уступить ему командование; Метелл отказался, полагая, что его лишают военной славы. Оба полководца обратились с письменными жалобами друг на друга в сенат, и дошло даже до того, что легат Помпея сражался на одной стороне с пиратами. В итоге Метелл все-таки сам захватил вражеские крепости и наказал пленных, как и намеревался, однако двух вождей, которых он планировал провести в триумфе, пришлось отдать Помпею [Liv. *Per.* 99; Vell. II. 34. 1–2; 40. 5; Plut. *Pomp.* 29; Flor. I. 42. 4–6; Dio XXXVI. 17a–19]. Впрочем, триумфа Метелл вынужден был ждать до мая 62 г. [Degrassi, p. 84–85], так как политические противники (по всей вероятности, помпеянцы) ему препятствовали [Sall. *Cat.* 30. 4]¹⁸.

С другой стороны, известно, что отношения Красса с Помпеем уже много лет были напряженными: Плутарх датирует начало их соперничества гражданской войной Суллы [Plut. *Crass.* 7. 1]; серьезный повод для обиды возник, когда Помпей объявил себя истинным победителем Спартака [Plut. *Pomp.* 21. 2; *Crass.* 11. 7]; крупный и продолжительный конфликт омрачил их совместное консульство [Suet. *Iul.* 19. 2; Plut. *Pomp.* 23. 1; *Crass.* 12. 2–3; App. *BC.* I. 121]. Необычайное усиление Помпея в 67 и 66 гг., когда он получил обширную военную власть на Востоке, должно было обеспокоить Красса. Саллюстий сообщает, что в 60-х гг. Красс завидовал своему сопернику и желал что-то противопоставить его могуществу [Sall. *Cat.* 17. 7]. Когда Помпей в конце 62 г. возвращался с Востока во главе армии, Красс был настолько этим обеспокоен, что даже покинул Рим и вывез оттуда семью, хотя Плутарх допускает, что таким образом он просто нагнетал обстановку и усиливал всеобщие опасения в отношении Помпея [Plut. *Pomp.* 43. 1].

Таким образом, в 65 г. у Красса и Метелла Критского был общий и очень могущественный противник, а следовательно, почва для взаимопонимания и договоренностей. Каждый из них был заинтересован в помощи другого в ожидаемом противостоянии с Помпеем; вероятно, брак Марка и Цецилии скрепил их союз [см.: Parrish, 1973, p. 359]. Для Красса это было тем более важно, что его отношения с двумя лидерами оптиматов, которые могли бы составить противовес Помпею, тоже были омрачены¹⁹. И действительно, после возвращения Помпея и Красса, и Метелл Критский в сенате активно противодействовали утверждению его восточных распоряжений²⁰. Именно неспособность добиться своих це-

¹⁸ Поскольку осенью 63 г. Метелл Критский все еще обладал империем и находился под Римом в ожидании триумфа, сенат поручил ему подавление восстания рабов в Апулии [см.: Stewart, p. 70–71].

¹⁹ О ссоре Красса с Метеллом Пием см.: [Plut. *Crass.* 6. 2]; о его конфликте с Катюлом: [Plut. *Crass.* 13. 1; Dio XXXVII. 9. 3].

²⁰ О Метелле Критском см.: [Vell. II. 40. 5; Flor. II. 13. 9]; о Крассе см.: [Plut. *Luc.* 42. 5; App. *BC.* II. 9; Dio XXXVII. 54. 5].

лей самостоятельно и вынудила Помпея в 60 г. вступить в союз с Крассом и Цезарем; следует отметить отсутствие в источниках сведений о том, что Метелл Критский впоследствии оказывал противодействие триумвирату [Münzer, 1897a, Sp. 1211–1212]. Конечно, можно предположить, что противникам Помпея в сенате хватило бы влияния заблокировать его восточные распоряжения и в том случае, если бы Красса и Метелла Критского не связывало свойство, однако в 65 г. едва ли возможно было рассчитать это заранее, и представляется, что выбор невесты для Марка был вполне продуманным ходом со стороны его отца.

Можно предположить сотрудничество Красса с Метеллом и в другой области. Как показала Л. Р. Тэйлор, около 60 г. Марк Красс-младший стал понтификом [Taylor, 1942, p. 393–394, 399]. Некоторые авторы объясняют его избрание влиянием Цезаря, союзника Красса, возглавлявшего коллегию [Ibid., p. 399; см. также: Ward, 1977, p. 204, not. 38 (который, впрочем, полагает, что понтификом стал сам триумvir)]²¹. Однако Э. Пэрриш справедливо указывает, что поддержки одного-единственного понтифика, пусть даже верховного, было бы недостаточно для получения жреческого сана, и Метелл Критский тоже должен был содействовать карьере своего зятя²².

Цецилия Метелла, вероятно, надолго пережила Марка, последние сведения о котором относятся к 49 г. [App. BC. II. 41]²³: на фризе ее великолепной гробницы изображен пленный варвар, трофей и другая победная символика, что скорее всего указывает на успешные действия ее сына во Фракии и отпразднованный им триумф. Таким образом, гробница была построена после 28 г. [см.: Holloway, p. 171–172]. Однако больше никаких сведений о ее жизни нет.

О Корнелии, второй невестке Красса, в источниках гораздо больше информации; правда, в основном она касается ее второго брака — с Помпеем [Plut. Pomp. 55. 1]. Корнелия была дочерью Квинта Метелла Сципиона, обладателя самой знатной в Риме родословной [см.: Münzer, 1999, p. 284; Syme, 1939, p. 40; 1986, p. 26]. Он родился в семье Корнелиев Сципионов, его матерью была Лициния, дочь Красса Оратора, а приемным отцом — верховный понтифик Метелл Пий [Cic. Brut. 211–213; Dio XL. 51, 3]²⁴. Ввиду столь высокородного происхождения Метелла Сципиона, а также его позиции в гражданской войне, где он выступил на стороне своего тогдашнего зятя Помпея, а после его гибели оставался одним из непримиримых лидеров сопротивления Цезарю, исследователи нередко полагают, что он всегда был убежденным оптиматом. Соответственно брак Публия Красса с дочерью этого человека расценивается как союз Красса-триумвира с консервативными оптиматскими кругами²⁵. Представляется, что данная трактовка требует уточнения.

²¹ Ср.: [Caes. BC. I. 22] об аналогичном покровительстве, которое Цезарь оказал Лентулу Спинтеру.

²² См. о влиянии, которое жреческие коллегии продолжали оказывать на избрание своих членов даже после принятия в 63 г. закона Лабиена, отменившего кооптацию [Parrish, 1977, p. 623–632].

²³ В начале гражданской войны Цезарь назначил его наместником Цизальпийской Галлии.

²⁴ Генеалогическое древо см.: [Münzer, 1897b, Sp. 1225–1226].

²⁵ Такие же рассуждения можно встретить относительно женитьбы Помпея на Корнелии [см.: Gelzer, p. 152; Miltner, Sp. 2162; Tatum, p. 130].

Можно достаточно уверенно предполагать наличие связи Метелла Сципиона с одной из аристократических группировок, а именно с Метеллом Критским и его братьями. В юности Сципион (тогда еще не усыновленный)²⁶ оказал поддержку Росцию Америкскому, действуя совместно с Марком Метеллом, будущим претором 69 г. [Cic. *Rosc. Am.* 77]. Росций имел давние связи с семьей Сципионов [Ibid., *Am.* 15]; однако в 70 г. Сципион взялся защищать Верреса вопреки интересам собственных клиентов на Сицилии [Cic. *Verr.* II. 4. 79–81]. Причины этого поступка неясны; ни родственных, ни политических связей между Сципионом и его подзащитным обнаружить не удастся, зато такие связи имеются между Верресом и другими его покровителями — Квинтом Метеллом (консулом 69 г., будущим Критским) и его братьями (см. выше). Не исключено, что Веррес просто купил поддержку Сципиона, но, возможно, последнего в это дело вовлекли Метеллы²⁷. Это позволяет предположить, что и в окружении Красса он оказался тем же путем.

В интервале между этими двумя процессами у Сципиона произошел серьезный конфликт с Катонем из-за невесты. Плутарх сообщает, что Сципион разорвал помолвку с Лепидой, и Катон уже собирался на ней жениться, когда Сципион вдруг передумал и взял невесту назад. Отвергнутый жених был так разгневан, что собирался подать на своего обидчика в суд, однако друзья отговорили его и он ограничился лишь сочинением оскорбительных стихов [Plut. *Cat. Min.* 7]. Сципион, в свою очередь ответил на это инвективой [Ibid. 57. 2]. Эта вражда продлилась всю жизнь, и лишь в 46 г. Катон сделал шаг навстречу Метеллу Сципиону, так как им предстояло совместно бороться с общим могущественным врагом — Цезарем [Ibid.]; однако даже тогда ссоры и конфликты между ними не прекращались [Ibid., 58]. Замужество Лепиды, вероятно, датируется 75–73 гг., так как сразу после него Плутарх переходит к рассказу о службе Катона в войне против Спартака [Ibid., 8]; обоим соперникам было тогда по двадцать с небольшим лет. Следовательно, дочь Метелла Сципиона должна была родиться не ранее 74 г. Ее брак с Публием Крассом обычно датируют 55-м г., когда тот вернулся из Галлии [Münzer, 1999, p. 291; 1926, Sp. 292–293; Sume, 1980, p. 408; Ward, 1977, p. 284], однако не исключено, что они поженились в 59 г., когда Публию было 22–23 года, а Корнелии могло быть около пятнадцати²⁸.

Кто был отцом Лепиды, в источниках не сообщается; Ф. Мюнцер считает ее дочерью Мамерка Лепида Ливиана, консула 77 г. В его реконструкции Лепида приходится Катону кузиной (т. к. Лепид Ливиан был родным братом Ливии, матери Катона); после смерти ее отца и брата ближайшим ее родственником по мужской линии остался Катон, в связи с чем он и решил на ней жениться, когда

²⁶ Это происходило в конце 81 или начале 80 г., когда Сципиону, вероятно, было всего 14–15 лет [см.: Sumner, 1973, p. 112–113].

²⁷ Можно отметить, что Метелл Критский и его братья приходились Сципиону двоюродными дядьями [Cic. *Dom.* 123]; впрочем, вряд ли стоит преувеличивать важность этого фактора, так как Сципион состоял в том или ином родстве с очень многими влиятельными римскими семьями.

²⁸ Таково первоначально было мнение Р. Сайма [Sume, 1939, p. 36, not. 3].

предыдущий жених расторг помолвку [Münzer, 1999, p. 289]²⁹. Смерть Мамерка в источниках прямо не упоминается, и Мюнцер лишь предполагает ее, так как не находит о нем никаких сведений после консульства [Ibid., p. 288–289]³⁰. Г. Самнер, однако, убедительно показал, что Мамерк дожил по меньшей мере до 65 г., когда упоминается у Аскония как свидетель против Гая Корнелия [Sumner, 1964, p. 41–48]; таким образом, пропадает важнейшее обоснование теории Мюнцера. Следовательно, Лепида вполне могла быть дочерью как Мамерка, так и Марка Лепида, консула 78 г., или Мания Лепида, консула 65 г. И если Мамерк Лепид, как показал Самнер, действительно был важной фигурой в среде оптиматов, то Маний Лепид, напротив, занимал умеренную, центристскую позицию [Ibid., p. 41–48], а Марк Лепид даже выступил против сулланского режима с оружием в руках [Циркин, с. 225–241]³¹.

В 63 г. умер верховный понтифик Квинт Метелл Пий; в завещании он усыновил Сципиона [Dio XL. 51. 3]. Метелл Пий был одним из лидеров оптиматов (и, как выше говорилось, в прошлом у него произошел конфликт с Крассом). Однако, выбирая наследника, он мог руководствоваться просто родственными соображениями: бабкой Сципиона была Цецилия Метелла [Cic. *Dom.* 123; *Brut.* 212]. Во всяком случае, к этому времени усыновленный практически никак еще не успел проявить себя в политике³².

В этом же году Метелл Сципион впервые появляется в источниках в обществе Красса. Согласно Плутарху [Plut. *Cic.* 15], в октябре 63 г. поздно вечером Красс получил анонимные письма, адресованные ему самому и другим сенаторам. Послание, предназначенное Крассу, предупреждало о заговоре Катилины. Он не стал вскрывать остальные письма и этой же ночью передал все документы Цицерону; вместе с Крассом домой к консулу явились Марк Марцелл и Метелл Сципион. Не вполне ясно, в чем состояла их роль, так как письма получил только Красс³³; представляется довольно правдоподобным предположение Дж. Линдерски о том, что они должны были засвидетельствовать факт передачи писем консулу [Linderski, p. 148, not. 14]. Отсюда исследователь делает вывод, что Метелл Сципион и Марцелл были городскими квесторами, но это уже вызывает сомнения³⁴. Метелл Сципион был консулом 52 г., следовательно, он должен был

²⁹ Впрочем, старшим из ее родственников-мужчин был все-таки Цепион, сводный брат Катона, однако он к тому времени скорее всего уже был женат [Geiger, p. 155].

³⁰ О том, что сын консула 77 г. умер раньше отца, см.: [Cic. *Att.* XII. 24. 2].

³¹ Превратности судьбы консула 78 г. могут хорошо объяснять внезапный разрыв помолвки его дочери; а молодого Катона они вряд ли отпугнули бы, так как к Лепиду примкнул и Марк Брут, муж его сестры [Plut. *Pomp.* 16. 2–5; *Brut.* 4, 1–2]. После того, как мятеж был подавлен и обстановка нормализовалась, Сципион мог вернуться к прежним планам. С другой стороны, в 52 г. дом сына Марка Лепида был осажден отрядами Сципиона [Ascon. 43; *Scholía Bobiensia*, p. 111]. Впрочем, к этому времени Лепида могла умереть или получить развод.

³² Об этом усыновлении подробнее см.: [Linderski, p. 148–154].

³³ А. Уорд предполагает, что Марцелл и Сципион могли быть в числе адресатов писем, доставленных Крассу [Ward, 1977, p. 181]; но тогда непонятно, почему они сами не вскрыли свои письма; в любом случае остается вопрос, почему именно их Красс решил побеспокоить поздно вечером.

³⁴ Дж. Линдерски ссылается на то, что в обязанности городских квесторов входил надзор за государственными документами, передаваемыми в казну, однако вряд ли так можно охарактеризовать анонимные письма с предупреждением о заговоре, адресованные частному лицу, которые к тому же передавались не в казну, а консулу.

родиться не позднее 95 г.; в этом случае он имел право занимать квестуру в 64 г. Конечно, он мог отложить соискание на год, но, учитывая его блестящее происхождение, не совсем ясно, что могло побудить его к этому³⁵. Согласно Плутарху, письма были доставлены Крассу после обеда. Возможно, Метелл Сципион и Марцелл просто были приглашены на этот обед и оказались свидетелями получения писем. Хозяин же предложил гостям вместе отправиться к Цицерону, чтобы они убедились, что все документы надлежащим образом переданы консулу³⁶. Если в октябре 63 г. Метелл Сципион действительно был гостем Красса, то, возможно, брак их детей уже обсуждался.

В июне 60 г. Цицерон сообщает, что Марк Фавоний проиграл Метеллу Сципиону выборы и предъявил ему обвинение в подкупе избирателей, хотя и не смог добиться осуждения [Cic. Att. II. 1. 9]. Судя по дате, это были выборы не на 59 г.; вероятно, вследствие смерти магистрата освободилась какая-то должность в 60 г. Вопрос о том, была ли это квестура, трибунат или эдилитет, вызвал у исследователей обширную дискуссию [см.: Konrad, p. 123–141 (со ссылками на другие работы)]³⁷. Рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи; однако можно указать, что здесь Метелл Сципион вновь вступает в конфликт с окружением Катона, так как Фавоний был близким другом последнего [Plut. Cat. Min. 32. 6; 46].

О последующих шести годах жизни Метелла Сципиона сведений очень мало. Известно, что в 57 г. он провел гладиаторские игры в память о своем приемном отце [Cic. Sest. 124; Scholia Bobiensia, p. 137], тогда же в качестве понтифика проголосовал за снятие религиозного запрета, который Клодий наложил на дом Цицерона [Cic. Dom. 123; Har. Rep. 12]³⁸; в 56 или 55 г. занимал должность претора, затем управлял какой-то провинцией и в 54 г. отпраздновал триумф за победы в ней [Varr. RR. III. 2. 16]³⁹. В 53 г. Метелл Сципион добивался должности консула, и, как свидетельствует Асконий [Ascon. 30–31, ср.: 43], его поддерживали вовсе не оптиматы, желавшие избрания его соперника Милона, а Публий Клодий. После убийства последнего мятежная толпа клодианцев принесла к дому Сципиона ликторские связки [Ibid., 33, 41], а через несколько дней он произнес в сенате эмоциональную речь против Цициона⁴⁰,

³⁵ Что касается Марцелла, то Дж. Линдерски уверенно идентифицирует его с квестором Марцеллом, которому Катон в последний день своей квестуры не позволил необоснованно выплатить крупную сумму из казначейства [Plut. Cat. Min. 18]. Согласно Плутарху, Марцелл был квестором вместе с Катоном, т. е. в 64, а не 63 г.; однако Дж. Линдерски полагает, что этот рассказ имеет гораздо больше смысла, если отнести квестуру Марцелла на следующий год. Представляется, что это не так: Марцелл и Катон явно обладают квесторскими полномочиями одновременно (один вносит запись в документ, второй ее стирает). История заканчивается тем, что Катон уводит Марцелла из казначейства домой; но если бы квестура Марцеллу только предстояла, то это было бы бесполезно: он вполне мог бы выплатить деньги в любой другой день следующего года.

³⁶ Различные предположения об авторе и цели этих писем см.: [Marshall, p. 181].

³⁷ Сам Конрад полагает, что это был эдилитет.

³⁸ Решение коллегии понтификов было единогласным: «за» голосовал и Марк Красс-младший.

³⁹ О датировке претуры и триумфа см.: [Konrad, p. 139–140 (со ссылками на другие работы)].

⁴⁰ В рукописях — М. Serionem; предлагались исправления: Q. Saerionem (т. е. Брут, будущий убийца Цезаря), либо М. Catonem [см.: Lewis, p. 240–241]. Брут был племянником Катона, так что в любом случае эта речь свидетельствует о вражде Метелла Сципиона с окружением последнего.

причастного, по его словам, к убийству, и обвинил Милона во лжи [Ibid., 34—35]. Гипсея, союзника Метелла Сципиона на этих выборах, поддерживал Помпей [Ibid., 35], а вскоре и сам Метелл вступил с Помпеем в союз, выдав за него дочь, овдовевшую после смерти Публия Красса, и благодаря этому все-таки получил консульство [Plut. *Pomp.* 55]. Дальнейшая карьера Сципиона тесно связана с политикой его нового зятя, который вскоре сблизился с Катоном и его партией. Однако важно отметить, что ранее, насколько можно судить по источникам, Метелла Сципиона связывала с этой партией лишь вражда. В те годы, когда можно предполагать помолвку или брак его дочери с Публием Крассом (т. е., в 63—53 гг.), он не проявил никаких симпатий к оптиматам и не предпринял ни одного враждебного действия в отношении партнеров Красса по триумvirату, а на выборах 53—52 гг. даже оказался союзником Клодия.

С другой стороны, нет четких сведений и о каком-либо сотрудничестве Метелла Сципиона с Крассом и другими триумвирами, поэтому утверждение Л. Р. Тэйлор, что Сципион находился в сфере притяжения Красса [Taylor, 1971, p. 150], содержит определенное преувеличение, и скорее следует согласиться с Э. Грюном в том, что в политике он действовал независимо [Gruen, 1995, p. 151—152]. Однако в напряженной политической борьбе конца 60-х и 50-х гг. нейтралитет столь знатного и богатого человека, располагающего обширными политическими связями и клиентелой, сам по себе представлял определенную ценность⁴¹: в преддверии гражданской войны Метелл Сципион доказал, что способен причинить немало вреда своим противникам [ср.: Cic. *Fam.* VIII. 9. 5; Caes. *BC.* I. 1—4; Plut. *Caes.* 30].

Таким образом, семейный союз со Сципионом скорее позволил Крассу избежать лишних трудностей, нежели принес ощутимые выгоды. Не исключено, что брак Публия с Корнелией мог быть обусловлен и личными соображениями. Цицерон, много общавшийся с младшим сыном Красса, сообщает, что это был «юноша не просто прекрасно образованный, но по-настоящему глубоко ученый. Он обладал и довольно живым умом, и богатым, не лишенным изящества слогом; он казался внушительным без надменности и скромным без робости» [Cic. *Brut.* 282; Цицерон, 1972, с. 315]. С другой стороны, Плутарх рассказывает, что в Корнелии, «кроме юности и красоты, было много и других достоинств. Действительно, она получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти ее качества соединялись с характером, лишенным несносного тщеславия» [Plut. *Pomp.* 55; Плутарх, с. 373]. Вполне возможно, что молодые люди, имевшие столь схожие характеры и интересы, понравились друг другу, а поскольку Корнелия во всех отношениях была достойной невестой для Публия, Красс не стал препятствовать склонностям младшего сына. Впрочем, даже если датировать их брак 59-м г., продлился он очень недолго, так как в 53 г. Публий погиб в Парфии. Сообщается, что Корнелия тяжело переживала гибель первого мужа и даже хотела покончить с собой [Ibid., 74]; однако примерно через полгода отец

⁴¹ Например, Аппиан сообщает, что Цезарь дал Павлу, консулу 50 г., огромную взятку не за содействие, а просто за молчание [App. *BC.* II. 26].

выдал ее замуж за Помпея, скрепив тем самым новый политический союз. Брак Публия и Корнелии остался бездетным.

Таким образом, о роли брачных союзов в политике Красса можно сделать следующие выводы. Неизвестно, из какого рода происходила его жена Тертулла, поэтому невозможно определить, какие именно финансовые или политические выгоды она принесла супругу в качестве приданого; однако брак с ней, по-видимому, представлял для Красса ценность, так как слухи о неверности Тертуллы его не разрушили. Вероятно, эти слухи распространялись политическими противниками Красса и Цезаря, которые стремились вбить клин между ними, и получили наибольшее распространение в 59 г., когда было написано множество памфлетов против триумvirата. Однако ни сам Красс, ни римское общество в целом, видимо, не придавали большого значения этим утверждениям, и репутация Тертуллы была достаточно прочной, чтобы через три года в суде Цицерон мог назвать дом Красса «высоконравственным», не опасаясь, что его высмеют.

Браки, заключенные сыновьями Красса, вряд ли сами по себе могут служить доказательством мнения Р. Сайма, что их отец был консервативным политиком [см.: Суме, 1944, р. 97]. В обоих случаях выбор невест, по-видимому, определялся не консерватизмом их семейств, а иными соображениями. Около 65 г. Красс женил старшего сына Марка на Цецилии Метелле, желая скрепить политический союз с ее отцом, Метеллом Критским, против общего врага — Помпея. Когда тот вернулся с Востока, Красс и Метелл вместе с рядом других влиятельных сенаторов заблокировали утверждение его распоряжений, и в итоге Помпей вынужден был вступить в союз с Крассом и Цезарем. Метелл Критский, вероятно, содействовал избранию Марка Красса-младшего в коллегию понтификов.

Метелл Сципион, тесть младшего сына Красса, имел необычайно знатное происхождение. В юности он, вероятно, был связан с Метеллом Критским и его братьями; кроме того, много лет он враждовал с Катонем и его окружением — наиболее консервативными кругами в римской политике. Брак его дочери с Публием Крассом мог быть заключен в 55 г., когда тот вернулся из Галлии, хотя возможна и более ранняя дата — 59 г. Не последнюю роль при заключении брака Публия Красса и Корнелии сыграла, по всей видимости, их взаимная склонность и сходство характеров. До самой смерти Красса в 53 г. Метелл Сципион ни разу не выступил против политики Красса или его союзников по триумvirату, однако и не оказывал им активного содействия. В условиях острой политической борьбы этого периода нейтралитет столь знатного и влиятельного человека должен был представлять для триумvirата немалую ценность.

Представляется, что в отношении браков Красс следовал своего рода средней линии⁴²: он продуманно относился к заключению брачных союзов и ис-

---

⁴² По мнению Диона Кассия, таков был вообще его политический стиль [см.: Dio XXXVII. 56. 5; XXXIX. 30. 2].

пользовал их для укрепления собственного влияния, но при этом не делал свою семью заложницей политики.

Любимова О. В. Политическая позиция консула 97 г. Публия Лициния Красса и судьба его сыновей // *Studia Historica*. 2012. Вып. 12. С. 84–104. [Lyubimova O. V. Politicheskaya pozitsiya konsula 97 g. Publiya Litsiniya Krassa i sud'ba ego synovej // *Studia Historica*. 2012. Вып. 12. С. 84–104.]

Плутарх. Сравнительные жизнеописания / изд. подгот. М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. Т. 2. М., 1963. [Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya / izd. podgot. M. E. Grabar'-Passek i S. P. Markish. T. 2. M., 1963.]

Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей / изд. подгот. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964. [Svetonij Trankvill G. Zhizn' dvenadtsati tsezarej / izd. podgot. M. L. Gasparov i E. M. Shtaerman. M., 1964.]

Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969. [Fedorova E. V. Latinskaya epigrafika. M., 1969.]

Циркин Ю. Б. Восстание Лепида // *Античный мир и археология*. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 225–241. [Tsirkin Yu. B. Vosstanie Lepida // *Antichnyj mir i arkhologiiya*. Вып. 13. Saratov, 2009. С. 225–241.]

Цицерон М. Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. 1. / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.; Л., 1949. [Tsitseron M. Tullij. Pis'ma k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. 1. / per. i komment. V. O. Gorenshtejna. M.; L., 1949.]

Цицерон М. Туллий. Речи. Т. 2 / изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962. [Tsitseron M. Tullij. Rechi. T. 2 / izd. podgot. V. O. Gorenshtejn i M. E. Grabar'-Passek. M., 1962.]

Цицерон М. Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / пер. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова. М., 1972. [Tsitseron M. Tullij. Tri traktata ob oratorskom iskusstve / per. F. A. Petrovskogo, I. P. Strel'nikovoj, M. L. Gasparova. M., 1972.]

App. BC. — Appianus. *Bella civilia*.

Ascon. — Q. Asconius Pedianus. *Orationum Ciceronis quinque enarratio*.

Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. N. Y., 1951.

Caes. BC. — C. Julius Caesar. *Commentariorum libri III de bello civili*.

Caes. BG. — C. Julius Caesar. *Commentariorum libri VII de bello Gallico*.

Chase G. D. *The Origin of Roman Praenomina* // *HSCPh*. 1897. Vol. 8. P. 103–184.

Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum / rec. L. Dindorfius. Vol. 1. Bonnae, 1832.

Chronographus anni 354 // *Monumenta Germania Historica. Auctorum antiquissimorum* T. 9. *Chronicorum minorum saec. IV. V. VI. VII*. Vol. 1. / ed. T. Mommsen. B., 1892. S. 13–196.

Cic. *Ad Brut.* — M. Tullius Cicero. *Epistulae ad M. Brutum*.

Cic. *Att.* — M. Tullius Cicero. *Epistulae ad Atticum*.

Cic. *Brut.* — M. Tullius Cicero. *Brutus*.

Cic. *Dom.* — *Oratio de domo sua apud pontifices*.

Cic. *Fam.* — M. Tullius Cicero. *Epistulae ad familiares*.

Cic. *Cael.* — M. Tullius Cicero. *Oratio pro M. Caelio*.

Cic. *Har. Rep.* — M. Tullius Cicero. *Oratio de haruspicium responso*.

Cic. *Pis.* — M. Tullius Cicero. *Oratio in L. Calpurnium Pisonem*.

Cic. *Rosc. Am.* — M. Tullius Cicero. *Oratio pro Roscio Amerino*.

Cic. *Sest.* — M. Tullius Cicero. *Oratio pro P. Sestio*.

Cic. *Tusc.* — M. Tullius Cicero. *Tusculanae disputationes*.

Cic. *Verr.* — M. Tullius Cicero. *Orationes in C. Verrem*.

Craig C. A., *Audience expectations, invective, and proof* // *Cicero the Advocate* / ed. J. Powell, J. Paterson. Oxford, 2004. P. 187–213.

- Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974.
- Degrassi A.* Fasti Consulares et Triumphales. Roma, 1947.
- Dessau H.* Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin, 1892–1916.
- Dio – Cassius Dio. Historia Romana.
- Drumann W., Groebe P.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Hildesheim, 1964. Aufl. 2. Bd 4.
- Flor. – Florus. Epitomae de T. Livio bellorum omnium annorum DCC libri II.
- Geiger I. The Last Servilii Caepiones of the Republic // Ancient Society. 1973. Vol. 4. P. 143–156.
- Gelzer M.* Caesar: Politician and Statesman. Oxford, 1968.
- Gruen E.* Pompey, Metellus Pius, and the Trials of 70-69 B. C.: The Perils of Schematism // American Journal of Philology. 1971. Vol. 92, 1. P. 1–16.
- Gruen E. S.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley ; Los Angeles, 1995.
- Haley Sh. P.* The Five Wives of Pompey the Great // Greece & Rome. 1985. Vol. 32. P. 49–59.
- Holloway R. R.* The Tomb of Augustus and the Princes of Troy // AJA. 1966. Vol. 70. P. 171–173.
- Klebs E.* Axius (4) // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2633–2634.
- Konrad K.* Notes on Roman Also-Runs // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / ed. J. Linderski. Stuttgart, 1996. P. 103–143.
- Langlands R.* Sexual Morality in Ancient Rome. Cambridge, 2006.
- Lewis R. G.* The Commentary on Cicero's Speech *On Behalf of Milo* // Asconius. Commentaries on Speeches of Cicero / transl. with comment. by R. G. Lewis. Oxford, 2006. P. 232–260.
- Linderski J. Q.* Scipio Imperator // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / ed. J. Linderski. Stuttgart, 1996. P. 145–185.
- Liv. *Per.* – T. Livius. Ab Urbe condita periochae.
- Macrob. *Sat.* – Ambrosius Theodosius Macrobius. Saturnalia.
- Marshall B.* Crassus: A Political Biography. Amsterdam, 1976.
- Miltner Fr.* Pompeius (31) // RE. 1952. Hbd. 42. Sp. 2062–2211.
- Münzer F.* Caecilius (87) // RE. 1897a. Hbd. 5. Sp. 1210–1212.
- Münzer F.* Caecilius (99) // RE. 1897b. Hbd. 5. Sp. 1224–1228.
- Münzer F.* Licinius (63) // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 291–294.
- Münzer F.* Roman Aristocratic Parties and Families / engl. transl. by T. Ridley. Baltimore ; L., 1999.
- Parrish E. J.* Crassus' New Friends and Pompey's Return // Phoenix. 1973. Vol. 27. P. 357–380.
- Parrish M.* Crassus Pontifex: by Whose Patronage? // Latomus. 1977. T. 36. P. 623–633.
- Paterson J.* Caesar the Man // A Companion to Julius Caesar / ed. M. Griffin Oxford, 2009. P. 126–140.
- Plin. *NH.* – C. Plinius Secundus. Naturalis Historia.
- Plut. *Brut.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Brutus.
- Plut. *Caes.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Caesar.
- Plut. *Cat. Min.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Cato minor.
- Plut. *Cic.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Cicero.
- Plut. *Crass.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Crassus.
- Plut. *Luc.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Lucullus.
- Plut. *Pomp.* – Plutarchus. Vitae parallelae. Pompeius.
- Ps.-Sall. *In Cic.* – Pseudo-Sallustius. Invektiva in Ciceronem.
- Richlin A.* The Garden of Priapus. Sexuality and Aggression in Roman Humor. N. Y. ; Oxford, 1992.
- Sall. *Cat.* – C. Sallustius Crispus. Bellum Catilinae.
- Sall. *Hist.* – C. Sallustius Crispus. Historiae.

- Scholia Bobiensia // Ciceronis orationum scholiastae / ed. T. Stangl. Vienna, 1912. P. 73–179.
- Stewart R.* Catiline and the Crisis of 63–60 B. C.: the Italian Perspective // *Latomus*. 1995. T. 54, 1. P. 62–78.
- Suet. *Iul.* – C. Suetonius Tranquillus. De vita Caesarum. Divus Julius.
- Sumner G. V.* Manius or Mamercus? // *JRS*. 1964. Vol. 54. P. 41–48.
- Sumner G. V.* The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. Toronto ; Buffalo, 1973.
- Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939.
- Syme R.* Review on: Caesar der Politiker und Staatsman by M. Gelzer // *JRS*. 1944. Vol. 34. P. 92–103.
- Syme R.* Piso Frugi and Crassus Frugi // *JRS*. 1960. Vol. 60. P. 12–20.
- Syme R.* The Sons of Crassus // *Latomus*. 1980. T. 39. P. 403–408.
- Syme R.* The Augustan Aristocracy. Oxford, 1986.
- Tatum W. J.* Always I am Caesar. Oxford, 2008.
- Taylor L. R.* Caesar's Colleagues in the Pontifical College // *AJPh*. 1942. Vol. 63. P. 385–412.
- Taylor L. R.* Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley ; L. A. ; L., 1971.
- Taylor L. R., Broughton T. R. S.* The Order of the Consuls' Names in Official Republican Lists // *Historia*. 1966. Bd. 17. №. 2. P. 166–172.
- Twyman B.* The Metelli, Pompeius and Prosopography // *ANRW*. 1972. Bd. 1, T. 1. Berlin ; N. Y., P. 839–862.
- Val. Max. – Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem
- Varr. *RR.* – M. Terentius Varro. De re rustica.
- Vell. – Velleius Paterculus. *Historiae Romanae*.
- Ward A.* Cicero and Pompey in 75 and 70 B. C. // *Latomus*. 1970. T. 29, 1. P. 58–71.
- Ward A.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic. Columbia ; London, 1977.
- Wiseman T. P.* New Men in the Roman Senate. Oxford, 1971.

Статья поступила в редакцию 30.04.2013 г.

УДК 94(520)“-346” + 930.2:003.072 + 355.355(520:510.5)

Д. А. Суровень

ПОДГОТОВКА ПРАВИТЕЛЬНИЦЕЙ ДЗИНГҮ КОРЕЙСКОГО ПОХОДА В СИЛЛА 346 г. ОКИНАГА-ТАРАСИ-ХИМЭ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯПОНИИ¹

Рассматриваются в сопоставлении материалы местных источников Центральной Японии и древнеяпонских официальных источников о подготовительных мероприятиях государыни Дзингү перед походом в Силла 346 г.

Ключевые слова: Древняя Япония; Ямато; Тюай; Дзингү; Окинага-тараси-химэ; Сираги; Силла; Самхан; поход 346 г.; «Кодзики»; «Нихон-сёки»; «Синсэн-сёдзи-року»; «Сумиёси-ки»; «Сэндай кудзи-хонки», «Самкук-саги».

В ходе наших исследований истории раннего Ямато [см.: Суровень, 1999; 2012; 2011б; 2011а] мы продолжаем серию статей о событиях середины IV в. н. э., связанных с Корейским походом японцев против государства Силла [см.: Суровень, 2013, с. 150–167].

После того как на основе сопоставления материалов древнеяпонских источников с корейскими удалось решить проблему точности древнеяпонской хронологии конца царствования государя Тёбая (343–346 [испр. хрон.]), умершего в год Корейского похода государыни Окинага-тараси-химэ (Дзингү, 347–389 [испр. хрон.]) в государство Силла, и определить время этого Корейского похода японцев в Южную Корею, который по корейским источникам датирован 346 г. [см.: Суровень, 1998а; 1998б; Ким Бусик, с. 107–108], стало возможным говорить о реальности событий, связанных с подготовкой и организацией данной военной экспедиции в Самхан². В последние годы японские исследователи собрали местные сказания Центральной Японии о деяниях государыни Окинага-тараси-химэ в данном регионе³. Поскольку этот вопрос слабо исследован в западной и российской исторической науке, существует необходимость сопоставить материалы местных источников Центральной Японии со сведениями официальных письменных источников о подготовительных мероприятиях государыни Дзингү к походу в Корею.

В 4-м месяце 9-го года правления Тёбая [346 г. испр. хрон.] Окинага-тараси-химэ (государыня Дзингү) вернулась во дворец Касихи-но-мия в округе Нано-агата в Северо-Западном Кюсю (Цукуси). Здесь Окинага-тараси-химэ окончательно утвердилась в своём решении «покарать, наказать, завоевать Западную страну (Сираги)». В «Дай-нихон-си» сказано: «9-й год [правления] императора (микадо) Тёбая, 4-й месяц, государыня Дзингү-кёгё отдала приказ

¹ Продолжение статьи (начало см. в предыдущем номере журнала [Суровень, 2013]).

² 三韓 — др.-яп. — Миту-но Кара, совр.-яп. Санкан, кор. Самхан — «Три Кара».

³ Изучением сказаний о государыне Дзингү занимался Цукагути Ёсинобу [Цукагути]; см. также: [Grapard, p. 23, n. 8].

[о подготовке к] Западному походу [против Силла]»⁴ (Дай-нихон-си, св. 232, *рэцу-дэн*, разд. 159, *сёбан*, ч. 1, Сираги, верхний разд., Тёбай, 9-й год пр.).

После этого сообщения «Нихон-сёки», «Сумиёси-ки» и «Кудзи-хонки» замолкают, и четыре месяца (с 5-го по 8-й) 9-го года правления Тёбая покрыты молчанием. Но, к счастью, местные источники провинции Харима сохранили кое-какие сведения. И самый главный вывод из этого материала: эти шесть месяцев Дзингү провела в Центральной Японии. Это время ей понадобилось, видимо, для того, чтобы укрепить своё влияние в столичных областях Кинай, получить поддержку со стороны влиятельных кланов области Ямато и провести подготовку к своему знаменитому Корейскому походу против Силла. Возможно (если это только не ошибка составителя), «Сумиёси-ки» содержат указание на то, где в этот период в Центральной Японии могла проживать государыня Окинага-тараси-химэ (Дзингү): «От царствования [государя Икумэ (Суйнина)]⁵, вскармливавшего и управлявшего Восемью великими островами из дворца Тамаки-но *мия* в Макимуку, и до [времени] в царствование Окинага-[тараси]-химэ (хёко), вскармливавшей и управлявшей Восемью великими островами из дворца Хисиро-но *мия* в Макимуку — два поколения...»⁶ (Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки). Дворец Хисиро-но *мия* (др.-яп. Писиро-но *мия*) в Макимуку — это жилище государя Отараси-хёко (Кэйкё, 337 — около 343 г. испр. хрон.)⁷, после смерти которого его соправитель и наследник Вака-тараси-хёко (Сэйму, 341—343 гг. испр. хрон) был, вероятно, убит мужем Дзингү — принцем Тараси-нака-цу хёко (Тёбаем) — местным правителем из области Анато в Юго-Западном Хонсю, захватившим в 343 г. [испр. хрон.] власть в Ямато [см.: Суровень, 1998а].

Кое-какие подробности подготовки к Корейскому походу Дзингү сохранились в «Сумиёси-ки». В разделе «Гора Сиробэ-яма уезда Тоёсима-но *кёри*» (области Сэццу) говорится: «Начало реки Сомаяма-гава. В древности государыня (*кёдэ*) [Окинага-тараси-химэ], управлявшая территорией [страны] из дворца Касихи-но *мия*, в [эту] местность прибыла, [чтобы] совершить жертвоприношение (яп. *сонаэру*) божеству, [но] оказалась отрезанной⁸ (?) рекой Сомаяма-гава. Изначально лживые мятежники (яп. *дзоку*) [из народа] *цутукумо* построили на этой горе [Сиробэ-яма — досл. «Горе рядом с укрепленными»] крепость (яп. *сиро*) с крепостным рвом (яп. *дзан / хори*)⁹ [и] жили здесь, грабя и обворовывая (яп. *хабуки-нусуму*) народ. [Поэтому] войско [государыни], полностью следуя приказу Великого божества [Сумиёси], [этих *цутукумо*]

⁴ 「仲哀帝九年四月、神功皇后下詔西征。」[Дай-нихон-си].

⁵ О нём см.: [Суровень, 1999].

⁶ 「自卷向,玉木宮,大八嶋知食御世 至于 卷向,日代宮大八嶋食知 氣「帶」長足姫比古御世 二世者。」[Сумиёси-ки].

⁷ О нём см.: [Суровень, 2002; 2011в].

⁸ В тексте использован несуществующий иероглиф 𪛗, видимо, являющийся ошибкой, вместо 𪛗, который, в свою очередь, считается сокращением от 斷 — яп. *дан / тацу*, кит. *дуань* — гл. ...2) перерезать, прерывать, обрывать; прекращать... [БКРС, т. 2, с. 726; см.: ЯРУСИ, с. 287].

⁹ 城壘 — яп. *сиро [то] хори* — крепость с крепостным рвом; где 壘 вместо 壘 яп. *дзан / хори*, кит. *цянью* — *суц.* 1) крепостной ров; канал вокруг городской стены; сточная канава... [БКРС, т. 2, с. 116; см.: ЯРУСИ, с. 158; ЯРС, с. 166].

покарало и покорило. [А] территория (яп. *рѐ*) наших земель с лесом [на горе] (яп. *сома*) была дарована в управление (яп. *цукасадору*) [роду Фунаки]. [От] горы на юге находится широкое большое поле, называется Охоро-но (др.-яп. Опоро-но). [От] горы на север отдельно находится гора Нагао-яма, пик [этой] горы [тянется] долго вдаль, [поэтому и] называли [гору] Нагао (досл. «Длинный хвост»). На горе имеется горная речка, называется Сио-гава (др.-яп. Сипо-ката — досл. «Соляная река»), [так как] в речке есть солёный источник, [который] пробивается—бурлит, выходя [наружу]. В промежутке между уездом Тоёсима-но *кōри* и областью Носэ-но *куни* находится данная гора [которую тогда] стали называть Сиробэ-яма по причине [того, что она] располагалась на границе с земляным рвом крепости *цутикумо*. На горе имеется прямая дорога. [Эта] дорога является [путём, по которому] государи (*сумэра-микото*) совершают поездку в область Танива-но *куни* [и оттуда по ней] возвращаются. Имеется [также] довольно [обширная] загородная равнина. Общинники (яп. *хякусѐ*) подняли целину и начали обрабатывать землю. [Селение, в котором стали жить эти общинники], называется Тата-но *мура* (досл. «Селение [множества] полей»)»¹⁰ [Сумиёси-ки, Тоёсима-но *кōри*-но Сиробэ-яма]. Следует обратить внимание на то, что предка рода Фунаки звали *Ō-тата-но микото* (др.-яп. *Опо-тата-но микото* — досл. «господин великих полей»), а его сына — Каму-тата-но *микото* (досл. «господин божественных полей»)»¹¹ [Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки]. Можно полагать, что их имена как-то связаны с селением Тата-но *мура* и его полями, включая земли храмового хозяйства (*каму-тата*).

Видимо, о событиях этого же периода борьбы с непокорными *цутикумо* рассказывается в следующем разделе «Сумиёси-ки» под названием «Гора Винабэ-яма в уезде Кавабэ-но *кōри*» (области Сэццу): «О причинах [того, почему] территории (яп. *рѐ*) [около] реки Сомаяма-гава были переданы в управление (яп. *цукасадору*) [роду Фунаки], объяснено выше в этом же [сочинении]. Однако в двух уездах — Кавабэ и Тоёсима [есть] гора, общая [для этих уездов], называется Вина-яма (по-другому называется Саканэ-яма). В древности Великое божество [Сумиёси приказало] покарать [людей народа] *цутикумо*, живущих на склоне Нэ-сака (досл. «Спальный склон»). Поэтому называли [гору] Саканэ-яма. На горе есть горное поле Унэ-но...»¹². Видимо, уже после покорения *цутикумо*, «...государыня (яп. *сумэра-микото*) [Окинага-тараси-химэ (?)] послала *унэмэ* (придворную даму), приказав [ей] разыскать дубовые листья. Поэтому [горе] дали название Унэмэ-но *яма* (досл. «Гора придворной дамы»).

¹⁰ 『豊嶋郡,城邊山』... 杣山河,元. 昔、樞日宮,御宇,皇后所奉寄^レ供神、新^レ杣山,河也。元偽賊斯山,上^ニ城壘、居住、略盜^レ人民。軍、大神悉令^レ誅伏。吾杣地領掌賜。山,南^ニ在^レ廣大野、號^レ意保呂野。山,北^ニ別在^レ長尾山。山岑長^レ遠。號^レ長尾。山,中^ニ有^レ澗水。名^レ鹽川。河中涌^レ出鹽泉也。豊嶋郡與能勢國,中間^ニ在^レ斯山。【號^レ城邊山由。土蜘蛛壘界在】。山,中^ニ有^レ直道。天皇行幸^レ丹波國還^レ上道也。頗在^レ郊原。百姓開耕。號^レ田田邑。【Сумиёси-ки】。

¹¹ 大田田命 — др.-яп. *Опо-тата-но микото*, яп. *Ō-тата-но микото* — досл. «Господин великих полей», 神田田命 — яп. *Каму-тата-но микото* — досл. «господин божественных полей» [Там же].

¹² 『河邊郡爲奈山』... 杣山,河,領掌之由同上解。但河邊・豊嶋,兩郡,内^ニ山惣號^レ爲奈山。【別號^レ坂根山】。昔大神誅^レ土蛛宿^レ寝坂,上^ニ。仍號^レ坂寢山。山,内^ニ有^レ宇禰野...【Сумиёси-ки】。

[Ныне говорят Унэ-но (досл. «Поле Унэ», [но это] на местном диалекте)»¹³ [Сумиёси-ки, Кавабэ-но *кōри*-но Вина-яма]. Возможно, данная история покорения *цутикумо* продолжается в следующем разделе «Реки Вина-гава [и] Кицу-гава»: «В древности великий предок—ками [Тамаво *камихито*], возглавив общинное ополчение (др.-яп. *икуса-но там*; яп. *гунсō* — досл. «военный народ»)»¹⁴, организовал нападение на [людей народа] *цутикумо*, [обитавших в] земле священного места (яп. *годза*)¹⁵. По этой причине назвали [это место] Икуса-но (досл. «Поле войска»). На берегу реки, [тогда] в древности жил Яма-но *атаи* Аганака, по этой причине назвали [реку] Аганака-но *кава*. Ныне называют Вина-гава, говоря о [реке] на местном диалекте. Великий предок-ками, [как] выяснилось, [человеком по имени] Тамаво-*камихито* (досл. «Чудесный муж — необыкновенный человек»)»¹⁶ изволил являться [?]. Было приказано сплавить [по реке Вина-гава] [разных сортов] древесину (лесоматериал) для строительства походного (переносного) государева дворца (яп. *кōдзэ*). [И] мероприятие (яп. *гэджи*) было исполнено...»¹⁷ [Сумиёси-ки, Вина-гава, Кицу-гава].

В «Сумиёси-ки», видимо, описан маршрут движения по землям Центральной Японии некой религиозной процессии (можно полагать, участники которой прибыли с Кюсю). В состав процессии входил оракул, изрекавший “волю” великого божества Сумиёси. «[Когда] наступило [царствование] государя (*сумэра-микото*) [Тараси-нака-цу хйко], управлявшего территорией [страны] из дворца Касихи-но *мия*, [в 346 году испр. хрон., Великое божество Сумиёси] изволило приказать покорить страну Кумасо-но *куни*, Сираги-но *куни* (кор. Силла-*кук*) [и] остров Кара-*сима* (букв. “Корейский остров”)»¹⁸. [Двигаясь] от пристани Нагара-но *томари*¹⁹, [подошли к горе Икома-яма], [великое божество Сумиёси] изволило вступить на пик Икома-*минэ*. [Там устами оракула божество] изрекло: “[Если] будете проводить [для меня] очистительные обряды (яп. *ицуки-мацураба*), плоды (яп. *ми*) деревьев [этой] моей горы, местные полезные растения и сельскохозяйственные культуры (яп. *домō*, кит. *тǔмао*)»²⁰ и местную продукцию (яп. *куни-цу моно*, кит. *тǔчǎнь*)»²¹ и прочее [поднеся], [то] государя [Ямато] (*сумэра-микото*), [который] Поднебесную

¹³ 「天皇遣采女、令探柏葉。因號采女山。【今謂宇禰野訛】[Там же].

¹⁴ 軍衆 — др.-яп. *икуса-но там*; яп. *гунсō* — досл. “военный народ”, “войско, [состоящее] из народа”; где 衆 яп. *сō* — массы, народ [ЯРУСИ, с. 526].

¹⁵ 「御坐地也。」[Сумиёси-ки].

¹⁶ 靈男神人 — яп. *Тамаво камихито* — досл. «Чудесный муж необыкновенный человек»; 神人 — яп. *камихито*, кит. *шэнь’жэнь* — 1) *рел.* богочеловек; 2) святой, божий человек; 3) совершенный (необыкновенный) человек; сверхчеловек; человек с представительной внешностью [БКРС, т. 2, с. 935].

¹⁷ 「『爲奈河。木津河』...昔大神率軍衆爲擊土蛛御坐地也。因號伊久佐野。河邊昔居山直阿我奈賀。因號阿我奈賀川。今謂爲奈川「就」訛。大神現靈男神人賜。令【下】流運宮城造作料材木、爲【中】行事【上】賜。」[Сумиёси-ки].

¹⁸ 「檀日宮御宇天皇也。熊襲國、新羅國、辛嶋、令服賜。」[Сумиёси-ки].

¹⁹ Нагара — название местности в Нанива; ныне земли города Осака [Древние фудоки, с. 297].

²⁰ 土毛 яп. *домō*, кит. *тǔмао* — 1) местные полезные растения и сельскохозяйственные культуры, местная сельскохозяйственная продукция; 2) дикорастущие злаки и овощи [БКРС, т. 2, с. 99].

²¹ 土産 — яп. *тǔчǎнь* — местная продукция [Там же, с. 96].

(*амэносита*) успокаивает, охраню (*мамору*). Если будут дикие устрашающие храбрецы-злодеи (яп. *арабуру монодомо*), не [успеет] пролиться [их] кровь от поднятого меча, как [они] полностью понесут кару”, — [так] изречь изволило...»²² [Сумиёси-ки, Икома-Камунаби-яма-но хонки].

Было ещё одно речение божества Сумиёси. «Ещё Великое божество [Сумиёси] поклялось-пообещало, всемилостивые слова изрекло: “Моей гора станет, [и] в последующих поколениях исполнится”, — так рекло. Дав поручение, послали (яп. *сакэн-суру*, кит. *чэйцян*) Абэ-но [из народа] *ама* [по имени] Вомаро [и] Сика-но *ама* Нагуса. [Они], следуя приказу, поехали черпать воду [и], двигаясь с морским приливом, оказались внутри горы. Запасли [воду?] на утёсе крутом²³ (?) в каменном сосуде [водоёме] (яп. *иси-цубо*)...». Далее следует не совсем понятный раздел. «Вступили в морской прилив [и] опрокинулись (яп. *куцугэру*, кит. *фу*) в [нём] (?). Камнем (яп. *иси*) [сосуд (?)] закрыли (яп. *оиагэру*, кит. *-гай шан*). Поэтому (яп. *идэ*, кит. *йши*) случились позднее реальные последствия для общества (?). Эти земли назвали Сио-тани-но *куни* (“Область соляной долины”). Абэ-но *ама* Вомаро землю, [где] морской прилив разливался и опадал, назвал Сио-котани (“Соляная лощина [букв. ‘малая долина’]”). Землю, где во множестве протекала вода, падая [вниз], и затем стало заливать (яп. *со-согу*, кит. *гуань*) [эту территорию] приливом — эту землю назвали Сио-фуги (др.-яп. *Сипо-пути* — “Соляная пучина”). Божьи дети (яп. *каму-кора*) сами, барабаня в долине (?) подобно раскатам грома, вышли-собрались. Подняли новь (целину), обработали землю, [создав] обработанное рисовое поле (яп. *цукуда*) на равнине Аракида-хара, [а именно] — поле Воямада (“Поле маленькой горы”) [и] поле Ути-но Аракида (досл. “поле на [равнине] Аракида”)»²⁴ [Сумиёси-ки, Санка хō-ки хонки, Абэ-но *ама* Вомаро и Сика-но *ама* Нагуса]. Впоследствии Абэ-но *ама* Вомаро и Сика-но *ама* Нагуса (люди из народа *ама*) прославились как разведчики, которые искали морской путь в Южную Корею (в Силла) (Нихон-сёки, св. 9, Дзингү, 9-й год правл. Тёбая; Nihongi, IX, 7; Сумиёси-ки, Дзингү, 9-й год правл. Тёбая, 9-й месяц) [Нихон-сёки, 1997, с. 267; Сумиёси-ки].

Связь между Окинага-тараси-химэ (Дзингү) и божеством Сумиёси проявилась также в следующем. В одной из двух хроник, содержащихся в «Хатиман Уса-но мия го-такүсэн-сё» (1313), говорится, что в ночь, непосредственно предшествующую убытию государыни Дзингү в Корею, она стала “женой бога” святилища Сумиёси в Нанива, т. е. вступила в так называемый “священный брак” (брак жрицы с почитаемым ею богом) [Akima, p. 117].

²² 「檀日宮御宇天皇也、熊襲國、新羅國、辛嶋令服賜。自長柄泊登於膽駒嶺賜。宣賜：『齋我山木實、土毛土產等天皇天下平奉守。若有荒振梟者、不血亦舉足誅』、宣賜。」[Сумиёси-ки].

²³ В тексте использованы несуществующие иероглифы 巖峻, которые, может быть, являются ошибочной записью вместо 巖峻 — досл. «скалы высокие».

²⁴ 「亦大神誓約宣詔宣：『我山爲後代驗』宣。差遣吾瓮、海人烏麻呂、磯鹿、海人名草。令、下波。運海潮、置山中。調於磯礫石壺。入潮、覆中、石蓋上也。以是爲後公驗矣。其地海人烏麻呂、潮潰落地鹽小谷云。多漏落地既成灌潮、其地鹽瀨云。神兒等自鼓谷如雷鳴出集。開墾佃墾田原、小山田、宇智乃墾田。」[Сумиёси-ки].

В горном районе Хасика²⁵ уезда Камо²⁶ области Харима²⁷ (в окрестностях горы Сомаяма) располагались земли, находившиеся во владении рода Фунаки (досл. “[Род, ведающий] корабельным деревом”). «Основные записи о [людях] рода Фунаки». ...Как раз место, которым [люди рода Фунаки] владели — это [земли] горы Сомаяма (досл. “Гора, поросшая лесом”)...»²⁸ [Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки (“Основные записи о [людях] рода Фунаки”)]. «Вышеуказанные земли у горы Сомаяма (горная местность Сомаяма). ...[Люди рода Фунаки] являлись владельцами (яп. *ре̄*, кит. *лйн*) (земель) [размером] свыше 98 тысяч²⁹ *те̄* (около 98 тысяч *га*)³⁰...»³¹ [Сумиёси-ки, Харима-но *куни*, уезд Камо, поля территории в горах Хасика-яма].

Известно, что род Фунаки выводил свою родословную от божества солнца (Хи-но *ками*) и, видимо, происходил от жрецов этого божества. Раздел “Основные записи о [людях] рода Фунаки” в «Сумиёси-ки» сообщает: «Вышеуказанный [род Фунаки] в древности имел честь происходить от божества Солнца (Хи-но *ками*)...»³² [Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки]. Дальним предком рода Фунаки в «Сумиёси-ки» назван *О-тата-но ками* (досл. “предок³³ *О-тата*”), который в разделе «Сумиёси-ки» под названием «Основные записи о людях рода Фунаки» (“Фунаки-ра-но хонки”) назван именем *О-тата-но микото* (др.-яп. *Опо-тата-но микото*). Его сыном был *Каму-тата-но микото*. Именно они названы наследственными владельцами земель у горы Сомаяма. «Вышеуказанные земли у горы Сомаяма. Изначально (яп. *мото*, кит. *юань*), Каму-тата-но *микото* и другие сын(овья) *О-тата-но микото*, далёкого предка [людей из рода] Фунаки-но *мурадзи*... были теми, кто владел (землями) [размером] свыше 98 тысяч³⁴ *те̄*³⁵...»³⁶ [Сумиёси-ки, Харима-но *куни*, уезд Камо, поля территории в горах Исика-яма]. *О-тата-но микото* и его сын *Каму-тата-но микото* (как видно из материалов «Сумиёси-ки») жили во времена царствования государя Тёбая и Корейского похода государыни Дзингү.

²⁵ 椅鹿 — Хасика — 1) село в уезде Камо провинции Харима; земли этого села занимали приблизительно территорию современного городка Тёдзё в нынешнем уезде Катō, т. е. бассейн реки Камо (притока реки Како); 2) река в уезде Камо; современная река Тёдзё в нынешнем уезде Катō; она протекает по землям бывшего села Хасика; остаточным является топоним «долина Хасика» [Древние фудоки, с. 321].

²⁶ 賀茂郡 — уезд Камо — один из десяти уездов провинции Харима; занимал район современного города Оно и шести городков: Тёдзё, Ясиро, Такано, Идзуми, Хёдзё и Касай, т. е. местность по среднему течению реки Како [Древние фудоки, с. 280].

²⁷ 「播磨國,賀茂郡,椅鹿,山領地」[Сумиёси-ки].

²⁸ 「船木等本記。...即所領此山也。」[Сумиёси-ки].

²⁹ В тексте 千 — ошибка вместо 千 — яп. *ти* — тысяча.

³⁰ 1 *те̄* = 0,99 га.

³¹ 「右. 山山地等。...所領九萬八千[千]餘町也。」[Сумиёси-ки].

³² 「船木等本記。右. 昔奉出^レ日神。」[Там же].

³³ 神 — яп. *ками*; так японцы также называли предков.

³⁴ В тексте 千 — ошибка вместо 千 — яп. *ти* — тысяча.

³⁵ 1 *те̄* = 0,99 га.

³⁶ 「右. 山山地等。元 船木,連...等,遠祖,大田田命,兒,神田田命等 所領九萬八千[千]餘町也。」[Сумиёси-ки].

Их младшими родственниками являлись Фунаки-но мурадзи Умаро, Фунаки-но мурадзи Нэдзумиво, Фунаки-но мурадзи Юмитэ из трёх селений округа Акаси области Харима (расположенных в землях, прирыкавших к землям области Сэццу на её юго-западной границе). «...*Ō*-тата-но микото — далёкий предок [людей из рода] Фунаки-но мурадзи по именам Ума[ро], Нэдзумиво, Юмитэ, [а также] других [людей рода Фунаки]...»³⁷ [Сумиёси-ки, Харима-но *куни*, уезд Камо, поля территории в горах Хасика-яма]. О том, какие должности занимали люди рода Фунаки-но мурадзи — Умаро, Нэдзумиво и Юмитэ, сказано в разделе “Ми-фû хõ-ки сё” «Сумиёси-ки»: «[В] уезде Акаси-кõри [области Харима] места, где изначально были пожалованы земли (яп. *хõдзури*), отданы-поднесены [Великому божеству Сумиёси]. [В] селении Фунаки-но мура (др.-яп. Пунаки-но мура — досл. “Деревня корабельного леса”): [подношение] сделано главой (яп. *касира*) [селения] — Фунаки-но мурадзи Умаро. Дворов — пять “дымов” преподнесено поэтому, рисовых полей — две сотни *сиро*. [В] селении Курода-но мура (досл. “Деревня чёрного поля”): [подношение] сделано главой (яп. *касира*) [селения] — Фунаки-но мурадзи Нэдзумиво. Дворов — десять “дымов” преподнесено поэтому, рисовых полей — сотня *сиро*. [В] селении Хэкиита-но мура: [подношение] сделано главой (яп. *касира*) [селения] — Фунаки-но мурадзи Юмитэ. Дворов — десять “дымов” преподнесено поэтому, рисовых полей — четыре сотни *сиро*»³⁸ [Сумиёси-ки, “Ми-фû хõ-ки сё”, уезд Акаси]. Таким образом, эти три человека из рода Фунаки-но мурадзи были главами селений округа Акаси области Харима.

В разделе «Сумиёси-ки» о полях у горы Хасика-яма, об Умаро говорится как о современнике Корейского похода государыни Дзингû [Сумиёси-ки, Харима-но *куни*, уезд Камо, поля территории в горах Хасика-яма]. Умаро, Нэдзумиво и Юмитэ вместе упомянуты в год *киното-уси* (2-й год цикла) [365 г. испр. хрон.]. Следовательно, эти три человека жили во времена царствований государя Тёбая и государыни Дзингû.

О том, как повеление Великого божества Сумиёси было выполнено членами рода Фунаки, рассказано в разделе «Икома-Камунаби-яма-но хонки»: «[Тогда] был в Поднебесной Страны Восьми великих островов (*Ō*-я-сима-куни *амэносита*) [человек], происходивший от (?) божества солнца (*хи-но ками*), далёкий предок рода Фунаки [по имени] *Ō*-тата-но ками. Этот предок (*ками*)³⁹ построил [модели] нескольких (в тексте: бамбуковых)⁴⁰ кораблей — две штуки (один —

³⁷ […船木連宇麻呂、鼠緒、弓手。等、遠祖、大田田命…][Сумиёси-ки].

³⁸ [明石郡、封元所 寄進。船木村、爲頭船木連宇麻呂、戸、五烟進依、田、二百代。黒田村、爲頭船木連鼠緒、戸、十烟進依、田、百代。畷田村、爲頭船木連弓手、戸、十烟進依、田、四百代。] (住吉記、御封奉寄初)。[Там же].

³⁹ Термин *шн* — *ками* в «Сумиёси-ки» используется в том числе и для обозначения уже умерших предков; ср.: *шн* — кит. *шэнь* — *суш.* ...3) дух, душа (напр. умершего)... [БКРС, т. 2, с. 933].

⁴⁰ В тексте употреблён иероглиф 竺 — яп. *дзёку*, кит. *чжэу* — *сокр.* Индия; индийский; буддийский, который в китайском языке в чтении *чжэу* используется вместо знака 竹 — «бамбук», а в чтении *дзэу* — вместо 篤 «искренний», «щедрый» [Там же, с. 26]. Скорее всего, это ошибка, вместо 些 — кит. *сэ* — 1) несколько, немного; сколько-нибудь; 2) много; столько... [Там же].

из дерева сделал; другой — из камня сделал), для того, чтобы в последующих поколениях [они продолжали] оставаться [и] действовать [как символы]. [Их] убрали, поместив каменный корабль на могиле Нагая-хака на горе Икома-яма, [а] деревянный корабль — на могиле Сакикуса-но хака на склоне Сираки-но сака!...»⁴¹ [Сумиёси-ки, Икома-Камунаби-яма-но хонки]. Эти подношения в виде двух кораблей, видимо, предназначались великому божееству Сумиёси и должны были обеспечить защиту этим божеством персоны главы государства Ямато.

Однако из раздела «Сумиёси-ки» «Основные записи о (людях) [рода] Фунаки» («Фунаки-ра-но хонки») известно, что *О-тата-но микото* сделал не только священные вещи в виде кораблей, но и вместе со своим сыном *Ка-му-тата-но микото* и сородичами построил для царствующей семьи настоящие корабли, которые приняли участие в Корейском походе Дзингу. «Также во времена государыни (Оки)нага-тараси-химэ-но *кōгō*, когда покарали-покорили страну Кумасо-но *куни*, наряду с [этим хотели] совершить поход (яп. *уцу*)⁴² против страны Сираги-но *куни* (кор. Силла-кук), *О-тата-но микото* [и] *Каму-тата-но микото* срубили-взяли в своей местности, которая была [их] владением, деревья с вершины горы [Сома-яма] и построили три корабля. Изначально сделанный корабль — [стал судном, на котором] поплыла государыня (*кōгō*) вместе с *О-мива-но оми* Яхара (др.-яп. *Опо-мива-но оми* Япара). На следующем — втором (“среднем”), с красным нутром, сделанном корабле плыли наследные принцы (яп. *хи-мико-ра* — досл. “государевы сыновья, [наследующие] солнцу”)⁴³. На следующем — последним сделанном корабле (остальные) государевы дети (*мико*) вместе с *О-тата-но микото* [и] *Каму-тата-но микото* совместно плыли. [Так, на кораблях] переправившись по морю, отправились в поход (яп. *уцу*) [против Силла]...»⁴⁴ [Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки].

Корабль для государыни Окинага-тараси-химэ построил и другой член рода Фунаки-но *мурадзи* по имени Умаро, глава селения Фунаки-но *мура* округа Акаси области Харима. В разделе «Сумиёси-ки» (о полях горной местности Хасика в уезде Камо провинции Харима) сообщается: «И в поколение царствования государыни Окинага-тараси-химэ-но *кōгō* в местность [с владениями клана Фунаки] имели честь прибыть (яп. *ёритатэмацуру*) к Великому светлomu божееству [Сумиёси] (?). [И] с этого [момента] Великое божеество Сумиёси спустилось (*ориру*) [в этой местности] (?). [Поэтому] святилище (*ясиро*) [для] великого божеества [Сумиёси] построили, храм-дворец (*мия*) срубили (?)⁴⁵. [Этими] территориями [людей из рода Фунаки] руководят с [того] года до сих пор (?).

⁴¹ 「大八嶋國天下奉出^レ日神者、船木、遠祖大田田神也。以此神造作^レ竺船二艘【一艘木作、一艘石作】、為後代驗。納置^レ膽駒山、長屋墓石船。白木坂、三枝墓木船矣。」[Сумиёси-ки].

⁴² 征 — яп. *уцу, юку*; в сочетаниях *сэй* — идти войной, покорять, подчинять себе; карать [ЯРУ-СИ, с. 224].

⁴³ 日御子等 — яп. *хи-мико-ра*, досл. «принцы, [наследующие] солнцу».

⁴⁴ 「而氣「息帶」長足姫皇后、時、誅伏^レ熊襲國、并新羅國征。時、大田田命、神田田命 伐^レ取^レ己所領山岑樹而造^レ船三艘。本造船者乘^レ皇后并大神臣八腹。次中腹赤造船者乘^レ日御子等。次末造船御子等并大田田命、神田田命共乘渡^レ征。」[Сумиёси-ки].

⁴⁵ В тексте употреблён несуществующий иероглиф 米斤, видимо, ошибочно вместо 斷, который является сокращением 斷 — яп. *тацу*, кит. *дуань* — гл. А. 1) разрубать... [БКРС, т. 2, с. 726].

И тогда Умаро [вместе с] другими [членами рода Фунаки] преподнёс дань государыне (*кōгō*) [Окинага-тараси-химэ], построив корабль. Во время похода против государства Сираги-но *куни* (кор. Силла-*кук*), благодаря тому, [что государыне] понравилось, [как] был сделан корабль, [она] изволила определить [Умаро и другим людям его клана звание] *Фунаки* (“[Род] корабельного дерева”). [Их прежнее] родовое имя (*кабанэ*) Тоттори (букв. “Держащие птиц”) прекратилось-закончилось (яп. *яму-рѐсуру*, кит. *йле*)⁴⁶ [Сумиёси-ки, Харима-но *куни*, уезд Камо, поля местности у горы Хасика-*яма*]. Во Вводном разделе «Сумиёси-ки» сказано: «Провинция Харима, уезд Камо, святилище Сумиёси-но Саками-*ясиро*, [почитаются] три ранее [указанных божества Сумиёси], [священных] дворов — три “дыма”»⁴⁷. Получается, что родовое имя *Фунаки* появилось в год Корейского похода 346 г.

Таким образом, в Корейском походе приняли участие сама государыня Окинага-тараси-химэ, её младшая сестра Тоё-химэ⁴⁸ (по сообщению «Хатиман гудōкун» (источника начала XIV в.) и «Уса-но мия-но кō-ки»⁴⁹ [«Древних записей из дворца в Уса»]⁵⁰), наследные принцы, другие государевы дети, а также, видимо, Такэути-но *сукунэ*, Ō-мива-но *оми* Яхара, Ō-тата-но *микото*, Каму-тата-но *микото*. Возможно, в военном походе Дзингу также принял участие сын государя Икумэ (Суйнина, 332–336 гг. испр. хрон.) по имени Нудэси-*вакэ* (Нутэси-*вакэ* [Нихон-сёки, 1997, т. I, с. 225; в «Кодзики» — Нутараси-*вакэ* [Кодзики, 1994, т. 2, с. 60]) — внук сподвижника государя Мимаки (Судзина, 324–331 гг. испр. хрон.) [о нем см.: Суровень, 2011д; 2011г; 1999], покорителя области Танива-но *куни* — Танива-но Мити-но уси-но *мико* [о нем см.: Суровень, 2011г] (сына принца Хйко-имасу) (Синсэн-сѐдзи-року, св. 5, *Вакэ-но асоми*) [Нихон-сёки, 1997, т. 1, с. 224, 211]. Кроме того, можно предполагать, что в походе государыню Дзингү сопровождал Уцусико-но *кими* — потомок Тоёки-ири-хйко (сына государя Мимаки) (Синсэн-сѐдзи-року, св. 8, *Кара-ятабэ-но мияцукко*). Из местных источников острова Ики известно, что «в поход в Самхан» отправились выходцы из рода Касима-но Накатоми-*удзи* — Икацу-но *ō-оми* и его сын Ики-но *атаи* Манэко (о чьей гибели в 398 г. [испр. хрон.] рассказано в разделе 9-го правления Ōдзина «Нихон-сёки» [см.: Там же, с. 287], а также — в разделе 8-го года [397 г. испр. хрон.] правления Ōдзина в «Фусō-рякки» соответственно (рис. 1). Источники утверждают, что Ики-но *атаи* Манэко внешнею был похож на *ō-оми* Такэути-но *сукунэ* [см.: Там же, с. 287; Фусō-рякки].

⁴⁶ 「而氣〔息帶〕長足姫皇后,御宇,世。所奉寄於大明神已了。自爾以降。大神社造、宮新〔断〕、年尚矣。爰宇麻〔呂〕等貢獻皇后造船。新羅國、征、時、依好造、船、定賜船木。鳥取、姓已了。」 [Сумиёси-ки].

⁴⁷ 「播磨國、賀茂郡、住吉、酒見社、三前、戸三烟。」 [Сумиёси-ки].

⁴⁸ 「皇后は妹の豊姫」 [Там же].

⁴⁹ 『宇佐宮旧記』 — яп. *Уса-но мия кō-ки*, «Древние записи [из] дворца [в] Уса» [Исора-га *саки* то Исора-но *ками*].

⁵⁰ Цитируемых в 10-м свитке («Бундзэн-*куни*») сочинения «Дадзай-кан най-си» («Внутренних записей управления Дадзай-кан», 1841) [Там же].

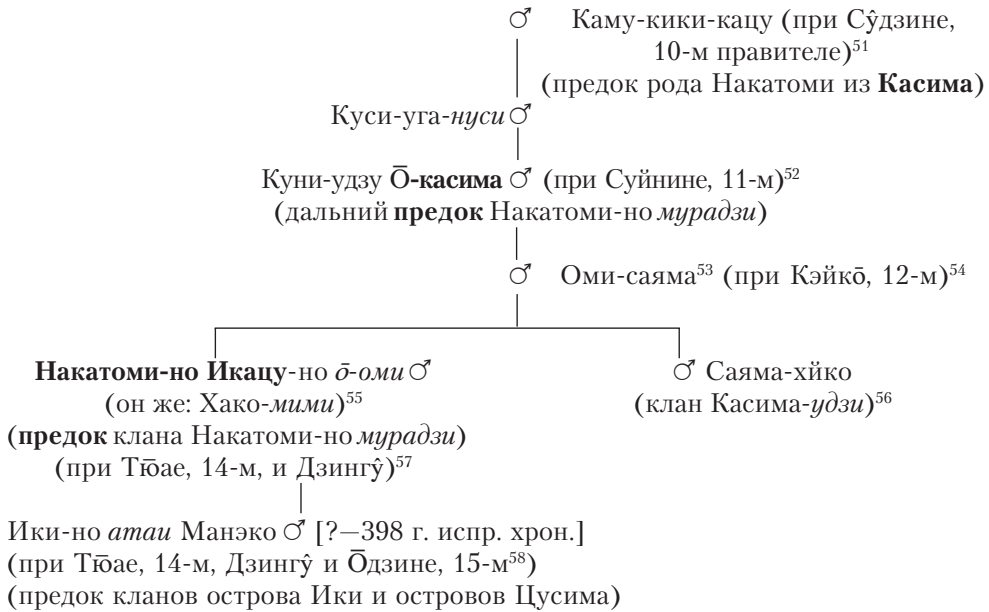

Рис. 1. Генеалогия клана Касима-но Накатоми-удзи⁵⁹

Из источников известно, что в Корейском походе приняли участие также члены рода Вани-но *оми* [Нихон-сёки, 1997, т. 1, с. 212; Кодзики, 1994, т. 2, с. 51]. И это, видимо, не случайно. Согласно мнению Киси Тосио, люди клана Вани проживали в большинстве районов Центрального и Западного Хонсю, особенно в местности, занимавшей земли от озера Бива до бухты Цуруга — важного морского порта на Японском море. Но люди Вани не жили на острове Кюсю. Членов клана Вани можно считать людьми, которые играли важную роль в японо-корейских отношениях на маршрутах, проходивших через Японское море [см: Akima, p. 141]. Примечательно, что член младшей ветви рода Вани-удзи по имени Сихо-тари-цу хико (племянник одного из предков рода Вани — Хико-куни-фуку⁶⁰ [в «Синсэн-сёдзи-року» назван его внуком (яп. *маго*, кит. *сүн*), что также можно перевести как «потомок по мужской линии»]) в царствование государя Мимаки по просьбе правителя государства Имна в Южной Корее был послан в качестве военачальника и наместника (кит. *цзэй*⁶¹, яп.

⁵¹ Упомянут в «Хитати-фудоки» [см.: Древние фудоки, с. 48].

⁵² См.: [Нихон-сёки, т. 1, с. 226].

⁵³ Упомянут в «Хитати-фудоки» [см.: Древние фудоки, с. 48, 49, 249].

⁵⁴ Составлено по: [Накатоми-удзи — **О**-накатоми-удзи (фукуми: Урабэ-удзи)].

⁵⁵ [Накатоми, Касима-удзи].

⁵⁶ [Там же].

⁵⁷ См.: [Нихон-сёки, 1997, т. 1, с. 263, 264; Нихон-сёки, 1957, с. 237, 241].

⁵⁸ См.: [Нихон-сёки, 1997, т. 1, с. 287].

⁵⁹ Составлено по: [Накатоми-удзи — **О**-накатоми-удзи (фукуми: Урабэ-удзи)].

⁶⁰ Материалы из: [Вани-удзи-но кэйдзу].

⁶¹ 宰 — кит. *цзэй*, *суц.* 1)... правитель, глава; начальник; 2) распорядитель... [БКРС, т. 2, с. 853].

микотомоти — досл. «государева порученца»⁶²) в район Имун воевать против силласцев, претендовавших на земли Имна [Синсэн-сѣдзи-року, св. 3, Китита-но *мурадзи*] (рис. 2). Сын Сихо-тари-цу хйко по имени Кума-кору (современник государей Кэйкō и Сэйму⁶³) жил в Имна [Вани-удзи-но кэйдзу]. Поэтому участие потомков Хйко-куни-фуку в Корейском походе государыни Дзингү было необходимо. Знание морских путей, местности и опыт военных действий против войска силласцев были весьма кстати в новом военном предприятии против Силла.

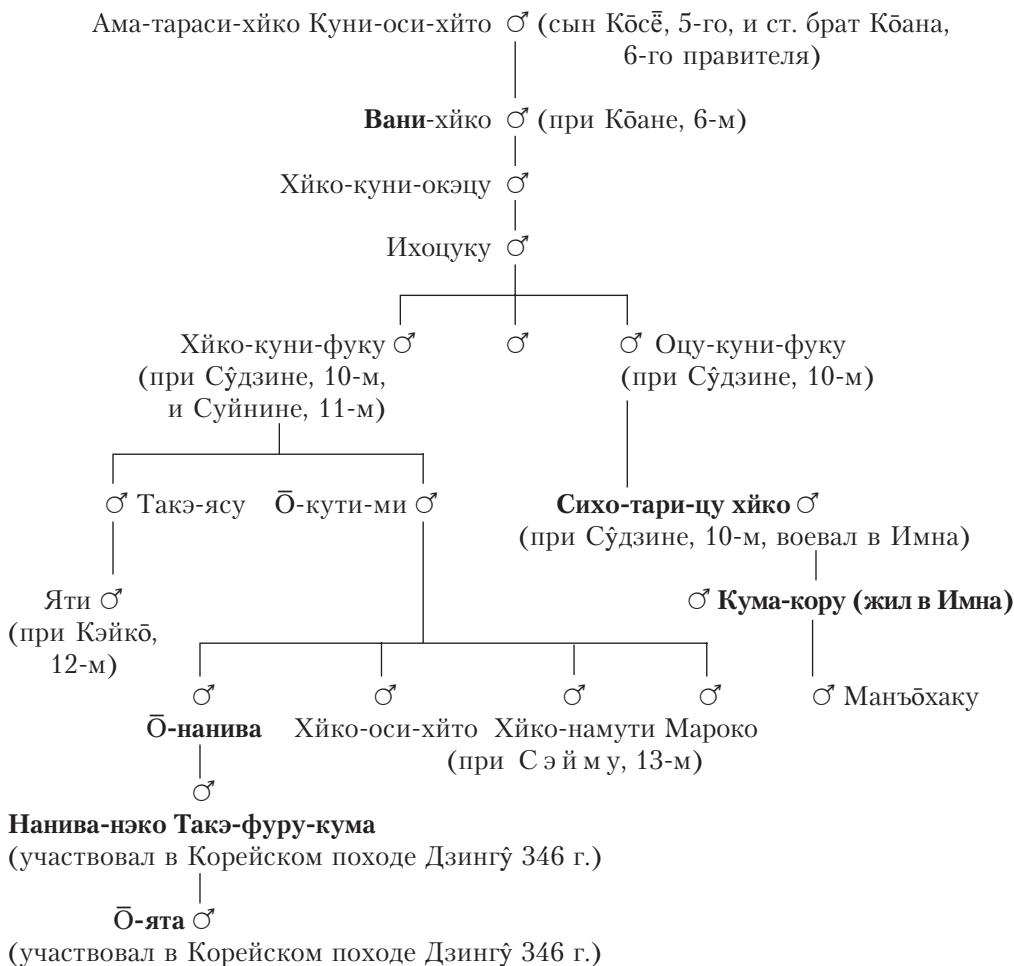

Рис. 2. Официальная генеалогия рода Вани-но *оми*⁶⁴

⁶² 幸 — др.-яп. *микотомоти*, где *микото* — господин, государь; *моти* — обязанность, ответственность; суф. указывает, на ком лежит обязанность [см.: ЯРС, с. 372]; совр. яп. *сай* — руководитель, стоять во главе. [ЯРУСИ, с. 183].

⁶³ О нём см.: [Суровень, 2011а].

⁶⁴ Материалы из: [Вани-удзи кб; Вани-удзи-но кэйдзу].

В «растянутой» генеалогии рода Вани-но *оми* сообщается, что сын $\bar{O}$ -Нанива-но *сукунэ* (др.-яп. Опо-Нанипа-но *сукунэ*) по имени Нанива-нэко Такэ-фуру-кума-но *микото* (др.-яп. Нанипа-нэко Такэ-пуру-кума) состоял в свите государыни (яп. *губу*) Дзингû-кôгô в её походе в Южную Корею (яп. Кара, кор. Хан⁶⁵, т. е. в Самхан), а Акима Тосио также считает его родственником государыни Дзингû [см.: Акима, р. 136]. Следовательно, по официальной генеалогии Нанива-нэко Такэ-фуру-кума-но *микото* считался внуком $\bar{O}$ -кути-ми-но *микото*.

Однако в 5-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» дана другая (короткая) родословная. По ней правнук (потомок в 3-м поколении) Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто-но *микото* — Хйко-куни-фûку-но *микото* (др.-яп. Пико-куни-пуку-но *микото*) был отцом $\bar{O}$ -кути-ми-но *микото*, который имел сына по имени Нанива-но *сукунэ*, а тот был отцом $\bar{O}$ -ята-но *сукунэ* «...Правнук Ама-тараси-хйко Куни-оси-хйто-но *микото* [по имени] Пико-куни-пуку-но *микото*... [его] сын — Опо-кути-ми-но *микото*, [его] сын — Нанипа-но *сукунэ*, [его] сын — Опо-ята-но *сукунэ*...»⁶⁶ [Синсэн-сёдзи-року, св. 5, Мано-но *оми*]. А в 3-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» говорится, что Ята-но *сукунэ* приходится потомком в 4-м поколении для Хйко-окэцу-но *микото* (др.-яп. Пико-окэту, он же Хйко-куни-окэцу — деду Хйко-куни-фуку и сыну Вани-хйко — основателя клана Вани-но *оми*)⁶⁷ [Синсэн-сёдзи-року, св. 3, Ямато-но Абэ-но *асоми*]. А сам Нанива-но *сукунэ* назван потомком в 3-м поколении (правнуком) Хйко-окэцу-но *микото*⁶⁸ [см.: Там же], хотя по официальной генеалогии — он потомок в 4-м поколении [см.: Вани-удзи-но кэйдзу]. Это может означать, что в официальной генеалогии клана Вани-но *оми*, в угоду «удревнения» истории Ямато, были добавлены лишние поколения.

Получается, что сыном $\bar{O}$ -кути-ми-но *микото* (др.-яп. Опо-кути-ми) был некто Нанива-но *сукунэ* (др.-яп. Нанипа-но *сукунэ*), который, в свою очередь, был отцом $\bar{O}$ -ята-но *сукунэ* (др.-яп. Опо-ята-но *сукунэ*). Однако по «растянутой» генеалогии отцом $\bar{O}$ -ята-но *сукунэ* был именно Нанива-нэко Такэ-фуру-кума-но *микото*, а сыном $\bar{O}$ -кути-ми-но *микото* считался $\bar{O}$ -нанива-но *сукунэ*. Следовательно, Нанива-нэко и $\bar{O}$ -нанива — это один и тот же человек, а не сын и отец (как в «растянутой» генеалогии). Это подтверждается и одной из версий генеалогии рода Вани-удзи, где $\bar{O}$ -кути-ми указан отцом Нанива-нэко Такэ-фуру-кума, сыном которого, в свою очередь, был $\bar{O}$ -ята-но *сукунэ* [см.: Вани-удзи кô] (рис. 3).

⁶⁵ 「難波根子建振熊命(神功皇后 征^レ韓 供奉) $\bar{O}$ [Вани-удзи-но кэйдзу].

⁶⁶ 真野臣(まのおのみ)。天足彦国忍人命の三世孫、彦国葺命の後なり。男、大口納命の男、
 なにはのすくね おはやたのすくね
 難波宿禰 の男、大矢田宿禰 ... [Синсэн-сёдзи-року, св. 5-й].

⁶⁷ 「...彦姥津命の四世孫、矢田宿禰...」 [Там же, св. 3-й].

⁶⁸ 「...彦姥津命の三世孫、難波宿禰...」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й].

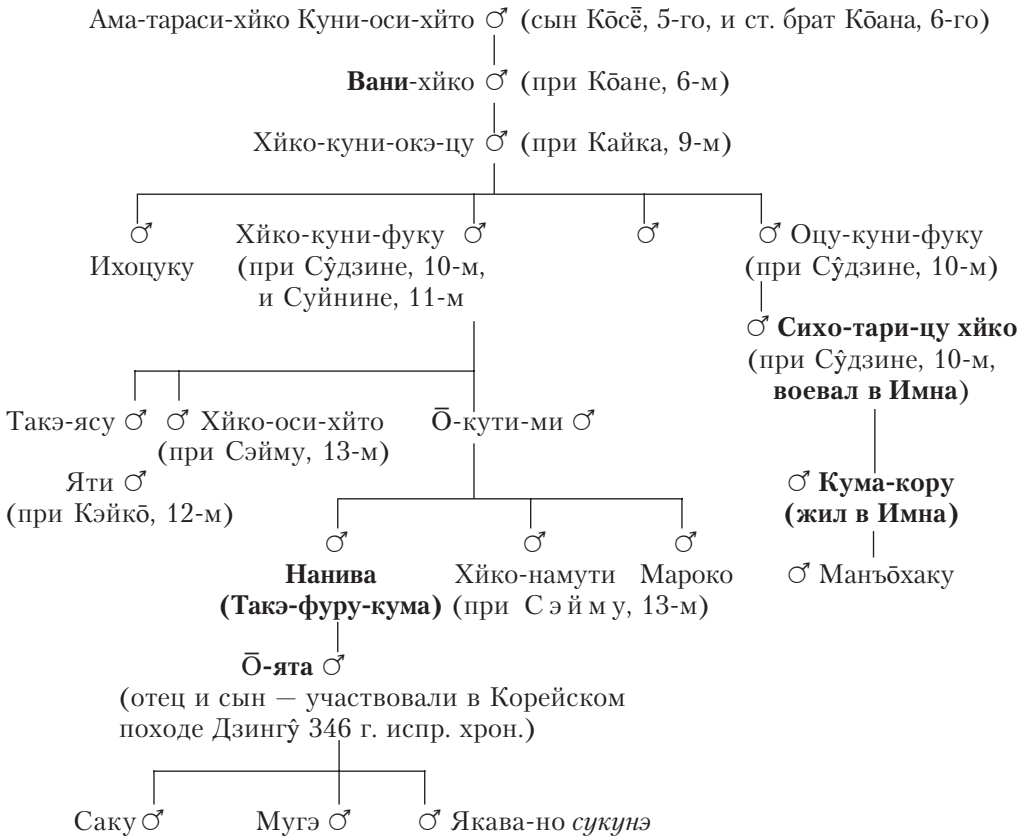

Рис. 3. «Короткая» генеалогия рода Вани-но *оми*⁶⁹

Курацука Акико датирует возникновение с к а з а н и я о Нанива-нэко Такэ-фуру-кума, военачальнике из клана Вана — периодом ранее VI в. По её мнению, первая часть имени «Нанива-нэко Такэ-фуру-кума» — *Н а н и в а - н э к о* («человек-корень из Нанива»), показывает, что он был первым членом рода Вани, который поплыл на корабле не по Северному Японскому морю, а из Нанива по южному маршруту (Внутреннее Японское море — Кюсю) [Akima, p. 142]. Акима Тосио указывает, что с середины IV в. начинается подъём и расцвет клана Вани, что связано с деятельностью военачальника Нанива-нэко Такэ-фуру-кума [Ibid., p. 162].

«Синсэн-сэдзи-року» сообщает, что в Корейском походе принял участие и другой член рода Вани-но *оми* (правнук Хйко-куни-фуку) по имени *О-ята-но сукунэ* (др.-яп. *Опо-ята-но сукунэ*), являвшийся сыном Нанива-но *сукунэ* (др.-яп. *Нанипа-но сукунэ*, т. е. — сыном Нанива-нэко Такэ-фуру-кума) [Нихон-сёки, 1997, т. 1, с. 212; Кодзики, 1994, т. 2, с. 51]. *О-ята-но сукунэ* смог в Корей-

⁶⁹ Материалы из: [Вани-удзи кō; Вани-удзи-но кэйдзу].

ском походе выслужиться до должности военачальника (др.-яп. *икуса-но кими*, совр.-яп. *сѣгун*). «...Нанипа-но *сукунэ*, [его] сын — Опо-ята-но *сукунэ*. [Он] последовал за [государыней] Окинага-тараси-пимэ-но *сумэра-микото* (почётное посмертное имя Дзингû), [когда она] пошла в поход на Силла...»⁷⁰ (Синсэн-сѣдзи-року, св. 5, Мано-но *оми*). В официальной генеалогии клана Вани-но *оми* говорится, что «О-ята-но *сукунэ* состоял в свите государыни (яп. *губу*)⁷¹ Дзингû-*кôгô* в её походе в Южную Корею (кор. Хан, др.-яп. Кара, совр.-яп. Кан)»⁷². Судя по именам сыновей О-ята-но *сукунэ* (*Саку-но микото* и *Мугэ-но микото*), названным далее в «Синсэн-сѣдзи-року» и в генеалогии рода Вани-но *оми*, речь идёт об одном и том же человеке⁷³ (Синсэн-сѣдзи-року, св. 5, Мано-но *оми*). Этот Ята-но *сукунэ* известен как предок клана Ванибэ-но *сукунэ*⁷⁴ (Синсэн-сѣдзи-року, св. 3, Ванибэ-но *сукунэ*).

Из «Харима-фудоки» известно, что капитаном одного из кораблей, шедших во флотилии государыни Дзингû в Корейский поход, был Томами-но *обито* Онакацуко из села Накацугава⁷⁵ уезда Саё⁷⁶ (в самой западной части провинции Харима) (Харима-фудоки, уезд Саё, село Накацугава) [Древние фудоки, с. 93, 251, 258, 304].

Наконец, завершив приготовления в Центральной Японии (как можно судить по материалам «Харима-фудоки»), сев на корабли (видимо, в Нанива), участники Корейского похода из Кинай поплыли на кораблях на Кюсю, откуда отправились в свой знаменитый поход против Силла 346 г. [см.: Суровень, 1998а, с. 160—167].

БКРС — Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 1—4. [BKRS — Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. M., 1983. T. 1—4.]

Древние фудоки. М., 1969. [Drevnie fudoki. M., 1969.]

Ким Бусик. Самкук-саги. М., 1959. Т. 1. [Kim Busik. Samkuk-sagi. M., 1959. T. 1.]

Кодзики : Записи о деяниях древности. СПб., 1994. Т. 2. [Kodziki : Zapisi o deyaniyakh drevnosti. SPb., 1994. T. 2.]

⁷⁰ なにはのすくね   おほやたのすくね   おきながたらしひめのすめらみこと   うち
「... 難波宿禰 の男、大矢田宿禰 、氣長足姫皇尊 [諡は神功] に従ひて新羅を征伐て。」 [Синсэн-сѣдзи-року, св. 5, Мано-но *оми*].

⁷¹ 供奉 яп. *губу-суру* — состоять в свите императора [ЯРУСИ, с. 167].

⁷² 「大難波命 (神功皇后 征^レ韓 供奉)。」 [Вани-удзи-но кэйдзу].

⁷³ たくのみこと   むげのみこと
「...二男、兄は 佐久命 、次は 武義命 なり。」 [Синсэн-сѣдзи-року]; 「佐久命、武義命」 [Вани-удзи-но кэйдзу; Вани-удзи *kô*].

やたのすくね
⁷⁴ 「和爾部宿禰 (わにへのすくね) ... 矢田宿禰 の後なり。続日本紀に合へり。」 [Синсэн-сѣдзи-року, св. 3-й].

⁷⁵ Накацугава — село в уезде Саё провинции Харима; находилось в бассейне рек Накацукава (приток реки Тигуса) и Сифуми (Кофуми, Кумон) и занимало район современного города Микадзуки. В «Вамѣсѣ» оно записано как Накацукава [Древние фудоки, с. 297—298].

⁷⁶ Саё — один из десяти уездов провинции Харима; земли этого уезда занимали район пяти современных городков: Саё, Нанкô, Микадзуки, Кусаки и Кôдзуки, т. е. район верхнего течения реки Тигуса, что в самой западной части провинции Харима. Это примерно соответствует территории современного уезда Саё префектуры Хёго [Древние фудоки, с. 304].

Нихон-сёки : Анналы Японии. СПб., 1997. Т. 1. [Nihon-syoki : Annaly Yaponii. SPb., 1997. T. 1].

Суровень Д. А. Влияние китайско-корейских переселенцев *аябито* на государственность и культуру Ямато V в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011а. № 2 (90). С. 20–35. [Suroven' D. A. Vliyanie kitajsko-korejskikh pereselentsev ayabito na gosudarstvennost' i kul'turu Yamato V v. // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011a. N 2 (90). S. 20–35.]

Суровень Д. А. Китайско-корейские переселенцы *аябито* в Японии начала V века // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011б. № 1 (87). С. 169–194. [Suroven' D. A. Kitajsko-korejskie pereselentsy ayabito v Yaponii nachala V veka // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011b. N 1 (87). S. 169–194.]

Суровень Д. А. Корейский поход *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1998а. Вып. 5. С. 160–167. [Suroven' D. A. Korejskij pokhod Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. M. ; Magnitogorsk, 1998a. Vyp. 5. S. 160–167.]

Суровень Д. А. О времени начала использования письменности при дворе государства Ямато // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы : материалы заоч. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Уссурийск, 2010. С. 120–125. [Suroven' D. A. O vremeni nachala ispol'zovaniya pis'mennosti pri dvore gosudarstva Yamato // Aktual'nye voprosy vostokovedeniya: problemy i perspektivy : materialy zaoch. nauch.-prakt. konf. / отв. red. N. V. Gur'yan, O. A. Trofimenko. Ussurijsk, 2010. S. 120–125.]

Суровень Д. А. Обезд Восточных территорий государем *Отараси-хико* и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // Урал. востоковедение : междунаро. альманах. Екатеринбург, 2011в. Вып. 4. С. 10–39. [Suroven' D. A. Ob'ezd Vostochnykh territorij gosudarem Otarasi-khiko i administrativno-territorial'nye reformy nachala 40-kh godov IV veka v Yamato // Ural. vostokovedenie : mezhdunaro. al'manakh. Ekaterinburg, 2011v. Vyp. 4. S. 10–39.]

Суровень Д. А. Период регентства *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1998б. Вып. 6. С. 174–180. [Suroven' D. A. Period regentstva Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. M. ; Magnitogorsk, 1998b. Vyp. 6. S. 174–180.]

Суровень Д. А. Покорение государством Ямато области Танива в начале IV века (по материалам «Танго-фудоки») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 44. 2011г, № 9 (224). С. 105–115. [Suroven' D. A. Pokorenie gosudarstvom Yamato oblasti Taniva v nachale IV veka (po materialam «Tango-fudoki») // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Istoriya. Vyp. 44. 2011g, N 9 (224). S. 105–115.]

Суровень Д. А. Покорение земель Северо-Восточной Японии режимом Ямато (по материалам «Кунино мияцуконки» [«Реестра наместников провинций»]) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2011д, № 2 (18). С. 3–15. [Suroven' D. A. Pokorenie zemel' Severo-Vostochnoj Yaponii rezhimom Yamato (po materialam «Kuni-no miyatsuko khonki» [«Reestra namestnikov provintsij»]) // Izv. vyssh. ucheb. zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitar. nauki. 2011d, N 2 (18). S. 3–15.]

Суровень Д. А. Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 1999. № 13. Вып. 2. С. 89–113. [Suroven' D. A. Problema perioda “vos'mi pravitelej” i razvitie gosudarstva Yamato v tsarstvovanie Mimaki (gosudarya Sudzina) // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 1999. N 13. Vyp. 2. S. 89–113.]

Суровень Д. А. Проблемы царствования в Ямато правителя *Икумэ* (Суйнина) // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 1998в. С. 193–217. [Suroven' D. A. Problemy tsarstvovaniya v Yamato pravatelya Ikume (Sujnina) // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. Ekaterinburg, 1998v. S. 193–217.]

Суровень Д. А. Развитие Японии в конце IV — начале V вв. // Урал. востоковедение: междунар. альманах. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 8—45. [Suroven' D. A. Razvitie Yaponii v kontse IV — nachale V vv. // Ural. vostokovedenie: mezhdunar. al'manakh. Ekaterinburg, 2005. Vyp. 1. S. 8—45].

Суровень Д. А. Ранние политики Центральной Японии начала IV века и мятеж Сахо-бико // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2012. № 3 (105). С. 6—22. [Suroven' D. A. Rannie politii Tsentral'noj Yaponii nachala IV veka i myatezh Sakho-biko // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2012. N 3 (105). S. 6—22].

Суровень Д. А. Сведения японских источников о подготовке государыней Окинага-тараси-химэ (правительницей Дзингу) Корейского похода в Силла 346 г. Окинага-тараси-химэ в Юго-Западной Японии // Изв. Урал. федер. ун-та. 2013. № 2 (114). С. 150—167. [Suroven' D. A. Svedeniya yaponskikh istochnikov o podgotovke gosudarynej Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsej Dzingu) Korejskogo pokhoda v Silla 346 g. Okinaga-tarasi-khime v Yugo-Zapadnoj Yaponii // Izv. Ural. feder. un-ta. 2013. N 2 (114). S. 150—167.]

Суровень Д. А. Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Отараси-хико (государя Кэйко) // Пробл. отеч. и зарубеж. истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 180—196. [Suroven' D. A. Ekspansiya gosudarstva Yamato v Yuzhnoj Yaponii v kontse 30-kh godov IV veka n.e. v pravlenie Otarasikhiko (gosudarya Keiko) // Probl. otech. i zarubezh. istorii, teorii i metodiki obucheniya istorii. Ekaterinburg, 2002. S. 180—196.].

ЯРС — Японско-русский словарь. М., 1984. 696 с. [YARS — Yaponsko-russkij slovar'. M., 1984. 696 s.]

ЯРУСИ — Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. 680 с. [YARUSI — Fel'dman-Konrad N. I. Yaponsko-russkij uchebnyj slovar' ie-roglifov. M., 1977. 680 s.]

Источники (электронные ресурсы)

Вани-удзи кō 和邇氏考. URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-29.html>.

Вани-удзи-но кэйдзу 和邇氏の系図. 駿河浅間大社宮司家所蔵版に準拠 // 『姓氏家系大辞典』所載「和邇部系図」// URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/wanikeizu.htm>.

Дай-нихон-си (хон-ки и рэцу-дэн по изд.: Дай-нихон-си / под ред. Ёсикава Хансити, 1900; си и хё по изданию: Дай-нихон-си / под ред. Токугава Сёко, 1906—1907). 大日本史(本紀・列傳 // 主要底本為 吉川弘文館 徳川家藏版 大日本史 / 吉川半七、明治卅三刊; 志・表 // 要底本為 源光國編源齊昭補源慶篤校大日本史 / 徳川總子、明治卅九、卅三年刊. URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/dainihonsi/dainihon.htm>.

Икацу-но ѓ-оми: Ики — Цусима-но созин 雷大臣: 壱岐、対馬の祖神. URL: <http://www5.ocn.ne.jp/~tukiyomi/kaminari.html>.

Исора-га саки то Исора-но kami 磯良崎と磯良神. URL: <http://www.k3.dion.ne.jp/~kodaira/hyz1107a.htm>.

Накатами, Касима-удзи 中臣、鹿嶋氏. URL: <http://www.max.hi-ho.ne.jp/m-kat/nihon/13-12nakatomikasimasi.htm>.

Накатами-удзи — Ō-накатами-удзи (фукуми: Урабэ-удзи) 中臣氏・大中臣氏考(含: 卜部氏). URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-23.html>.

Синсэн-сёдзи-року, св. 1 — 30-й 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清『新撰姓氏録の研究 本文篇』(Саэки Арикиё. Исследование «Синсэн-сёдзи-року». Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан, 1962). URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html>.

Сумиёси-ки 住吉記 // Сумиёси-тайся-синдай-ки-но кэнкё 住吉大社神代記の研究 // 田中卓著作集7 図書刊行会 (Исследование Сумиёси-тайся-синдай-ки / сост. Танака Такаси. Сб. 7, Дзусёканкокай, 1985). URL: <http://kamnavi.jp/sumiyosi/index.htm>.

Фусō-рякки 扶桑略記. URL: <http://www.umoregi.com/koten/fusoryakki/index.html>.

Цуказуми Ёсинобу. Дзингү-кōгō-дэнсэцу-но кэнкю 塚口 義信。神功皇后伝説の研究。Cōгэн-ся, 1981.

Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla // Japanese J. of religious studies. 1993. № 20 (2/3). P. 95–185.

Grapard Allan G. Lotus in the mountain, Mountain in the Lotus: Rokugō kaizan Nimmon daibosatsu hongī // Monumenta Nipponica. 1986. Vol. 41, № 1. P. 21–27.

Статья поступила в редакцию 20.03.2013 г.

УДК (100)“05/...” + 27-36 + 82-94

И. С. Охлупина

ОБРАЗЫ МАТЕРЕЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ*

На материалах агиографических сочинений средневизантийского периода рассматриваются образы византийских матерей, связанные со святым человеком, прославляемым в житии, и матерей, удостоенных причисления к лику святых. Установлены функции повествования о матери святого в житии: наставница святого, последовательница и «сказочный вредитель». Показано влияние культа Богоматери на образы святых матерей. Установлено, что девиантные формы материнского поведения в агиографии были связаны с проблемами расточительства собственности семьи и супружеской неверности. Делается вывод о том, что образы идеальных и порочных матерей в агиографических произведениях подтверждали смысловые парадигмы ценностей и представлений, которых придерживалось византийское общество и на которых строилась логика поведения средневекового человека.

Ключевые слова: Византия; агиография; образ матери; мать святого; византийская литература; святые женщины; Богоматерь.

Агиографическая литература, ориентированная на описание пути к спасению и достижению Царствия Небесного, пропагандирующая в качестве высшей степени совершенства отказ от мирских радостей и сосредоточение всех помыслов на служении Богу, вместе с тем не избегала обращения и к мирским сюжетам, невольно фиксируя ценности повседневной жизни византийцев. Одной из таких ценностей был институт семьи и материнства. Именно на религиозных и библейских сюжетах, транслируемых житиями святых угодников, в известной степени строилась логика поведения средневекового человека.

Обратимся к анализу содержания общественно поощряемой модели поведения византийских матерей, воплощенной в образах матерей святых и святых

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации, проект «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии». Соглашение 14.А18.21.0480.

матерей в агиографической литературе средневизантийского периода (VIII—XII вв.), и постараемся определить степень влияния ценностных ориентиров той эпохи на образы матерей. Интересующие нас образы византийской агиографии включают в себя образы матерей святых, образы святой женщины-матери, и проекции агиографического образа матери на женщин светских (не являющихся святыми).

Жития византийских святых донесли до нас образы матерей, которые стали святыми после пострижения и отказа от семейных связей (Жития святых Феодоры Солунской [см.: Арсений (Ивашенко)], Афанасии Эгинской [см.: *Holy Women of Byzantium*, p. 142—158]; и др.). Материнство в житиях других святых могло рассматриваться как поле для упражнения в человеколюбии и других добродетелях (Жития императрицы Феодоры, восстановившей иконопочитание в Византии [см.: *Byzantine defenders of images*, p. 374], Марии Новой [см.: *Holy Women of Byzantium*, p. 259], Фомаиды с о. Лесбос [*Ibid.*, p. 303]). Византийские жития святых сохранили образы святых матерей, нашедших свое высшее счастье в детях, однако агиографическая традиция осуждала избыточное проявление материнской любви, которая отвлекала женщину от Бога.

Наряду с житиями святых для анализа образа матери мы обратимся и к сочинениям иного рода — трудам Отцов Церкви, похвалам (энкомиям) матерям, нравоучительным сочинениям, эпическим произведениям. Подобно тому как жития святых могли включать элементы любых других видов нарративных произведений [см.: Ryden, p. 78], так и другие жанры византийской литературы могли свободно использовать элементы агиографии в зависимости от содержания и авторских целей [см.: Любарский, с. 143].

Образы материнства в Византии неразрывно были связаны с нормативами семейного поведения и представлениями о целях брака. Под хорошим браком в средневековом обществе подразумевался брак многодетный, а хорошая жена должна была родить мужу наследников. Хотя авторы житий стремились рассматривать бездетные браки как полностью сохраняющие силу таинства, если партнеры были преданы друг другу в страхе Божиим¹, и часть бездетных жен была причислена к святым (например, Фомаида с о. Лесбос [см.: *Holy Women of Byzantium*, p. 297—322]), все же наличие детей рассматривалось в качестве неременной составляющей совершенного брака. Поэтому для многих супружеских пар неспособность зачать ребенка была трагедией. Благочестивые родители Фомаиды с о. Лесбос вынуждены были «ἀπαίδίᾳ ἐλύπει δεσμός, ὡς τοὺς τοῦ κυρίου πάλα προπάτορας» («нести кандалы бездетности, как ранее несли их прародители Христа»)² [см.: *De S. Thomaïde Lesbia*, p. 234; *Holy Women of Byzantium*, p. 299]. В просьбах об исцелении от бездетности они подражали мольбам правоверных Анны и Иоанна, родителей Богоматери. Родители Фомаиды вступили в брак «οὐδε σωματικῆς ἡδονῆς ἔνεκα ἐφέσει

¹ Историю сохранения девства в браке можно найти в Новом Митериконе, которая повествует о жене, прожившей 60 лет с патриkiem Лонгином и оставшейся девой [см.: Новый Митерикон, с. 370].

² Перевод с греческого автора статьи.

παῖδός ἀγαθοῦ» («не ради телесного удовольствия, исходили из желания иметь хорошего ребенка») [De S. Thomaïde Lesbia, p. 235].

В византийской традиции материнство являлось одной из главных ипостасей истинного женского предназначения. Поскольку средневековое общество воспринимало бесплодие, как и смерть младенцев, наказанием, византийские женщины, не способные произвести на свет чадо, обращались к Богу и его святым угодникам с просьбой о зачатии, молились о появлении ребенка мужского пола, о благополучной беременности и успешных родах, порой прибегая к помощи святых мощей и различных амулетов [см.: Oxford Dictionary of Byzantium, vol. 2, p. 994; Барабанов, с. 100—110], а также заклинаний, чтобы охранить способность к деторождению [Oxford Dictionary..., vol. 3, p. 2201].

Ввиду ограниченности медицинских средств родовспоможения в Византии, обстоятельства рождения могли быть нелегкими и часто оказывались фатальными для роженицы и ребенка. О нелегком появлении на свет ребенка повествует Житие Феофано. Роды Анны, матери Феофано, были очень трудные, она была на грани смерти. Муж, присутствовавший при родах жены и видевший ее муки и страдания, стремился как-то их облегчить. Он отправился в Васский храм Богородицы, снял пояс с одной из колонн и велел положить его на бедро беременной жены. Боли утихли, и Анна разрешилась от бремени дочерью, которая «χαριέντῶς, ὡς φασί, προσμεῖδιόν» («как говорят, сладко улыбалась») [см.: Kurtz, 1898, S. 3; Лопарев, с. 66]. Трудной была и беременность Евдокии, жены Константина V. По свидетельству автора Жития св. Анфусы Мантинейской, беременность императрицы протекала сложно, существовала опасность смертельного исхода. Святая Анфуса успокоила императрицу, сказав, что ее роды пройдут благополучно и что она произведет на свет мальчика и девочку [Byzantine defenders of images, p. 21].

Тесный физический контакт при кормлении усиливал эмоциональное единение благородной и благочестивой матери с ребенком. Так, святая Анна-Евфимий своего второго ребенка отдала дяде на воспитание только после прекращения грудного вскармливания [см.: Synaxarium, p. 173—174]. Огорчением для матери было недостаточное количество своего молока, поскольку византийки предпочитали кормить ребенка сами [см.: Ariantzé, S. 108]. Это могло отражать перемены, произошедшие в практике ухода за младенцами, ведь в ранне-византийский период в богатых семьях было принято прибегать к помощи кормилиц. С просьбой о даровании молока византийки обращались прежде всего к святым. Так, две матери молились у могилы Марии Новой об исцелении, так как сосцы их пересохли и затвердели и они не могли кормить своих детей [см.: Holy Women of Byzantium, p. 270].

С эпизодом кормления в житиях связаны несколько агиографических топов. Одним из топов был отказ святого от молока кормилицы и предпочтение молока благочестивой матери. Питание молоком от благочестивой матери, по мнению агиографов, могло благотворно повлиять на будущее становление святого. В Житии Феофано святая после смерти своей матери Анны отказывалась от молока кормилицы, расстроив тем самым отца. Но чудом ребенок привык

к груди одной из служанок — девственницы, в груди которой чудесным образом появилось молоко [см.: Kurtz, 1898, S. 3].

Стремление обзавестись детьми было связано не только с представлениями византийцев о целях удачного брака, но также диктовалось более практически соображениями. Дети рассматривались как форма страхования от тягот старости, поскольку родители могли рассчитывать на их помощь и поддержку в преклонном возрасте. Поскольку в Византии женщины чаще переживали своих супругов [см.: The Byzantines, p. 128] и, овдовев, находились в социально более уязвимом положении, чем вдовцы, поддержка взрослых сыновей и дочерей для овдовевших женщин имела большее значение, чем для мужчин. Поэтому женщины нередко принимали на себя опекунские функции и были особенно заинтересованы в правильном воспитании своих детей.

Так, мать святого Луки Стириота подчеркивала, что ее сын являлся единственной ее поддержкой в старости [см.: The Life and Miracles of Saint Luke, p. 21]. Святой Лука, несмотря на стремление угодить Богу своей жизнью, «οὐδὲ τοῦ καθήκοντος τοῖς γονεῦσιν ἡμέλει, ἀλλὰ ἦν ἀπροφάσιστον αὐτοῖς ὑπέχωντ' αὐτῶν λειτουργίαν καὶ τιμὴν» («не пренебрегал обязанностями перед своими родителями, но без промедления нес им службу и воздавал почести») [The Life and Miracles of Saint Luke, p. 10]. Иногда он брался за выпас стада и иногда посвящал себя трудам крестьянским [см.: Ibid.].

Социальные нормы взаимоотношений между родителями и детьми нашли отражение и в византийском законодательстве (Эклоге 726 г.), которое предписывало детям повиноваться и почитать своих родителей. Дети должны были выказывать родителям всяческое уважение и повиновение в соответствии с Писанием: «делом и словом чти отца своего и мать свою, чтобы дошло до тебя их благословение, ибо отцовское благословение укрепляет дома детей, а материнское проклятие подрывает их основы, ибо через родителей рождены дети, и что еще вознаградит родителей, если не это? (Сир. 3 : 9, 11). Апостол Павел утверждает это, когда говорит: «Дети, повинуйтесь родителям вашим во имя Господа, ибо это справедливо; и родители, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в обучении и наставлении господнем (Еф. 6 : 1–4)» [Эклога, с. 56]. Таким образом, закон, апеллируя к существующим семейным установлениям для обоснования своих положений, актуализировал тему материнского проклятия.

Тема материнского проклятия — традиционная тема греческой словесной традиции, которая воздействовала и на законодательную практику. Материнский вклад в воспитание детей считался в византийском обществе несоизмеримо большим, чем отцовский, поэтому гнев матери на небрежение ее волей со стороны ее «чада» считался более обоснованным, чем отцовский, а материнское проклятие — более страшным. Например, роман об Исмине и Исминии, написанный эрудитом эпохи Комнинов Евстафием Макремволитом, повествует об ужасающих последствиях материнского проклятия. Проклятие матери поднимает бурю против влюбленных, которая могла уничтожить их жизни [см.: Евматий Макремволит, с. 106].

В византийском обществе роль матери в воспитании и процессе социализации детей — как мальчиков, так и девочек — признавалась основополагающей,

поскольку именно мать воспитывала ребенка до 5–7-летнего возраста. Иллюстрацией признания асимметричного статуса родителей в семье может служить и тот факт, что в светских произведениях, например энкомиях, посвященных матерям, активно использовались агиографические образы. Так, в надгробной речи, составленной на смерть своей матери Феодоты, Михаил Пселл использует выражения, заимствованные из похвальной речи Григория Нисского, адресованной его сестре — святой Макрине, и употребляет обороты, взятые из произведений Григория Назианзина, которые тот посвятил своей матери Нонне и сестре Горгонии [см.: Jouanno, p. 112]. Автор представил идеализированный образ любящей матери, с которой не могла соперничать ни одна из смертных женщин [см.: The Most Wise..., p. 63].

Образ матери в надгробной речи Михаила Пселла выстроен во многом в соответствии с канонами агиографического повествования: Пселл неоднократно упоминает о неоплатном долге перед своей матерью, которой он не достоин, говорит о том, что не заслуживает даже того, чтобы называть имя матери [см.: The Most Wise..., p. 94]. О долге перед собственной матерью упоминал и высокопоставленный византийский вельможа 2-й пол. XI в. Кекавмен [см.: Кекавмен, с. 261].

Подобным образом Пселл описывает и свою нежно любимую старшую сестру, которая была копией своей матери, даже внешне ничем не отличаясь от нее [см.: The Most Wise..., p. 73]. Такой же риторический прием используется и в Житии Филарета Милостивого при описании дочерей и супруги святого [см.: Повесть о житии и деяниях..., с. 229].

Сильные эмоциональные связи между матерью и детьми считались в византийском обществе скорее нормой, чем исключением. Продолжительные разлуки с детьми могли стать причиной глубокого потрясения матерей. Так, в Житии святого Луки Стириота изображено великое горе его матери — несчастной вдовы — от разлуки с сыном, ушедшим в монастырь. Мать святого «πικρῶ βέλει τυς ἀθυμίας ἐβάλλετο» («была пронзена горькой стрелой отчаяния») [The Life and Miracles of Saint Luke, p. 18]. В молитвах Господу она подражала вдове из библейской истории об Элише, говоря о том, что сын для нее является «τὸ μόνον ἀληθὲς φέγγος τῆς ἐμῆς ἀθλίας ζωῆς» («единственным истинным светом в моей несчастной жизни») [Ibid.]. Мать святого в просьбах к Господу о возвращении сына подчеркивала свою роль в духовном воспитании сына, что позволило ей стать «οὐ σαρκὸς μόνον, ἀλλὰ καὶ ψυχῆς εἶναι μήτηρ» («матерью не только плоти, но также и души») [Ibid., p. 20], а также указывала на важность для нее мнения соседей об ее сыне, что тешило ее материнские амбиции, поскольку сын был предметом ее гордости: «ἢ ἐκ γειτόνων ἀκοῇ τῶν αὐτοῦ καλῶν ἔργων ψυχῆς εὐφροσύνην ἐνθεῖναι» («то, что соседи говорили об его добрых делах, услаждало мою душу») [Ibid.]. Молитва матери, покинутой сыном, по предположению игумена монастыря, в котором постригся Лука, оказалась более убедительной для Господа и сильнее молитвы сына [см.: Ibid., p. 23] и позволила ей вернуть своего сына посредством Божественного вмешательства.

Житие св. Луки Стириота рисует яркий образ матери, находящейся в отчаянии и горе. Войдя в дом (по возвращении), «εὐρίσχε ταύτην ἐπὶ σποδοῦ καθή—

μένην, ἀπόσωπον» («он нашел ее [мать]), сидящей в золе, на ней лица не было») [The Life and Miracles of Saint Luke, p. 24]. Однако материнские эмоции, вызванные долгожданной встречей с сыном, описываются в строгом соответствии с дидактическими задачами жития. Когда святая увидела своего сына, она «οὐ περιεχύθη τοῖς αὐτοῦ μέλεσιν... ἀλλὰ δεύτερα ταῦτα θεμένη» («не сжала его в своих объятиях... но она отложила все это») [Ibid.]. Автор жития делает особый акцент на описании религиозности и благочестия матери святого, а именно на выражении ею благодарности Господу за чудесное возвращение сына, а затем описывает проявления материнского счастья и радости от встречи с сыном [см.: Ibid., p. 24–25]. Таким образом, житийный текст отражал некую «предписанную реальность» (термин В. Э. Барминой), задающую идеальные образцы женского поведения, в которых, однако, можно разглядеть и эмоции обычных византийских матерей³.

В житиях святых мы находим много примеров описания горя матерей, связанного с потерей детей, которое становится настоящим испытанием для них. Однако чрезмерное проявление эмоций, связанных с горем и отчаянием родителя, потерявшего ребенка, рассматривались как проявление слабости человека, его привязанности к миру. Жития святых позволяют нам увидеть реакцию «обычных» и святых матерей и отцов на смерть ребенка. После гибели первого сына Ореста святая Мария была расстроена и плакала, однако «οὐ ἄσμενόν τι ἐπεδειξάτο, οὐ τὴν κόμην ἐσπάρραξεν... οὐ τ' ἦν χιτῶνα διέρρηξεν, οὐ κόβιν τῆς κεφαλῆς κατεχέατο, οὐ βλάσφημον ῥῆμα προήκατο» («не проявляла непристойное поведение: не рвала на себе волосы... не рвала на себе одежды, не посыпала голову пеплом и не произносила богохульных слов») [Vita S. Mariae Yunioris, p. 693; см. также: Holy Women of Byzantium, p. 258]. Святая Феодора Солунская, потеряв второго и третьего ребенка, не доходила в страдании до потери рассудка, становясь опорой мужа в малодушии его [Арсений (Иващенко), с. 43].

Избыточная любовь к детям в византийском обществе также считалась предосудительной и отвлекающей от служения Господу. Из Жития Феодоры Солунской мы узнаем, что ее огромная любовь к дочери считалась наущением дьявола, поэтому, несмотря на то, что Феодора жила вместе с дочерью в одном монастыре, игуменья запретила им всякое общение, и «хотя они спали в одной келье и ели за одним столом, в течение 15 лет мать и дочь не проронили друг с другом ни слова» [Арсений (Иващенко), с. 57–58]. Это наказание стало причиной глубоких эмоциональных переживаний и душевных страданий матери и дочери: «сколь сильный огонь сжигал их внутренности, и какой остронаточенный меч столько лет сокрушал сердце (подвижниц), совсем не говоривших между собою» [Kurtz, 1902, S. 17; см.: Арсений (Иващенко), с. 58]. «Когда же Феодора тяжело занемогла и игуменья сняла с них запрет, они уже утратили необходимость в общении и, к восхищению агиографа,

³ Яркие образы матерей, оплакивающих предполагаемую смерть своих детей, мы находим в романе об Исмине и Исминии [см.: Евматий Макремволит, с. 100].

почувствовали себя свободными от семейных уз» [цит. по: Чекалова, с. 601]. Родительская привязанность, обусловленная самими законами природы [см.: Kurtz, 1902, S. 14; Арсений (Ивашенко), с. 55], по мнению агиографов, могла мешать монашескому служению, поскольку идеалы святости требовали разрыва с родными. Таким образом, разлука матерей и детей в житии могла служить для них испытанием на способность к самопожертвованию и стойкость в перенесении страданий, т. е. на качества, необходимые для религиозного служения в монашеской обители. Часть житий периода VIII—X вв. славит мать, которая обрадовалась смерти своих детей, так как это освобождало ее для принятия аскетического образа жизни [см.: Laiou, p. 198].

Факт материнства в данном случае в биографии святой рассматривался как своего рода источник искушений и слабостей, который связывал помыслы святой с миром. Такой слабостью считалась, в частности, и любовь к детям, поскольку она отвлекала от служения Господу. Поэтому святая Феодора Солунская «побеждала плотскую любовь (к своей дочери) любовью Божественной, принудительно отвлекающей от всего тленного и склоняющей добровольно и по собственному убеждению к необходимости нести неутомимо на плечах иго самоподчинения» [Арсений (Ивашенко), с. 51].

Описания материнства, материнской привязанности в житиях святых часто были связаны с апеллированием к образу Богоматери, освятившему добродетели материнства, что было обусловлено, в частности, культурным контекстом эпохи. С X в. получает распространение повествовательная функция нежной матери в качестве темы для изображения Богоматери в богословских текстах и иконах [см.: Бельтинг, с. 325]. В XII в. получила дальнейшее развитие и тема погребальных плачей Марии на теле Христа: Богоматерь стала выступать в роли древней мифической заплаканной матери — язычницы Ниобе [см.: Jouanno, p. 123], что подчеркивало исключительную глубину материнского страдания, материнской нежности и боли матери от потери сына. На период XI—XII вв. приходится появление нового иконографического типа изображений Богоматери — «Ласкающей» и «Млекопитательницы» [см.: Этингоф, с. 89], что отражало появление интереса к теме земных проявлений материнства Марии.

В Житии святой Марии Новой мы находим яркое подтверждение влияния образа Богоматери на образ святой матери. Подобно тому как Дева Мария родила Иисуса, св. Мария Новая также родила святых сыновей — Стефана (в монашестве Симеона) и Ваана (Марина). Св. Мария Новая, подобно Богоматери, описывается как заступница за людей на Небесах [см.: Burns, p. 11]. Незадолго до смерти Марии Новой муж святой «ὄρᾳ τὴν μακαρίαν ἐπὶ τῆς κλίνης καίμηνην καὶ βρέφος ἐν ταῖς ἀγκάλας φέρουσαν» («видел блаженную женщину лежавшей на кровати и державшей на руках своего ребенка») [Vita S. Mariae Ynioris, p. 696; Holy Women of Byzantium, p. 265]. Т. Пратч усматривает в этом сюжете аллюзию на образ Богоматери (Дева с ребенком), поскольку это описание наряду с более ранним упоминанием в тексте жития иконы Богоматери, перед которой горела лампада в комнате Марии, позволяет драматизировать происходящие события: Никифор направляет свою дьявольскую ярость против «второй Марии» [см.: Pratsch, S. 301].

Образы матерей в византийской литературе воссоздают исключительную власть, преимущественно духовного и эмоционального порядка, матери в семье. Повседневная жизнь большинства византийских женщин была ограничена рамками частной, семейной жизни, вследствие чего в рамках светской и религиозной традиции были возвеличены функции жены, мудро управляющей домохозяйством, и любящей матери. Хотя объем власти матери, описанный византийскими авторами, мог не совпадать с реальным положением дел, стоит отметить, что византийское право, уравнивая имущественные права женщины в семье, могло благоприятствовать упрочению влияния и авторитета женщины-матери в византийской семье, особенно после смерти ее мужа.

Страстность в соединении с социальными амбициями, особенно обострившиеся со времени вдовства, у женщины Средневековья легко могли перейти в ярость и гнев при непослушании и несогласии с ней членов семьи. Этим объясняется наличие в средневековой литературе эпизодов, описывающих гнев матери, поведение матери, в котором терялось всякое чувство меры, преступались грани целесообразного, разумного, справедливого⁴.

Однако материнская власть воспринималась в обществе крайне противоречиво, она оказывалась иногда порождающей тревоги и опасения, а иногда источником всех благ, предметом почтения и уважения. Оба отношения могли сосуществовать вместе в фундаментальной двойственности [см.: Jouanno, p. 125].

Пристальное внимание агиографов к роли родителей в воспитании и образовании детей характерно для житий святых именно средневизантийского периода и свидетельствовало о возрастании значения семейных ценностей в византийском обществе в данный период времени. В житиях святых более раннего периода описание происхождения и особенностей воспитания святого могло и вовсе отсутствовать. Поэтому святой без семьи мог получить родителей в средневековой редакции его жития [см.: Caseau, p. 139].

В византийской агиографии сохранились свидетельства тесных связей между матерью и ребенком, но не связей между отцом и его потомством [см.: Kazhdan, p. 11]. Симеон Метафраст, создавая Менологий — сводный корпус греческих житий святых, упорядоченных по календарным дням памяти, не только находил в своих источниках топос о близких связях между матерями и их детьми, но также усиливал его, используя определенные дополнения (приводя примеры благочестивых деяний матери и отмечая отсутствие благочестия отца, вводя более развернутые описания добродетелей матери святого, используя негативные коннотации определения «отцовский» и позитивные коннотации определения «материнский»), внося изменения или опуская некоторые детали (например, упоминания об отцах персонажей жития и др.) [см.: Ibid., p. 12].

Можно сказать, что личное влияние матерей на их детей было более велико, чем влияние отцов, хотя это трудно измерить и показать. Многие сыновья в Византии почитали их матерей более, чем своих отцов, о чем свидетельствуют

---

⁴ Яркий пример такого поведения матери святого Феодосия подробно проанализировал В. Н. Топоров [см.: Топоров, с. 659–674].

византийские нарративные источники, повествующие о влиянии этих женщин и часто свидетельствующие о доминирующей роли матерей в семье [см.: Mothers and Sons..., p. 21]. По замечанию А. П. Каждана, за редкими объяснимыми исключениями византийские писатели обычно не посвящали панегирики своим отцам [см.: Kazhdan, p. 11]. Об авторитете женщины-матери в семье свидетельствует и Житие святой Феодоры-императрицы. Автор жития отмечает, что святая перед смертью обращалась со следующим наставлением к своим дочерям: «ὡσπερ μοι ἔτι περιούση ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰς ὑπακοὴν ἐξεγγίνεσθε, οὕτω δὴ δυσωπῶ καὶ μετὰ τὴν ἐμὴν ἀνάλυσιν τοῖς ἐμοῖς λόγοις ἐμμείνατε καὶ διδάγμασι» («подобно тому, как вы рождаетесь для послушания мне, пока я нахожусь в этой жизни, так же, умоляю вас, будьте верными моим словам и наставлениям и после моей смерти») [Βίος τῆς αὐτοκράτειρας Θεοδώρας, p. 270; Byzantine defenders of images, p. 380].

Жития византийских святых также могут рассказать нам о роли матери в византийской семье в принятии решений, определяющих дальнейшую судьбу детей. Так, святой Феофан Сигрианский не ослушался воли матери и женился на знатной невесте [см.: Лопарев, с. 91]. Святой Евфимий Новый по воле матери женился на благородной девушке Евфросинии, и у них родилась дочь Анастасия [Там же, с. 470]. Родители могли предопределить путь святого. По замечанию автора Жития Феодоры Солунской, ум детей, будучи слабым, легче изменяется и преобразуется в соответствии с каким-либо свойством начальствующего и собеседующего. Потому тот, кто общается с мудрыми, будет мудр [Арсений (Иващенко), с. 41]. Однако не всегда воля матери была определяющей в принятии решений касательно детей на семейных советах. В судьбе сыновей св. Марии Новой, по свидетельству автора жития, определяющую роль сыграл их отец. Несмотря на предсказания матери и ее желание посвятить одного из детей в монастырь, он отдал первого сына в армию, а второго решил отдать на обучение, чтобы потом он смог сделать карьеру при императорском дворе. Мать согласилась с решением главы семьи и доверилась провидению [Holy Women of Byzantium, p. 261].

Жития святых наряду с другими источниками позволяют реконструировать социально приемлемое поведение матерей в свете церковной идеологии. Византийская традиция сделала мать главным учителем (наставником) детей, как мальчиков, так и девочек [см.: Kazhdan, p. 16]. В связи с этим, вслед за В. Н. Топоровым, можно выделить несколько вариантов персонажных функций образа матери: 1) наставница святого, 2) фактическая ученица святого и 3) «сказочный вредитель», удерживающий святого от избранного пути⁵.

В первом случае мать в житиях византийских святых рассматривалась как наиболее надежный наставник (διδάσκαλος), хотя это касалось преимущественно религиозного и нравственного воспитания ребенка. Еще Отцы Церкви приписывали заслуги в воспитании христиан, твердых в вере и чистых в моральных

⁵ В. Н. Топоров выделил эти персонажные функции образа матери на древнерусском агиографическом материале [см.: Топоров, с. 659–674].

заповедях жизни, матерям, поскольку именно они «духовно рождали» [Григорий Богослов, с. 219], «детей и внуков своих делали плодами духа» [Там же, с. 221]. Так, в надгробном слове сестре Горгонии Григорий Богослов подчеркивал, что супружество она сделала похвальным, в продолжение жизни служила для детей образцом всего доброго [Там же, с. 222]. «Ева — мать человеческого рода и греха, и змий-соблазнитель, и смерть были побеждены ее [Горгонии] воздержанием» [Там же, с. 227]. Святая Макрина, сестра Григория Нисского, несмотря на то, что так и не вышла замуж и не родила детей, восхваляется братом и за материнские добродетели. По словам Григория Нисского, она стала своему осиротевшему брату Петру всем: отцом, учителем, педагогом, матерью, советчицей во всяком добром деле [Григорий Нисский, с. 82]. Яркие образы матерей-наставниц мы находим в житиях византийских святых. Так, святая Фомаида с о. Лесбос была «ῥίζης εὐγενοῦς εὐγενέστερον βλάστημα» («благородным отростком от благородного корня») [см.: De S. Thomaïde Lesbia, p. 234; Holy Women of Byzantium, p. 298], дочерью супругов Михаила и Кали (Καλή). Автор Жития святой Марии Новой особо подчеркивал, что «святые рождаются от святых, святые сыновья от святой матери, ибо посвящены Богу еще до рождения, ибо мать стала вместилищем добродетелей по своей воле» [Holy Women of Byzantium, p. 286].

Однако зачастую происходило и обратное. Мать-учительница в матрице персонажных функций могла стать фактической ученицей святого (например, мать Лазаря Галесийского⁶).

Идеологическая функция образа матери в житии святого могла заключаться в том, что она, удерживая от избранного пути, как сказочный «вредитель» ведет героя к его цели и невольно увлекается ею сама. Пример этой функции образа матери можно обнаружить в Житии святого Константина Иудея, в котором представлен портрет матери-иудейки православного святого. По свидетельству автора жития, когда Константин воспитывался, его мать получала о сыне много знаков, которые предвещали, что он станет христианином, поэтому она терзалась в душе и, с одной стороны, горела материнской любовью, а с другой, запуганная иудейским заблуждением, желала ненавидеть сына и осыпала его бранью, предзнаменую, что он вот-вот оставит родителей и их обычаи [см.: Житие преподобного отца Константина, с. 10–11].

Иудейская вера матери стала причиной негативной оценки поведения любящей матери, которая, по мнению автора жития, не заслужила даже оплакивания после смерти. В Житии святого Константина Иудея сообщается о чудесном явлении ему мученика Трофима, который позволил святому освободиться от печали по поводу смерти «недостойной» святого матери-иудейки: «после смерти его матери святой в торжественном облике вышел из собственного храма, коснулся его волос и доброжелательно произнес: «О, юноша, не оплакивай мать, которая отказалась от собственного спасения, не будь рабом мертвой

---

⁶ Лазарь Галесийский (XI в.) основал монастырь, в котором монахини, раскаявшиеся грешницы, женщины — последовательницы святого жили под управлением его матери, благословенной Евпраксии [см.: The Life of Lazaros of Mt. Galesion, p. 162, 257, 294].

природы, получив уже залог благодати». И как только это было сказано, юноша, словно вне себя, сразу перестал плакать, и у него не осталось больше никакой боли от любви к матери, но как огонь пожирает лен, так слово мученика мгновенно уничтожило горе в его душе» [Житие преподобного отца Константина, с. 14]. Таким образом, главным подвигом Константина Иудея в житии считается преодоление наследия материнской души и сердца (иудейской веры) на пути к Богу для достижения собственного спасения, тогда как в житиях святых детей православных родителей ситуация обратная. По словам автора Жития Константина, те, кто происходит от верующих родителей, с самого младенчества наставленные в образе поведения, повинувшись назиданиям, а также приказаниям родителей, имеют помощником в добре и само воспитание с младых ногтей наставление [Там же, с. 9].

Житие святого Луки Стириота повествует о конфликте святого с родителями из-за его чрезмерной расточительности на дела милосердия, в результате чего он часто возвращался домой обнаженным, пренебрегая холодом, а также его скромности [The Life and Miracles of Saint Luke, p. 13]. В данном случае родительские упреки позволяли святому усвоить «сверхродительское», отражающее Божью волю. Родители святого Луки часто оставляли его голым, чтобы умерить его «τῆς ἐκείνης χρηστότητος καὶ φιλανθρωπίας» («доброту и человеколюбие») [Ibid., p. 12]. Святой воспринимал все эти наказания (упреки, брань, порку, побои и т. п.) «ὁ δὲ τὰς τιμωρίας ταύτας οὐ τιμωρίας ἀλλ' ἄμαβας καὶ ἀγαθῶν ἀντιδόσεις» («не как наказания, но как награды и воздаяние за хорошие поступки») [Ibid.].

По мнению П. Хатли, византийские авторы писали об обычных матерях с явным намерением сообщить скорее о детях, чем о самой матери. Функция повествования о матери персонажа в житии или энкомии — пролить свет на добродетели святого [см.: Hatlie, p. 44], поскольку оно косвенно подчеркивало индивидуальный характер и достижения детей [Ibid., p. 49].

Описание деяний и влияния матери на святого в агиографическом произведении могло выступать в качестве полезного риторического приема, который позволял написать новую редакцию жития, соответствующую новым, более изменчивым социальным реалиям средневизантийского и поздневизантийского общества [см.: Ibid., p. 51]. Возможно, эти изменения в редакциях житий средневизантийского периода были реакцией на их возросшее почитание среди верующих или были связаны с ростом интереса к семейным культам в целом. Иногда образы матерей могли придавать даже автобиографический ракурс повествованию [см.: Ibid., p. 52–53].

В византийской литературе, в том числе и в житиях святых, наряду с образами идеальных или любящих матерей встречались примеры предосудительного материнского поведения. Если идеальный образ матери включал наиболее ценные для общества и культуры византийского общества качества женщины, то антиидеал, напротив, создавал некий «перевертыш» морально-этических ориентиров поведения женщины и представлений о женственности в социуме.

Антиподом образу благочестивой и добродетельной мирянки в «Новом Митериконе» является яркий и типично отрицательный образ женщины — ее

собственной матери, который был связан с чрезмерной расточительностью и супружеской неверностью. «Ее интересовало и то, что было за пределами нашей деревни. Говорила она со всеми столько, что можно было подумать, что все тело у нее было языком. Она постоянно со всеми ссорилась и проводила время в попойках... И домашние дела она устраивала как лукавая блудница, так что даже весьма большого состояния нам не хватало... Превратив дом в блудилище, она проводила жизнь в таковом распутстве и роскоши, что немного из имущества досталось дочери во владение» [Новый Митерикон, с. 358]. Чрезмерная болтливость и посещения людных мест без разрешения мужа расценивались агиографом как измена, что отражало реалии византийского общества.

Итак, образ идеальной матери в житийной литературе был связан с ответственным исполнением морального долга подготовки детей к жизни, а также с наставлением в христианском благочестии. Поэтому функции повествования о матери святого в житии были непосредственно связаны с объяснением истоков его подвижнической деятельности, а именно с описанием его воспитания. При этом мать не всегда выступала в качестве наставницы на пути добродетели, но могла выступать в роли «сказочного вредителя» (термин В. Я. Проппа), препятствующего святому воплощать его стремления к аскезе и милосердию, что было часто связано с избыточным проявлением материнской любви.

Образцы женской святости в агиографической литературе, прославляющие материнство (2-я половина IX—XII в.), смятчили конфликт между представлениями византийцев-мирян о главной задаче женщины на стезе замужества и рождения детей с крайним церковным представлением о том, что девственность является одной из главных добродетелей. Жития представляют героиню как святую не только через систему благочестивых деяний, но и в поступках светского характера: мудрое ведение домашнего хозяйства в сочетании с разумным милосердием, забота о муже и детях, мудрое воспитание детей. Однако стоит отметить, что святые жены, имевшие детей (Мария Новая и др.), не были традиционными матерями, посвящавшими все свое время воспитанию детей, и достигли святости через мученический подвиг. Лишь в житиях святых императриц Феодоры и Феофано в полной мере освещены ореолом святости добродетели благочестия заботливой жены и матери, переживающей за судьбу своего мужа и детей.

Актуализация образов благочестивой матери святого и святой матери в агиографии была связана с историческими реалиями того времени: в период, последовавший после потрясений эпохи иконоборчества, император и патриарх восхваляли брак, официально представляя его как ценный дар, данный Богом человечеству [см.: Constantinou, p. 169], что повлекло к преобразованию моральных констант, транслируемых через житийную литературу. Представления о девиантных формах материнского поведения, отраженные в византийской агиографии, были связаны с проблемами расточительства и супружеской неверностью. Идеалы материнского поведения, пропагандируемые житиями святых, были действенным фактором религиозного воспитания верующих. Образы идеальных и порочных матерей подтверждали смысловые

парадигмы социального поведения, внутри которых существовало византийское общество.

Арсений (Ивашенко А. И.). Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев, 1890. 79 с. [Arsenij (Ivaschenko A. I.). Zhitie i podvigi sv. Feodory Solunskoj. Yur'ev, 1890. 79 s.]

Барабанов Н. Д. Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007. С. 100–110. [Barabanov N. D. Vizantijskaya tserkov' v bor'be s upotrebleniem amuletov // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. 30. SPb., 2007. S. 100–110.]

Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. 749 с. [Bel'ting Kh. Obraz i kul't. Istoriya obraza do epokhi iskusstva. M., 2002. 749 s.]

Григорий Богослов. Слово 8. Надгробное Горгонии, сестре св. Григория Назианзина // Григорий Богослов. Собр. творений. М., 2000. Т. 1. С. 211–226. [Grigorij Bogoslov. Slovo 8. Nadgrobnoe Gorgonii, sestre sv. Grigoriya Nazianzina // Grigorij Bogoslov. Sobr. tvorenij. M., 2000. T. 1. S. 211–226.]

Григорий Нисский. Послание о жизни святой Макарины. М., 2002. 128 с. [Grigorij Nisskij. Poslanie o zhizni svyatoj Makriny. M., 2002. 128 s.]

Дигенис Акрит / пер., вступ. ст. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1960. 217[1] с. [Digenis Akrit / per., vstup. st. i komment. A. Ya. Syrkina. M., 1960. 217[1] s.]

Евматий Макремовлит. Повесть об Исминии и Исмине // Византийская любовная проза / пер. с гр., [вступ.] ст. и примеч. С. В. Поляковой. М., 1965. 155[1] с. (Литературные памятники). [Evmatij Makremvolit. Povest' ob Isminii i Ismine // Vizantijskaya lyubovnaya proza / per. s gr., [vstup.] st. i primech. S. V. Polyakovej. M., 1965. 155[1] s. (Literaturnye pamjatniki).]

Житие преподобного отца Константина, что из иудеев. Житие св. исповедника Никиты, игумена Мидикийского / пер., сост., вступ. ст. Д. Е. Афиногенова. М., 2001. 160 с. [Zhitie prepodobnogo ottsa Konstantina, chto iz iudeev. Zhitie sv. ispovednika Nikity, igumena Midikijskogo / per., sost., vstup. st. D. E. Afinogenova. M., 2001. 160 s.]

Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца IX века. СПб., 2003. 711 с. [Kekavmen. Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantijskogo polkovodtsa IX veka. SPb., 2003. 711 s.]

Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Ч. 1. Пг., 1914. 568 с. [Loparev Khr. M. Grecheskie zhitija svyatykh VIII–IX vv. CH. 1. Pg., 1914. 568 c.]

Любарский Я. Н. Историки и писатели в Византии (VI–XII вв.). СПб., 1999. [Lyubarskij Ya. N. Istoriki i pisateli v Vizantii (VI–XII vv.). SPb., 1999.]

Новый Митерикон // Иросанфион, или Новый Рай : собр. текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. 2010. С. 323–426. [Novyj Miterikon // Irosanfion, ili Novyj Raj : sobr. tekstov monasheskoj agiografii Palestiny, Egipta i Vizantii V–XV vv. 2010. S. 323–426].

Повесть о житии и деяниях блаженного и праведного Филарета Милостивого // Жития византийских святых. СПб., 1995. С. 214–240. [Povest' o zhitii i deyaniyakh blazhennogo i pravednogo Filareta Milostivogo // Zhitija vizantijskikh svyatykh. SPb., 1995. S. 214–240.]

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. М., 1995. 880 с. [Toporov V. N. Svyatost' i svyatyte v russkoj dukhovnoj kul'ture. T. 1 : Pervyj vek khristianstva na Rusi. M., 1995. 880 s.]

Чекалова А. А. Быт и нравы // Культура Византии (2-я пол.VII–XII в.). М., 1989. С. 571–616. [Chekalova A. A. Byt i nrawy // Kul'tura Vizantii (2-ya pol.VII–XII v.). M., 1989. S. 571–616.]

Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха. Рязань, 2006. 592 с. [Ekloga. Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka. Vizantijskaya kniga Eparkha. Ryazan', 2006. 592 s.]

Этингоф О. Е. Образ Богоматери : очерки византийской иконографии XI—XIII вв. М., 2000. 312 с. [Etingof O. E. Obraz Bogomateri : ocherki vizantijskoj ikonografii XI—XIII vv. M., 2000. 312 s.]

Ariantzi D. Aspekte der Kindheit in Byzanz vom 6. Bis 11. Jahrhundert im Spiegel hagiographischer Quellen. Dissertation. Wien, 2009.

Βίος τῆς αὐτοκράτειρας Θεοδώρας // Symmeikta. 1983. Vol. 5. P. 257—271.

Burns J. Pious vs. Holy: The Relationships and Differences Between the Lives Of Laywomen and the Lives of Female Saints That Depict the Evolution of Sanctity in Byzantium // The Wittenberg History Journal. Spring 2004. Vol. 33. P. 4—18.

Byzantine defenders of images: eight saints' lives in English translation. Washington, 1998. 405 p.

Caseau B. C. Childhood in Byzantine Saints' Lives // Becoming Byzantine: Children and Childhood in Byzantium / ed. by A. Papaconstantinou, A. M. Talbot. Washington, 2009. P. 127—166.

Constantinou S. Female corporeal performances. Reading the Body in Byzantine Passions and Lives of Holy Women. Uppsala, 2005. 225 p.

De S. Thomaïde Lesbia, matron Constantinopoli // AASS. [Nov.] T. 14. P. 233—42.

Hatlie P. Images of Motherhood and Self in Byzantine literature // Dumbarton Oaks Papers. 2009. Vol. 63. P. 41—57.

Holy Women of Byzantium / ed. by A.M. Talbot. Washington, 1996. 352 p.

Jouanno C. Sainte ou furie? Quelques figures de la mere a Byzance // Kentron 10. fasc 1. Juin 1994. P. 111—125.

Kazhdan A. P. Women at home // Dumbarton Oaks Papers. 1998. Vol. 52. P. 1—17.

Kurtz E. Des Klerikers Gregorios Bericht uber Leben, Wundertaten und Translation der heiligen Theodora von Thessalonich. Pb., 1902. 49 s.

Kurtz E. Zwei griechische Texte uber die Hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. SPb., 1898. S. 1—24.

Laiou A. E. Addendum to the report on the role of women in Byzantine society // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. 1981. Bd. 31. S. 198—203.

Mothers and Sons, Fathers and Daughters. The Byzantine Family of Michael Psellos / ed. and transl. by A. Kaldellis. Notre Dame, 2006. 209 p.

Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 1—3. 2232 p.

Pratsch T. Der Hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in Mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, 2005. 475 S.

Ryden L. Byzantine hagiography in the Ninth and Tenth Centures: Literary aspects // Annalea societatis litterarum Humanirum Reqlae Upsaliensis. Kungl. Arsbok, 1986. P. 69—79.

Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / ed. by H. Delehay. Bruxellis, 1902. 1180 p.

The Byzantines / ed. by G. Cavallo; transl. by T. Dunlap, T. L. Fagan. Chicago, 2000.

The Life and Miracles of Saint Luke of Steiris / text, transl. and comment. by C. L. Connor and W. R. Connor. Brookline, 1994. 175 p.

The Life of Lazaros of Mt. Galesion. An Eleventh-Century Pillar Saint / ed. by R. Greenfield. Washington, 2000. 423 p.

The Most Wise and Hypertimos Psellos, Encomium for his mother // Mothers and Sons, Fathers and Daughters. The Byzantine Family of Michael Psellos / ed. and transl. by A. Kaldellis. Notre Dame, 2006. P. 51—109.

Vita S. Mariae Yunioris // Acta Sanctorum. Novembris, T. 14. P. 692—705.

Статья поступила в редакцию 01.03.2013 г.

УДК 316.325:394.014 + 378(09) + 94(443.611) + 711.554(443.611)

В. Иоффе

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КВАРТАЛ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАРИЖА (вторая половина XIV — начало XV в.)

Появившийся в начале XIII в. университет Парижа вскоре заявил свои права на часть городского пространства. Постепенно «корпорации ученых» удалось подчинить своему контролю обширный и компактно расположенный квартал на левом берегу Сены. По своим свойствам этот квартал не был однородным. Подобно университету в целом, подчеркивавшему свое особое положение в городском пространстве, составляющие его структурные единицы также стремились отгородиться друг от друга.

В статье анализируются разнообразные формы пространственных отношений двух миров — города и университета.

Ключевые слова: Средние века; Париж; университет; Латинский квартал; организация пространства; пространственные отношения.

Университет зародился как общеевропейский институт, которому средневековые мыслители придавали поистине ойкуменистическое значение. В начале XV в. канцлер Парижского университета, знаменитый теолог Жан Жерсон сравнивал свою *alma mater* с райской рекой, которая, «будучи разделенной на четыре потока, орошает всю поверхность земли» [Жерсон — наставникам..., с. 24]. Под четырьмя потоками подразумевались четыре факультета университета, которые в совокупности распространяли свет разума на все мироздание. Духовной и светской властью университет воспринимался как надлокальная корпорация, не замыкающаяся на решении лишь местных вопросов, в идеале охватывающая весь христианский мир и косвенно распространяющая влияние даже на земли язычников. На это указывают, например, решения церковного собора в Виенне в 1312 г., которые предписывали обеспечить подготовку в университетских центрах кадров, способных нести Слово Божье в земли, не затронутые христианизацией [см.: Thorndike, p. 149–150]. Но если абстрагироваться на время от претензий (и от иллюзий) на всеохватность влияния университета, которыми были переполнены рассуждения средневековых теоретиков, каким было «реальное», освоенное пространство Парижского университета в черте города на рубеже XIV–XV вв.? Каковы были свойства этой территории *studium*, протяженность ее границ, ее взаимодействие с другими городскими зонами?

В Париже в рассматриваемый период университет занимал пространство, обладающее четко очерченными границами. «Квартал Университета», просто «Университет» или же «земли за Малым Мостом», как именовали его современники, располагался прежде всего на левом берегу Сены. Если очертить пунктиром земли университета, то мы увидим, что многочисленные школы факультета семи свободных искусств были разбросаны по обе стороны улицы

Соломы. Первыми, если подниматься от реки к горе Святой Женеьевы, шли так называемые «маленькие» школы французской нации [см.: Favier, p. 130—132]. Далее располагались «новые», или, как их называли, «большие» школы этого же землячества, за которыми следовали «большие» школы нормандцев¹. Вслед за ними, на той же улице, соседствовали школы пикардийцев и англо-германской нации. На противоположной стороне улицы Соломы находились «новые» школы пикардийцев, или школы Красного Коня, далее «большие» учебные залы англо-германской нации и школы, отмеченные вывесками с изображениями малого щита и золотого орла, которые принадлежали нормандцам [Ibid.]. Таким образом, факультет искусств состоял из десятка зданий, названия которых в ряде случаев были унаследованы от вывесок, украшавших входы некогда располагавшихся в них таверн. Так, здание под вывеской «Олений Рог», речь о котором пойдет ниже, в XIV в. было одной из излюбленных таверн англо-германской нации. В XV в. заведение было превращено в жилой дом, комнаты в котором снимали студенты и преподаватели, принадлежавшие тому же университетскому землячеству [Auctarium Chartularii..., vol. 2, p. 1894—1897, col. 816].

Недалеко от факультета искусств, если подниматься от Сены по улице Сен-Жак, находились школы права Кло-Брюно, располагавшиеся по соседству от Сорбонны и факультета теологии. Что касается многочисленных университетских коллежей, они освоили территорию, ограниченную склонами горы Святой Женеьевы, площадью Мобер, Сеной и кварталом Сент-Андре-дез-Ар [см.: Vespiere, p. 208—219]. Окинув взглядом университетский квартал в целом, мы пришли бы к выводу, что здания парижского *studium* располагались по соседству друг от друга, на достаточно протяженной и четко очерченной территории, заселенной по большей части представителями университетской корпорации. Университет, как свидетельствуют источники, стремился отгородиться от окружающего пространства, замкнуться в себе, противопоставить себя другим обитателям города. Это в буквальном смысле «отгораживание» было осуществлено в Париже, когда местные преподаватели и студенты получили в 1358 г. от дофина Карла право закрыть улицу Соломы, где проходили университетские занятия: «...Так как на упомянутой улице есть два конца, или два выхода, которые могут быть закрыты... то магистры и их ученики смиренно просят нас, чтобы мы соизволили... даровать разрешение на закрытие улицы и сооружение ворот...» [Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 3, p. 53—54, n. 1238]². Важно то, что инициатива закрытия исходила от самого университета, поскольку, помимо прочего, упоминались люди, «подавшие нам просьбу». Подчеркивалось, что это делается для безопасности самих магистров и школяров. Улица должна была быть защищенной воротами, «которые закрывались бы на ночь и открывались на целый день добрыми, законными и надежными стражами...» [Ibid.].

¹ Уточним, что определение «большая» или «маленькая» относительно школы подразумевало не количество обучавшихся в ней студентов, а величину здания (см.: [Favier, p. 130]).

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Стремясь избавиться от вторжений на свою территорию «лишних людей», чужаков, университетарии в своем прошении безусловно сгустили краски и создали удручающую картину разрушительных последствий набегов на улицу Соломы: «...с увеличением количества преступных людей и врагов науки, сеющих плевелы в пшенице, на эту улицу выбрасываются и остаются там грязь и отбросы, отравляя и заражая души и тела обитателей этой улицы» [Ibid.]. Кроме того, указывалось, что «...по ночам двери школ подлым и бесчестным образом взламываются сводниками и другими негодьями, которые не имеют перед глазами образа Божия и науки (*Deum, nec scientiam pre oculis habentes*)... И вводятся ими в школы девки и другие грязные женщины и часто подло и бесчестно проводят там ночь, оставляя в креслах магистров, повсюду в комнатах и на местах, где сидят школяры, омерзительную грязь» [Ibid.]. Университет как некий «храм науки» не может иметь ничего общего с низами городского общества, а подобные вторжения извне в сферу университетского пространства оскорбительны и неприемлемы. Таким образом, будучи вписанным в городское пространство, университет сталкивался с традиционными проблемами средневекового города — преступностью, обилием находившихся по соседству «злых мест», посему стремился отгородиться от «внешнего мира». Та же необходимость защиты своего пространства от вторжений из «внешней» среды прочитывается в жалобе, направленной англо-германской нацией против мэтра, построившего свой дом около школ землячества. Стены этого дома, как объяснило собрание нации, не пропускали свет в учебные залы [Auctarium Chartularii..., vol. 1, col. 456, 467]. Речь здесь идет не только о конкретных мерах, направленных на восстановление пригодных для учебного процесса условий, но и о необходимости защитить свою территорию, уменьшить влияние на нее чуждых элементов. Упомянутый магистр, по-видимому, не принадлежал к англо-германской нации, в силу чего рассматривался как «чужак», а «загораживание» света было, возможно, лишь предлогом для того, чтобы постараться избавиться от его раздражающего присутствия. Сходная идея защиты своей территории прочитывается в другой жалобе англо-германской нации, направленной на этот раз против горожанина, «который проделал отверстия в трех местах в стенах школ и вознамерился построить свой дом» [Ibid., vol. 2, col. 459].

Все официальные университетские документы выявляют необыкновенную осторожность и осмотрительность к лицам, принадлежащим к «внешнему» по отношению к университету пространству, к *extraneos* («чужакам»), как называли их источники. Противопоставляя себя внешнему миру, университет «отмечал» границы своего пространства внутри городских стен. Ранние статуты Сорбонны предписывали, например, что «никто со стороны не должен присутствовать на пирушках и собраниях членов сообщества. И тот, к кому пришел гость, должен следить за этим... Также никто не должен часто приводить в дом лиц со стороны, чтобы пить вместе с ними» [Chartularium Universitatis..., vol. 1, p. 506–508]. Таким образом, всячески подчеркивалась нежелательность присутствия «лиц со стороны», чужаков внутри университетского коллежа.

Книга приоров Сорбонны, которую составляют тексты протокольного характера, освещающие различные аспекты внутренней жизни в коллеже, пред-

писывает с регулярностью, граничащей с навязчивостью, избегать по возможности присутствия чужаков в коллеже. Одна из статей Книги приоров рассматривает дело некоего преподавателя, обвиненного в многочисленных проступках и ставшего, очевидно, персоной *non grata* в коллеже. Один из рассмотренных документов подчеркивает, что он был «ученым, не отличавшимся честностью, и мэтром, не слишком ценным для коллежа...» [Le Livre des prieurs, p. 134, doc. 472]. В частности, он «...беспрестанно приглашал чужаков, что причиняло ущерб сообществу, поскольку вино коллежа разворовывалось в огромных количествах к величайшему огорчению сообщества, ибо у нас была нехватка вина в ту пору» [Ibid.]. Нет ничего удивительного в том, что кража вина связывалась именно с присутствием в коллеже *extraneos*, которые предоставляли удобную возможность объяснить любые проступки, совершенные в стенах почтенного заведения.

Присутствие чужака чревато также тем, что внутренние дела корпорации, ее тайны могут случайно стать достоянием враждебного сообщества, представителей иного пространства. Так, в статутах Сорбонны XIII в. указывается, что «никто из сотоварищей, если в зале находится кто-либо из чужих, не произносит речей, которые так или иначе касаются нашего сообщества» [Chartularium Universitatis..., vol. 1, p. 506—508]. Университет сохранил это характерное опасливое отношение к чужакам и в XIV—XV вв. В 1442 г. выборы прокуратора англо-германской нации (или просто германской, как ее начали именовать в эпоху Столетней войны) проходили с особым ожесточением. Бывший прокуратор, магистр Жак Винторст, был вынужден после долгого противостояния передать свои полномочия новоизбранному прокуратору. Магистр Жак был временно изгнан из университета, и в числе обвинений, которые инкриминировались ему ректором, значилось то, что «он не скрывал тайн нации, что прямо противоречит произнесенной им клятве “о сохранении тайн”» [Auctarium Chartularii..., vol. 2, col. 557]. В 1406 г. Книга прокураторов зафиксировала не менее показательный случай. Совет землячества, собранный с целью примирить двух поссорившихся магистров, заключил, что «необходимо любым способом прийти к согласию между указанными магистрами и обеспечить мир усилиями членов нации, чтобы люди извне или подданные другой нации не узнали о разногласиях, ссорах и драках, имевших место между членами нации» [Ibid., vol. 1, col. 921]. Разглашать тайны сообщества, выносить «сор из избы», как явствует из цитированного фрагмента, считалось опасным для самого существования корпорации.

Выход за границы «своего пространства», за пределы университетской корпорации также рассматривается как нежелательный. Статут Сорбонны предписывает: «Никто не осмеливается ночевать вне дома, где-нибудь в городе» [см. подробнее: Chartularium Universitatis..., vol. 1, p. 506—508]. Точно так же, как люди извне не имели права находиться на территории, подвластной университету, считалось, что самим университетариям не следует покидать границы «своего», обжитого, считавшегося безопасным пространства. Одна из статей Книги приоров Сорбонны рассматривает дело некоего клирика, прислуживающего в коллеже, который «...ночь провел не дома, не получив разрешения своего

магистра и, как признался указанный Гийом (имя слуги. — *В. И.*), он провел ночь в банях с чужаком (*uno homine extraneo*), а также в других местах, пользующихся дурной славой, что с ним уже неоднократно случалось» [Le Livre des gréueurs, p. 41—42, doc. 60]. Гийом, таким образом, совершил двойной проступок: во-первых, проведя ночь за пределами коллежа; во-вторых, в компании чужака³.

Той же необходимостью разграничить пределы «своего» и «чужого» пространства было продиктовано правило, согласно которому университетари не должны были селиться за пределами своего квартала и искать жилье, например, на правом берегу Сены — территории, ассоциировавшейся с враждебно настроенными горожанами и королевскими сержантами [см.: Lusignan, p. 135]⁴. Для того, чтобы пользоваться многочисленными университетскими привилегиями, студенты и преподаватели должны были жить на левом берегу или на острове Ситэ [Ibid.]. Анализ месторасположения таверн, которые пользовались популярностью в университетской среде, свидетельствует о том же стремлении оставаться в пределах четко очерченного квартала, внутри которого, по-видимому, студенты чувствовали себя в большей безопасности. В числе примерно двадцати таверн, упомянутых в Книгах прокураторов англо-германской нации в XIV в. в связи с теми или иными университетскими праздниками и церемониями, большинство находилось непосредственно в квартале университета, на левом берегу. Среди них фигурировали такие заведения, как «У Девы Марии», располагавшееся на улице Сен-Жак [см.: Auctarium Chartularii..., vol. 1, col. 205], «У Святого Иоанна» на улице Бьевр [Ibid., col. 253], таверна с неизвестным названием, находившаяся около церкви Сен-Жюльен [Ibid., col. 252] — в сердце университетского квартала, «Черные Головы» около монастыря кармелиток [Ibid., col. 278], «Два Меча» на улице Сен-Жак [Ibid., col. 461], «Луна» на улице Англичан [Ibid., col. 345] и многие другие, расположенные по соседству от церкви Сен-Жюльен и Сен-Матюрэн. Упомянем, однако, таверны под вывесками «У Замка» и «Сосновая шишка» (последняя стала знаменита во многом благодаря Франсуа Вийону, который был ее завсегдатаем), которые находились на острове Ситэ [Auctarium Chartularii Universitatis Parisiensis, vol. 1, col. 328]. Кроме того, одна таверна, название которой не уточняет Книга прокураторов, притягивала университетариев на правый берег, в квартал крепости Шатле. Здесь не только пили за здоровье сотоварища, отмечали университетские праздники или поднимали кружку в честь новоизбранного прокуратора, в таверне прежде всего скреплялись узы корпоративного братства. Проанализировав расположение излюбленных университетариями таверн, можно попытаться задать рамки пространства, освоенного университетом, воспринимаемого безопасным, а также проследить привычные траектории, которым подчинялись ночные «выходы» членов ученой корпорации. Рамки эти в целом совпадают с очерченными выше границами квартала университета, за пределы которого преподаватели и студенты решались выходить крайне редко.

³ Протокол собрания коллежа, будучи лаконичным в отношении столь деликатного вопроса, содержит, по-видимому, завуалированное обвинение в содомии.

⁴ Напомним также, что знаменитая тюрьма Парижа, Шатле, находилась именно на правом берегу.

Церкви внутри пространства университета — корпорации, объединяющие в основном клириков и находящиеся под бдительной опекой римских пап, — играли особую роль. Университетские ассамблеи созывались именно в церквях, главным образом в Сен-Жульен-Лё-Повр [см.: Ibid., vol. 5, col. 186] и Сен-Матюрен [Ibid., col. 171], порой в Сен-Бернар [Ibid., col. 253]. Именно в них происходили выборы ректора и прокураторов наций, а также обсуждались насущные вопросы университетского сообщества.

Будучи наряду с тавернами главными местами притяжения для школяров и преподавателей, церкви могли также выполнять роль убежища для спасающихся от преследований университетариев. Так, совершив в 1365 г. вооруженное нападение на королевских сержантов недалеко от площади Мобер на левом берегу, студенты попытались скрыться на территории церкви Сен-Тома-дю-Лувр, где все же были обнаружены и схвачены стражей [Chartularium Universitatis..., vol. 3, p. 136–137, p. 1312].

В городской топографии Парижа часовни, находящиеся под патронажем университета, выполняли роль меток, обозначающих границы влияния *studium*. В частности, университет умело использовал для укрепления своих позиций в городе часовни, возведенные в знак покаяния теми, кто грубо нарушил права корпорации. В 1286 г. по приказу Филиппа IV монастырь Сен-Жермен был вынужден построить две часовни за упокой души двух студентов, погибших во время столкновения с людьми аббатства, произошедшего за несколько лет до этого [см.: Ibid., vol. 2, p. 7, p. 537]. В каждой из часовен монахи монастыря Сен-Жермен должны были служить мессы за спасение душ усопших университетариев. Характерно, что одна из этих часовен была основана в старой церкви Сен-Мартэн, около стен аббатства, став потенциальным опорным пунктом для продвижения вглубь территории, находящейся в ведении монастыря. Вторая часовня была основана при церкви Сент-Катрин-де-Валь-дез-Эколье, на правом берегу Сены, т. е. также на землях, весьма удаленных от университетского квартала, где *studium* хотя бы символически стремился обозначить свое присутствие [см.: Ibid.]. В 1334 г. монастырь Сен-Жермен вновь проиграл дело против университета и был вынужден по приговору королевского суда передать университету право покровительства над церквями Сент-Андрэ-дез-Ар и Сен-Ком-Сен-Дамьен [Index chronologicus, p. 119]⁵. Таким образом, университету удалось ощутимо вклиниться в территории монастыря и расширить радиус своего влияния в городском пространстве.

На карте Парижа в рассматриваемый период существовало еще одно место, за обладание которым университет вел длительную и ожесточенную борьбу с монастырем Сен-Жермен. Прэ-о-Клер, «луга клириков», были пустырем, находившимся между Сеной и землями аббатства. Эта небольшая в сущности территория стала настоящим яблоком раздора, столкнувшим интересы аббатства и университета Парижа. Университет рассматривал эти земли, несколько

---

⁵ Эти церкви были построены монастырем Сен-Жермен в 1210–1212 гг. для жителей сен-жерменского предместья, оказавшихся отрезанными от своего прихода недавно возведенной стеной Филиппа II [см.: Hillairet, vol. 1, p. 459 ; vol. 2, p. 373.]

удаленные от собственно школьного квартала, как освященное традицией место отдыха и развлечений для студентов и преподавателей. Университарию готовы были отстаивать свои права на обладание Прэ-о-Клер не только в главном суде королевства, но и с ножом в руках, рискуя своей и чужой жизнью. Многочисленные кровопролитные столкновения между людьми аббатства и парижским *studium* составляют отдельную главу университетской истории. Ограничимся упоминанием лишь одного судебного процесса, на котором университет дал понять, что задеты его права на Луга клириков. В 1351 г. Луга стали местом дуэли двух английских дворян [Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 3, p. 40, n. 1200]. Университет, посчитав неприемлемым совершение насилия чужаками (к тому же англичанами, что было немаловажно в условиях начавшейся войны) на своей территории, подал жалобу в суд. Тяжба в королевском суде была для университета эффективным способом провозгласить *urbi et orbi* свои права на данную территорию и одновременно расширить зону своего влияния в городе. По исходу дела король заново подтвердил легитимность претензий университета на Луга клириков. Университет, воспользовавшись покровительством короны, сумел, таким образом, обозначить границы своих новых владений. Не допуская присутствия «посторонних» на своей территории, университет отмечал границы своего влияния. В этом отношении он действовал так же, как любой крупный сеньор, контролировавший подвластный ему сегмент городской территории⁶.

Пространство университета Парижа по своим структурным свойствам не было цельным, однородным. Каждый элемент в структуре университета (факультет, нация, коллеж и т. д.) претендовал на свой сегмент пространства внутри школьного квартала. Один из документов Книги приоров Сорбонны выявляет наличие границ внутри университетского пространства. В документе говорится о магистре Мишеле Болленжье, который обратился к коллежу с просьбой «продать ему дом, находящийся в пределах нашей улицы (*vicus nostrum*), но было решено отказать ему, ибо коллежу кажется несправедливым, чтобы женатый человек поселился на нашей улице» [Le Livre des prieurs, p. 222, doc. 833]. Заметим, что обозначение «наша улица» встречается дважды в цитированном фрагменте. Принадлежность к университетской корпорации еще не гарантировала права на совокупность территорий, находящихся под влиянием *studium*. Каждый «сегмент» университетской корпорации мог вырабатывать свои исключительные правила и нормы, ограничивающие доступ к своей территории для университетариев, не относящихся к данной структуре внутри *studium*. В приведенном случае примечательно то, что коллеж распространял характерные для своего внутреннего распорядка правила на окружающую территорию, ограниченную в данном примере улицей. Поэтому коллежу показалось неприемлемым, чтобы женатый преподаватель и, как следует из документа, лицо светское мог поселиться на его улице, как будто речь шла о вторжении на подвласт-

---

⁶ Эту аналогию можно продолжить, так как в Средневековье существовали, например, элементы университетской юрисдикции. Университет имел право в ряде случаев судить членов корпорации за некоторые проступки [см.: Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 1, p. 22, n. 20].

ные ему территории⁷. Характерный «раздел» территории внутри университетского квартала произошел в 1398 г., когда по условиям соглашения между пикардийской и англо-германской нациями на общие средства были возведены стена и башня, разделяющие пространство этих двух землячеств [см.: *Auctarium Chartularii...*, vol. 1, col. 768]. Границы, отмечающие владения двух университетских структур, обрели в данном случае физическое воплощение: некое подобие крепостных укреплений разграничивало впредь территории двух соседних корпораций. С одной стороны, университет мог выступать как единое целое при необходимости отстаивать права на свою территорию (многочисленные конфликты с прево и с королевскими сержантами тому пример), с другой — составляющие его структурные единицы имели тенденцию отделяться друг от друга, маркировать свое пространство. Книга прокураторов англо-германской нации приводит любопытное описание ссоры между двумя группировками студентов, которое с необычного ракурса освещает проблему партикуляризма внутри университетского пространства. Зимой 1413 г. труп коня, оставленный студентами-нормандцами из коллежа Аркур перед воротами дома на улице Арфы, принадлежащего студентам англо-германской нации, был воспринят последними как вызов [см.: *Ibid.*, vol. 2, col. 137–139]. В ответ на оскорбительное вторжение в пределы своего пространства студенты отправили делегацию к коллежу Аркур с целью выразить неудовольствие случившимся и потребовать унести труп коня. Эти ночные переговоры, сопровождаемые изысканными насмешками магистра-нормандца и претензиями студентов англо-германской нации, переросли в конечном итоге в ожесточенное столкновение двух группировок [см.: *Ibid.*]. Университет Парижа, по-видимому, представлял из себя совокупность разноразличившихся по своему значению и размерам «миров», которые замыкались в себе, отделялись друг от друга и могли проводить враждебную по отношению к соседям политику. Но, несмотря на подобный партикуляризм, университетские источники указывают на то, что в парижском *studium* в рассматриваемый период по-прежнему были сильны идеалы корпоративного братства и кооперации между землячествами. Так, в одном из документов Книги прокураторов не без гордости зафиксирован случай, когда англо-германская нация «оплатила вино в таверне» двум другим землячествам — французскому и пикардийскому [*Ibid.*, vol. 1, col. 761].

В материальном отношении квартал университета составляли ветхие здания, лишённые порой минимального комфорта. Вспомним знаменитые «пучки сена», на которых должны были сидеть во время лекций студенты на улице Соломы, само название которой было свидетельством этого обычая. В положениях статута Парижского университета XIV в., касаемых факультета свободных искусств, говорится, что в период возведения в ученую степень и при получении разрешения на преподавание «...студенты, слушая лекции на этом факультете, должны сидеть на полу перед своими учителями (как это было

---

⁷ Отметим, что в состав университета Парижа входило небольшое число светских лиц, большинство из которых училось и преподавало на факультете права и медицины [см.: Verger, p. 865–866].

в обычае, когда на факультете процветали науки), а не на стульях или скамьях, которые возвышаются над полом, ибо таким путем смиряется гордыня оных» [Университетские документы, с. 211—212]. Возможно, это правило объяснялось в большей степени нехваткой средств, чем необходимостью «унять гордыню студентов». Книга прокураторов англо-германской нации зафиксировала в 1449 г. решение совета нации починить «кресла и иные сиденья в школах Семи искусств», что указывает на то, что здания университета были все же экипированы мебелью, которая требовала ремонта [см.: *Auctarium Chartularii...*, vol. 2, col. 761].

Мошечные улицы на рубеже XIV—XV вв. были редкостью в Париже, и квартал университета в этом отношении не составлял исключения в городском пейзаже. В 1370 г. Книга прокураторов засвидетельствовала обсуждение вопроса о необходимости положить мостовую на участке улицы около новых школ нации: «На том же собрании я, прокуратор, ввиду того, что территория новых школ нашей нации загрязнена пылью и песком, как нам доложили многие магистры и педель, до такой степени, что студенты не могут без отвращения оставаться в такой пыли, учитывая то, что нет возможности провести уборку, потому как отсутствует прочная мостовая, предложил положить мостовую тем или иным способом, из гипса или из глины» [Ibid., vol. 1, col. 367]. Поскольку Книга прокураторов фиксировала все конкретные вопросы, касающиеся внутренней жизни нации, то процитированный фрагмент, будучи лишенным риторического преувеличения, дает ценное описание среды обитания университетариев. Очевидно также, что университет пытался организовать, привести в должное состояние принадлежащую ему территорию. Книга прокураторов приводит множество свидетельств, доказывающих ветхое состояние университетского квартала. В конце XIV — начале XV в. англо-германская нация была вынуждена с удивительной регулярностью проводить ремонтные работы в принадлежавших ей домах. В 1394 г. представители землячества посетили дома под вывесками «Олений Рог» и «У Девы Марии», которые только что подверглись ремонту [Ibid., col. 688]. В 1398 г. нация отправила делегацию к магистру Гийому де Шарсенэ, «который вынужден был покинуть школы Семи искусств, закрытые по причине настолько ветхого состояния, что их заново необходимо было отремонтировать» [Ibid., col. 756]. В связи с этим нация решила собрать большую сумму денег для починки зданий школ и все того же «Оленьего Рога» [см.: Ibid., col. 758]. В 1400 г. магистр, обитавший в «Оленьем Роге», попросил нацию заново отремонтировать злосчастный дом [см.: Ibid., col. 816]. Три года спустя собрание членов нации обсуждало необходимость отремонтировать одну из стен «Оленьего Рога», а в 1404 г., видимо, оценив масштабы затрат, поглощаемых перманентным ремонтом, совет землячества поставил вопрос о том, что нужно «найти такой способ починить и сохранить указанный дом без дальнейших затрат, который позволил бы нации компенсировать свои деньги» [Ibid., col. 860, 873]. Одновременно собрание нации обратило внимание на плачевное состояние второго дома, принадлежащего землячеству, — «У Девы Марии». Это жилище, по описанию Книги прокураторов, «находилось в полуразрушенном состоянии, было ветхим, шатким и зловонным» [Ibid., col. 895]. Наконец,

в 1410 г. нация принимает решение направить делегацию членов землячества с целью осмотра «грозящих обрушением руин» домов, находящихся в собственности корпорации [см.: Ibid., vol. 2, col. 78]. Очевидно, что кризис начала XV в. оставил глубокий отпечаток на внешнем облике университетского квартала, обнажив картину необустроенности и разрухи⁸. Отметим однако, что разрушения не пощадили город в целом: французский историк Ж. Фавье отмечает, что в связи с гибельными последствиями эпидемий и войны многие дома повсюду в Париже находились в этот период в запустении [см.: Favier, p. 24]. Кроме того, антисанитарные условия жизни, отсутствие мостовых на улицах и прочие урбанистические проблемы Средневековья не были исключительным явлением в эту эпоху⁹.

Университет Парижа, таким образом, занимал территорию, имевшую тенденцию к отгораживанию от окружающего городского пространства и состоящую из отдельных структурных единиц, которые, подобно дочерним клеткам, отражали особенности функционирования корпорации в целом. Коллежи, нации, просто жилые дома, заселенные студентами, стремились утвердить и могли в случае необходимости защитить права на свой кусок территории внутри университетского квартала. Они имели четкое представление о границах, отделяющих их от внешнего мира, и болезненно воспринимали вторжения чужаков. Определенный «экспансионизм» университетской корпорации, который проявлялся, в частности, в претензиях на Луга клириков, а также само восприятие своего пространства внутри города как некоей неотъемлемой территории, на которую *studium* распространял подобие сеньориальных прав, свидетельствует в определенной степени о подражании университета социальному поведению верхушки средневекового общества. Осваивая свое пространство, университет действовал как крупный сеньор или как «коллективный принц крови», выражаясь словами П. Ю. Уварова [см.: Уваров, с. 208]. В этом отношении восприятие университетом своего пространства было отражением его претензий на элитное положение в структуре средневекового французского социума, заявленных еще в эпоху зарождения «ученой корпорации» в Париже.

Жерсон — наставникам Наваррского коллежа (май — сентябрь 1400 г.) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 240—245. [Zherson — nastavnikam Navarrskogo kollezhza (maj — sentyabr' 1400 g.) // Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo Srednevekov'ya. M., 1994. T. 2. S. 240—245.]

Уваров П. Ю. Лучшие люди христианства, лучшие люди королевства: интеллектуалы Средневековья // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 206—217. [Uvarov P. Yu. Luchshie lyudi khristianstva, luchshie lyudi korolevstva: intellektualy Srednevekov'ya // Elita i etnos Srednevekov'ya. M., 1995. S. 206—217.]

---

⁸ Имеются в виду конфликт Бургиньонов и Арманьяков, восстание кабошьенов, последствия чумы и, наконец, схизма, расколовшая в том числе и университетский мир и спровоцировавшая отток из Парижа сторонников папы Урбана VI.

⁹ Например, первые закрытые канализационные стоки появляются в Париже только во времена Генриха IV [см.: Milley, vol.1, p. 157—159].

Университетские документы (XIV в., Париж) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 211–212. [Universitetskie dokumenty (XIV v., Parizh) // Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo Srednevekov'ya. M., 1994. T. 2. S. 211–212.]

Auctarium Chartularii Universitatis Parisiensis. Liber Procuratorum nationis anglicanae. Vol. 1, 2, 5.

Chartularium Universitatis Parisiensis. P., 1897. Vol. 1–3.

Favier J. Francois Villon. P., 1982. 540 p.

Hillairet J. Dictionnaire Historique des rues de Paris. P., 1985. Vol. 1–2.

Index chronologicus chartarum pertinentium ad historiam Universitatis Parisiensis, ab ejus originibus ad finem decimi sexti saeculi, adjectis insuper pluribus instrumentis quae nondum in lucem edita erant / ed. Ch. Jourdain. P., 1862.

Le Livre des prieurs de Sorbonne. P., 1987. 299 p.

Lusignan S. «Vérité garde le Roy»: la construction d'une identité universitaire en France (XIIIe–XVe siècle). P., 1999. 332 p.

Milley J. La vie parisienne à travers les âges. P., 1968. 332 p.

Thorndike L. University records and life in the Middle Ages. N. Y., 1944. 476 p.

Verger J. Le recrutement géographique des Universités françaises au début du XVe siècle d'après les Suppliques de 1403 // Mélanges d'archéologie et d'histoire. P., 1970. P. 855–902.

Vespierre B. Guide du Paris médiéval. P., 2006. 235 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2013 г.

УДК 94(411) + 130.2:8 + 930.1 + 330(09)

В. В. Высокова

ШОТЛАНДСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ: КРУГ ИДЕЙ

Рассматриваются специфические черты и особенности шотландского Просвещения в общеевропейском контексте интеллектуальной мысли XVIII в.; на примере шотландских просветителей показано возникновение «публичной сферы»: расцвет добровольных обществ, клубов и напряженных дискуссий по основным проблемам современности; дана характеристика вклада шотландских просветителей в развитие моральной философии, политэкономии и исторических исследований.

Ключевые слова: Просвещение; «литературная республика»; Д. Юм; политэкономия; историзм; моральная философия.

Тема шотландского Просвещения в качестве отдельного предмета исследования определилась примерно пятьдесят лет назад. Начало ей было положено дискуссией между британскими историками Хью Тревор-Ропером и Дунканом Форбсом. Их конфликтующие позиции при очевидных различиях стиля и тона сегодня дополняют друг друга и суммируются в единый объект исследования. Кульминацией исследований Форбса стала работа «Философские принципы политики Юма» (1975). Но еще более важным было то, что он предложил новый предмет исследований, ставший привлекательным для нового поколения

историков, таких как Квентин Скиннер, Николас Филлипсон и многих других, что в конечном счете привело к формированию направления интеллектуальной истории в Великобритании в 1960-е гг. [см.: Forbes, p. XI]. В интерпретации Форбса, шотландское Просвещение выступало как интеллектуальное движение, далеко выходящее за рамки Британии. Сходную оценку шотландского Просвещения мы находим в толковании Тревор-Ропера в его докладе на конференции 1966 г. в университете Сент-Эндрюс, где он привлек внимание к одной из ранних работ на эту тему [см.: Bryson]. Активность шотландских мыслителей, по его мнению, определялась как открытостью Шотландии XVIII в. новым идеям с континента, так и необычайно быстрым экономическим и социальным развитием страны. Тревор-Ропер доказывал, что шотландцы внесли свой собственный вклад в изучение того, что они называли «прогрессом общества» [см.: Trevor-Roper, 1967; 2010].

Вскоре данная тема была подхвачена итальянским историком Франко Вентури, который отнес шотландских просветителей к более широкому течению европейского Просвещения наряду с итальянскими иллюминатами (Чезаре Беккария, Антонио Дженовезе и др.) и французскими философами. Он указал на контраст в этом отношении между Англией и Шотландией. Шотландские просветители, по его мнению, создали слой зарождающейся «интеллигенции», что уже можно было наблюдать в то время в Париже, но было совершенно неизвестно в Лондоне. По его мнению, в шотландском Просвещении сложились классические элементы культуры эпохи Просвещения: «прошлое» и «настоящее» обрели тесную связь; патриотические группы и общества сосредоточились на решении таких насущных проблем восемнадцатого века, как нищета, суеверия, высокая смертность и др. [см.: Venturi, 1972, p. 132–133].

Именно в 60–70-е гг. XX в. сложилось представление о Просвещении как целостном интеллектуальном движении, которое распространилось по всей Европе и представители которого созрели как для понимания проблем современности, так и для содействия их решению посредством модернизации общества. Просветители наряду с глубоким, оригинальным мышлением четко осознавали действенность своих идей. Они выступали и как космополиты — добровольные участники обмена идеями вне политических границ, и как патриоты, посвятившие себя улучшению дел в своей стране. Представители шотландского Просвещения (за редким исключением) хоть и не принимали участия в политических реформах, но постоянно были в эпицентре общественной жизни. Отличие шотландских философов, по мнению Вентури, Форбса и Тревор-Ропера, заключалось в том, что они, возможно, не были так тесно сплочены, как их французские или итальянские коллеги, перед лицом социальной несправедливости или религиозных гонений. Признание шотландского вклада в европейское Просвещение, таким образом, было признанием роли Шотландии в формировании интеллектуальных основ современного мира.

Пятьдесят лет спустя эту точку зрения на эпоху Просвещения и место в ней Шотландии очень трудно поддерживать. Трудность заключается не только во фронтальном наступлении постмодернизма, где Просвещение рассматривается как ложный пророк, абсолютизирующий значение рационализма и универ-

сальности. Постмодернистская критика пересеклась с другими тенденциями в исторической науке, результаты которых так или иначе подрывают сложившееся в 1970-е гг. представление об европейском Просвещении как целостном интеллектуальном проекте. И здесь можно выделить три тенденции.

Первая заключается в исследовании истоков оригинальных идей эпохи Просвещения, по крайней мере ее отличительных особенностей, от предшествующего периода. Представления о возможностях, вытекающих из союза между писателями и издателями, существовали задолго до эпохи Просвещения. Это обстоятельство уже сознательно использовали представители «литературной республики» (*republic of letters*) [см.: Jardine; Goldgar]. Многие проблемы эпохи Просвещения: конфликт между личными и общественными интересами, преобразование общества и политики посредством развития коммерции и т. п. — все это уже обсуждалось и в XVII в., если не ранее. Хотя, конечно, скорее речь идет об интеллектуальной преемственности эпохи Просвещения с идеями предшествующего периода.

Вторая тенденция заключается в стремлении уточнить предмет исследования. Мало того, что географические рамки Просвещения расширены до самых дальних окраин Европы, но и представление о просветителях как некоем сообществе с определенным набором интеллектуальных практик не является сегодня столь определенным. Круг тех, кто участвовал в развитии интеллектуальной среды эпохи Просвещения, неуклонно расширяется. К философам и писателям добавляются представители естественных наук и искусств, издатели и книготорговцы. Конечно, все эти детали и обстоятельства дают более полное представление о культуре эпохи Просвещения, однако в настоящее время угрожают лишить Просвещение его исследовательской согласованности.

Третья тенденция в изучении эпохи Просвещения тесно связана с первыми двумя. Так как преемственность с предшествующим периодом привлекает все большее внимание, а сфера применения и развития идей Просвещения постоянно расширяется, исследователи все больше сосредотачиваются на различных вариантах Просвещения. Католическое Просвещение на юге Европы следует отличать от протестантского северного Просвещения. Изучение Просвещения в национальном контексте стало еще более популярным, особенно среди англоязычных историков. Ярким примером является сборник статей под редакцией Р. Портера и М. Тейча, фокус которого сосредоточен на взаимодействии идей Просвещения с местными особенностями [см.: *The Enlightenment in National Context*]. Таким образом, общее поле Просвещения стремится ускользнуть из нашего поля зрения. Некогда единое движение Просвещения все больше и больше фрагментируется.

Кроме того, следует отметить, что национальный контекст в изучении эпохи Просвещения, пожалуй, нигде не имеет более продуктивного применения, чем в Шотландии. Здесь выделяются исследования британского историка Н. Филлипсона, посвященные Д. Юму, который сделал акцент на преемственности идей Просвещения с более ранними периодами шотландской интеллектуальной

мысли, открывая то, чем до сих пор пренебрегали, — интеллектуальные движения позднего гуманизма и поздней схоластики, выдающимися представителями которого были шотландцы. Филлипсон обратил внимание на оперативность, с какой шотландцы заимствовали «ньютонианство», а также широкий интерес шотландцев к естественным наукам в течение XVIII в. [см.: Phillipson, 1981; 2011]. Кажется также естественным отличать шотландское Просвещение от Просвещения континентальной Европы, акцентируя внимание на консервативном скептицизме шотландцев как альтернативе радикальным, рационалистическим построениям просветителей континентальной Европы. В Шотландии действительно не использовали такого термина, как «просвещение», пришел к выводу известный представитель кембриджской школы интеллектуальной истории Дж. Покок [см.: Россок].

И тем не менее в данной статье Просвещение рассматривается как единое интеллектуальное движение восемнадцатого столетия. Эта точка зрения разделяется большинством исследователей этой эпохи в современной историографии [см.: Jacob]. Самостоятельной задачей работы является выявление оригинального вклада представителей шотландского Просвещения, объединенных, как и их европейские коллеги, приверженностью к улучшению человеческого рода, а также к исследованию условий достижения общественного прогресса. Уже первые историки этой проблематики (Д. Форбс и др.) рассматривали их как отдельную небольшую группу литераторов, которые в достаточной степени обособились в обществе и идентифицировали себя с более широким движением Просвещения. Сегодня благодаря трудам Р. Эмерсона, Р. Шера и других мы имеем достаточно четкое представление об их социальном статусе и общественной роли в Шотландии восемнадцатого века [см.: Emerson, 1997; 1992].

Как правило, все те, кто ассоциировал себя с Просвещением, сделали успешную карьеру в одном из трех учреждений, находившихся в центре шотландской общественной жизни, — университете, церкви и законе. Более открытый для интеллектуальных новаций университет предлагал одну из самых благоприятных и во многих случаях прибыльных форм занятости для литераторов. Традиционная система обучения с ее «настоятелями» или домашними учителями на протяжении восемнадцатого века постепенно заменялась созданием кафедр в университетах. У новых профессоров появилась возможность специализироваться на отдельном предмете и привлекать студентов к своим курсам как для собственной финансовой выгоды, так и для пользы университетов.

Точно так же, хотя и менее удачно с точки зрения финансовой, можно было делать карьеру в лоне церкви Шотландии. Клерикальные порядки, может, и затрудняли публичное выражение неортодоксальных религиозных взглядов, но никак не препятствовали мирским интеллектуальным занятиям. Это было особенно верно для Эдинбурга, где тон задавало «умеренное» духовенство во главе с Уильямом Робертсоном [см.: Sher, 1985]. Иной была ситуация в Глазго, где хранители пресвитерианской ортодоксии во главе с Джоном Уизерспуном (*John Witherspoon*) оставались на страже своих интересов в течение первой половины века и позднее. Третьей профессией, открытой литераторам в Шотландии XVIII в., была юриспруденция. Это было не так просто, как университет или

церковь, поскольку высшие позиции в иерархии юристов — в качестве адвокатов и судей — фактически могли занять только сыновья землевладельцев [см.: Phillipson, 1980]. Тем не менее присутствие литераторов в этой среде, так тесно связанной с земельной элитой, способствовало их признанию в шотландском высшем обществе.

Интегрированные в общественную структуру посредством профессиональной деятельности литераторы еще более упрочили свои позиции участием в неформальных добровольных объединениях «изящной» городской культуры, клубах и обществах, которые множились в Шотландии, как и повсюду в просвещенной Европе. В ряде случаев подобные общества, например Избранное общество Эдинбурга (*Select Society of Edinburgh*), Литературное общество Глазго (*Glasgow Literary Society*), Философское общество Абердина (*Aberdeen Philosophical Society*), были созданы на основе равенства их членов. В них литераторы были на равных с землевладельцами, юристами и предпринимателями [см.: Emerson, 1973; Sher, 1995]. В других случаях, в частности в Покер клуб (*Poker club*), отношения были подчеркнута приятельскими, где литераторы и джентри встречались на дружеском ужине. Однако в городах Шотландии не было ничего похожего на парижские салоны: женщины, к сожалению, не играли заметной роли в интеллектуальной жизни Шотландии в эпоху Просвещения. Вполне возможно, что масоны предложили альтернативную возможность для социальной интеграции, но, несмотря на имеющиеся исследования о происхождении масонства в Шотландии XVII в. [см.: Stevenson], мы до сих пор почти ничего не знаем о его присутствии в Шотландии восемнадцатого столетия.

Тем не менее были и исключения. Таким исключением стал Дэвид Юм, чья карьера — показательный пример вынужденной интеллектуальной независимости. Отправившись в 1734 г. в двадцатитрехлетнем возрасте во Францию изучать философию, Юм вернулся в 1739 г. с «Трактатом о человеческой природе» и предполагал, что его ждет университетская карьера, как только подходящая должность станет вакантной. Но в 1745 г. его кандидатура на кафедру моральной философии в Эдинбурге была отвергнута подавляющим большинством представителей академических, церковных и политических кругов. Позже, в 1752 г., его попытка занять кафедру в университете Глазго также провалилась, против его кандидатуры был даже его друг Адам Смит. Эти обстоятельства вынудили Юма согласиться на исполнение ряда краткосрочных контрактов, наиболее приемлемые из которых были связаны с военной и дипломатической службой, так как позволяли ему путешествовать [см.: Emerson, 1994; Stewart]. В силу необходимости Юм вынужден был зарабатывать себе на жизнь как независимый литератор, и его амбиции в конце концов были реализованы в успехе «Истории Англии». Его жизненный опыт служил ярким подтверждением возможности человека сохранять достойное и независимое положение в обществе. Хотя Юм и избегал публичной полемики с церковью и своими оппонентами, однако в равной степени он сохранял независимую интеллектуальную позицию в своих печатных работах.

Никакой другой шотландский литератор не имел подобного положения, и многим оно казалось привлекательным. Адам Смит сразу отказался от препо-

давания в университете в 1764 г., когда получил место воспитателя и перспективы путешествия с денежным содержанием и пенсией. Адам Фергюсон постоянно стремился оставить кафедру с целью совершить путешествие по Европе и Северной Америке в 1770-е гг. Кроме того, литераторы были озабочены необходимостью признания со стороны землевладельческой и юридической элиты, что было связано со стремлением добиться уважения к своим литературным опытам. Просветители поддерживали связи с корреспондентами и научными обществами на континенте, осознавая себя членами европейской «литературной республики». Они были хорошо интегрированы в шотландское общество и могли приносить ему пользу, но при этом — как литераторы — они обладали независимым положением. Это сближает их статус с положением философов Просвещения во Франции, Италии и Германии.

Изучение публичной «роли», исполняемой шотландскими литераторами, показывает их стремление подчеркнуть свою обособленность в обществе. Возможно, историки шотландского Просвещения до сих пор недостаточно уделяют внимания концепции Юргена Хабермаса о возникновении новой «публичной сферы» в обществе восемнадцатого столетия, что особенно применимо к ситуации в Шотландии. Исключенные из парламентской жизни и проживающие на расстоянии от столицы шотландские литераторы могли участвовать в общественных дискуссиях без непосредственного участия в деятельности политических партий или выработке государственной политики. И наоборот, удаленность от центрального правительства позволяла им вести открытые дебаты в Шотландии. Примером может служить дискуссия об участии шотландской милиции в военных действиях в 1760-е и 1780-е гг., когда обсуждался вопрос о цене войны в развитии общества [см.: Robertson, 1985].

Обособленность шотландских литераторов, пожалуй, наиболее заметна в их стремлении достичь достойное материальное положение. На континенте просветители становились либо государственными чиновниками, как в Германии, либо реформаторами, активно пытаясь воздействовать на свои правительства, чтобы те взяли на себя ответственность за экономическое благосостояние своих подданных, как в Италии. В Шотландии же вопросы, связанные с улучшением дел в стране, неоднократно обсуждались в разнообразных добровольных обществах, где в дискуссиях принимали участие и литераторы, и джентри. Но ни один из ведущих представителей шотландского Просвещения, за исключением эксцентричного Дж. Стюарта (*James Steuart*), никогда специально не решал проблем шотландской экономики и не занимал какого-либо поста в государственных ведомствах, созданных для реализации конкретных проектов, таких как, например, развитие Хайленда. Решение этих задач было оставлено второму ряду публицистов и активистов во главе с Джеймсом Андерсоном (*James Anderson*) и сэром Джоном Синклером (*John Sinclair*). Частично это было связано с их сомнением в необходимости интеграции шотландской экономики в единый британский рынок. Но уже к третьей четверти века можно было наблюдать успехи шотландской экономики. Современные историки утверждают, что сельское хозяйство Шотландии начало заметно развиваться в низменных районах, мануфактура распространилась в сельской местности, а Глазго и его

окрестности переживали бум материального развития [см.: Smout; Devine]. Свободные от прямой ответственности за эти достижения, лидеры шотландского Просвещения имели всякий раз возможность анализировать ситуацию в Шотландии и высказывать свои суждения.

Остановимся на главных вопросах в дискуссиях шотландских просветителей. В основе интеллектуального проекта шотландского Просвещения лежат три связанных между собой направления исследовательской мысли: 1) моральная философия, 2) история и 3) политическая экономия. Краткий обзор каждого из них позволит показать роль шотландцев в более широком контексте европейского Просвещения.

• **Моральная философия (или философия морали).** С начала восемнадцатого века шотландцы развивали два самостоятельных направления мысли в отношении морали. Одно из них было академическим и опиралось на концепцию естественного права С. Пуфендорфа, адаптированную к шотландским потребностям в университетском курсе первым профессором моральной философии в Глазго Гершомом Кармайклом (*Gershom Carmichael*). Другое было попыткой деликатного возрождения классических ценностей добродетельных граждан применительно к обществу торговли и кредита. Здесь развитие идей было более сложным. В сочинении лорда Шефтсбери (*Shaftesbury*, 1671–1714) «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (*Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times*, 1711) была предпринята попытка смягчить аскезу классического республиканизма, с которым шотландцы уже были знакомы через работы Эндрю Флетчера (*Andrew Fletcher*, 1655–1716). Позиция Шефтсбери столкнулась с блистательным эпикурейским скептицизмом Бернарда Мандевиля (*Mandeville*, 1670–1733). Но вызову Мандевиля противостоял Фрэнсис Хатчесон (*Francis Hutcheson*, 1694–1746), который переформулировал аргументы в пользу естественных способностей человека к общительности и добродетели в терминах, заимствованных у стоиков. В 1729 г. он занял кафедру моральной философии в Глазго вслед за Кармайклом, переселившись из Дублина, и приступил к дальнейшему развитию этого тезиса и его адаптации к шотландскому академическому дискурсу естественного права [см.: Moore].

Значимость Хатчесона в шотландском Просвещении, однако, определяется отношением к нему Дэвида Юма. Среди исследователей преобладает мнение, что Юм начал свои исследования под влиянием Хатчесона. Философия морали Юма часто рассматривается как расширение и углубление идей Хатчесона [см.: Smith; Norton]. Но это оценка взаимосвязи между ними сегодня поставлена под вопрос. В исследовании Дж. Мура о шотландском Просвещении были приведены убедительные доводы в пользу противоположности их взглядов. Хатчесон наверняка был автором критических рецензий на первую и третью книги «Трактата о человеческой природе», которые появились анонимно в издаваемом в Амстердаме журнале «Библиотека работ ученых из Европы» (*Bibliothèque Raisonnée/Bibliothèque raisonnée des ouvrages des savans de l'Europe*) в 1740 и 1741 гг. Эти рецензии делают очевидным различия между работами Юма и Хатчесона [см.: Moore, Stewart, 1993a, b]. Со своей стороны, Юм должен был ясно осознавать глубину различий между ними, хотя первоначально, по-видимому, он отталки-

вался от идей Хатчесона. Но с философской точки зрения Юм всегда был скептиком как в морали, так и в теории познания. Он сформировался на совершенно определенной философской традиции, идущей от древних эпикурейцев, П. Бейля, французских моралистов, Гоббса, а также не любимого Хатчесоном Мандевиля. В этой связи теория морали Юма должна была исходить из представления о человеке как корыстном и нелюдимом существе, на которое общество воздействует исходя из сложившихся представлений о справедливости [см.: Моогe]. Юм вряд ли был удивлен, когда Хатчесон выступил против его кандидатуры в 1745 г. в Эдинбурге [см.: Stewart]; его ответ, вежливый, но твердый, был дан в «Принципах морали» (1751), что можно рассматривать как подчеркнутый разрыв и с философией морали Хатчесона, и с академическими идиомами естественного права.

Оставив в стороне дискуссии в области моральной философии, все-таки подчеркнем то, что объединяет шотландских мыслителей эпохи Просвещения. Во-первых, общей и исходной позицией для всех них было представление о том, что моральная философия должна дать убедительный ответ нарождавшемуся обществу наживы и чистогана. Во-вторых, основным в моральной философии был вопрос, является ли стремление к «общественности» и «добродетели» естественным свойством природы человека или же эти качества формируются общественным развитием и являются искусственными конструктами, обуздывающими беспредельный эгоизм человека. Наконец, все шотландские философы считали, что их сочинения должны быть написаны доступным языком и способны заинтересовать равнодушных граждан. Сам предмет моральной философии — общее место эпохи Просвещения, но логика мышления шотландцев и их стремление интегрировать моральную философию в изучение истории и политической экономии позволили им сделать уникальный вклад в развитие идей этой эпохи.

• Вторая центральная тема шотландского Просвещения — это и с т о р и я. Ее исследование развивалось в двух направлениях практически независимо друг от друга. Первое — так называемая « е с т е с т в е н н а я » и с т о р и я, очень близкая к тому, что сейчас называют историей «длительных протяженностей». Наиболее известным примером этого жанра было сочинение Д. Юма «Естественная история религии» (*Natural History of Religion*, 1757), но более широко его использовали Смит, Фергюсон, Робертсон и Миллар в виде т е о р и й с т а д и а л ь н о г о р а з в и т и я о б щ е с т в а. Как и в моральной философии, концептуальная основа для обсуждения истории с точки зрения «общественного развития» была подготовлена естественным правом: Смит и Миллар широко практиковали его в преподавании. Однако они отбросили его в печатных работах. Самым смелым в этом отношении был Фергюсон, первая книга которого «Очерки истории гражданского общества» (*Essay on the History of Civil Society*, 1767) демонстрирует нетерпимость автора к негибким категориям естественного права, а также теории общественного договора. При этом ясно, что шотландские мыслители отнюдь не были материалистами в рассмотрении причинно-следственных связей в историческом развитии, скорее всего в их сознании это связывалось с ролью провидения в человеческой истории. Но это не меняет

сути дела, поскольку стадийные теории были связаны исключительно с идеей развития общества — прогрессом и определялись озабоченностью тем, какая стадия будет следующей.

Второе направление исторических исследований было связано с традиционным повествованием. Здесь в своей попытке написать современную, основанную на скептическом отношении к предшествующей традиции историю Англии Юм снова стал пионером. Политический смысл его «Истории Англии» (1754–1762) актуализирован в 60-е гг. XX в. [см.: Forbes; Phillipson, 1989; Wootton]. Особенно следует обратить внимание на исследование К. Кидда, где предпринята попытка объяснить, почему первоначально задуманное Юмом сочинение как история Великобритании свелось к истории Англии. Ответ Кидда заключается в том, что Юм давал сниженную оценку шотландской истории. Он отрицал в шотландском прошлом наличие «древней» конституции, которая могла бы послужить основой свободы в настоящем. Юм пришел к выводу о том, что только английская древняя конституция может быть полезной в политическом развитии Ганноверской Великобритании [см.: Kidd]. В какой степени Юм пытался синтезировать в своем нарративе социальные, культурные и литературные события? Скорее всего, его амбиции были скромны: его манера повествования кажется концептуально (но не стилистически) ближе всего к «гражданской» истории Пьетро Джанноне (*Giannone*), чем, скажем, к истории нравов Вольтера, не говоря уже о «социальной» истории, предложенной стадийными теоретиками [Robertson, 2006].

Если это суждение верно, то еще больший смысл приобретают достижения шотландского историка Уильяма Робертсона. Он, вероятно, стал первым, кто начал писать гражданскую историю Шотландии. Затем он обратился к истории международных отношений в Европе времен Карла V, первый том которого «Обзор прогресса общества в Европе» (*View of the Progress of Society in Europe*) начинался с момента падения Западной Римской империи. Еще более смелой стала «История Америки», где была предпринята убедительная попытка использовать стадийную теорию в описании других народов. Конечно, все эти начинания вскоре будут оттенены вкладом Эдварда Гиббона, но разница между Англией Юма и Америкой Робертсона является мерой того, насколько в осмыслении истории вперед продвинулись шотландцы.

• Третьей темой в исследованиях шотландских просветителей и, может быть, наиболее оригинальной среди них была политическая экономия. И в этом случае историческое значение достижений шотландцев определялось пересмотром предшествующей традиции. Этот вопрос был исследован в двух книгах, в частности в работе Д. Винча «Политика Адама Смита» (1978) и последовавшем за ней томе под редакцией И. Хонта и М. Игнатьева «Богатство и добродетель: формирование политической экономии в шотландском Просвещении» (1983) [Winch; Wealth and Virtue...]. В этих работах был сделан вывод о том, что шотландцы подошли к созданию оригинальной теории политэкономии на основе двух более ранних традиций политической мысли. Первая — так называемая классическая, или комментирование гуманистами-цивиристами договорной теории имущественных отношений римского права

[см.: Поддников]. Вторая — это теория естественного права в отношении собственности и обмена. Однако здесь есть опасность просмотреть собственный оригинальный вклад шотландского Просвещения в развитие политической экономии. Юм, Смит и другие оперируют в своих работах экономическими принципами как самоочевидными, как будто уверены, что нет необходимости в отсылке к естественному праву, которое по-прежнему широко практиковалось в обучении. Но они стремятся к достижению большей концептуальной ясности и адаптации контрактной теории применительно к задачам моральной философии, явно надеясь воспитывать в широкой читающей публике понимание текущих процессов, а также оказывать влияние на политику государства.

Решающий первоначальный вклад в развитие политэкономии внес Д. Юм. В «Рассуждениях о политике» (*Political Discourses*, 1752) в целом ряде эссе («О деньгах», «О торговом балансе», «О налогах» и др.) он дает отповедь французским физиократам, и в частности работе Ж.-Ф. Мелона (*Jean-Francois Melon*) «Опыт о торговле с политической точки зрения» (*Essai Politique Sur Le Commerce*, 1734). Если в экономической модели Мелона сельское хозяйство являлось главным и определяло развитие других отраслей экономики, то Юм предложил другую модель, где торговля выступает главным агентом развития экономики, и препятствия на пути ее развития Юм видит в недоверии к ней со стороны публики и злоупотреблениях со стороны алчных торговцев. Отвечая, в свою очередь, Юму, выше упомянутый Дж. Стюарт в «Исследованиях о принципах политической экономии» (*Principles of Political Oeconomy*, 1767) выступил с тщательной и пространной защитой идей физиократов. Ответом ему стала работа А. Смита «О богатстве народов» (1776), где он демонстрировал синтез двух подходов на новом уровне. Он восстанавливает первенствующие позиции сельского хозяйства в «естественном прогрессе богатства», но подвергает жесткой критике стремление физиократов поддерживать сельское хозяйство за счет естественного развития производства и коммерции.

Расхождения между философами скорее усиливают, нежели уменьшают позиции шотландского Просвещения. Безусловно, и Юм, и Смит были едины в том, что господствующие представления в современном им обществе определяют процессы экономического развития. Для них также было очевидно, что эти процессы ведут в перспективе к реальной материальной выгоде для большинства, если не для всех членов общества. Рост богатства наций в целом улучшает условия существования всех слоев общества, в том числе самых низших. И если даже современное коммерческое общество пока еще не соответствует классическим добродетелям, это общество — лучшее из всех до сих пор существовавших, полагали они. Впервые в политической экономии состоялось признание того, что каждый человек может достичь достойного положения в этой жизни. Исходя именно из этого, политическая экономия стала точкой опоры развития моральной философии и исторических исследований. Эта позиция была также направлена против приверженцев религии, которые полагали, что «страданиями человек совершенствуется». Таким образом, независимо от того, была ли «общественность» человека естественной или искусственной, общим было признание того, что проблемы общественного развития больше не могут обсуждаться без

признания в качестве основной его движущей силы материального прогресса.

Несколько слов об «изолированности» шотландского Просвещения. Этот вопрос требует проведения дополнительных исследований, которые позволили бы сравнить опыт шотландцев с опытом просветителей континентальной Европы. Хорошо известно, что ведущие деятели шотландского Просвещения были в курсе текущих событий на континенте, особенно во Франции, благодаря путешествиям, переписке, рецензиям и книгам. Они также прямо реагировали на работы французских мыслителей: дискуссия Юма с Мелоном является одним из таких примеров, Смита с Руссо — другим. Но систематическое текстовое изучение «ответа» шотландцев на французскую интеллектуальную жизнь все еще находится в зачаточном состоянии. Кроме того, мы мало знаем о степени доступности иностранных книг для широкой читающей публики. Не менее важными для оценки шотландского вклада в европейское Просвещение является представление о том, в какой степени труды шотландцев были известны и читаемы в Европе. Конечно, это не абсолютный показатель: можно читать, но не понимать авторских идей и аргументов. Опасность ложного понимания тонко показана в исследовании Ф. Оз-Зальцбергер в отношении переводов и круга чтения в Германии произведений А. Фергюсона. Английские термины, для шотландца означающие публичную политическую активность, были переведены на немецкий язык как понятия, связанные с внутренним моральным саморазвитием человека [см.: Oz-Salzberger, 1995; 2006]. В этом случае национальные различия серьезно проявляются и оказывают влияние на такого рода связи. И тем не менее шотландской политической экономией интересовались по всей Европе. Здесь французские переводы были наиболее распространенными. Французский язык можно считать общим языком европейского Просвещения, именно французы сделали политическую экономию особенно привлекательной для читающей публики и во многом обеспечили ее ключевую роль в реализации стремления человека улучшить мир.

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115. [Poldnikov D. Yu. Etapy formirovaniya tsivilisticheskoy dogovornoj teorii *ius commune* // Gosudarstvo i pravo. 2012. N 6. S. 106–115.]

Bryson G. *Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century.* Princeton, 1945. 287 p.

Devine T. M. *The Transformation of Rural Scotland. Social Change and the Agrarian Economy, 1660–1815.* Edinburgh, 1994. 275 p.

Emerson R. The «affair» at Edinburgh and the «project» at Glasgow: the politics of Hume's attempts to become a professor // *Hume and Hume's Connexions.* M.A. Stewart & John P. Wright (eds.). Edinburgh, 1994. P. 1–22.

Emerson R. *Professors, Patronage and Politics. The Aberdeen Universities in the Eighteenth Century.* Aberdeen, 1992. 181 p.

Emerson R. *Scottish universities in the eighteenth century 1690–1800 // Studies on Voltaire and the eighteenth century.* CLXVII. 1977. P. 453–474.

- Emerson R.* The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // *Studies on Voltaire and the eighteenth century*, CXIV. 1973. P. 291–329.
- The Enlightenment in National Context* / eds. R. Porter, M. Teich. Cambridge, 1981. 275 p.
- Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975. 338 p.
- Goldgar A.* Impolite Learning. Conduct and Community in the Republic of Letters, 1680–1750. N. Haven ; L., 1995. 295 p.
- Jacob M.* The mental landscape of the public sphere: a European perspective // *Eighteenth-Century Studies*. 1994. № 1. P. 95–113.
- Jardine L.* Erasmus, Man of Letters. Princeton, 1993. 296 p.
- Kidd C.* Subverting Scotland's Past. Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830. Cambridge, 1993. 322 p.
- Moore J.* Hume and Hutcheson // *Hume and Hume's Connexions*. Stewart & Wright (ed.). P. 23–57.
- Moore J.* The two systems of Francis Hutcheson: on the origins of the Scottish Enlightenment // *Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment* / ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 37–59.
- Moore J., Stewart M. A.* A Scots-Irish Bookseller in Holland: William Smith of Amsterdam (1698–1741) // *Eighteenth-Century Scotland. The Newsletter of the Eighteenth-Century Scottish Studies Society*. 1993a. № 7. P. 8–11.
- Moore J., Stewart M. A.* William Smith and the Dissenters 'book trade' // *Bulletin of the Presbyterian Historical Society of Ireland*. 1993b. № 23. P. 24–26.
- Norton D. F.* David Hume: Common Sense Moralist, Sceptical, Metaphysician. Princeton, 1982. 329 p.
- Oz-Salzberger F.* The Enlightenment in Translation: Regional and European Aspects // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*. 2006. Vol. 13, iss. 3. P. 385–409.
- Oz-Salzberger F.* Translating the Enlightenment. Scottish civic discourse in eighteenth-century Germany. Oxford, 1995. 89 p.
- Phillipson N.* David Hume: The Philosopher as Historian. L., 2011. 176 p.
- Phillipson N.* Hume. L., 1989. 155 p.
- Phillipson N.* The Scottish Enlightenment // *The Enlightenment in National Context* / eds. R. Porter & M. Teich. Cambridge, 1981. P. 19–40.
- Phillipson N.* The social structure of the faculty of Advocates in Scotland 1661–1840 // *Law Making and Law Makers in British History* / ed. A. Harding. L., 1980. P. 145–156.
- Pocock J. G. A.* Clergy and commerce. The conservative enlightenment in England // *L'eta dei lumi. Studi storici sul settecento europeo in onore di Franco Venturi*. 2 vols. Naples, 1985. Vol. 1. P. 523–562.
- Robertson J.* The case for the Enlightenment: Scotland and Naples, 1680–1760. Cambridge, 2006. 455 p.
- Robertson J.* The Scottish Enlightenment and the Militia Issue. Edinburgh, 1985. 272 p.
- Sher R. B.* Commerce, religion and the Enlightenment in eighteenth-century Glasgow in, *Glasgow*. Vol. 1 : Beginnings to 1830 / T. M. Devine & Gordon Jackson (eds). Manchester ; N. Y., 1995. P. 335–337.
- Sher R. B.* Church and University in the Scottish Enlightenment. The Moderate Literati of Edinburgh. Princeton ; Edinburgh, 1985. 416 p.
- Smith N. K.* The Philosophy of David Hume. A Critical Study of its Origins and Central Doctrines. L. ; N. Y., 1966. 12. p.
- Smout T. C.* Where had the Scottish economy got to by the third quarter of the eighteenth century? // *Wealth and Virtue*. I. Hont & M. Ignatieff (eds.). Cambridge, 1983. P. 45–72.
- Stevenson D.* The Origins of Freemasonry. Scotland's Century, 1590–1710. Cambridge, 1988. 269 p.
- Stewart M. A.* The Kirk and the Infidel, an inaugural lecture at the University of Lancaster. Lancaster, 1995. 29 p.

- Trevor-Roper H.* History and the Enlightenment. L., 2010. 314 p.
Trevor-Roper H. The Scottish Enlightenment // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1967. 68. P. 1635–1658.
Venturi F. Italy and the Enlightenment: Studies in a Cosmopolitan Century. L., 1972. 288 p.
Venturi F. Utopia and Reform in the Enlightenment. Cambridge, 1971. P. 132–133.
Wealth and Virtue. The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Istvan Hont & Michael Ignatieff (eds.). Cambridge, 1983. 384 p.
Winch D. Adam Smith's Politics. Cambridge, 1978. 220 p.
Wootton D. David Hume, «the historian» // The Cambridge Companion to Hume / ed. David Fate Norton. Cambridge, 1993. P. 281–312.

Статья поступила в редакцию 24.04.2013 г.

УДК 94(470)“1796/1801” + 929.71 + 395

О. А. Мельчакова

ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИЕМА ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ДВОРЕ ПАВЛА I

Анализируются сведения, содержащиеся в документах Министерства иностранных дел России, камер-фурьерских церемониальных журналах, мемуарах, переписке современников, освещающие церемониал приемов представителей иностранного дипломатического корпуса, коронованных особ и других иностранцев российским императором Павлом I. Показано, что аудиенции иностранцев у Павла I приобрели особую пышность и жесткую регламентацию после получения им титула великого магистра Мальтийского ордена.

Ключевые слова: Павел I; иностранные дипломаты; посольский церемониал; придворный церемониал.

6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. Сменивший ее на престоле Павел I отличался неумеренной страстью к церемониям. Он превратил их «в принудительное почитание собственной персоны, используя регалии как знаки своей высокой должности» [Уортман, с. 241]. Он придумал новые изнурительные правила придворного этикета для элиты во время многочисленных праздников: дней рождения и тезоименитства членов императорской фамилии, церковных праздников, балов, дней празднования орденов Святого Иоанна Иерусалимского, Святого Андрея Первозванного, Святого архангела Михаила, Святого Александра Невского, Святого Георгия Победоносца, Святой великомученицы Екатерины.

Новшества при дворе Павла I коснулись также иностранных дипломатов, которые должны были побывать у императора не только на приемной и на отпускной аудиенциях, но и присутствовать на придворных праздниках, соблюдать все правила введенного для них этикета.

Не претендуя на исчерпывающее исследование темы, попытаемся обобщить сведения, содержащиеся в камер-фурьерских церемониальных журналах, опубликованных документах Министерства иностранных дел, письмах и мемуарах современников, для выявления представителей иностранного дипломатическо-

го корпуса, коронованных особ и других иностранцев, которые побывали на приемах у Павла I, и изучения особенностей церемониала этих приемов.

Многие европейские монархи и владетельные князья, получив известие о смерти Екатерины II, поспешили направить в Санкт-Петербург своих послов для поздравления нового российского императора, выявления его намерений в сфере внешней политики, а также изучения внутривнутриполитической обстановки в России. В частности, «давний друг Павла Петровича прусский король Фридрих Вильгельм II спешил поздравить императора со вступлением на престол, отправив к нему графа Брюля с собственноручным дружественным письмом» [Шумигорский, с. 105]. В депеше своему правительству, посланной из Москвы 1 мая 1797 г., Брюль дал достаточно яркую характеристику начала правления Павла I: «Неудовольствие против императора всеобщее... Император, желая исправить ошибки предыдущего царствования, вводит новую систему в управлении, которая не нравится нации и недостаточно обдумана, а между тем осуществляется с поспешностью, малопонятной и ничем не вызванной. При этом государь занимался лишь мелочами, всякого рода церемониями и приемами, терял оттого из виду важные дела и принимал советы только от князя Безбородко и иногда от князя Репнина» [цит. по: Там же, с. 125]. Некоторые современники разделяли мнение прусского посла. К их числу относится граф Бенигсен, который писал: «...такое положение дел, такое замешательство во всех отраслях правления, такое всеобщее недовольство, охватившее не только население Петербурга, Москвы и других больших городов империи, но и всю нацию, не могло продолжаться и... надо было рано или поздно предвидеть падение империи» [Из записок графа Бенигсена, с. 140]. Другие очевидцы событий считали, что недовольство охватило не «всю нацию», а лишь ее высшие слои. Такая оценка ситуации содержится в записках Н. А. Саблукова: «Несмотря на то, что аристократия тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во все время коронации в Москве император не мог этого не заметить. Зато низшие классы, “миллионы”, с таким восторгом приветствовали государя, что Павел стал объяснять себе холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства нравственной испорченностью и “якобинскими наклонностями” этого сословия» [Записки Н. А. Саблукова, с. 40]. Многие из присутствовавших на праздниках и балах, сопровождавших коронацию, отмечали, что «все они были утомительны и скучны: государь обращал строгое внимание на соблюдение всех требований этикета и сам первый уставал от них. Парады и смотры войск, собранных под Москвой и не вполне еще усвоивших все требования нового устава, также происходили при напряженном состоянии духа всех участвующих, и император неоднократно выражал свое недовольство на «потемкинский дух» офицеров; многие из них тогда же пострадали по самым ничтожным поводам» [Шумигорский, с. 123].

По мнению современников, Павел I требовал, чтобы придворный церемониал соблюдался «с тою же строгостью, как воинский устав на смотрах и ученьях. Обер-церемониймейстеру Валуеву приходилось лично обучать правилам этикета распущенную в прошлое царствование придворную молодежь. Нелегко осваивалась она с приемами, установленными, например, для церемонии *baise-mains*,

которая имела место не только по праздникам, но и в воскресные дни. Заключалась она в следующем. Каждый из присутствующих придворных и высших военных или гражданских чинов, подойдя к императору, отвешивал низкий поклон и целовал его руку, на что его величество отвечал поцелуем в щеку. Затем следовало целование руки у государыни, также с коленопреклонением, и выход из залы, но так, чтобы не поворачиваться спиной к их величествам» [Татищев, с. 204]. Ритуал целования рук у императора и императрицы распространялся и на иностранных дипломатов.

После ежедневно проводившегося вахт-парада Павел I нередко «давал аудиенции» иностранным дипломатам. Еще до погребения Екатерины II и Петра III 27 ноября 1796 г. граф Остерман представил Павлу I «присланного от шведского короля барона Клингшпорта» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896а, с. 840], прибывшего в Санкт-Петербург для извещения о наступившем совершеннолетии короля Густава IV и его вступлении на престол [см.: Бычков, с. 189]. Но проект брака Густава IV с великой княжной Александрой Павловной остался неосуществленным [Там же]. 1 и 7 января 1797 г. император принимал поздравления от «господ чужестранных послов и министров», которые были «жалованы к руке» императрицы [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 2, 54]. 1 января у Павла I «имел аудиенцию саксонский посланник барон Фелькер-Зам»¹ [Там же, с. 9], а 16 января им был принят «присланный от Римского императора генерал-майор граф Дидрихштейн»² [Там же, с. 115]. 20 января состоялся официальный прием римско-императорского посла графа Кобенцеля, который возглавлял австрийскую дипломатическую миссию в Санкт-Петербурге с 1779 г.³ [Там же, с. 141]. Известно, что, отправляясь в путешествие в Крым в 1787 г., Екатерина взяла с собой в карету этого австрийского посланника, видимо потому, что он «был очень любезен, веселого нрава и душою обществ; любил играть на благородных театрах и сам сочинял пьесы» [Вейдемейер, с. 26–27].

19 января 1797 г. церемониймейстером князем Барятинским был представлен Павлу I «посланник Венгер» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 134]. Видимо, речь идет о посланнике венецианской республики Николо Вениере, который находился в России с 8 января 1793 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 265].

23 января 1797 г. российский монарх принял английского, баварского и баденского посланников [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б,

---

¹ Густав Георг Фелькерзам — барон, прибывший в Россию в мае 1791 г. в качестве полномочного министра Саксонского курфюрста [см.: Бантыш-Каменский, с. 257]. 20 августа 1800 г. Фелькерзам подписал заключенную в Гатчине между Россией и Саксонией Конвенцию относительно отмены права взимания пошлин с наследственных имуществ [см.: Мартенс, т. 6, с. 283].

² Отпускная аудиенция «цесарского посланника графа Дидрихштейна» состоялась в Гатчинском дворце 30 августа 1799 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1281].

³ Иоганн Людвиг Иосиф Кобенцль (1753–1809) — граф, австрийский дипломат и государственный деятель, кавалер королевского венгерского ордена Святого Стефана Большого креста, тайный и действительный статский советник, камергер короля Венгерского и Богемского, в 1779–1797 гг. посланник в Санкт-Петербурге [см.: Внешняя политика России..., т. 1, с. 736; Мартенс, т. 2, с. 199].

с. 161]. Английским посланником в Санкт-Петербурге в 1788 — 1800 гг. был лорд Чарльз Уитворт (Витворт) [см.: Внешняя политика России..., т. 1, с. 743; Мартенс, т. 9, с. 387, 407], а обязанности генерального консула Великобритании при русском дворе в 1797—1800 гг. исполнял Стефан Шарп [см.: Александренко, с. 82; Божеянов, с. 304], баварского курфюрста в 1797—1798 гг. и после перерыва — в 1799 г. в России представлял его поверенный в делах Сьюлцер, но, по мнению Н. Н. Бантыш-Каменского, он прибыл в Санкт-Петербург только в марте 1797 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 255].

31 января 1797 г. на официальном приеме у Павла I побывали: неаполитанский посланник Серра-Каприола и тосканский посланник барон Седделер [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 211]. Антуан Мареска Серра-Каприола⁴ был бессменным послом Неаполя в России с 1782 по 1807 г., современники отзывались о нем «как о благоразумном консерваторе, умеренном легитимисте, человеке с острым чувством реальности» [Зонова, с. 28]. Многие годы провел в Санкт-Петербурге и шведский посланник Людвиг Богислас Христофор Стединг⁵, который присутствовал не только на коронации Екатерины II, Павла I, Александра I, но даже на торжествах, ознаменовавших вступление на престол Николая I [см.: Мельчакова, с. 120].

Герцог Ольденбургский сначала отправил в Санкт-Петербург графа Штакельберга, который 6 февраля 1797 г. передал Павлу I его официальное поздравление [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 264], а затем отослал в Россию своего посланника графа Стольберга, принятого Павлом I 9 марта того же года [Там же, с. 460]. Стольберг уехал из России не ранее 7 июня 1797 г., так как в этот день состоялась его «отпускная аудиенция» у российского императора [Там же, 1897а, с. 460].

7 февраля 1797 г. Павел I принял присланного Вюртемберг-Штуттгардским двором посланника графа Пиклера [см.: Там же, 1896б, с. 271], 12 июля того же года к нему прибыл «присланный от Прусского к Российскому двору министром генерал Гребен» [Там же, 1897б, с. 551], а 14 сентября — португальский посланник шевадьере Гота «с кредитивною от себя грамотою»⁶ [Там же, с. 918]. 27 апреля 1797 г. «был допущен на аудиенцию грузинский посол князь Тивчеви» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897а, с. 149],

⁴ Антуан Мареска Серра-Каприола (дон Антонин-Мареска Доннорсо дюк де-Серра-Каприола) (1750—1822) — герцог, неаполитанский посланник в Санкт-Петербурге с 1782 г. [см.: Внешняя политика..., т. 1, с. 742; Бантыш-Каменский, с. 266]. Павел I наградил его орденом Святого Иоанна Иерусалимского Большого креста и Андреевской лентой [см.: Русские портреты XVIII и XIX столетий, с. 102].

⁵ Людвиг Богислас Христофор Стединг (Штединг) (1746—1837) — шведский дипломат и генерал, в 1772—1808 гг. и 1809 — 1811 гг. посланник в Санкт-Петербурге [Внешняя политика..., т. 6 (14), с. 889]. Штединг был представлен Павлу I 1 января 1797 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 2].

⁶ Кредитивная (верительная) грамота — «грамота, которой назначающий дипломатического агента (монарх или в республиках — дож, совет, земские чины или сенат) определяет и объявляет иностранному правительству тот характер или звание, в коем данное лицо при нем является аккредитованным. Обыкновенно кредитивная грамота изготовлялась в двух экземплярах (оригинал и засвидетельствованная копия)» [Александренко, с. 142—143]. Копию посол отдавал канцлеру и вице-канцлеру, а оригинал — императору на приемной аудиенции [см.: Волков, с. 114, 115].

а 25 ноября 1800 г. тайным советником Лашкаревым⁷ были представлены императору «грузинские посланники Гарсион Елиазар и Георгий» [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1900, с. 513].

8 июля 1800 г. в Петергофе императору и членам императорской фамилии был представлен прусский посланник граф Люцци [Там же, с. 26], 30 августа того же года император принимал в Гатчине датского посланника Розенкранца [Там же, с. 216], а 7 октября «на приватной аудиенции» у Павла I побывали депутаты Республики Соединенных Новых Островов, «действительные тайные советники Орио⁸ и Кадан» [Там же, с. 346].

Некоторое представление об особенностях церемониала приемной аудиенции иностранных послов дает описание их приемов в «Камер-фурьерских церемониальных журналах». 26 января 1798 г. Павел I и императрица приняли Вюртемберг-Штудгардского посланника Милиуса:

В половине 6-го часа Его Императорское Величество из внутренних покоев изволил выдти в Тронную комнату, куда введен был церемониймейстером князем Барятинским из Кавалергардской комнаты от Двора Виртемберг-Штудгардского посланник генерал-майор Милиус и в оной допущен на аудиенцию к Его Императорскому Величеству, при чем находились: обер-церемониймейстер Валуев и церемониймейстер князь Барятинский, об аудиенции докладывал обер-камергер граф Строганов. После же сего... означенный посланник позван был во внутренние Ее Императорского Величества покои и в кабинете принимал такую же аудиенцию [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 124].

24 февраля 1801 г. состоялась приемная аудиенция датского посла Левендаля:

В первой четверти 1-го часа пополудни приехавший перед тем в Михайловский замок датско-королевский министр генерал-майор 2-го ранга граф Левендаль допущен был на приемную аудиенцию, как к Его Величеству государю императору, так и к Ее Величеству государыне императрице в Малиновых Тронных комнатах, причем о посланнике докладывал обер-камергер граф Шереметев, а вводил на аудиенцию церемониймейстер князь Радзивил. Потом имел же аудиенцию означенный министр граф Левендаль у их императорских высочеств: государя наследника цесаревича и государя ж цесаревича великого князя Константина Павловича на каждой половине особо» [Там же, 1901, с. 180].

«Чужестранные послы и министры», как и «знатные вояжиры», придворные, знатное духовенство и генералитет, приглашались на праздники, проводившиеся при императорском дворе, особыми повестками, что соответствовало нормам Церемониала для чужестранных послов при императорском всероссийском дворе, введенного 3 апреля 1744 г. [см.: Волков, с. 117].

---

⁷ В 1797 г. при коллегии иностранных дел был образован департамент азиатских дел, управляющими которого были назначены действительный статский советник Лашкарев и коллежский советник Константинов [Очерк истории Министерства иностранных дел, с. 69].

⁸ 13 января 1801 г. граф Орио, президент сената Республики Семи Соединенных Островов был удостоен прощальной аудиенции [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1901, с. 44].

Посольский церемониал XVIII в. предполагал «почетные преимущества и почетные места членов дипломатического корпуса при взаимных сношениях, в общественных собраниях и конференциях с иностранным правительством» [Александренко, с. 245]. Источники свидетельствуют о соблюдении этих норм при Павле I. Так, например, согласно записи в «Камер-фурьерском журнале», во время «шествования на Иордан» 6 января 1798 г., в «день праздника Богоявления Господня», «для обозрения сего процесса находились на половине великой княжны Александры Павловны в парадной первой комнате господя чужестранные послы и министры, и для оных подаван был кофе и фриштик» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 36]. При описании событий, произошедших 6 февраля 1798 г., в день крещения новорожденного великого князя Михаила Павловича, составитель придворного журнала отметил, что «чужестранные министры введены одним из императорских церемониймейстеров в церковь и поставлены в приличное для них место», откуда они могли наблюдать не только за проведением обряда крещения, но и за тем, как «канцлер орденой князь Репнин поднес на золотой тарелке знаки ордена, которые Его Императорское Величество изволил возложить на Высокорожденного Благоверного великого князя Михаила Павловича» [Там же, с. 174, 178].

Нередко в праздничные дни после посещения богослужения в церкви Павел I «краткое время» беседовал с иностранными дипломатами, затем принимал от них поздравления и «жаловал их к руке» [см.: Там же, с. 116, 166, 170, 373, 405]. 9 марта 1798 г., когда при дворе праздновали сороковой день после рождения великого князя Михаила Павловича, от лица всего дипломатического корпуса императрицу поздравил мальтийский «полномочный посол граф Литта», который произнес «краткую поздравительную речь на французском языке», после чего «все особы», присутствующие на торжестве, были «жалованы к руке» [Там же, с. 299].

Во время придворных балов императрица иногда приглашала иностранных дипломатов на игру в карты в пикет [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1207, 1311; 1898а, с. 682; 1898б, с. 1086, 1397].

Некоторые знатные иностранцы были удостоены особой чести — награждения орденом или Мальтийским крестом. 17 января 1798 г. Павел I вручил орден Александра Невского прусскому посланнику графу Клейсту, прибывшему в декабре 1797 г. «с извещением о восшествии на престол короля» Фридриха Вильгельма III [см.: Там же, 1897в, с. 1361; 1897г, с. 90]. 20 марта 1798 г. в аудиенц-камере в присутствии канцлера, вице-канцлера, обер-церемониймейстера и дежурного генерал-адъютанта «государь возложил крест Мальтийский» на неаполитанского посланника Серра-Каприолу [см.: Там же, 1897г, с. 335—336]. 20 августа 1799 г. орден Св. Андрея Первозванного получил от императора баварский герцог Вильгельм Биргенфельд фон Берн, а его сын, герцог Пий Баварский, 1 сентября того же года был пожалован орденом Св. Александра Невского [см.: Там же, 1898б, с. 1274, 1291]. 16 сентября 1800 г. Павел I наградил орденом Андрея Первозванного приехавшего из Неаполя принца Пиамонте Паентея, который привез присланные неаполитанским королем ордена Святого Фердинанда для императо-

ра, императрицы, великого князя Александра Павловича [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1900, с. 270—271, 283—284].

Особой пышностью отличался церемониал встречи прибывших в Россию коронованных особ и принцев крови. 8 февраля 1799 г. в Санкт-Петербург приехал эрцгерцог Иосиф Австрийский («под именем графа Бургау») для обручения с великой княжной Александрой Павловной, состоявшегося 20 февраля [см.: Там же, 1898а, с. 179—180, 268]. 17 февраля того же года жители столицы могли наблюдать въезд в Мраморный дворец принцев Мекленбург-Шверинских, Фридриха и Карла [Там же, с. 239], а 5 мая наследный принц Мекленбург-Шверинский Фридрих обручился с великой княжной Еленой Павловной [Там же, с. 664—670]. В октябре 1799 г. эрцгерцог Иосиф Австрийский со своей свитой вновь прибыл в Россию для того, чтобы 19 октября вступить в брак с великой княжной Александрой Павловной [см.: Там же, 1898б, с. 1463, 1571—1572]. Их свадьба праздновалась в Гатчинском дворце, где за семь дней до этого, 12 октября, состоялось бракосочетание наследного принца Мекленбург-Шверинского Фридриха с великой княжной Еленой Павловной. Гатчинский дворец был слишком тесен, чтобы вместить всех гостей, прибывших на эти торжества, поэтому столы накрывались и за его пределами, в домах придворных. В частности, 12 октября «чужестранные послы и министры» обедали и ужинали «в Иннебурге⁹, в доме господина Демидова»¹⁰, а «Святейшего Синода члены с знатным духовенством» кушали в доме гофмаршала Нащокина¹¹ [Там же, с. 1510, 1518]. Одной из самых пышных церемоний, связанных со свадебными торжествами, стала «публичная аудиенция» императорской фамилии «цесарскому послу графу Кобенцелю» в Гатчинском дворце, состоявшаяся 26 октября. Чтобы составить представление о том, насколько необычным был этот торжественный прием, достаточно привести описание посольского кортежа, в состав которого входили:

1-е. Конвой гвардии с обнаженными палашами. 2-е. Карета придворная обер-церемониймейстера цугом с двумя вершниками, по сторонам по одному

⁹ Иннебург — гатчинское предместье Ингербург, в котором к 1798 г. с разрешения Павла I были построены каменные домики, окруженные садами, для придворных — Нелидовой, Плещеева, князя Куракина, Дурново, князя Голицына, Бакунина, Демидова, Кутайсова, Нарышкина и графини Шуваловой [см.: Казнаков, с. 120, 123; Лансере, с. 11].

¹⁰ «Господа чужестранные послы и министры обще с господином обер-церемониймейстером Валухевым и церемониймейстером графом Головкиным» обедали «в слободе, в доме камергера Демидова» и 20 сентября 1799 г., когда в Гатчине праздновался день рождения Павла I, и на следующий день [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1394—1395, 1405]. Видимо, речь идет о Григории Александровиче Демидове (1765—1827), камергере с 29 октября 1798 г, гофмаршале с 15 октября 1800 г. [см.: Волков, с. 171]. 21 октября 1799 г. «камергер Демидов» находился «при услугах» во время обеда императорской фамилии в Гатчинском дворце [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1615, 1618]. В камер-фурьерских журналах за 1798—1799 гг. «камергер Григорий Александрович Демидов» неоднократно упоминается в числе придворных, которые несли шлейф императора, императрицы или великой княжны [см.: Там же, 1897д, с. 1493, 1530; 1898а, с. 48].

¹¹ Нащокин Алексей Петрович (1761—1839) — камер-юнкер с 22 сентября 1785 г., камергер со 2 сентября 1793 г., гофмаршал с 6 сентября 1798 г. [см.: Волков, с. 170].

лакею пеших. 3-е. Конюшенный офицер, за ним — конюх, оба верхом. 4-е. 12-ть заводных императорских лошадей, по две в ряд, по обе стороны улицы. 5-е. Карета придворная цугом с двумя вершниками, по одному лакею по сторонам, в которой сидели секретарь и кавалер посольства, держащий на золотом блюде дары. 6-е. За сей каретой — посольского дома берейтор, за ним — конюх. 7-е. 8-мь лакеев посольских пеших, по два в ряд, по обе стороны улицы. 8-е. Конюшенный офицер, за ним — конюх, оба верхом. 9-е. 6-ть ездовых придворных конюхов верхом, по два в ряд, по обе стороны улицы. 10-е. 6-ть лейб-гусар верхом, по два в ряд, по обе стороны улицы. 11-е. Гоф-фурьер, за ним — конюх, оба верхом. 12-е. 24 лакея и 4 скорохода, по два в ряд, по обе стороны улицы. 13-е. Карета цугом, в которой сидели: посол в первом месте, комиссар — во втором, а обер-церемониймейстер — в 3-м. У кареты — по два гайдука на стороне пешком, у задних колес — по одному императорскому пажу, а за каретою — два конюха, все верхом. 14-е. За императорскою каретою следовали: посольский берейтор, за ним — конюх, оба верхом. 15-е. Два посольских скорохода по обе стороны улицы. 16-е. Посольская первенствующая карета цугом с двумя вершниками, у колеса на правой стороне его — берейтор, за каретою — конюх, оба верхом. 17-е. Другая посольская карета с двумя вершниками — для его свиты. 18-е. Парадная карета цугом комиссара с двумя вершниками, по два лакея по сторонам. 19-е. Замыкал весь кортеж конвой конный [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1653—1658].

Введенный в аудиенц-зал посол после трех поклонов поднялся на вторую ступень трона и обратился с речью к императору, а затем к императрице. Выслушав ответ графа Ростопчина, он поздравил эрцгерцогиню Австрийскую и преподнес ей «дары», приняв которые, она удостоила его своим ответом [Там же, с. 1660—1661].

29 ноября 1800 г. в Санкт-Петербург прибыл шведский король Густа в IV [см.: Там же, 1900, с. 524], сопровождаемый большой свитой, в которую входили: «камер-юнкеры Миллер-Сверд и барон Лагирбиелке, адмирал Кронштет, камергер граф Левингельм, генерал-лейтенант Толь, гофмаршал Дебиц, гофмейстер Меню» [Там же, с. 568, 570]. Он был встречен Павлом I «с большим почетом и с выражениями полной дружбы» [Шумигорский, с. 197].

Представление о том, каким был церемониал встречи коронованных особ, можно составить по описанию встречи бывшего польского короля Станислава Августа Понятовского, подписавшего акт отречения от власти 14(25) ноября 1795 г. и в конце февраля 1797 г. приехавшего из Гродно на мызу графини Скавронской [см.: Пуле, с. 119, 201]. Обратимся к записи в «Камер-фурьерском журнале»: 27 февраля «пополудни, в 3-м часу, послано было на встречу польского короля семь придворных карет с сидевшими в оных с вице-канцлером князем Куракиным четырьмя кавалерами и церемонийместером князем Бяратинским; в кортеже ехал верхом шталмейстер князь Николай Алексеевич Голицын, два гоф-фурьера, конвой кавалергардов и конвой гусаров на мызу к графине Скавронской, куда посланы были гоф-фурьер и два официанта для угощения кофеем» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 395]. В 4 часа Павел I с великими князьями выехал для встречи короля в Мраморный дворец, в который тот прибыл около шести часов вечера в парадной карете, сопровождаемый

польскими кавалерами [Там же, с. 397]. На следующий день, 28 февраля, состоялся прием Станислава Августа Понятовского при дворе Павла I [Там же, с. 402]. Бывший польский король жил в Санкт-Петербурге в Мраморном дворце до своей смерти, последовавшей в феврале 1798 г.¹² Граф П. В. Завадовский в одном из своих писем заметил по этому поводу: «Реки не текут к своим вершинам; а он положил там голову, откуда получил корону. Для города его дом был приятным. Любил беседу и всех принимал ласково» [Архив князя Воронцова, кн. 12, с. 192—193].

Кроме бывшего польского короля, Россию в период правления Павла I посещали и другие высокопоставленные эмигранты. 19 августа 1797 г. Павел I заявил о своей готовности принять на службу «п р и н ц а К о н д е с его сыном и внуком и со всем войском, под его начальством служившим и жертвою усердия своего к законному их государю учинившимся, доставляя им в империи нашей беспечное пристанище и по возможности выгодное пристроение» [Там же, кн. 28, с. 172]. В ноябре 1797 г. корпус войск принца Конде, состоящий из французских эмигрантов численностью до 7 тыс. человек, был размещен на квартирах в Волынской и Подольской губерниях и обеспечен содержанием наравне с русскими войсками, а сам принц прибыл в Санкт-Петербург, чтобы поблагодарить Павла I за оказанную ему помощь [см.: Шумигорский, с. 144]. Чтобы сделать подарок принцу, Павел I купил для него дом Чернышева, на котором даже установили надпись «отель де Конде», но не успели закончить отделку дома, поэтому принц остановился в Таврическом дворце [Мемуары графини Головиной, с. 175]. 22 ноября состоялся прием принца Конде Павлом I, зафиксированный в «Камер-фурьерском журнале»: «От Двора Его Императорского Величества послан офицер курьером к Его Светлости принцу Конде о донесении ему для прибытия в Зимний Его Императорского Величества замок, который, получа оное, из пребывающего им Таврического дворца прибыл в придворном экипаже на подъезд, что под фонариком, у коего и встречен на первый раз гоф-фурьером и препровожден оным... в покои дворца, и у дверей комнаты адъютантской встретил вице-канцлер князь Куракин, коим и был проводим во внутренние покои к Его Императорскому Величеству» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 1249—1250]. 29 ноября Павел I наградил своих сыновей и принца Конде орденами, которые привез мальтийский посол граф Литта [Там же, с. 1295].

Но даже особам королевской крови не позволялось нарушать придворный церемониал, возносивший российского императора на недостижимую высоту. В частности, Павел I немедленно пресек попытку нашедшего приют в России бывшего польского короля, страдавшего подагрой, присесть на одном из придворных приемов, передав ему через камергера требование стоять в присут-

---

¹² 11 февраля 1798 г. Павел I приехал в Мраморный дворец и возложил корону на голову покойного Станислава Августа Понятовского, а 22 февраля тело короля было перенесено в католическую церковь на Невском, где он и был похоронен [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 198, 234]. Похороны короля прошли «со всеми почестями, приличествующими его сану» [см.: Божерянов, с. 306].

ствии императора [см.: Шумигорский, с. 116—117]. Характеризуя положение, в котором оказался польский король, графиня Головина отмечала: «Роль, которую он играл в Петербурге, не могла не быть тягостной для человека его ума и самолюбия... Ему приходилось часто появляться при дворе и потому часто подвергаться, как и остальным, проявлениям изменчивости настроения государя; но в его положении и в том возрасте, в котором находился король, ему, конечно, было особенно тяжело выносить их» [Мемуары графини Головиной, с. 173—174]. Раздражение Павла I вызвало и непочтительное по отношению к нему поведение шведского короля Густава IV, которого он с должными почестями встретил в ноябре 1800 г. Во-первых, «когда во время церемониального марша император, во главе войск, лично отдал честь высокому гостю, гость этот ответил только легким наклоном головы» [Шумигорский, с. 197]. Во-вторых, шведский король ответил отказом на переданную ему просьбу Павла I дать орден Святого Серафима для любимого императором обер-шталмейстера Кутайсова под тем предлогом, что тот еще не имеет ордена Андрея Первозванного [Там же, с. 198]. Кроме того, недовольство императора вызвало и поведение короля во время спектакля в Эрмитаже. Когда смотрели «Прекрасную Арсен» и на угольщиках, появляющихся в третьем акте, были надеты красные колпачки, король пошутил по этому поводу, сказав императору: «Оказывается, у вас тут есть якобинцы», на что Павел I сухо ответил, что их нет у него при дворе и он не потерпит их присутствия в своем государстве [Мемуары графини Головиной, с. 212—213]. Эти эксцессы привели к охлаждению отношений между Густавом IV и Павлом I, поэтому король решил сократить свое пребывание в Санкт-Петербурге, а Павел I отдал приказ вернуть придворную кухню и свиту, которые должны были провожать короля до шведской границы [Там же, с. 213; Шумигорский, с. 197—198].

Вынашивая планы «воспитать в дворянстве дисциплину и нравственность с помощью великого христианского ордена», присвоить себе «роль защитника всего христианства, и католического, и православного» [Уортман, с. 249], 4 января 1797 г. Павел I принял под свое покровительство Мальтийский рыцарский орден. Для того, чтобы основать этот орден в России «яко полезный и к утверждению добрых правил служащий» он «повелел учинить в Санкт-Петербурге конвенцию в XXVII статьях между уполномоченными: с российской стороны, министрами графом Безбородко и князем Куракиным, с[о] стороны же Мальтийского державного ордена и гроссмейстера — министром балли графом Литтою» [Бантыш-Каменский, с. 226]. В соответствии с 24-й статьей этой конвенции российским подданным разрешалось «заводить новые родовые или юс-патрионатские командорства в российском приорстве»¹³ [Там же, с. 227]. 4 марта 1797 г. приехавший в Санкт-Петербург мальтийский посланник граф Литта был принят Павлом I [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал,

¹³ В числе лиц, заключивших конвенции об основании родовых командорств, были действительный камергер барон Александр Строганов (26 февраля 1799 г.), камергер Николай Демидов (23 марта 1799 г.), уволенный от службы обер-камергер граф Александр Строганов (24 мая 1779 г.) и др. [см.: Бантыш-Каменский, с. 227].

18966, с. 431]. 27 ноября 1797 г. граф Литта вновь «имел въезд» «в столичный град Святого Петра... по учрежденному на то церемониалу» [Там же, 1897в, с. 1277]. Описывая торжественное прибытие графа Литта в Санкт-Петербург, Сестренцевич отметил в своем дневнике: «36 карет обыкновенных и 4 придворных ехали впереди его, в одной из придворных карет сидел с князем Юсуповым и Валуевым посол» [Морошкин, с. 320]. В этот же день «в дом прибывшего графа Литта посланы были с поздравлением его приезда в Санкт-Петербург дежурные камергеры в придворных каретах; в первой: от Его Императорского Величества барон Строганов, а во второй — от Ее Императорского Величества граф Сергей Николаевич Салтыков» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1278]. 29 ноября, в день праздника ордена Святого Иоанна Иерусалимского, граф Литта с сопровождавшими его лицами был принят в Зимнем дворце. Подробное описание церемонии его приема приведено в «Камер-фурьерском журнале»: «По полудни, в 1-м часу... в посланном от двора Его Императорского Величества экипаже с кортежем прибыл во дворец Мальтийский полномочный посол», который был введен в аудиенц-камеру, где «по учинении... трех приличных по церемониальному поклонов» он, «взошед ... на ковер Трона, произносил речь Его Императорскому Величеству, а по произнесении оной поднес Его Величеству грамоту», которую император передал канцлеру князю Безбородко, и ордена, которые принял вице-канцлер князь Куракин. Затем Литта представил Павлу I «всех особ своей свиты», после чего «положил... три поклона и отходил из аудиенц-камеры... в камеру ожидания» [Там же, с. 1287—1291].

Согласно церемониалу, Литта был официально принят императрицей, великими князьями Александром Павловичем, Константином Павловичем и его супругой, великими княжнами [Там же, с. 1293—1294]. По словам Сестренцевича, в своей речи Литта «просил императора принять титул протектора религии мальтийских рыцарей и крест знаменитого гроссмейстера их ордена Лавалета, сохранявшийся доселе в их сокровищнице вместе с драгоценными мощами. Потом просил, чтобы императрица и вся царская фамилия приняли также кресты... Император согласился на предложение посланника, а равно и дети его... Император украсил также крестом Мальтийского ордена принца Конде, как великого приора, Безбородко, Куракина, как почетных и полномочных бальи ордена, потом, как командоров: Чарторижского, Радзивила, Грибовского, Сэн-При и других» [Морошкин, с. 320; Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1295, 1296]. Еще более важным событием стал приезд графа Литты в Россию в конце ноября 1798 г. 29 ноября этого года состоялась пышная церемония приема Павлом I депутации капитула ордена Святого Иоанна Иерусалимского, описание которой приведено в «Камер-фурьерском журнале»:

Поутру, после учиненного в 9-ть часов верхового выезда и потом присутствия Его Величества у развода, начиная из Георгиевского зала, от самого Трона и до дверей Светлой галереи, расставлена в богатом уборе с малиновыми в первый раз перевязями по обеим сторонам Конная гвардия с штандартом и литаврами.

Потом, в силу учиненной накануне сего числа повестки, того утра в 11-м часу съехались во дворец в орденских одеяниях Российского Кавалерского

Ордена кавалеры всех именований, дамы и кавалерственные дамы ордена 2-го класса именованная Святой Великомученицы Екатерины и кавалеры Военного ордена, и собирались все в Георгиевской зале, при чем находились чужестранные министры и прочие обою пола знатные особы, дамы в робах, кавалеры в праздничных кафтанах, а военнотружущие в полном мундире, да сверх того вся верхняя галерея наполнена была чрез полученные для входа в оную билеты женского пола зрителями.

Между тем во внутренние апартаменты к Их Величествам прибыть изволили Их Императорские Высочества: государь наследник и великий князь Александр Павлович, великий князь Константин Павлович и великие княжны: Александра Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна и Екатерина Павловна.

Потом, как уже депутация находилась в камере ожидания и в оной, между имевшимся приуготовленным до того оними кавалерами фрыштыком, в 11-ть часов пред полуднем вынесены были из Бриллиантовой комнаты по Высочайшему повелению, в предследовании обер-церемониймейстера и церемониймейстеров, четырьмя придворными чиновниками императорские регалии; Корону нес гофмаршал граф Толстой, Скипетр — шталмейстер Торсуков, Державу — гофмейстер Гурьев, а Государственное Знамя — гофмейстер князь Вяземский, имея каждый из них ассистентами по два орденских герольда. И по принесении тех регалий господин обер-церемониймейстер, принимая, клал на приуготовленный накануне сего числа на правой стороне на Троне стол, покрытый малиновым бархатом и обложенный по краям золотым гасом, а Знамя принял генерал-лейтенант и кавалер 1-й степени ордена Святой Анны Чертков, который во время всей церемонии и находился по правую сторону у самого Трона, имея при себе ассистентами двух кавалеров военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Когда же донесено было, наперед государыне императрице, а потом и государю императору, что кавалеры ордена Святого Иоанна Иерусалимского находятся в камере ожидания, пред полуднем, в начале 12 часа, из внутренних своих покоев шествовали чрез Эрмитаж в комнату, что пред Георгиевской залой, следующим порядком:

Два камер-фурьера.

Их Высочества государи великие князья.

Два гофмаршала и обер-гофмаршал с жезлами.

Господин обер-церемониймейстер Валуев.

За ним Ее императорское Величество, а за ее высочайшею Особую Его Императорское Величество.

Потом государыни великие княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна и Екатерина Павловна, а из комнаты, что пред Георгиевской залой, шествовали в оной уже установленным в орденские дни порядком. Его Императорское Величество соизволил взойти прямо на Трон, за высочайшею его особою государыня императрица, а их императорские высочества соизволили занять свои места по примеру празднуемого ноября 8-го числа всеобщего Российского ордена Михаила Архангела, по ступеням Трона.

На четвертой ступени Трона стали по правую сторону вице-канцлер Кочубей, а по левую — третий член государственной коллегии иностранных дел действительный тайный советник Ростопчин, а на пятой — орденской канцлер и обер-маршал, на шестой — орденские обер-церемониймейстер и в должности казначея тайный советник Бибииков, на седьмой — гофмаршалы, у Трона с пра-

вой стороны — кавалеры с Знаменем, а с левой оставлено было место для Знамя Святого Иоанна Иерусалимского.

Потом, по высочайшему государя императора повелению введена была депутация на аудиенцию нижеследующим порядком.

Обер-церемониймейстер один, за ним по два в ряд орденские официалы Российского Кавалерского ордена двух младших классов.

За официалами императорского ордена следовала депутация: два сервандарм с обнаженными шпагами, имея шляпы на голове, знаменосец того ордена с Знаменем, с своими ассистентами, еще два сервандарм, таким же образом, как и первые, орденской секретарь один, за ними четыре кавалера, несущие регалии того ордена и акт прокламации, в числе коих Корону нес кавалер большого креста его светлость канцлер князь Безбородко, кавалеры по два в ряд, младшие наперед, за ними поручик ордена и Великого Магистра граф Литта, имея по сторонам четырех пажей немного впереди и четырех же немного позади. Как скоро знаменосец занял свое место по левую сторону Трона и прочие кавалеры с регалиями и без регалиев стали на назначенные им места, поручик, по учинении с обер-церемониймейстером узаконенных трех поклонов, подошел к Трону, произнес речь и читал прокламацию, по окончании которой провозглашали именем всего капитула государя Великим Магистром ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Вице-канцлер, выступя тогда немного вперед, на четвертой ступени Трона отвечал депутации и всему капитулу именем Его Императорского Величества. По окончании ответа государь император, оба государя великих князя и все кавалеры ордена Святого Иоанна Иерусалимского во ознаменование присяги воздевали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменосец орденское Знамя. И когда потом вложили шпаги и сняли шляпы, подносил граф Литта по порядку, выходя на вторую ступень Трона снизу, Великому Магистру акт прокламации и регалии ордена Святого Иоанна Иерусалимского, которые по высочайшему повелению действительный тайный советник Ростовчин принимал и возлагал на приуготовленный для того накануне сего числа на Троне с левой стороны стол, покрытый малиновым бархатом и по краям обложенный золотым гасом. Потом подносили Великому Магистру поздравление: государыня императрица и оба государя великие князья, а после высочайших особ с коленопреклонением Великому Магистру и все прочие того ордена кавалеры и официалы, которые и допущены были к руке государя императора и государыни императрицы. По поднесении поздравления возложил Великий Магистр большой крест Святого Иоанна Иерусалимского на полномочного посла графа Кобенцеля, всемилостивейше пожаловав командорами кавалеров того ордена: князя Четвертинского 2-го, графа Шоазеля-Гуфье, графа Хрептовича, господина Витри-Шуазоля-Далиескур, князя Любомирского, господина Фувет-Поит и господина Заде [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897д, с. 1522—1529].

Получив титул Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Павел I неоднократно принимал депутатов от приорств этого ордена. В частности, 3 августа 1799 г. в Петергофском дворце он дал аудиенцию депутации Великого приорства Богемского. Представляющие депутацию особы были доставлены в сопровождении присланного за ними церемониймейстера в запряженной шестью лошадьми парадной карете, «по обеим сторонам коей шли по два гайдука», а впереди нее передвигались «два вершника» и два скорохода.

[см.: Там же, 18986, с. 1143]. Павел I принял депутатов, восседая на престоле в мантии и суперверсе и возложив на себя корону Великого магистра. Ход аудиенции зафиксирован в «Камер-фурьерском журнале»:

Когда депутаты, по входе в аудиенц-камеру, сделали по обыкновению три поклона, тогда граф Коловрат, яко старший, вышел вперед, сказывал речь и по окончании оной, взяв у графа Сен-Жулиана блюдо, на коем были положены декларация оных депутатов от имени Великого Приорства Богемского и письмо от барона Гомпеша, поднес государю императору и, отдав все великому канцлеру ордена, подошел с графом Сен-Жулианом в знак преданности и повиновения к руке Великого Магистра. После чего великий канцлер ордена прочитал по сделанному от государя знаку ответную господам депутатам от лица Его Императорского Величества речь, и по окончании коей весь Священный Совет и Двор Великого Магистра допущены были к руке [Там же, с. 1145–1146].

Затем депутаты были представлены цесаревичу Александру Павловичу и четырем старшим великим княжнам.

12 ноября 1799 г. в Гатчинском дворце состоялся торжественный прием англо-баваро-российских депутатов ордена Св. Иоанна Иерусалимского, в числе которых были командоры граф Деарко и граф Преисинг, а также великий приор барон Флаксланден, возглавлявший депутацию Англо-баварского приорства [см.: Там же, с. 1761–1762, 1773]. По словам аббата Жоржеля, 29 декабря того же года Павел I принимал еще одну депутацию — представителей Великого приорства Германского, которую возглавлял граф Феррет Флоримонт, великий Бальи Пфюрдт-Блумбергский и барон Баденский, командор Везельский¹⁴ [Вяземский, с. 180]. В 1800 г. в Санкт-Петербурге побывал командор Оззани, депутат баварский, который «счастье имел откланяться Их Императорским Величествам» 18 ноября этого года [см.: Там же, 1900, с. 491]. 5 сентября 1800 г. на частную аудиенцию к Павлу I, состоявшуюся в Гатчинском дворце, был введен графом Ростопчиным и церемониймейстером де-Мезоннев «ордена Святого Иоанна Иерусалимского депутат, приорат Ломбердинский, командор Оссаско» [Там же, с. 243–244].

8 января 1800 г. Павел I в качестве Великого магистра ордена Иоанна Иерусалимского принял неаполитанского посланника Серра-Каприолу. В «Камер-фурьерском журнале» приведено достаточно подробное описание этого торжественного приема:

В посланном от Двора Его Императорского Величества дворцовом экипаже с имеющимися впереди кареты двумя ездовыми, ехавшими верхом, и за оными пешими двумя ж скороходами, и с каждой стороны у дверей кареты по одному гайдуку, а у стекла ехавшим же верхом одним конюшенным офицером, в начале 1-го часа пополудни приехал сюда в Зимний Его Императорского Величества

---

¹⁴ Великий Бальи барон Пфюрдт и генерал кавалерии барон Флаксандес участвовали в заседании первого Совета ордена Св. Иоанна Иерусалимского, собранного Павлом 1 апреля 1799 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898а, с. 492–493].

дворец на Большой, что внутри оно, подъезд, неаполитанский посланник Дюк Серра Каприола, которого и встретя на том подъезде, два императорских гоф-фурьера препроводили его в назначенную для ожидания комнату, и Его Императорское Величество, получа о сем донесение, изволил в Орденской Святого Иоанна Иерусалимского короне и мантии из внутренних своих покоев выдти и в аудиенц-камере сесть на императорский свой престол, на котором имел с правой стороны государя наследника, а за оным кавалергардского корпуса шефа, генерал-майора Уварова, и от трона по обеим сторонам всех ордена кавалеров, которые находились каждый по старшинству в своем месте, в орденских же одеяниях, а между тем с левой стороны вынесенное пред Его Величеством Орденское ж знамя. И когда обер-церемониймейстер, получа от государя императора повеление, в четверть 1-го часа ввел означенного посланника в помянутую аудиенц-камеру, то, учиня оные все три достодолжные свои поклоны, поднес тогда посланник и читал Его Императорскому Величеству присланный от двух Великих Неаполитанских приорств и от третьего Великого Приорства Сицилии акт, который и нес за посланником командор Хрептович. По прочтении же акта посланник подходил к руке Его Императорского Величества, а господин действительный тайный советник граф Ростопчин, взяв оный, читал по Высочайшему повелению от имени Его Императорского Величества приличный же тому ответ, после которого, как государь наследник и его светлость принц Карл Мекленбург-Шверинский, так равно с коленопреклонением и все присутствующие, притом по старшинству сего ордена, кавалеры, в числе которых и духовные особы, токмо без коленопреклонения, подходили к руке Его Императорского Величества, а по отпущении посла с аудиенции, изволил Его Императорское Величество отсутствовать во внутренние свои покои, быв в оные в сопровождении несшими шлейф Его мантии императорскими и других Дворов, не имеющими того ордена шестью камергерами, а конец оног обер-шенком Загряжским, как равно и знамя сего ордена обыкновенным того знаменосцем с ассистентами отнесено было тож во внутренние покои [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1899, с. 33–35].

Кроме членов дипломатического корпуса, королей и принцев крови, на приемах у Павла I иногда бывали и не столь высокопоставленные особы из числа иностранцев. Так, например, 22 июля 1799 г. в Петергофе императорской чете были представлены обер-камергером графом Шереметевым «прежде бывший римский сенатор князь Рецо на го» и «английский вояжир М а т и о к с» [см.: Там же, 1898б, с. 1085]. 30 августа 1799 г. в Гатчинском дворце были приняты: «бывший сенатор аглинской службы барон Мецинаго и вояжир барон Огер», первый — «откланивался» в связи с отъездом из России, а второй — представлялся по случаю приезда [Там же, с. 1281]. 29 июля 1799 г. в Петергофском дворце граф Ростопчин представил «приехавших... морским путем датских кадетов с их чиновниками» [Там же, с. 1117]. Павел I не только беседовал «с главными их начальниками», но и, стоя на балконе после бала, приказал «стоявших перед дворцом с датского судна гребцов обнести водкою и кто что употребляет и пожаловать при том на всех сто рублей серебром» [Там же, с. 1118].

Таким образом, основные положения церемониала приемных отпускных и других аудиенций иностранных послов при императорском дворе, введенные

при Елизавете Петровне 3 апреля 1744 г., продолжали соблюдаться и в период правления императора Павла I. В соответствии с посольским этикетом XVIII в. «чужестранным послам и министрам» отводились почетные места во время придворных праздников, некоторые из них награждались орденами. Вместе с тем Павел I ввел жесткую регламентацию придворных церемоний, с которой вынуждены были считаться все приглашенные на них иностранцы, в том числе и особы королевской крови. Аудиенции знатных иностранцев при российском дворе приобрели особую пышность и торжественность после принятия Павлом I титула Великого магистра Мальтийского ордена. Император вел приемы, восседавая на троне в короне ордена Святого Иоанна Иерусалимского и мантии, осеняемый знаменем ордена Иоанна Иерусалимского и окружаемый кавалерами этого ордена. Эти рыцарские ритуалы возвышали монарха и элиту и оправдывали их превосходство [см.: Уортман, с. 250].

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. 549 с. [Aleksandrenko V. N. Russkie diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII v. T. 1. Varshava, 1897. 549 s.]

Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877. 485 с.; Кн. 28. М., 1883. 590 с. [Arkhiv knyazy Vorontsova. Kn. 12. M., 1877. 485 s.; Kn. 28. M., 1883. 590 s.]

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 2 ч. М., 1896. 278 с. [Bantysh-Kamenskij N. N. Obzor vneshnikh snoshenij Rossii (po 1800 god) : v 2 ch. M., 1896. 278 s.]

Божеянов И. Н. Невский проспект, 1703—1903 : культ.-ист. очерк жизни Санкт-Петербурга за два века, XVIII и XIX. СПб., 1910. 540 с. [Bozheryanov I. N. Nevskij prospekt, 1703—1903 : kul't.-ist. ocherk zhizni Sankt-Peterburga za dva veka, XVIII i XIX. SPb., 1910. 540 s.]

Вейдмейер А. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Т. 2. СПб., 1846. 222 с. [Vejdemejer A. Dvor i zamechatel'nye lyudi v Rossii vo vtoroj polovine XVIII stoletiya. T. 2. SPb., 1846. 222 s.]

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 1, 6. М., 1960. 799 с. [Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossijskogo ministerstva inostrannykh del. Ser. 1. T. 1, 6. M., 1960. 799 s.]

Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. 265 с. [Volkov N. E. Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoyaschem. SPb., 1900. 265 s.]

Вяземский П. Депеши графа Литты, посланника Мальтийского ордена в С. Петербурге, писанные в конце 1796 и начале 1797 года // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. Т. 2. СПб., 1868. С. 164—274. [Vyazemskij P. Depeshi grafa Litty, poslannika mal'tijskogo ordena v S. Peterburge, pisannye v kontse 1796 i nachale 1797 goda // Sb. Imperat. Rus. ist. o-va. T. 2. SPb., 1868. S. 164—274.]

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С. 1—105. [Zapiski N. A. Sablukova // Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda. SPb., 1908. S. 1—105.]

Зонова Т. В. Россия и Италия. История дипломатических отношений. Ч. 1. М. 1998. 64 с. [Zonova T. V. Rossiya i Italiya. Istoriya diplomaticheskikh otnoshenij. Ch. 1. M. 1998. 64 s.]

Из записок графа Бенигсена // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С. 135—156. [Iz zapisok grafa Benigsena // Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda. SPb., 1908. S. 135—156.]

Казнаков С. Павловская Гатчина // Старые годы. 1914. № 7/9. С. 101—188. [Kaznakov S. Pavlovskaya Gatchina // Starye gody. 1914. N 7/9. S. 101—188.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896а. 892 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1796 goda. SPb, 1896a. 892 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Январь— март. СПб., 1896б. 562 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Yanvar'— mart. SPb., 1896b. 562 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Апрель — июнь. СПб., 1897а. 500 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Aprel' — iyun'. SPb., 1897a. 500 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Июль — сентябрь. СПб., 1897б. С. 501—1002. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Iyul' — sentyabr'. SPb., 1897b. S. 501—1002.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Октябрь — декабрь. СПб., 1897в. С. 1003—1423. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Oktyabr' — dekabr'. SPb., 1897v. S. 1003—1423.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1798 года. Январь — июнь. СПб., 1897г. 786 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1798 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1897g. 786 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1798 года. Июль — декабрь. СПб., 1897д. 1684 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1798 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1897d. 1684 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1799 года. Январь — июнь. СПб., 1898а. 972 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1799 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1898a. 972 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1799 года. Июль — декабрь. СПб., 1898б. С. 973—1991. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1799 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1898b. S. 973—1991.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1800 года. Июль — декабрь. СПб., 1900. 667 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1800 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1900. 667 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1800 года. Январь — июнь. СПб., 1899. 575 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1800 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1899. 575 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1801 года. Январь — июнь. СПб., 1901. 527 с. [Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyj zhurnal 1801 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1901. 527 s.]

Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России : ист. повесть из времен Павла Первого. СПб., 1880, 920 с. [Karnovich E. P. Mal'tijskie rytsari v Rossii : ist. povest' iz vremen Pavla Pervogo. SPb., 1880, 920 s.]

Лансере Н. Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. 1914. № 7/9. С. 5—32. [Lansere N. Arkhitektura i sady Gatchiny // Starye gody. 1914 . N 7/9. S. 5—32.]

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 2. СПб., 1875, 533 с.; Т. 6. СПб., 1883, 502 с.; Т. 9. СПб., 1892, 565 с. [Martens F. F. Sbranie traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami. T. 2. SPb., 1875, 533 s.; T. 6. SPb., 1883, 502 s.; T. 9. SPb., 1892, 565 s.]

Мельчакова О. А. Иностранные дипломаты на коронационных торжествах 1826 года // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 1(111). С. 118—134. [Mel'chakova O. A. Inostrannye diplomaty na koronatsionnykh torzhestvakh 1826 goda // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2013. N 1(111). S. 118—134.]

Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. 480 с. [Memuary grafini Golovinoj. Zapiski knyazyu Golitsyna. M., 2000. 480 s.]

Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1867. 532 с. [Moroshkin M. Iezuity v Rossii s tsarstvovaniya Ekateriny II i do nastoyaschego vremeni. CH. 1. SPb., 1867. 532 s.]

Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802—1902. СПб., 1902. 240 с. [Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del, 1802—1902.SPb., 1902. 240 s.]

Пуле М. Последний король польский в Гродне и Литва в исходе XVIII века // Оснадцатый век. Кн. 4. М., 1869. С. 97—206. [Pule M. Poslednij korol' pol'skiy v Grodne i Litva v iskhode XVIII ve-ka // Osmnadtsatyj vek. Kn. 4. M., 1869. S. 97—206.]

Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2, вып. 3. СПб., 1906. 100 с. [Russkie portrety XVIII i XIX stoletij. T. 2, vup. 3. SPb., 1906. 100 s.]

Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890. 567 с. [Tatischev S. S. Iz proshlogo russkoj diplomatii. SPb., 1890. 567 s.]

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2000. 608 с. [Uortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoj monarkhii. T. 1 : Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. M., 2000. 608 s.]

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. 267 с. [Shumigorskij E. S. Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie. SPb., 1907. 267 s.]

Статья поступила в редакцию 03.04.2013 г.

УДК 316.444.52:304.3 + 316.455:622.012(470.5) + 316.344.42 **О. К. Ермакова**

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ
В СОСТАВЕ УРАЛЬСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
(первая половина XIX в.)***

На основе контрактов с иностранными специалистами, судебно-следственной документации и делопроизводственных материалов рассматривается проблема адаптации западноевропейцев к жизни в российской провинции и их интеграции в социокультурное пространство Урала. Выявлены признаки принадлежности иностранных специалистов к уральской технической элите. Показан сложный характер взаимоотношений западноевропейцев с местным населением, основные формы взаимодействия, причины конфликтов и свидетельства стремления иностранных диаспор к обособленности.

Ключевые слова: западноевропейские специалисты; иностранцы; социокультурная адаптация; техническая элита; Урал.

В первой половине XIX в. наблюдался приток западноевропейских специалистов на уральские заводы (более 300 человек). Активная политика по привлечению иностранцев объяснялась, во-первых, международной ситуацией начала столетия, военной угрозой и необходимостью перевооружения русской армии, для чего требовалось создание оружейных предприятий по европейским образцам. Во-вторых, приглашенные специалисты занимались введением на уральских предприятиях новейших западных технологий в области машиностроения и металлургии. Для решения этих задач из Европы были выписаны

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта правительства Российской Федерации по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных Академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Соглашение 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

немецкие и бельгийские оружейники, британские и французские инженеры, механики, мастера кузнечного дела, формовщики, молотари, «художники»¹. Сообщество иностранцев на Урале представляло собой совершенно особую социальную группу, состоящую из квалифицированных европейских технических кадров.

В современной историографии высок интерес к разнообразным проявлениям российско-европейского взаимодействия, в том числе исследуется европейское влияние на становление и развитие Урала как крупнейшего горнопромышленного комплекса [см., например: Алексеева; Бондаренко; Устьянцев; Диффузия технологий...; Немцы на Урале...; Россия и Западная Европа...]. Однако иностранцы рассматриваются главным образом с точки зрения результатов их профессиональной деятельности и вклада в технико-экономическое развитие региона; изучаются также отдельные персоналии. Представляется перспективным с позиций антропологически ориентированной истории рассмотреть такие мало изученные вопросы, как механизмы адаптации иностранцев к реалиям русской провинциальной жизни, проблемы их взаимоотношений с местным населением, их интеграция в новую социокультурную среду, структура локального сообщества, техническая элита.

На формирование адаптационных механизмов иностранцев оказывали влияние разнообразные факторы: образ жизни, материальное положение, условия службы, правовой и социальный статус иностранца, круг общения, наличие представлений и предубеждений относительно жизни в России, отношения с местным населением. Так, например, высокое жалованье, предоставление казенных квартир и прислуги иностранным специалистам обеспечивали им хороший уровень жизни и достойное материальное положение, что создавало благоприятные условия для адаптации западноевропейцев. Заводское начальство стремилось оказать иностранцам всяческое содействие в том, чтобы облегчить их пребывание в России, помочь преодолеть трудности привыкания, проблемы взаимопонимания между иностранцами и русскими. Западноевропейским мастерам назначали переводчиков из числа иностранцев, знавших русский язык. Кроме того, вновь приезжающим европейцам оказывали поддержку их соотечественники, уже обосновавшиеся на Урале, хорошо знакомые с местными обычаями, правилами и особенностями отдельных заводов. Так, например, механику Уральского горного правления П. Тету начальство предписало оказывать помощь приехавшим в 1847 г. корабельным мастерам, в частности В. Ли и Р. Жаксону, которые на Екатеринбургской механической фабрике занимались постройкой паровых машин. Кроме того, что Петр Тет должен был помогать англичанам в составлении планов и чертежей и сопровождать сам процесс строительства паровых машин, в предписании говорилось, что «выписанные англичане, не зная ни русского языка, ни местных обстоятельств, ни порядка

---

¹ «Художниками» в данном случае называли архитекторов, а также изобретателей. Они занимались проектированием помещений, устройств и приспособлений, необходимых для того, чтобы адаптировать оснащение уральских заводов для использования новых технологий [см.: ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5139].

сношений, должны и ныне прибегать к советам Тета и пользоваться его указаниями» [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 36 об.]. В случаях, когда европейские мастера приезжали на Урал большими группами, процесс адаптации упрощался: у иностранцев была возможность общаться внутри своего сообщества, не теряя связи с соотечественниками и тем самым быстрее привыкать к жизни в России.

Иностранцы, приезжавшие на Урал, безусловно обладали некими представлениями о России и русских. Из отрывочной, косвенной информации, содержащейся в источниках делопроизводственного характера, очевидно, что иностранцы с опаской относились к далекой России, а Сибирь ассоциировалась у них с диким краем. Александр Эверсман, занимавшийся наймом оружейных мастеров в Германии, в одном из своих отчетов Департаменту горных и соляных дел писал: «изобразив все сии истины (о выгодах службы в России. — *Е. О.*) со всевозможным красноречием и облегчив влияние оных водкою, никак не можно успеть, ибо воображение о земле отдаленной на столько сот часов езды уничтожает все, что им сказано; а Сибири не смей и назвать...» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 114 об.]. Соответствующее представление складывалось у иностранцев и по отношению к местному населению. Приехав на Урал, европейцы позиционировали себя как людей высококультурных и образованных, своих русских сослуживцев и учеников они считали людьми второго сорта, дикарями. Из донесений А. Эверсмана также следует, что немцы опасались переезда в Россию, т. к. имели сведения о том, что «многие туда же перебравшиеся сделались несчастными, не найдя того, чего ожидали, и что многие потерпели даже истинную несправедливость» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 146]. Однако опыт первых немецких оружейников, переехавших на Урал, впоследствии подтолкнул их соотечественников отправиться в Россию без специального приглашения российского правительства.

Иностранные специалисты, служившие на уральских заводах, входили в состав технической элиты местного социума. Признаками их принадлежности к данному социальному слою можно считать следующие обстоятельства. Во-первых, значимость профессиональной квалификации европейцев, которая в большинстве случаев позволяла им выступать новаторами в разных отраслях промышленного производства на уральских заводах. Так, ключевую роль в организации двух новых оружейных предприятий (Ижевского оружейного завода и Златоустовской оружейной фабрики) и обеспечении их штатом высококвалифицированных кадров сыграли немецкий фабрикант из Данцига Давид Гильгер и прусский горный советник, бывший директор фабрик графства Маркского в Вестфалии Александр Эверсман. В число привлеченных ими европейцев вошли бывшие владельцы собственных оружейных мастерских (Вейерсберги), а также специалисты по всем процедурам производственного цикла при изготовлении оружия (семейства Вольферцов, Ибахов, Гра, Гальбахов, Бейне, Боде и др.). Благодаря квалифицированным британским и французским специалистам на уральских заводах строились паровые машины (Дж. Меджер, Ф. Иберфельд), было положено начало судостроению (Дж. Карр, В. Ли, Р. Жаксон, И. Женингс), применению контаузского способа выделки сварочного

железа (брatья Грандмонтань), использованию пудлингования (Б. Аллендер, С. Пенн, Дж. Пенн). Иностранные специалисты обучали новым технологиям русских мастеровых, адаптировали европейские разработки к условиям конкретных уральских заводов, чтобы впоследствии этот опыт распространить на другие казенные и частные предприятия.

Во-вторых, уровень доходов западноевропейских специалистов соответствовал заработным платам русских горных администраторов, а пенсии иностранцам назначались наравне с пенсиями классным горным чиновникам. Данные контрактов, штатов, ведомостей о выдаче жалованья и формулярных списков иностранцев свидетельствуют, что их материальный достаток складывался из окладного жалованья и дополнительных денежных выплат, что вкупе выражалось в суммах весьма внушительных — до 9 тыс. рублей серебром. Средний размер жалованья составлял 1,5—2 тыс. рублей ассигнациями [см.: ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 161, 227, 4637, 4735, 5592; РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146]. Пенсии, которыми по выслуге лет обеспечивались иностранцы, позволяли им сохранять такой же высокий уровень материального благополучия, какой они имели во время службы на заводах [см.: РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 231, л. 6—8, 36—41].

Привилегированному положению и высокой материальной обеспеченности западноевропейских специалистов способствовал и статус иностранных подданных. Суть привилегированного статуса немцев Златоуста отражена в высказывании императора Александра I во время его визита на Златоустовскую оружейную фабрику в 1824 г. Приказав содержать иностранцев наилучшим образом, государь заявил: «Для России, государства столь обширного и богатого, ничего не стоит хорошо содержать двести семейств [иностранцев]»; он также отметил, что России не стыдно было бы содержать эти семьи иностранцев, даже если бы они и не приносили никакой пользы [цит. по: Бурмакин, с. 251].

В-третьих, европейские мастера неоднократно получали награды от императора и российского правительства. Например, Иоганн Генрих Бейне, уроженец Ганновера, работавший на Ижевском заводе, в 1832 г. по представлению начальства в знак отличной службы был награжден золотыми нашивками на мундир, а в 1839 г. — единовременной денежной выплатой в 500 рублей. В 1842 г. «за долговременную, усердную и ревностную службу и труды, понесенные по обучению рекрут, поступивших мастеровыми в Ижевский завод, оружейному мастерству и за доведение их до совершенства в искусстве отделки оружия» ему был пожалован орден Св. Станислава III степени [ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 812, л. 217]. Неоднократно удостаивались золотых и серебряных медалей, а также денежных вознаграждений иностранные оружейники Златоустовской фабрики (среди них семейства Вейерсберг, Вольферц, Гра, Ибах, Шмитц, Кунигунд, Гельмих, Оберкотте и др.). В марте 1817 г. орденом Св. Анны II степени был награжден А. Эверсман [см.: Куликовских, с. 45, 221, 226].

В-четвертых, существовали примеры включения принявших подданство иностранных специалистов в число дворян Российской империи. В 1840-е гг. к числу дворян Казанской губернии были причислены приехавшие в начале XIX в. на Урал представители немецкого рода Николаи, а также Иоганн Генрих Бейне и его дети.

Сами иностранные специалисты также требовали к себе почтительного отношения и особого уважения, что следует не только из описанных в источниках конкретных событий, но и зафиксировано в контрактах. Например, англичанин Самуил Пенн после текста контракта собственноручно подписал: «Я подписываю сей контракт с тем условием, чтобы мне оказываемо было то же уважение, каковое оказывается господам чиновникам и прочим лицам, состоящим на службе» [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 4263, л. 5 об.], а корабельный архитектор Джеймс Карр, озвучив условия своей службы на Урале, упомянул, что должен пользоваться почетом, соответствующим чину полковника [см.: Там же, д. 5592, л. 2]. Британцы, таким образом, позиционировали себя в статусе технической интеллигенции. В то же время представляется, что, ставя подобные условия, иностранцы стремились оградить себя от возможных проявлений неприязни или грубости со стороны русских. Взаимоотношения приезжих специалистов с местным населением, уральскими мастерами, а иногда и с представителями заводского начальства порой действительно складывались непросто.

Основной формой взаимодействия западноевропейских специалистов с местным населением являлось обучение. За каждым иностранным мастером закреплялись один или несколько русских учеников. Как правило, результат совместной работы иностранцев и русских был положительным, постоянно пополнялось число русских учеников, овладевших мастерством и способных работать самостоятельно. Однако процесс обучения временами складывался нелегко для русских мастеровых. Например, ученики иностранного мастера Абрама Алтена, работавшего на Златоустовском заводе в 1809 г., устав от своевольства и дерзости иностранца, просили определить их в другую мастерскую. Они заявляли, что А. Алтен «сделанное ими в точность приказания его, приходя, разламывает все до основания и так и приказывает устроить, но каким образом сделать надлежит, по неуказанию они поправить на вкус его не могут, о чем неоднократно через переводчика его требуя к лучшему устройению нотации... [ничего] не получали, а только одно приказание, что-де <...> лучше исправить должно» [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 5–6]. Заводская контора неоднократно обращалась с просьбой к А. Алтену дать ученикам более четкие разъяснения, иначе их работа приносила постоянный убыток. Но и начальство не смогло ничего добиться от иностранца, из чего был сделан вывод о том, что сам А. Алтен не знает толком своего мастерства [Там же, л. 6 об.].

Упомянутый Абрам Алтен являлся примером высокомерия и дерзости, проявляемой порой иностранцами по отношению к русским людям, которые, в свою очередь, «бережно и заботливо» относились к приглашенным европейцам. Абрам Алтен был неоднократно замечен «во многих <...> непристойных дерзких и буйственных поступках» еще с момента следования его на Урал [Там же, л. 3]. В 1809 г. Алтен заключил контракт с заводовладельцем А. Кнауфом. С самого выезда из Москвы иностранец находился в пьяном виде, а во время простоя при смене лошадей чуть не застрелил сопровождавшего его служащего Златоустовского завода Крутицкого, который всю дорогу терпеливо сносил бесчинства Алтена и лишь старался ему во всем угодить. Чудом не пострадавший и

натерпевшийся оскорблений от А. Алтена Крутицкий тем не менее во время их совместного путешествия демонстрировал заботу и почтительное отношение к иностранному мастеру [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 3–4 об.].

Возвращаясь к теме обучения, отметим, что бывали случаи, когда западно-европейцы очень неохотно посвящали русских учеников в секреты своего мастерства. Например, немецкие мастера Вильгельм и Людвиг Шафы, положившие начало златоустовской школе холодного украшенного оружия, долгое время обучали своих подопечных только внешней стороне работы, но не открывали главной тайны своего искусства, а именно способа приготовления смеси, без которой невозможно золочение и серебрение оружия. В 1817 г. министр финансов призвал Шафов открыть секрет, уверяя, что после этого мастера не только не лишатся своих мест, чего они, по его мнению, опасались, но и получают награды и пенсии. Но немцы согласились лишь на таком условии, что изложат рецепт на бумаге и оставят его в оружейной конторе, когда будут покидать фабрику [см.: Боков, с. 249]. В оценке этого эпизода следует согласиться с утверждением В. А. Ляпина о том, что Шафы являлись, по сути, ремесленниками, а каждый ремесленник всегда тщательно оберегает секрет своего мастерства [Ляпин, с. 263]. С другой стороны, как отмечает историк, Шафы были хорошими учителями, в том числе и с точки зрения отношения к своим ученикам: они заботились о том, чтобы их ученики «по сравнению с другими мастеровыми были поставлены в лучшие условия. Они были избавлены от телесных наказаний, носили добротное европейское платье, получали бесплатно дрова, свечи и сено для домашнего скота. Жалование их превосходило жалование других мастеровых» [Там же, с. 264].

Английский корабельный архитектор Джеймс Карр и его помощники И. Женингс, В. Ли и Р. Жаксон не особенно приветствовали практику присутствия при их работе русских специалистов, желавших обучиться проектированию и строительству железных пароходов. Русский горный инженер капитан Якоби, который, кроме всего прочего, обучался пароходостроению в Англии, указал на то, что, находясь на уральских заводах, хотя и должен был учиться мастерству у команды Дж. Карра, встречал в этом затруднения. Причина состояла в том, что визиты его на производство судов на Воткинском заводе были эпизодичны, так как он старался избежать «неприятностей со стороны судостроителей, происходивших иногда по причине слишком частых, по их мнениям, моих [Якоби] посещений». Поэтому Якоби сумел освоить только те нюансы, которые отличались от технологии строительства деревянных судов. Но благодаря обучению в Англии капитан Якоби подтвердил, что считает себя способным к «удовлетворительному строительству железных пароходов», т. е. может руководить постройкой судов по поданным чертежам. Способность к работам под его руководством подтвердили два других горных инженера [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6610, л. 10–13, 16].

Несмотря на сложности, возникавшие в процессе обучения и совместной работы западноевропейцев и русских мастеровых, иностранцы выполняли условия контрактов, обязывавшие их осуществлять подготовку учеников. Некоторым европейским специалистам за время службы удавалось передать свое мас-

терство десяткам работников. Например, ведомости Ижевского завода свидетельствуют, что к 1815 г. Иоганн Долквист, «задельщик замочно-отдельного мастерства», обучил 17 русских мастеровых, Петр Роде, «задельщик ложевого мастерства», — 12 человек [ЦГАУР, ф. 212, оп. 1, д. 407, л. 34, 53]. Датчанин Дидрих Расмусен, штыковой отделочный мастер, за 3 года службы (с 1818 по 1821) сумел передать свое искусство 23 русским ученикам, хотя, согласно контракту, обязан был обучить всего двух человек. Мастер Давид Петерсон, приехавший на Урал в 1808 г., к 1821 г. подготовил 52 работника [Там же, ф. 4, оп. 1, д. 75, л. 16, 20, 117].

Надо заметить, что в отношении местного населения к иностранным мастерам присутствовала некоторая враждебность, возникавшая в ответ на высокомерие и презрительность европейцев. Иногда иностранцы жаловались даже на неуважение к ним со стороны представителей заводских администраций. Например, обергиттенфервальтер немец Клейнер в письме А. Эверсману в августе 1813 г. сетовал на грубое обхождение с ним заводской конторы. Александр Эверсман в своем донесении директору Департамента горных и соляных дел от 12 августа 1813 г. писал по этому поводу: «Я усмотрел <...> из сего единственного в своем роде конторского повеления (данному обер-гиттенфервалтеру Клейнеру об опытах Оберкотте), что Контора, обращая речь свою к сему способному чиновнику, позволяет себе выражение “ты”. На каковое обхождение он жалуется мне в письме своем. Г-н Клейнер совершенно прав, приводя сие обстоятельство яко новое доказательство обид, каковыя немцы там сносить должны» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 5]. Далее А. Эверсман выражает негодование по поводу грубостей, проявленных по отношению к Клейнеру в конторском повелении, отмечая, что «столь унижительная для иностранца речь» и «упущение вежливости сообразны со всем остальным обхождением» с немцами [Там же, л. 5 об.].

На казенных заводах в целом отношении администрации к приглашенным правительством иностранцам характеризовалось достаточным уважением и обходительностью, в то время как на частновладельческих предприятиях многое зависело от личных взаимоотношений. Так, например, у французского профессора Клода Иосифа Ферри не сложились отношения с директором Нижнетагильских заводов Михаилом Даниловым, а как следствие, все пребывание на Урале стало для Ферри тяжелым испытанием. Перед отъездом из России французский профессор писал в контору Н. Н. Демидова с просьбой выдать ему оставшееся жалованье и свидетельство о проведенных им на Урале работах. Измученный событиями, связанными с его увольнением (преждевременное расторжение контракта, невыплата жалованья), Ферри в письме Конторе заявил: «Я намереваюсь спросить у господина Демидова, чтобы он приказал освидетельствовать, сколько будет можно, предпринятые мною в Его заводах работы; несмотря на отдаленность места, и ни на что показывающее такое освидетельствование невозможным, однако оно не есть таковое, и если я сего не получу, то признаю себя вправе располагать, как думаю должен сделать, моими мыслями и примечаниями и не буду колебаться оные публиковать, представлю их моим соотечественникам и российскому правительству: мне не мудрено будет, после

столь жестокого испытания, что я приобрел такую высокою ценою, занять публику, артистов и тех, кто их употребляет, некоторыми предметами, заслуживающими внимания» [РГАДА, ф. 1267, оп. 7, д. 887, л. 22 об.].

В фондах златоустовской Управы благочиния и Оружейной конторы сохранились дела, свидетельствующие о возникавших конфликтах между немцами и русскими [см.: Архив ЗГО, ф. И-24, оп. 1, д. 809; ф. И-28, оп. 7, д. 8; оп. 14, д. 14; оп. 10, д. 7]. Так, например, в 1838 г. произошла ссора между иностранцем Данилой Оберкотте и русским мастером Яковом Саламатиным. Вследствие простоя колотушечных молотков в цехе рафинирования на Златоустовской оружейной фабрике 14 марта 1838 г. местное начальство распорядилось, чтобы Я. Саламатин определил «на молоток иностранного мастера Данилы Оберкотте, который без всякого действия с 17-го Генваря настоящего года» одного из своих подмастерьев и трех работников. Они проработали до полудня, а в обед, встретив Д. Оберкотте с его сыном Василием, Яков Саламатин отдал ему почтение, сказав: «Здравствуйте, Данила Иванович!», на что в ответ иностранец яростно заявил, что Саламатин — «вор, разбойник, и сверх того ругал всякими неблагопристойными матерными словами, и подходя к Саламатину, сын Оберкотте Василий, толкал несколько раз Саламатина своим плечом...» [Там же, ф. И-24, оп. 1, д. 809, л. 24—24 об.]. Но отец что-то сказал Василию по-немецки и тот отошел. Однако тут же «приступил сам Оберкотте к Саламатину и схватя его обеими руками за бороду, которой и вырвал целую горсть и бросивши на пол; Саламатин на сие сказал ему, что я буду на тебя жаловаться господину помощнику директора майору Ахматову, Оберкотте же за сии слова еще его Саламатина оборотил и ткнув кулаком в шею» [Там же, л. 25]. После этого Яков Саламатин, «вырыва же бороды в иступе не чувствуя», пошел одеваться в чулан, намереваясь идти жаловаться начальству. Вслед за ним пошел его работник Антон Захаров, принес поднятый клоч бороды и отдал Саламатину со словами «вот это, мастер, твоя борода, вырванная Оберкоттом, принадлежит тебе» [Там же, л. 25 об.]. Яков Саламатин принес жалобу помощнику директора майору Ахматову, а тем временем Данила Оберкотте, «отобрав от чугунных рогов рукава, запер их в свой чулан и запечатав своею печатью и ушел вместе со своим сыном домой». В результате работа молота была остановлена из-за того, что иностранец отказывался вернуть для него приспособление. Четыре человека не работали, ожидая, пока Оберкотте отдаст рукава. Несмотря на неоднократные приказы начальства, только на следующий день иностранец открыл чулан, отдал рукава, и работа молота была возобновлена [Там же, л. 26]. Дело было рассмотрено в Немецком суде, опрошены все русские работники, которые подтвердили «бесчинства Оберкотте». Иностранному мастеру был назначен денежный штраф за неповиновение начальству, Якову Саламатину он должен был принести устные извинения. Вероятно, у иностранца были веские причины подобного поведения, но установить, кто же на самом деле виноват в произошедшем конфликте, не представляется возможным, как и во многих других случаях, отраженных в источниках.

Данные златоустовской Управы благочиния за 1812 и 1813 гг. свидетельствуют о неоднократных случаях нанесения иностранцами заводским масте-

вым людям обид и побоев. Так, Готтлиб Янсен «за удары по щекам надзирателя Емельяна Миронова и мастерового Филиппа Мелькова был выдержан на хлебе и воде дважды по одним суткам». Францу Лорху было сделано словесное замечание за «битье им водовоза Дементья Улатова и ругательство надзирателя Григория Шадрина» [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 267—267 об.].

Кстати сказать, одной из целей созданного в 1821 г. по просьбе иностранных оружейников Златоустовской фабрики Немецкого клуба было избежание постоянно вспыхивающих конфликтов, ссор и драк в русских питейных домах. Кроме того, немецкие мастера Златоуста, представлявшие собой сплоченное сообщество, стремились обособиться от местного населения, в том числе в нерабочее время. Они попросили заводское начальство разрешить им учреждение Немецкого клуба, где бы они смогли собираться и культурно проводить досуг. В Немецком клубе организовывали танцы, играли на бильярде и в карты. По воскресеньям и четвергам здесь устраивались танцы под струнный оркестр. Определенный процент от доходов Немецкого клуба шел во вдовью и сиротскую кассы, основанные иностранными мастерами. В клуб разрешалось водить детей старше шести лет. При клубе существовала библиотека, организованная еще в 1817 г. На берегу заводского пруда было выстроено летнее помещение клуба в виде большого одноэтажного здания с террасами. Это место называли Фрейденталем, т. е. Долиной радости (Долиной удовольствий). Клуб просуществовал более 50 лет. В 1880-х гг. он объединился с Русским общественным собранием [см.: Боков, с. 606—607].

В Златоусте существовали формы общественной организации иностранных мастеров. Там было образовано так называемое Общество иностранцев, а в 1830-е гг. действовало Общество молодых иностранных мастеров, состоявшее из детей немецких оружейников [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 8, л. 26]. Возглавляли эти общества выбранные иностранцами представители, которые исполняли свои общественные обязанности бесплатно. Общество иностранцев занималось вопросами социальной поддержки немецких мастеров, избирало членов Немецкого суда [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146, л. 33]. Представители обществ выступали в качестве делегатов от лица всех иностранных мастеров, излагая просьбы, жалобы и пожелания заводскому начальству и императору. Общество молодых иностранных мастеров отстаивало права детей иностранцев на льготы, привилегии и зарплаты, равные тем, коих были удостоены их отцы по приезду на Урал из Германии [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 135, л. 21].

Немецкие оружейники были склонны, кроме того, к бесконечным жалобам и тяжбам. В Положении о Немецком суде Златоустовской оружейной фабрики 1820 г. это прямо отмечено, а потому в документе сделано следующее примечание: «Иностранцам, для коих настоящий суд учреждается, поставляется на вид, во-первых: что судебные места для того токмо учреждаются, чтобы оберегать всякого от истинных обид и оказывать защиту тому, кто такую обиду действительно претерпел, а не для того, чтобы угождать страсти к ссорам и тяжбам беспокойных людей доставлением им занятия, для них может быть и забавного, но ненавистного для всякого благомыслящего человека, в одном спокойствии и согласии удовольствие находящего; во-вторых: что благоразумный и

миролюбивый человек крайне редко может <...> быть поставлен в необходимость приходить в Суд с жалобами; ибо важные обиды встречает он редко, а малые сносит и прощает охотно, и, наконец, в-третьих: что по сему частые суду приносимые жалобы наводят сомнение на добрую нравственность жалующегося. Посему таких людей, кои часто-временно будут затруднять суд пустыми жалобами о маловажных предметах, суд не преминет публиковать как беспокойных сочленов общества; итак, кто дорожит своим добрым именем, остерегайся часто жаловаться и тогда только приходи в суд с жалобой, если <...> претерпел истинную обиду, которой снести нельзя или трудно. Впрочем, сие никого не должно удерживать заявлять Суду, если он узнает, что кто-либо делами или словами вредит или вредить намерен обществу; ибо в сем случае молчать не следует» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146, л. 34–35].

Несмотря на все сложности процесса адаптации и взаимодействия с местным населением, постепенно происходила интеграция западноевропейских специалистов в уральский социум, причем не только на профессиональном уровне, но и с точки зрения личных и семейных связей. Главным образом это осуществлялось через заключение браков иностранцев с русскими женщинами. Безусловно, одни европейцы приезжали на Урал уже женатыми, другие не задерживались здесь дольше, чем на срок контракта, а потому не обзаводились семьями. Но у многих иностранцев, кто оседал на Урале, или у их детей, приехавших вместе с ними в Россию, были русские жены. До 1833 г. заключение браков с иностранцами регламентировалось несколькими Указами: 1721, 1735 и 1743 гг. Суть их состояла в том, что если иностранец желает жениться на русской девушке, то он должен подписаться в том, что никогда не будет склонять жену и будущих детей в свою веру, а позволит им придерживаться греко-российского вероисповедания. По императорскому Указу 1743 г. разрешалось иностранцам вступать в браки без принятия подданства. Но по Указу Синода 1735 г. заключение брака было возможно только при условии, что иностранец присягнет на верную службу России. Так, иностранный мастер Федор Грибель, служивший на Камско-Воткинском заводе с 1808 г., лишился жены и остался с двумя малолетними детьми, что побудило его в 38 лет вступить во второй брак. В 1819 г. он женился на вдове пермского губернского секретаря Анне Михайловне Небияевой, урожденной Гречановской. Разрешение на брак было получено в Пермской духовной консистории после того, как Ф. Грибель присягнул на верную службу Российской империи, хотя и не принял подданства, и подписался в том, что не будет склонять жену и детей, если в браке родятся, в лютеранскую веру [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 1888, л. 1–9]. По закону 1833 г. иностранцы могли жениться на православных россиянках только при условии принятия подданства, за исключением особых случаев, на которые требовалось специальное разрешение Синода [ПСЗ-2, т. 8, № 6406].

О постепенном включении иностранцев в местную социокультурную среду говорят такие проявления их социальной активности, как пожертвования в пользу богоугодных заведений. К примеру, 7 марта 1823 г. австрийский подданный механик Симион Вейн пожертвовал в пользу богадельни пять рублей [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 2793, л. 1–2].

Таким образом, интеграция западноевропейских специалистов в социокультурное пространство Урала происходила через их профессиональную деятельность, а также семейные и родственные связи. Западноевропейские специалисты входили в состав технической элиты благодаря их исключительной роли в технологическом усовершенствовании производственных процессов на уральских заводах, ведь иностранцы обладали необходимыми для этого знаниями и навыками и могли не только применить их на практике, но и передать профессиональный опыт русским мастерам. Европейцы занимали ключевые позиции, назначались на руководящие должности, контролировали ход и качество заводских работ. Создаваемое для иностранцев привилегированное положение и высокий уровень жизни подкрепляли их статус технической интеллигенции. Однако самоидентификация западноевропейцев как людей высшего ранга, культурных и образованных по сравнению с местными уральскими мастерами создавала почву для конфликтов и препятствовала социокультурной адаптации иностранцев.

Адаптация западноевропейцев к жизни в российской провинции проходила сложно, сопровождалась конфликтами приезжих специалистов с местным населением. Европейцы стремились к обособлению и закрытости своих диаспор. Но по роду своей профессиональной деятельности они вынуждены были постоянно контактировать с русскими мастерами, представителями заводских администраций. Сообщества иностранцев становились локальными центрами сосредоточения инноваций и отправными точками их распространения. Европейские новшества проникали через технологии, обучение, смешанные браки. Межкультурное взаимодействие постепенно переходило в область повседневности, досуга, неформального общения. В ходе этого процесса шло и обрусение иностранцев. Закрытость европейских диаспор оказалась относительной. Таким образом, само пребывание иностранных специалистов на уральских заводах, их жизнь и деятельность создавали условия для диффузии европейских инноваций как в сфере технологий, так и в социокультурном плане, и этот процесс шел независимо от желания контактеров.

Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) М., 2007. 368 с. [Alekseeva E. V. Duffuziya evropejskikh innovatsij v Rossii (XVIII — nachalo XX v.) M., 2007. 368 s.]

Архив ЗГО. Ф. И-19, И-24, И-28. [Arkhiv ZGO. F. I-19, I-24, I-28.]

Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журн. Императ. Рус. военно-ист. о-ва. СПб., 1913. № 5—12. [Bokov V. Nemetskie oruzhiejniki na Zlatoustovskom zavode // Zhurn. Imperat. Rus. voenno-ist. o-va. SPb., 1913. № 5—12.]

Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П., Шкерин В. А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2009. 86 с. [Bondarenko F. V., Mikityuk V. P., Shkerin V. A. Britanskije mekhaniki i predprinimateli na Urале v XIX — nachale XX v. Yekaterinburg, 2009. 86 s.]

Бурмакин А. С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. С. 240—267. [Burmakin A. S. Istoricheskie dannye po vvedeniyu izgotovleniya kholodnogo oruzhiya

na Zlatoustovskoj oruzhejnoj fabrike nemetskimi masterami // Gornyj zhurnal. 1912. T. 4. S. 240–267.]

ГАСО. Ф. 43. [GASO. F. 43.]

Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2011. 405 с. [Diffuziya tekhnologij, sotsial'nykh institutov i kulturnykh tsennostej na Urale (XVIII – nachalo XX v.) / отв. red. E. V. Alekseeva. Yekaterinburg, 2011. 405 s.]

Куликовских С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.) Челябинск, 2006. 241 с. [Kulikovskikh S. N. Zlatoustovskaya shkola avtorskogo kholodnogo ukrashennogo oruzhiya. Stanovlenie i razvitie (1815–1860 gg.) Chelyabinsk, 2006. 241 s.]

Ляпин В. А. «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» // Диффузия европейских инноваций в Российской империи : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 262–266. [Lyapin V. A. “Ugolok Germanii, perenesennyj v Ural'skie gory” // Duffuziya evropejskikh innovatsij v Rossijskoj imperii : materialy Vseros. nauch. konf. / отв. red. E. V. Alekseeva. Yekaterinburg, 2009. S. 262–266.]

Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В. М. Кириллов, Л. А. Дашкевич, Н. С. Корепанов и др. Н. Тагил, 2009. 596 с. [Nemtsy na Urale XVII–XXI vv. / V. M. Kirillov, L. A. Dashkevich, N. S. Korepanov i dr. N. Tagil, 2009. 596 s.]

ПСЗ. Собр. 2 [ПСЗ-2]. Т. 8, № 6406. [PSZ. Sobr. 2. [PSZ-2]. T. 8, № 6406.]

Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур, 1700–1950 гг. : докл. участников Междунар. науч. конф. Т. 1. / под. ред. С. В. Устьянцева, Е. В. Логунова, И. Г. Семенова. Екатеринбург, 1996. 226 с. [Rossiya i Zapadnaya Evropa: vzaimodejstvie industrial'nykh kultur, 1700–1950 gg. : dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf. T. 1. / pod red. S. V. Ust'antseva, E. V. Logunova, I. G. Semenova. Yekaterinburg, 1996. 226 s.]

РГАДА. Ф. 1267. [RGADA. F. 1267.]

РГИА. Ф. 37. [RGIA. F. 37.]

Устьянцев С. В. Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX в. Екатеринбург, 1992. 127 с. [Ust'antsev S. V. Anglijskij tekhnologicheskij opyt i ural'skie gornye zavody XIX v. Yekaterinburg, 1992. 127 s.]

ЦГА УР. Ф. 4, 212. [TSGA UR. F. 4, 212.]

Статья поступила в редакцию 27.05.2013 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЦЕ-АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА (ФЕВРАЛЬ — ИЮНЬ 1917)

На основании архивных и опубликованных источников (делопроизводственных документов, источников личного происхождения, периодической печати) реконструируется политическая деятельность А. В. Колчака в начале Революции 1917 г. Основу источниковой базы составляют документы и материалы, отложившиеся в Российской государственном архиве Военно-морского флота. Исследуется отношение Колчака к Временному правительству и революции, взаимодействие и конфликты с советами и комитетами, меры по поддержанию боеспособности Черноморского флота. Делаются выводы о гибкости Колчака как политика, с одной стороны, и одновременно о его принципиальности в таких ключевых для него вопросах, как боеспособность флота и стабильность политической обстановки в период Первой мировой войны. Политические взгляды Колчака в 1917 г. можно определить как умеренно консервативные.

Ключевые слова: вице-адмирал А. В. Колчак; общественно-политическая деятельность; Революция 1917 г.; Черноморский флот; демократизация вооруженных сил; Севастопольский совет депутатов армии, флота и рабочих; Временное правительство; конфликты офицеров и матросов.

Во время революционных кризисов на политической арене появляется огромное количество новых лиц. Кто-то из них сознательно делал политическую карьеру, другим приходилось заниматься политикой «в силу обстоятельств». К числу последних в истории 1917 г. можно отнести командующего Черноморским флотом вице-адмирала Александра Васильевича Колчака, одного из будущих лидеров белого движения.

На протяжении большей части жизни, предшествовавшей 1917 г., Колчак был аполитичен, занимаясь вопросами, лежащими исключительно в рамках его профессиональной военной и научной деятельности. Перед 1917 г. он придерживался взглядов, типичных для большей части кадровых морских офицеров. Главное — это военная деятельность, вопросы политики имеют глубоко второстепенный характер. Он являлся монархистом, верным присяге, но глубоко в сущность политических вопросов адмирал не вдавался. В годы Первой мировой войны растет критическая настроенность Колчака, но это не выходит за границы его профессиональной деятельности. Политических выводов он не делал. Каких-либо достоверных свидетельств о причастности командующего Черноморским флотом к деятельности оппозиции во второй половине 1916 — начале 1917 г. нами обнаружено не было.

После начала революционных событий 1917 г. общественно-политическая деятельность Колчака была направлена, во-первых, на поддержание боеспособности флота для успешного участия в сражениях Первой мировой войны; во-вторых, на сохранение политической стабильности в портах и базах, подчиненных командующему флотом. Для этого им был принят целый комплекс мер.

Во-первых, было отложено оповещение подчиненных ему флота и береговых частей о революционных событиях до прояснения ситуации в Петрограде. Колчак получил первые сведения о Февральской революции по телеграфу 28 февраля 1917 г., когда находился в Батуме [см.: Смолин, с. 213; РГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 277, л. 2]. Вице-адмирал решил не сообщать флоту о данной телеграмме до получения более подробных сведений и приказал прекратить почтовое и телеграфное сообщение Крыма с остальной Россией [см.: Смирнов, 1991, с. 78].

Колчак прибыл в Севастополь, главную базу Черноморского флота, 1 марта вечером и получил телеграмму от председателя Государственной думы М. В. Родзянко, сообщавшую об образовании Временного комитета Государственной думы, временно взявшего на себя функции правительства [см.: Письма..., с. 155; Крымский вестник, 1917, 4 марта].

Однако 2 марта, согласно дневниковой записи подполковника А. И. Верховского, «слухи о перевороте распространились по городу...» [Верховский, с. 32]. Возникла опасность, что события могут выйти из-под контроля командования. М. И. Смирнов вспоминал, что Колчак собрал совещание флагманов и старших начальников. На нем командующий решил сообщить нижним чинам о происходящем в столице и восстановить телеграфную связь Крыма с остальной Россией [Смирнов, 1991, с. 79].

2 марта Колчак сообщил командам о происходящих событиях в ряде приказов, взяв инициативу в свои руки [Музей ЧФ, приказы 771, 788, 789]. Другой мерой для поддержания спокойствия была отправка в море части кораблей [см.: Жуков, с. 13].

Вслед за этим 2 марта Колчак получил телеграмму из ставки, сообщавшую текст телеграммы с предложениями командующих фронтами Николаю II отречься от престола. В конце стояла отметка: «Ответ государя еще не получен» [Допрос Колчака, с. 50; РГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 277, л. 27–31]. Позицию командующего Черноморским флотом по этому вопросу не спрашивали. Ночью 3 марта в 3:30 из ставки в Севастополь была отправлена телеграмма об отречении императора Николая II [РГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 277, л. 36], а еще через 3 часа — телеграмма с просьбой задержать объявление манифеста об отречении [Там же, л. 37 об]. В тот же день при передаче манифеста об отказе от престола князя Михаила Александровича произошел сбой вследствие повреждения прямого провода [Там же, л. 78], и манифест оказался не принят. В мемуарах М. И. Смирнова есть сведения, что началось приведение экипажей к присяге Михаилу Александровичу [Смирнов, 1991, с. 80–81], которые нам документально не удалось подтвердить. Был обнаружен лишь приказ начальника обороны Керченского пролива генерал-майора А. В. Трегубова, отданный 4 марта 1917 г., объявляющий о вступлении на престол Михаила со ссылкой на телеграмму Колчака от 4 марта [РГВИА, ф. 13150, оп. 1, д. 47, л. 3 об.].

Колчак оказался в ситуации, когда было неясно, кто является верховной властью. 3 марта он просил ставку сообщить о том, кто является законным правительством и верховным главнокомандующим, чтобы сообщить об этом подчиненным для поддержания спокойствия [РГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 277, л. 53].

4 марта 1917 г. Колчак приказами сообщил флоту, гарнизону и населению о манифестах Николая II и Михаила Александровича, севастопольская газета «Крымский вестник» поместила информацию о формировании Временного правительства [Крымский вестник, 1917, 4/5 марта]. Командующий лично сообщил эту информацию представителям экипажей и береговых частей [см.: Допрос Колчака, с. 50; Смирнов, 1991, с. 80]. В телеграмме в ставку 6 марта в 3:00 Колчак сообщил: «команда и население просили меня послать приветствие новому правительству, что мною и исполнено» [Февральская революция, с. 57]. Был послан ряд телеграмм, сообщавших о признании новой власти [см.: РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 116, л. 3; Крымский вестник, 1917, 6 марта].

Таким образом, в первые дни революции Колчак занял выжидательную позицию, ожидая прояснения обстановки. Признание Временного правительства состоялось уже после того, как стало достоверно известно, что оно является новой властью, а монархия пала. Колчак до последнего был верен присяге. С другой стороны, задержка с информированием флота, получение нижними чинами сведений о революции от командующего способствовали стабилизации обстановки.

Второе направление деятельности командующего — информирование команд о происходящих в стране событиях и решениях новой власти. Колчак в своих приказах объявлял флоту о переходе власти, декларации, распоряжения, указы, приветствия Временного правительства и т. д. В марте 1917 г. вышло 19 подобных приказов Колчака [подсчитано по: Музей ЧФ].

22 апреля 1917 г. начальник штаба командующего Черноморским флотом капитан 1-го ранга М. И. Смирнов телеграфировал в Петроград просьбу временно сообщать о происходящих событиях, т. к. «наша осведомленность всегда давала нам возможность принятия предупредительных мер и идти во главе движения» [см.: РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 113, л. 285]. Во многих обращениях и приказах правительства говорилось о необходимости сохранить дисциплину, нормализовать отношения подчиненных и офицеров, продолжать войну. Это способствовало поддержанию порядка на флоте, хотя нельзя не отметить, что эти правительственные обращения во многом носили характер деклараций.

С одной стороны, командующий демонстрировал подчиненным свою лояльность новой власти, с другой, выбивал почву из-под ног у слухов и антиправительственной агитации.

Третьим направлением деятельности Колчака было налаживание взаимодействия с политическими силами, выступающими за сохранение порядка и продолжение войны. В начале революции в Севастополе преобладали силы, стоящие на оборонческих позициях, прежде всего социалисты-революционеры. Комиссар Черноморского флота Н. А. Борисов вспоминал, что севастопольская эсеровская организация «была необычайно правонастроенна» [РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 795, л. 2]. Есть сведения о поддержке вице-адмиралом украинских организаций на Черноморском флоте. Это можно объяснить тем, что они поддерживали идею продолжения войны и стояли на умеренных политических позициях [см.: Там же, ф. 71, оп. 35, д. 951, л. 30].

Из вышеуказанного логично вытекали действия Колчака по налаживанию конструктивных контактов с советами и комитетами на Черноморском флоте. Их деятельность даже была поставлена под частичный контроль командования.

4 марта 1917 г. на митинге явочным порядком был создан Военный исполнительный комитет из матросов и солдат. Колчак отказался утверждать эту организацию [см.: Платонов, с. 36–37]. Однако уже 6 марта вице-адмирал разрешил делегатам собираться и печатать в газете материалы собраний [см.: РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 921, л. 311 об.], т. е. узаконив уже свершившийся факт. 7 марта на офицерском собрании был выбран офицерский комитет из девяти делегатов. Колчак приказом № 847 утвердил это решение [Крымский вестник, 1917, 9 марта]. В ночь с 7 на 8 марта матросский и офицерский комитеты объединились, образовав Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК).

Член ЦВИК лейтенант Р. Р. Левговд вспоминал, что «комитет по своему составу, по своим взглядам и настроениям был надежной опорой для власти командующего флотом» [Левговд, с. 145]. Анализируя стенограмму допроса Колчака, можно сделать вывод, что вице-адмирал в течение марта 1917 г. фактически контролировал деятельность ЦВИК [Допрос Колчака, с. 51–52]. Положение об организации выборных органов в Севастополе ставило ЦВИК в определенную зависимость от командующего [см.: РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 46, л. 12 об.].

21 марта Колчак лично прибыл на заседание ЦВИК для объяснения вопросов, касающихся быта и положения внутренней жизни вооруженных сил (преобразование военно-морского суда, пищевое довольствие и т. д.), которые должны были рассматриваться специально созданными комиссиями. Вице-адмирал предложил, чтобы все подобные проекты предварительно рассматривал ЦВИК, что комитетом было одобрено [см.: Там же, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 38].

Одновременно в начале марта 1917 г. «снизу» были организованы Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Колчак наладил взаимодействие с председателем рабочего совета А. А. Васильевым [см.: Допрос Колчака, с. 51]. 27–30 марта ЦВИК и советы рабочих и солдатских депутатов объединились, образовав Севастопольский совет депутатов армии, флота и рабочих [см.: РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 55, 62–65]. Член совета М. Заславская вспоминала, что этот орган первоначально находился под большим влиянием Колчака [см.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 497, л. 1 об.].

Командование пыталось поставить под свой контроль деятельность комитетов. Было предписано включать в их состав офицеров, постановления должны были утверждаться командирами. Из компетенции комитетов исключались вопросы боевой подготовки [см.: РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 46, л. 11–12].

Колчак также широко использовал тактику компромиссов с новыми организациями. Ярко это проявилось при разрешении конфликтов между нижними чинами и офицерами. В течение марта — апреля Колчак утвердил решения ЦВИК и Совета минимум о десяти офицерах, ставших участниками разного рода инцидентов, объявив им в приказах выговоры, порицания, переведя на другие должности или списав на берег, а полковника Н. А. Шперлинга отдал под суд [см. подробнее: РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 17; ф. Р-183, оп. 1, д. 45, 73;

Музей ЧФ]. Еще в ряде случаев, когда вина офицера не была доказана, его также могли перевести на другую должность, чтобы погасить конфликт.

Другой случай, когда Колчаку пришлось уступить, — это принятие новых правил наложения дисциплинарных взысканий. 20 марта 1917 г. в приказе № 1078 были объявлены нормы наказаний за дисциплинарные проступки [см.: Музей ЧФ]. Однако это вызвало протесты судовых комитетов [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 43, л. 12, 13, 16, 22 об, 24, 25, 26, 34, 45]. В итоге 31 марта этот приказ был отменен [Музей ЧФ, приказание № 1227], а 2 апреля командующий утвердил разработанные Севастопольским советом Временные правила о наложении дисциплинарных взысканий. Наложение взысканий входило в компетенцию комитетов, а командир лишь утверждал решения [РГВИА, ф. 13145, оп. 1, д. 13, л. 199—202].

Даже после того, как в мае испортились отношения командующего и Севастопольского совета, Колчак продолжал проводить политику взаимодействия с демократическими органами. В середине мая в ответ на просьбу Батумского военно-морского комитета дать распоряжение об оказании содействия комитету со стороны командования Колчак наложил резолюцию «Исполнить» [РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 921, л. 653а]. 2 июня вице-адмирал поддержал перед морским министром просьбу Севастопольского совета крестьянских депутатов об увеличении в три раза финансирования этого органа [Там же, д. 926, л. 179, 180, 182].

Четвертым направлением было принятие ряда популярных мер и небольших уступок для команд. Колчак приказал 4 марта при его проходе мимо кораблей и их посещении не выстраивать команду на палубе. Вскоре (8 марта) были освобождены от наказания лица, совершившие дисциплинарные проступки. 15 марта было приказано командам в строю отвечать на приветствия без упоминания чина начальника [Музей ЧФ, приказы № 841, 851—852, 967]. 30 марта, после обращения ЦВИК, Колчак своим приказом разрешил увеличить процентную норму увольнения в отпуск от числа команды [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 43, л. 51 об., 52].

По просьбам личного состава Колчак просил перед вышестоящим начальством о переименовании ряда кораблей (например, «Потемкина» — в «Борца за Свободу») [Там же, д. 28, л. 107; д. 43, л. 144].

Наконец, призывы командующего флота к сохранению порядка дополнялись рядом реальных попыток поддержать боеспособность. В данной области ему пришлось столкнуться со значительными трудностями. Самые негативные последствия имела демократизация вооруженных сил, начало которой положил приказ № 1 Петроградского совета. Колчак после его получения заявил, что этот документ для него необязателен, т. к. он не санкционирован правительством [Допрос Колчака, с. 51]. Однако приказу № 2, вышедшему за подписями Петроградского совета и военного министра А. И. Гучкова, Колчак подчинился. М. И. Смирнов вспоминал, что существование комитетов вице-адмирал оценивал негативно, потому что они ставили под угрозу возможность продолжать войну [Смирнов, 1991, с. 84]. Командующий флотом попытался ограничить сферу деятельности комитетов и контролировать их.

К мерам по поддержанию боеспособности следует отнести введение новых правил о наложении взысканий, гибкую политику по улаживанию конфликтов между нижними чинами и офицерами. Другим способом были частые выходы флота в море, которые, помимо решения боевых задач, отвлекали личный состав от политики.

В целом, на Черноморском флоте в начале революции, несмотря на ряд негативных явлений, была относительно спокойная обстановка, флот в целом сохранял боеспособность, экипажи — дисциплину. Этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, удаленность флота от крупных промышленных городов и его изолированность. Главная база флота — Севастополь — представляла собой военную крепость.

Во-вторых, постоянное участие флота в боевых операциях. Это способствовало сплочению офицеров и экипажей, затрудняло ведение революционной агитации.

В-третьих, доминирование политических сил, стоящих на патриотических, оборонческих позициях, — правых эсеров, умеренных меньшевиков.

В-четвертых, деятельность Колчака, использовавшего свой авторитет (среди подчиненных матросов и солдат, а также среди горожан) и власть для поддержания порядка.

В частном письме к отставному морскому министру И. К. Григоровичу 16 марта Колчак так оценивал обстановку: «...на Черноморском флоте до сего дня не произошло каких-либо событий, нарушающих обычную жизнь флота, его подготовку и оперативную деятельность. Мне удалось пока сохранить доверие личного состава флота, рабочих и городского населения, но Вы изволите знать, насколько быстро такое положение при настоящих событиях может измениться. Я прилагаю все усилия, чтобы сохранить флот, порт и крепость в боеспособном состоянии и удержать управление и командование. К сожалению, у меня нет такой уверенности, что это удастся в будущем так же, как это удалось до сего дня» [РГАВМФ, ф. 701, оп. 1, д. 74, л. 1—1 об.].

Как командующий Черноморским флотом воспринял произошедшие революционные события? В 1920 г. на допросе Колчак показал, что приветствовал революцию как гарантию возможного подъема энтузиазма в народе и армии, чтобы довести мировую войну до победы, т. к. перед революцией стало ясно, что существующий государственный порядок завершить войну победой не может и должны произойти изменения [Допрос Колчака, с. 44]. Насколько эти показания соответствуют действительности? В первой половине марта 1917 г. в черновиках частных писем к А. В. Тимиревой вице-адмирал неслестно характеризовал сложившуюся обстановку [Письма, с. 156—158, 160—161], чувствует, что она не вызывала у него никакого восторга. Полковник С. Н. Сомов в неопубликованных мемуарах воспроизводит свой разговор с начальником штаба командующего флотом контр-адмиралом С. С. Погуляевым в начале марта 1917 г., которому он задал вопрос: «что думает адмирал Колчак относительно революции и общей обстановки?». Ответом С. С. Погуляева было: «Адмирал Колчак смотрит на будущее очень мрачно и думает, что благодаря революции

война нами проиграна...» [ГАРФ, ф. Р-6378, оп. 1, д. 1, л. 173—174]. Колчак был сугубо военным человеком, рассматривавшим доведение войны до победы выше политических соображений. Поэтому начало разложения вооруженных сил и кризис в стране Колчак воспринимал негативно.

Анализируя происходящие события на Черноморском флоте, переписку командующего с вышестоящими органами, данные иркутского допроса 1920 г. и источников личного происхождения, можно прийти к заключению, что Колчак принял бы любую власть, будь то конституционная монархия во главе с Николаем II или Михаилом Александровичем или республиканское Временное правительство. Согласно стенограмме допроса, вице-адмирал в начале 1917 г. считал необходимым поддерживать Временное правительства совершенно независимо от того, какое оно было, так как шла война и нужна была власть, чтобы исключить беспорядки [Допрос Колчака, с. 45]. Пришедшее к власти новое правительство Колчаку было скорее симпатично [Там же, с. 43, 63—64].

Был ли Колчак «верным слугой Временного правительства»? Интерес представляет информация, приведенная М. И. Смирновым, о том, что в самом начале революции вице-адмирал поставил перед военным и морским министром А. И. Гучковым условия своего нахождения в должности командующего флотом, изложенные в официальном письме или телеграмме. Колчак считал возможным командовать флотом до тех пор, пока не наступит одно из трех обстоятельств. Во-первых, отказ какого-либо корабля выйти в море или исполнить боевой приказ; во-вторых, смещение с должности без согласия командующего флота кого-либо из начальников отдельных частей по требованию подчиненных; в-третьих, арест подчиненными своего начальника [см.: Смирнов, 1930, с. 33; 1991, с. 82]. Однако других источников, подтверждающих выдвижение условий, на данный момент нами не обнаружено.

В конце марта 1917 г. начался процесс консолидации политически активных офицеров флота. В начале апреля была опубликована программа Союза офицеров Черноморского флота [см.: Хесин, с. 188—189]. Союз ставил основной своей целью способствовать сохранению боевой мощи флота и высказался за установление республики [см.: РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 113, л. 306]. Колчак был включен в избирательный список Организационного бюро [Там же, ф. Р-183, оп. 1, д. 73, л. 250 об.] и был избран, получив больше всех голосов [Українізація, с. 14]. Председателем Союза офицеров стал капитан 1-го ранга А. В. Немитц. Данные о работе Колчака в Союзе не обнаружены (вероятно, он был своего рода почетным членом), хотя он продолжал консолидировать офицеров. Капитан 2-го ранга Я. В. Шрамченко вспоминал, что Колчак собирал офицеров и в меру своих политических знаний разъяснял обстановку и давал советы [см.: Шрамченко, с. 42].

17 апреля Колчак прибыл в Петроград на встречу с министрами. Поездка в столицу пришлась на время апрельского кризиса. Колчак побывал в Пскове, на совещании командующих фронтами, где обсуждалась проблема разложения вооруженных сил. Вслед за этим в Петрограде вице-адмирал принял участие в совещании по поводу проекта Декларации прав солдата. Военные отказались обсуждать этот документ, окончательно разваливающий вооруженные силы

[Допрос Колчака, с. 63]. В 1918 г. в своей автобиографии Колчак назвал его «преступным правительственным актом» [Автобиография, с. 66].

В ходе этой поездки Колчак по совету М. В. Родзянко встречался с Г. В. Плехановым. Разговор шел о положении на флоте, который начал разлагаться. Известный марксист обещал вице-адмиралу содействие, но считал, что бороться против стихийного разложения очень трудно [Допрос Колчака, с. 59–60].

Весной 1917 г. быстро рос политический авторитет Колчака. В документах Союза офицеров-республиканцев Народной армии, стоящем на социалистических позициях и связанном с Петроградским советом, отложился «новейший проект коалиционного кабинета», составленный в конце апреля — начале мая 1917 г. Составители проекта планировали, что пост военного министра будет отдан Колчаку [см.: ГАРФ, ф. 4018, оп. 1, д. 2, л. 36]. Следует обратить внимание на воспоминания А. И. Гучкова, где указывается, что в начале революции им рассматривалась возможность перевода Колчака в морское министерство [Александр Иванович Гучков, с. 68–69].

Колчак характеризовал первый состав Временного правительства как людей честных, искренне желавших спасти положение. Но, по его мнению, правительство было бессильным. Колчак считал, что нужно использовать жесткие меры. Произошедшие после апрельского кризиса изменения в составе правительства вице-адмирал считал «переменой к худшему» [см.: Допрос Колчака, с. 63–65].

Колчак еще 1 апреля в черновике письма к А. В. Тимиревой записал: «Ведение войны [в сочетании] с внутренней политикой и согласование этих двух взаимно исключаящих друг друга задач является каким-то чудовищным компромиссом. Последнее противно моей природе и психологии» [Письма, с. 169].

Из Петрограда Колчак уехал с ощущением надвигающейся государственной катастрофы, к которому прибавились крушение надежд на проведение операции по овладению черноморскими проливами и размолвка с любимой женщиной [Там же, с. 171–181]. К его чести, Колчак не опустил рук. 25 апреля он предпринял два выступления с докладом о состоянии вооруженных сил после революции, ситуации в стране и на фронте. Колчак призвал к восстановлению боевой мощи армии и флота, прекращению реформ, основанных на невежестве [Адмирал А. В. Колчак, с. 132–136].

Выступление командующего способствовало росту его популярности как на Черноморском флоте, так и в стране в целом. Показателем последнего является поток телеграмм и писем с приветствиями Колчаку и Черноморскому флоту, одобрениями его действий, а также различными просьбами. Следствием патриотического подъема на Черноморском флоте стала посылка черноморской делегации в Москву, Петроград и на фронты с целью агитации за продолжение войны.

Однако посылка делегации отрицательно сказалась на стабильности положения в Севастополе. Вместо умеренно настроенных членов Совета и комитетов, избранных в начале революции, пришли новые выборные, отражающие настроения медленно разлагавшегося личного состава. И само отсутствие уехавших делегатов было дестабилизирующим фактором.

Колчак отмечал, что вследствие изменений в составе Совета прервалась его связь с командующим флотом [Допрос Колчака, с. 71]. На флоте постепенно продолжали развиваться процессы демократизации, падения дисциплины и боеспособности. Падению авторитета офицеров способствовал приказ военного министра от 17 апреля о снятии погон на флоте [см.: РГВИА, ф. 13145, оп. 1, д. 13, л. 219 об—220]. В Севастополе это сопровождалось срыванием погон, оскорблениями в адрес офицеров [см.: Платонов, с. 51; Рерберг, с. 60—61]. Колчак показал на допросе, что через неделю после отъезда делегатов в Севастополе против него началась агитация [Допрос Колчака, с. 68—69].

В середине мая разразился крупный конфликт между Колчаком и Севастопольским советом, связанный с арестом генерал-майора Н. П. Петрова, которого Совет обвинил в содействии спекуляции кожей и злоупотреблениях. Колчак отказался давать разрешение на арест, но генерал все равно был арестован. Из телеграммы, посланной ЦИК Совета Временному правительству, видно, что большую роль в этом решении сыграла боязнь Совета уронить свой престиж в глазах флота излишней корректностью [РГАВМФ, ф. Р-187, оп. 1, д. 333, л. 19]. Колчак тоже проявил принципиальность и 12 мая отправил правительству телеграмму с прошением об отставке, мотивируя это тем, что Совет своей деятельностью сделал невозможным командование флотом [Там же, л. 18]. Правительство приняло решение командировать в Севастополь нового военного министра А. Ф. Керенского для разрешения конфликта.

На переходе морем из Одессы в Севастополь состоялся личный разговор Колчака и Керенского. Керенский вспоминал, что он легко опровергал доводы Колчака об отставке, а сам адмирал чуть ли не закатил истерику [Керенский, с. 187]. Показания Колчака на допросе рисуют несколько другую картину. Одной из обсуждавшихся тем была дисциплина в армии. Разговор выявил полное несовпадение их точек зрения: Колчак выступал за сохранение традиционной военной дисциплины, а министр — за новую революционную дисциплину, основанную на сознательности [Допрос Колчака, с. 73—74].

17 мая Керенский прибыл в Севастополь, где была заранее спланирована торжественная встреча [см.: РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 942, л. 19—20]. Министр выступал с рядом речей перед моряками, прославляя Черноморский флот и «лучшего представителя офицерского корпуса» Колчака. Опубликованные в прессе выступления выглядят очень пафосными и многословными [см.: Речь, 1917, 20/21 мая; Крымский вестник, 1917, 18 мая]. Однако Колчак отмечал, что у него было ощущение, что на команды речи министра впечатления не производят [Допрос Колчака, с. 74]. Этой же точки зрения придерживался ряд очевидцев.

В тот же день министр выступил на делегатском собрании, постаравшись прийти к компромиссу по «делу Петрова» и урегулировать конфликт между Колчаком и Севастопольским советом [РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 42, л. 1 об.]. В итоге Колчак остался на своем посту. Но он ожидал решительных действий по наведению порядка, пресечению действий Севастопольского совета, который, с точки зрения Колчака, пытался присвоить себе его полномочия. А вместо этого — поиск компромиссов и демагогические речи.

После освобождения генерал-майора Н. П. Петрова решением правительства была назначена специальная следственная комиссия. По воспоминаниям А. И. Хорошавина, входившего в ее состав, «комиссия не обнаружила никаких злоупотреблений, дело было прекращено за отсутствием признаков каких-либо незаконных актов, и генерала Петрова больше никто не тревожил» [Хорошавин, с. 15–16].

«Дело Петрова» имело негативные последствия. С одной стороны, нарушилось взаимодействие между командующим и Севастопольским советом, с другой — в глазах матросов и солдат упал авторитет как вице-адмирала, так и демократического органа.

Временное правительство продолжало проводить противоречивую политику в военной сфере. 11 мая было введено Положение об основных правах военнослужащих, также известное как Декларация прав солдата. Оно было направлено на демократизацию армии и вызвало негативную реакцию генералитета. Однако, подчиняясь решению начальства, Колчак издает приказ № 1974, знакомящий Черноморский флот с этим решением правительства [Музей ЧФ]. С другой стороны, правительство пыталось принять меры по борьбе с дезертирством. Думается, что подобная непоследовательная политика вызывала разочарование Колчака. Он считал, что процесс дальнейшего развития революции, демократизации вооруженных сил и их разложение нужно остановить, а верховная власть, напротив, даже способствует этому.

После отъезда А. Ф. Керенского на флоте разгорелся новый громкий конфликт: на миноносце «Жаркий» команда удалила своего командира лейтенанта Г. М. Веселаго. Сам офицер считал причиной конфликта вмешательство комитета в командование кораблем [Веселаго, с. 24–25]. Служивший на корабле будущий советский адмирал Н. Е. Басистый также вспоминал, что лейтенант не хотел слышать ни о каком ограничении его власти [Басистый, с. 47]. По воспоминаниям члена Севастопольского совета М. Заславской, глубинной причиной конфликта послужили претензии председателя судового комитета Мамаева и стремление Г. М. Веселаго сохранить авторитет офицера [РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 497, л. 3 об.].

Комиссия, разбиравшая этот конфликт, сочла виновными и членов судового комитета (признаны главными виновниками), и команду, и командира корабля [РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 73, л. 131, 131 об., 133].

31 мая делегатское собрание присоединилось к решению комиссии относительно Г. М. Веселаго («за» — 310, «против» — 7) и отклонило предложения относительно команды и комитета («за» — 167, «против» — 150) [Там же, ф. Р-181, оп. 1, д. 13, л. 128–128 об.]. По этому поводу 1 июня Колчак доложил морскому министру свое мнение, «что командир, не совершив ничего против закона, может быть обвинен только в бестактности, комитет и команда совершили преступление. Прошу вашего приказа: 1) миноносцу «Жаркий» немедленно окончить компанию; 2) все дело передать прокурорскому надзору для выяснения виновных и привлечения их к суду» [Там же, ф. Р-187, оп. 1, д. 333, л. 31].

А. Ф. Керенский одобрил это, и Колчак отдал приказ миноносцу окончить компанию 6 июня [Жуков, с. 61]. Также им было принято решение расформи-

ровать экипажи старых линкоров «Три Святителя» и «Синопа», пополнив за их счет команды транспортов. Команды «Жаркого», «Трех Святителей», «Синопа» заявили протест, поддержанный массой моряков [см.: Допрос Колчака, с. 76; Жуков, с. 62–63].

Из воспоминаний А. П. Платонова следует, что экипаж линкора «Три Святителя» был революционно настроен [Платонов, с. 84–85]. Очевидно, Колчак хотел «убить одним камнем двух зайцев» — решить проблему некомплекта экипажей транспортов и расформировать радикально настроенный экипаж.

19 мая Центральный комитет Балтийского флота решил отправить делегацию из пяти человек на Черное море [Протоколы, с. 57]. Балтийцы привезли с собой большевистскую литературу, начали вести агитацию [Платонов, с. 85–87]. 30 мая Колчак телеграфировал, что балтийская делегация вела большевистскую пропаганду против войны, но не имела никакого успеха. Но уже 4 июня он сообщал: не имевшая первоначально успеха агитация в течение последних дней получила сильное распространение, положение заметно ухудшается. 5 июня Колчак докладывал, что балтийцы имеют полный успех, настроение матросов такое, что можно ожидать любых эксцессов [РГАВМФ, ф. Р-187, оп. 1, д. 333, л. 29, 38, 40].

Радикализации настроений нижних чинов способствовали сведения о работе Союза офицеров Черноморского флота, который возбужденными матросами начал рассматриваться как контрреволюционная организация [см.: Платонов, с. 85–87; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 497, л. 6 об.].

Достаточно было небольшого происшествия, чтобы разгорелся серьезный конфликт. Утром 5 июня полковник Н. К. Грубер потребовал отдания чести матросами. Они долго не выполняли это требование, мотивируя тем, что отдание чести отменено, но в итоге подчинились. Днем собравшиеся на митинг матросы арестовали своего командира. В тот же день вечером на общем собрании команды Севастопольского полуэкипажа были арестованы капитан 1-го ранга Е. Е. Гестеско, штабс-капитан С. Ф. Кузьмин, капитан Н. И. Плотников [ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 46, д. 5-5 об., 15–19].

5 июня ЦИК Севастопольского совета бурно обсуждал вопрос об обысках и арестах офицеров. ЦИК никакого решения не принял и перенес обсуждение на делегатское собрание [см.: Хесин, с. 180].

6 июня собрался многотысячный митинг, потребовавший ареста командующего Черноморским флотом [Вице-адмирал А. В. Колчак, с. 24]. Колчак пытался выступить на делегатском собрании, но «атмосфера была такова, что умеренные люди просили его не говорить» [РГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 277, л. 246]. Делегатское собрание в ходе бурного заседания приняло решения отстранить командующего флотом и начальника его штаба от занимаемых должностей, избрать специальную комиссию для присутствия при передаче дел, изъять оружие у офицеров. Вопрос об аресте Колчак был передан на рассмотрение комитетов [Там же, ф. Р-181, оп. 1, д. 13, л. 139–139 об.].

При сдаче оружия состоялось широко известное событие: Колчак выбросил за борт свое георгиевское оружие. В ряде воспоминаний и исследований указывается, что это был кортик, однако в действительности Колчак был награжден золотой саблей [Там же, ф. 406, оп. 9, д. 1900, л. 3 об.].

В полночь с 6 на 7 июня командующий флотом и начальник штаба М. И. Смирнов сдали должности соответственно контр-адмиралу В. К. Лукину и капитану 1-го ранга А. С. Зарину [Вице-адмирал А. В. Колчак, с. 25]. 7 июня пришла телеграмма за подписями Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского с требованиями подчинения Черноморского флота законной власти, возвращения оружия офицерам, наведения порядка и восстановления деятельности должностных лиц и комитетов в законных формах. А. В. Колчаку и М. И. Смирнову предписывалось как «допустившим явный бунт немедленно выехать в Петроград для личного доклада» [Там же, с. 25]. М. И. Смирнов указывал: сделанное правительством заявление, что Колчак допустил бунт, оскорбило вице-адмирала [см.: Смирнов, 1930, с. 37, 39]. Парадокс в том, что правительство, очевидно, хотело спасти вице-адмирала от возможного ареста или расправы.

7 июня на делегатском собрании были заслушаны резолюции комитетов об аресте Колчака и Смирнова: против ареста — 39, за — 4, воздержались — 11 [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 13, л. 136-136 об.]. В тот же день оба смещенных офицера выехали в Петроград [см.: Там же, ф. 609, оп. 2, д. 926, л. 213; Письма, с. 199] на поезде, вместе с американской военно-морской миссией, побывавшей в Севастополе во время вышеописанных событий. По воспоминаниям сопровождавшего миссию старшего лейтенанта Д. Н. Федотова, Колчак был очень нервным и кипел негодованием против Севастопольского совета и большевиков. Адмирал ясно видел, что Керенский может попробовать сделать его «козлом отпущения» за его провал восстановления дисциплины на флоте и уход со своего поста [Fedotoff-White, p. 154].

В черновике письма к А. В. Тимиревой 6 июня 1917 г. Колчак сам дал оценку своей деятельности: «И до сего дня мне удалось в течение 3-х месяцев удержать флот от позорного развала и создать ему имя части, сохранившей известную дисциплину и организацию» [Письма, с. 197].

14 июня в Севастополь прибыла комиссия для расследования произошедших событий. В нее входили: от Временного правительства А. С. Зарудный, от Совета крестьянских депутатов — эсер, правый оборонец И. И. Фундаминский-Бунаков, от Петроградского совета — меньшевик-интернационалист Н. А. Борисов [РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 795, л. 1 об., 2 об.]. Комиссия в течение десяти дней вела очень интенсивную работу, допросив массу офицеров, матросов, солдат и рабочих [Там же, д. 795, л. 2; д. 497, л. 5 об.—6].

26 июня на делегатском собрании А. С. Зарудный сделал доклад об итогах работы комиссии. По его мнению, причинами севастопольских событий было следующее. Во-первых, «после переворота все осталось по-старому, в смысле, что никто из офицеров не был удален». Во-вторых, «отсутствие близости между офицерами и матросами, в чем не столько виноваты офицеры, сколько старый строй». В-третьих, «абсурдные слухи о том, что офицеры организовали контрреволюционный союз». В-четвертых, «слухи о том, что ЦИК — канцелярия Колчака». В-пятых, требование Н. К. Грубера об отдании чести, которое показалось команде попыткой нарушить ее права. В-шестых, недовольство нижних чинов «делом Петрова». В-седьмых, агитация приезжих балтийцев [Известия Севастопольского совета, 1917, 28 июня]. Таким образом, по мнению комиссии,

причины волнений в Севастополе были во многом случайны, поверхностны. Пожалуй, из состава комиссии только Н. А. Борисов понимал, судя по его воспоминаниям, что причины лежат глубже агитации балтийцев [РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 795, л. 3].

После доклада комиссии правительству А. Ф. Керенский отдал приказ, в котором он признавал действия матросов и выборных органов недопустимыми и разрушающими боевую мощь флота. Однако, ввиду выражения командами сожаления о допущенных в их среде беспорядках, следствие прекращалось без наказаний виновных лиц [РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 995, л. 34—35]. Думается, что в глазах Колчака это было еще одним свидетельством слабости Временного правительства.

В ряде работ можно встретить утверждения, что балтийцы сыграли одну из ключевых ролей в уходе командующего флотом. Однако вряд ли смогли бы пять человек обострить ситуацию, если бы она была стабильной? Советские авторы подчеркивали роль черноморских большевиков в революционизировании флота, что привело к отставке «контрреволюционера» Колчака. Однако позиции большевиков на Черноморском флоте в это время были еще очень слабы.

Политические партии в революциях далеко не всегда контролируют массовые движения. Очевидно, что процесс демократизации вооруженных сил, падения дисциплины и разложения личного состава, рост претензий на власть Советов и комитетов — это массовые процессы, объективно протекавшие в ходе революции 1917 г. На Черноморском флоте они носили во многом стихийный характер, не управляемый какой-либо политической силой. Колчак пытался поставить преграду этому и потерпел поражение. Делегация балтийцев просто сыграла роль катализатора уже идущих процессов. Ситуация в Севастополе медленно обострялась с начала революции, в мае обстановка уже стала приобретать кризисный характер.

Подводя итоги общественно-политической деятельности Колчака в должности командующего Черноморским флотом, нужно отметить, что она была направлена на поддержание политической стабильности и сохранение боеспособности флота. Первоначально вице-адмиралу удалось добиться хороших успехов в этом направлении, что способствовало росту авторитета Колчака как политической фигуры общероссийского масштаба. Он показал себя довольно гибким политиком, способным быстро перестроиться, уступить в малом, чтобы сохранить то, что он считал важным, — боеспособность флота. Однако по мере радикализации настроений личного состава, углубления демократизации вооруженных сил, роста претензий выборных органов на Черноморском флоте объективно, медленно, но неуклонно стала ухудшаться обстановка, что и привело к уходу Колчака.

Отношение Колчака к Временному правительству было сложным, эволюционировавшим от безусловной поддержки в начале революции к разочарованию в способности правительства справиться с кризисом, критике и обвинениям в развале государства. Колчак придерживался более консервативных (но не реакционных) взглядов и рассматривал дальнейшее развитие революции как процесс, ведущий к негативным последствиям для страны. Он хотел это

предотвратить, а правительство не предпринимало тех мер, на которые он рассчитывал, и даже, напротив, по его мнению, способствовало развитию негативных процессов.

Деятельность Колчака в 1917 г. достаточно типична для высшего командного состава, будущих лидеров белого движения, и не следует считать его контрреволюционером в первые месяцы революции. С нашей точки зрения, в 1917 г. его можно отнести к умеренно консервативному крылу.

Автобиография Александра Васильевича Колчака // Источник. 1996. № 4. С. 60–72. [Aleksandra Vasil'evicha Kolchaka // Istochnik. 1996. N 4. S. 60–72.]

Адмирал А. В. Колчак. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и Собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Звезда. 1994. № 4. С. 132–136. [Admiral A. V. Kolchak. Soobschenie v Ofiterskom soyuze Chernomorskogo flota i Sobranii delegatov armii, flota i rabochikh v Sevastopole // Zvezda. 1994. N 4. S. 132–136.]

Александр Иванович Гучков рассказывает... : воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. 144 с. [Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... : vospominaniya predsedatelya Gosudarstvennoj dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva. M., 1993. 144 s.]

Верховский А. И. Россия на Голгофе : из походного дневника 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 31–42. [Verkhovskij A. I. Rossiya na Golgofe : iz pokhodnogo dnevnika 1914–1918 gg.] // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1993. N 4. S. 31–42.]

Веселаго Г. М. Несколько эпизодов из моей службы в Черноморском флоте, 1915–17 гг. // Морские записки. 1952. Т. 10, № 3. С. 22–28. [Veselago G. M. Neskol'ko epizodov iz moej sluzhby v Chernomorskom flote, 1915–17 gg. // Morskije zapiski. 1952. T. 10, N 3. S. 22–28.]

Вице-адмирал А. В. Колчак: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность на Черном море... не может быть полезна» // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 24–26. [Vitse-admiral A. V. Kolchak: «Schitayu, chto moya dal'nejshaya deyatel'nost' na Chernom more... ne mozhet byt' polezna» // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2008. N 1. S. 24–26.]

ГАГС. Ф. Р-266. [GAGS. F. R-266.]

ГАРФ. Ф. 4018, Р-6378. [GARF. F. 4018, R-6378.]

Допрос Колчака. Л., 1925. 248 с. [Dopros Kolchaka. L., 1925. 248 s.]

Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931. 304 с. [Zhukov V. K. Chernomorskij flot v revolyutsii 1917–1918 gg. M., 1931. 304 s.]

Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. [Izvestiya Sevastopol'skogo soveta deputatov armii, flota i rabochikh. 1917.]

Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. 384 с. [Kerenskij A. F. Russkaya revolyutsiya. 1917. M., 2005. 384 s.]

Крымский вестник. 1917. [Krymskij vestnik. 1917.]

Левголд Р. Р. Вице-адмирал Колчак и Черноморский флот в 1916–17 гг. // Исторический архив. 2008. № 5. С. 129–152. [Levgovd R. R. Vitse-admiral Kolchak i Chernomorskij flot v 1916–17 gg. // Istoricheskij arkhiv. 2008. N 5. S. 129–152.]

Музей ЧФ (Военно-исторический музей Черноморского флота). Инв. № 6974, 6990. [Muzej ChF (Voенно-istoricheskij muzej Chernomorskogo flota). Inv. N 6974, 6990].

Письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996. С. 139–287. [Pis'ma A. V. Kolchaka k A. V. Timirevoj // «Milaya, obozhaemaya moya Anna Vasil'evna...». M., 1996. S. 139–287.]

Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. 96 с. [Platonov A. P. Chernomorskij flot v revolyutsii 1917 g. i admiral Kolchak. L., 1925. 96 s.]

Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, 1917—1918. М. ; Л., 1963. 480 с. [Protokoly i postanovleniya Tsentral'nogo komiteta Baltijskogo flota, 1917—1918. M. ; L., 1963. 480 s.]

Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 59—64. [Rerberg F. P. Vitse-admiral Kolchak na Chernomorskom flote // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2008. N 12. S. 59—64.]

Речь. 1917. [Rech'. 1917.]

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716, Р-181, Р-183, Р-187. [RGAVMF. F. 406, 418, 609, 701, 716, R-181, R-183, R-187.]

РГАСПИ. Ф. 70, 71. [RGASPI. F. 70, 71.]

РГВИА. Ф. 13145, 13150. [RGVIA. F. 13145, 13150.]

Смирнов М. И. Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня : воспоминания о февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 77—94. [Smirnov M. I. Admiral A. V. Kolchak vo vremya revolyutsii v Chernomorskom flote // Strana gibnet segodnya : vospominaniya o fevral'skoj revolyutsii 1917 g. M., 1991. S. 77—94.]

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с. [Smirnov M. I. Admiral Aleksandr Vasil'evich Kolchak (kratkij biograficheskij ocherk). Parizh, 1930. 62 s.]

Смолин А. В. «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак // Политическая история России первой четверти XX в. СПб., 2006. С. 207—217. [Smolin A. V. «Morskoj zagovor» i admiral A. V. Kolchak // Politicheskaya istoriya Rossii pervoj chetverti КНХН v. SPb., 2006. S. 207—217.]

Українізація Чорноморського флоту в добу Центральної Ради : збірник документів. Севастополь, 2007. 210 с. [Ukrayinizatsiya Chornomors'kogo flotu v dobu Tsentral'noyi Radi : zbirnik dokumentiv. Sevastopol', 2007. 210 s.]

Февральская революция 1917 года : (документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 3—70. [Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda : (dokumenty stavki verkhovnogo glavnokomanduyushchego i shtaba glavnokomanduyushchego armiyami Severnogo fronta) // Krasnyj arkhiv. 1927. T. 22. S. 3—70.]

Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. 488 с. [Khesin S. S. Oktyabr'skaya revolyutsiya i flot. M., 1971. 488 s.]

Хорошавин А. Адмирал Колчак // Морские записки. 1951. Т. 9. С. 3—18. [Khoroshavin A. Admiral Kolchak // Morskie zapiski. 1951. T. 9. S. 3—18.]

Шрамченко Я. В. Жуткие дни... Агония Черноморского флота // Морские записки. 1961. Т. 19, № 1/2. С. 41—80. [Shramchenko Ya. V. Zhutkie dni... Agoniya Chernomorskogo flota // Morskie zapiski. 1961. T. 19, N 1/2. S. 41—80.]

Fedotoff-White D. Survival. Through war and revolution in Russia. Philadelphia ; London, 1939. 395 p.

Статья поступила в редакцию 07.03.2013 г.

УДК 316.423.3:355 + 321.61:623

С. А. Нефедов

ТЕОРИЯ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПОЛВЕКА СПУСТЯ*

Дается краткий историографический обзор работ по теории военной революции. Особое внимание уделяется применению этой теории для изучения истории России и проблеме взаимосвязи между военной революцией и становлением абсолютизма.

Ключевые слова: теория военной революции; XVI—XVIII вв.; Западная Европа; Россия; военная техника; военная тактика; финансовые реформы; бюрократия; абсолютизм.

В 1960-е гг. известный английский исследователь Майкл Робертс предложил так называемую теорию военной революции [см.: Roberts]. Эта теория утверждала, что причиной социально-политической трансформации государств являлись революционные изменения в военных технологиях. Для Средних веков было характерно военное преобладание рыцарской кавалерии; рыцарь, который был господином на поле боя, был господином и в обыденной жизни, что порождало сеньориальную систему и феодализм [см.: White]. Появление огнестрельного оружия привело к закату эпохи рыцарской кавалерии; дворяне-рыцари утратили свое военное превосходство, что означало неизбежное крушение феодального режима. В середине XVI в. на поле боя господствовали массы пехоты, организованные в батальи и терции: по периметру терции стояли мушкетеры, а внутри — пикинеры. Приближаясь к противнику, мушкетеры производили несколько залпов, а затем уступали место пикинерам, которые шли в атаку, выставив вперед 5-метровые пики. На смену анархичным рыцарям пришла сложная военная машина, где все зависело от слаженности и дисциплины. «Строгая дисциплина и механическая тренировка, требуемые новой... тактикой, согласовывались с тенденцией эпохи к абсолютизму, — отмечал Робертс. — Она наводила на мысль, что дисциплина, дающая успех в бою, могла дать положительные результаты в применении к гражданскому обществу. Правитель все более и более ассоциировался с главнокомандующим, и из новой дисциплины и обучения рождалось не только самодержавие, но тот особый тип монарха, который предпочитал называть себя *Kriegsherr*» [Roberts, p. 206].

Как дворяне-рыцари, так и простонародье ничего не могли противопоставить новой военной силе, и подчинявшаяся монарху-полководцу (*Kriegsherr*) дисциплинированная армия расчищала ему дорогу к абсолютизму. Монарх-полководец, естественно, стремился переделать все общество по образцу своей армии, учредить для граждан уставы и регламенты и заставить все государство

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

маршировать как один батальон [см.: Фенор, с. 121]. Новая военная монархия заботилась прежде всего о военной мощи государства; для этого она сосредоточивала в своих руках финансы, налаживала строгий учет и контроль, увеличивала налоги и стремилась поднять доходы путем развития промышленности и торговли. Конечным итогом «военной революции» было становление режима, который Брайан Даунинг называет военно-бюрократическим абсолютизмом [Downing, p. 3].

Наиболее подробное изложение теории военной революции было дано в получившей большую популярность книге Джеффри Паркера «Военная революция. Военные инновации и восхождение Запада. 1500—1800» [Parker, 1988]. Паркер, поначалу выступавший в роли критика этой теории [Parker, 1976], в конечном счете стал ее энергичным защитником и пропагандистом. В итоге двадцатилетних исследований он дал новое изложение теории военной революции. Паркер значительно расширил ее временные рамки, сместив первоначальные даты Робертса к периоду появления огнестрельного оружия. Первым проявлением военной революции было создание больших бомбард, способных разрушать стены замков; в конце XV в. эти орудия были поставлены на колесные лафеты и смогли сопровождать армию французского короля Карла VIII при ее вторжении в Италию. Быстрое падение итальянских крепостей вызвало шок в Европе; оно побудило правительства разных стран к поиску защитных средств против нового оружия. В конце концов была создана новая фортификационная система, включавшая в себя постройку вынесенных вперед земляных укреплений, фортов и бастионов — так называемая *trace italienne*. Однако эти новые укрепления обходились чрезвычайно дорого, и их сооружение требовало перестройки государственных финансов [см.: Parker, 1988, p. 5—16].

Одновременно с появлением артиллерии происходило внедрение ручного огнестрельного оружия. Аркебузы начала XVI в. уступали в скорострельности лукам, но их преимущество заключалось в том, что они не требовали длительного обучения и позволяли быстро вооружить большую армию новобранцев. Таким образом, началась эпоха массовых армий; уже в первой половине XVI в. армии Испании и Франции увеличились в 4—5 раз и достигли 150 тыс. солдат. Содержание таких армий требовало огромных средств, и деньги превращались в главный двигатель войны [Ibid., p. 45—46, 61—62]. Низкая скорострельность фитильных аркебуз и мушкетов не позволяла отражать огнем кавалерийские атаки, поэтому в состав подразделений приходилось включать пикинеров, которые при атаке выходили в первые ряды. Новый прорыв в военном деле был осуществлен в самом конце XVI в., когда Мориц Оранский, штатгальтер Нидерландов, создал новую «залповую» тактику: мушкетеры строились в десять разряженных по фронту шеренг; первая шеренга производила залп и уходила в тыл, где пристраивалась к последней шеренге. Затем этот маневр повторяли остальные шеренги; когда десятая шеренга уходила в тыл, первая уже успевала перезарядить мушкеты и могла снова стрелять. В 1600 г. новая тактика позволила Морицу Оранскому одержать победу над испанцами при Ньюпорте, после чего начался быстрый процесс заимствования этой тактики другими европейскими армиями [Ibid., p. 20—21].

Дальнейшее развитие военной революции было связано с реформами шведского короля Густава II Адольфа (1611—1632). Облегчение мушкетов позволило увеличить скорострельность и сократить количество шеренг до шести, а главное, под непосредственным руководством шведского короля была создана легкая «полковая пушка» — *regementsstycke*. Полковую пушку могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты; таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это была фундаментальная инновация», — писал М. Робертс [Roberts, p. 195]. Создание нового оружия вызвало волну шведских завоеваний: в своих походах шведская армия достигала Мюнхена, Франкфурта, Кракова и Полтавы. Побежденные армии европейских государств были вынуждены заимствовать оружие шведов и их военную организацию. Однако в этот период шведская пехота была по-прежнему вооружена фитильными ружьями, и пикинеры составляли более трети каждого батальона [см.: Лапшов].

М. Робертс датировал окончание военной революции 60-ми гг. XVII в. Дж. Паркер кратко рассматривает и последующее развитие военно-политической сферы. «Таким образом, скачок в размере армий в 1530-х и 40-х сопровождался перестройкой правительств в большинстве западных государств, — пишет Паркер, — в которых старая административная система (основанная на домениальном хозяйстве) уступила более сложному бюрократическому зданию, в то время как дальнейший период быстрого увеличения численности войск в 1672—1710 гг. был связан с возвышением абсолютизма, особенно в государствах, которые участвовали в Тридцатилетней войне...» [Parker, 1988, p. 146] Это практически единственный (и довольно туманный) комментарий Паркера о связи между военной революцией и абсолютизмом, в то время как Робертс и Даунинг считали победу абсолютизма непосредственным результатом военной революции. Далее, оценивая развитие военных технологий, Паркер пишет, что военные кампании Кромвеля, Мальборо и Фридриха Великого напоминают друг друга, что даже армии Наполеона сражались почти так же, как армии Густава Адольфа [Ibid., p. 146, 153].

Это утверждение, конечно, не соответствует действительности, тем более что Паркер тут же говорит о реформе Грибоваля и о появлении мобильной полевой артиллерии [Ibid., p. 146], а главное, он умалчивает о том, что дальнейшее развитие военной революции было предопределено созданием во второй половине XVII в. облегченного мушкета с кремниевым замком и штыком — *фузеи*. Такой мушкет обладал скорострельностью в несколько раз большей, чем мушкет с фитильным замком, а штык позволял использовать его как пику [см.: Маркевич, с. 70, 155; Разин, с. 490]. Таким образом, пикинеры стали не нужны, и появилась линейная тактика, имеющая мало общего с тактикой Густава Адольфа (которая подразумевала сочетание линий мушкетеров и колонн пикинеров [см.: Дельбрюк, с. 125]). Фридрих Великий довел линейную тактику до совершенства, научив своих солдат маневрировать и заходить во фланг противнику, быстро разворачивая походные колонны в стрелковые линии [см.: Ненахов, с. 67, 76].

Дальнейшие дискуссии вокруг теории военной революции проходили в основном вокруг рассмотрения применимости этой теории для анализа истории

различных стран. По-видимому, первым исследователем, рассмотревшим влияние военной революции на социально-политическое развитие России, был американский историк Маршалл Поэ [см.: Рое, 1996]. М. Поэ описал тесную связь российской военной системы с финансовой и бюрократической организацией. В начале XVI в. русское войско состояло из всадников, которые получали поместья и находились на самообеспечении. Влияние происходившей в Европе военной революции сказалось в появлении в 1550 г. вооруженных огнестрельным оружием стрельцов. Стрельцы получали денежное довольствие, и это побудило правительство Ивана IV к проведению финансовой реформы и переводу податей в денежную форму. Одновременно были созданы соответствующие финансовые и военно-учетные органы — приказы. Во время подготовки к Смоленской войне (1632—1634) на русской службе появилось несколько «полков нового строя», укомплектованных иноземными наемниками и сражавшихся «по-европейски». После окончания войны эти полки были расформированы и вновь созданы в 1650-х гг., во время войны с Польшей и Швецией. Это потребовало увеличения налогов и создания новых канцелярий. Если в 1640-х гг. в приказах насчитывалось около 800 дьяков и подьячих, то в 1690-х гг. их было около 2 тысяч. Таким образом, военная революция привела к росту налогов и бюрократизации правительственного аппарата [Рое, 1998].

Тема военной революции в России была продолжена в работе другого американского историка, Майкла Пола. М. Пол более подробно проанализировал обстоятельства создания стрелецкого корпуса и показал, что стрельцы не были похожи на западноевропейскую пехоту. В составе стрельцов не было пикинеров, они сражались под защитой полевых укреплений. Кроме того, в отличие от западных наемников, стрельцы представляли собой постоянное войско, причем дети стрельцов, как правило, также становились стрельцами. Таким образом, под вопрос был поставлен тезис о непосредственном западном влиянии на начало военной революции в России [Paul].

Ни М. Поэ, ни М. Пол не затрагивали вопроса о влиянии военной революции на происхождение российского абсолютизма. Эта проблема была поднята в работе Честера Даннинга и Нормана Смита [см.: Dunning, Smith]. Даннинг и Смит придерживались концепции Николаса Хеншелла, который поставил под сомнение существование абсолютизма в Европе [Henshall]. Сообразно этой концепции авторы не видели абсолютизма и в России. «В течение последних двух десятилетий XX века, — писали Даннинг и Смит, — многие западные русисты перешли от изображения всесильных царей к представлению абсолютизма как полезного мифа, который скрывал высокую степень кооперации и согласия между царями и правящей элитой» [Dunning, Smith, p. 36].

Вывод Хеншелла о том, что «абсолютизм является мифом» и что в действительности имело место сотрудничество монархов и элиты, был сделан на материале Франции и Англии и не имел всеобщего характера. Хеншелл и сам признавал, что, например, в Швеции не было никакого сотрудничества, что шведское «дворянство стало жертвой абсолютизма» [Henshall, p. 10]. В этом контексте выводы Даннинга и Смита, не апробированные на конкретном российском материале, представляют лишь одну из возможных точек зрения, и

дискуссию на тему о взаимосвязи военной революции и абсолютизма ни в коей мере нельзя считать законченной. Прежде всего необходимо отметить, что отношения между российской элитой (т. е. дворянством) и самодержавием на протяжении XVI—XVIII вв. не были бесконфликтными, и говорить о «высокой степени согласия» на протяжении столь длинного периода не имеет смысла. Два пика самодержавия — при Иване IV и Петре I — были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями; и, конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами. Таким образом, проблема становления российского абсолютизма в контексте теории военной революции требует дальнейшего рассмотрения.

В 2010 г. появилась наконец первая русскоязычная монография, посвященная военной революции XVI—XVIII вв., — книга В. В. Пенского «Великая огнестрельная революция» [Пенской]. Во введении к книге В. В. Пенской дает обзор западных работ о военной революции, но, к сожалению, все же опускает из вида некоторые важные исследования (в частности, работу Брайана Даунинга [Downing]). Цитируя М. Робертса, В. В. Пенской говорит о содержании понятия «военная революция»: о появлении массовых постоянных армий, о мобилизации государством ресурсов для их содержания, о росте налогов, о стремлении монархов освободиться в деле взимания налогов от «какой-либо зависимости от сословно-представительных учреждений» [Пенской, с. 15] и уходит от вопроса о том, означали ли эти перемены рождение европейского абсолютизма. Надо полагать, здесь сказывается влияние теории Хэншелла, под воздействием которой В. В. Пенской стремится ограничить свое исследование чисто военными аспектами «великой огнестрельной революции». «Под военной революцией в дальнейшем мы будем понимать радикальные перемены в военном деле Западной Европы... — пишет автор. — Выразившиеся на первых порах во внедрении в повседневную практику огнестрельного оружия, сначала тяжелого (артиллерия), а затем и ручного (пистолеты, аркебузы и мушкеты), они привели к коренному перевороту в тактике и стратегии европейских армий» [Пенской, с. 15].

В первой главе, посвященной военной революции в Западной Европе, В. В. Пенской пытается проследить, каким именно образом внедрение огнестрельного оружия привело к перевороту в тактике и стратегии. Автор предлагает вниманию читателя обширный материал, извлеченный главным образом из сочинений западных теоретиков военной революции. Достаточно подробно рассказывается о состоянии военного дела в XV в., о тех переменах, которые принесло появление огнестрельного оружия. На наш взгляд, особенно удачным получился параграф об испанской военной системе. Другой параграф подробно повествует о военных реформах Морица Оранского; правда, этот материал в более развернутом виде имеется в недавно переведенной на русский язык книге У. Мак-Нила «В погоне за мощью» [Мак-Нил] (В. В. Пенской почему-то практически не ссылается на Мак-Нила). Далее В. В. Пенской переходит к реформам Густава II Адольфа, упоминает о том, что первые попытки перенимания голландской системы закончились неудачей, так как эта система имела «довольно специфический характер», но в конечном счете шведский король

добился успеха в преобразовании своей армии. О содержании реформ Густава Адольфа В. В. Пенской упоминает вскользь, ссылаясь на то, что «они неоднократно описаны в литературе»; затем следует краткий рассказ о фортификационной системе маршала Вобана, и на этом описание «военной революции» заканчивается. Отказ от изложения технических деталей развития военной техники после 1600 г. мотивируется тем, что «средства истребления людей, которыми располагали Мориц Нассауский и Наполеон спустя 200 лет, не слишком сильно отличались друг от друга. Разница лишь в том, что Наполеон располагал значительно большими ресурсами... Менялись мундиры, прически, отдельные элементы тактики и стратегии, но не оружие» [Пенской, с. 17]. Таким образом, В. В. Пенской уходит от рассмотрения военно-технических достижений XVII—XVIII вв.; он не только не рассматривает последствий появления фузей со штыком, но и оставляет в стороне эффект появления шведских «полковых пушек» и легкой полевой артиллерии. Таким образом, рассказ В. В. Пенского о «военной революции» в Западной Европе нельзя считать полным; намного более подробное изложение отмеченных вопросов имеется в упомянутой книге У. Мак-Нила.

Вторая глава книги В. В. Пенского посвящена рассмотрению «военной революции» в Речи Посполитой. Эта тема является малоисследованной не только в отечественной, но и в западной историографии; но в целом западные историки считают, что Восточная Европа в освоении новых военных технологий существенно отставала от Запада. В. В. Пенской приводит богатый материал, подробно описывая эволюцию военного дела в Литве и Польше; однако выводы автора противоречивы. С одной стороны, он пишет, что польское общество «интенсивно впитывало в себя военные новшества, в том числе в военной сфере» [Пенской, с. 138], а с другой — говорит о прямо противоположном процессе, «ориентализации» польско-литовской конницы, выразившейся в том, что в середине XVI в. стрелковые хоругви были полностью вытеснены «казацкими». «Казацкие» хоругви были вооружены по татарскому образцу, и их главным оружием был лук и стрелы [Там же, с. 144]. Позже, при Стефане Батории, на первое место вышла гусарская копейная конница, но и она не имела ничего общего с вооруженными пистолетами европейскими рейтарами; это было возвращение к таранным атакам рыцарской кавалерии [Там же, с. 159—160]. Что же касается вооруженной огнестрельным оружием пехоты (распространение которой и было признаком военной революции на Западе), то ее удельный вес в польско-литовском войске был незначительным. Шляхта не допускала увеличения пехотных контингентов, опасаясь, что они станут оружием в руках сильной королевской власти [Там же, с. 162—163]. В итоге следующий этап «военной революции» так и не дошел до Польши. Впрочем, как отмечалось выше, В. В. Пенской фактически ничего не пишет о содержании этого следующего этапа (о появлении «полковых пушек», фузей и линейной тактики), поэтому для читателя непонятно, почему же гусарская конница, еще в 1610-е гг. громившая шведов, в 1620-е гг. стала терпеть поражения и почему в 1730-е гг., по словам фельдмаршала Миниха, 300 русских могли побить 3000 поляков [Пенской, с. 195].

Третья глава книги В. В. Пенского посвящена рассмотрению «военной революции» в Османской империи. В. В. Пенской подробно описывает военную систему турок-османов в XV в., уделяя при этом много места вопросу формирования корпуса янычар. Далее говорится об оснащении янычар огнестрельным оружием и о создании турецкой артиллерии, о тактике янычар и об использовании ими укрепленного лагеря-«табора» [Пенской, с. 218–238]. В. В. Пенской лишь пунктирно намечает связи между «военными революциями» на Западе и на Ближнем Востоке: огнестрельное оружие и «табор» были позаимствованы османами у западных соседей, но создание постоянного корпуса пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, было османской военной инновацией. В итоге пехота янычар обеспечила победы турок в XVI в., и «первая фаза военной революции... в Турции прошла успешно» [Там же, с. 250]. Но затем «стремительное развитие огнестрельного оружия и растущая насыщенность разными его видами европейских армий делали борьбу с ними для султанских ратей все более и более тяжелой» [Там же]. В чем конкретно заключалось это «стремительное развитие огнестрельного оружия», В. В. Пенской, как и в предыдущей главе, умалчивает.

Четвертая глава книги посвящена «военной революции» в России. В. В. Пенской предваряет эту главу рассуждением о природных условиях Русской равнины, которые якобы не позволяли «государству рассчитывать на получение необходимых для реализации своих крупномасштабных внешнеполитических планов за счет эксплуатации русского мужика» [Там же, с. 284]. На это можно, конечно, возразить, что Петр I увеличил налоги на поместных крестьян в пять раз [см.: Нефедов, 2005, с. 140–143] и реализовал-таки свои «крупномасштабные внешнеполитические планы». Далее автор пишет об «ориентализации» русского военного дела в конце XV–XVI вв., о том, что «принятая последними Рюриковичами на вооружение модель строительства вооруженных сил имела так много черт сходства с той, что именно в это время успешно функционировала в Османской империи, что ее можно даже условно назвать “османской”» [Пенской, с. 295]. Копирование османской военной (и не только военной) системы Иваном III и Иваном IV — это, безусловно, очень важное обстоятельство, ранее отмечавшееся и другими авторами [см.: Нефедов, 2002]. В целом, В. В. Пенской достаточно подробно описывает состояние русских вооруженных сил в XVI и XVII вв., хотя основную часть приводимого материала можно найти в монографиях отечественных исследователей. Вывод автора о том, что при первых Романовых «русским удалось выработать достаточно эффективную, стоявшую на уровне своего времени... военную машину», также не является новым [см.: Нефедов, 2004].

В заключение хочется еще раз отметить, что книга В. В. Пенского — это первая отечественная монография, посвященная чрезвычайно важной теме военной революции XVI–XVII вв. Таким образом, полвека спустя после знаменитых работ М. Робертса тема военной революции начинает осваиваться российскими историками, в значительной степени — на отечественном материале. Хочется верить, что эти исследования будут расширяться и важнейшие вопросы, поставленные теорией военной революции, в том числе вопрос о происхождении российского абсолютизма, не останутся без ответа.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории : в 4 т. СПб., 1997. 367 с. [Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii : v 4 t. SPb., 1997. 367 s.]

Лапшов С. П. Польско-шведские войны 1621–1622 и 1626–1629 годов: армии противников [Электронный ресурс]. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapshov_05.pdf. [Lapshov S. P. Pol'sko-shvedskie vojny 1621–1622 i 1626–1629 godov: armii protivnikov [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapshov_05.pdf.]

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. 454 с. [Mak-Nil U. V pogone za mosch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obschestvo v XI–XX vekakh. M., 2008. 454 s.]

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. 580 с. [Markevich V. E. Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie. SPb., 1994. 580 s.]

Неяхов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2000. 816 с. [Nenakhov Yu. Yu. Vojny i kampanii Fridrikha Velikogo. Minsk, 2000. 816 s.]

Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопр. истории. 2004. № 4. С. 22–52. [Nefedov S. A. Pervye shagi na puti modernizatsii Rossii: reformy sereдины XVII veka // Voпр. istorii. 2004. N 4. S. 22–52.]

Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопр. истории. 2002. № 11. С. 30–53. [Nefedov S. A. Reformy Ivana III i Ivana IV: osmanskoе vliyanie // Voпр. istorii. 2002. N 11. S. 30–53.]

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 539 с. [Nefedov S. A. Demograficheskii-strukturnyj analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Ekaterinburg, 2005. 539 s.]

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. 445 с. [Penskoj V. V. Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya. M., 2010. 445 s.]

Разин Е. А. История военного искусства : в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. 734 с. [Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva : v 3 t. T. 3. SPb., 1999. 734 s.]

Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. 382 с. [Fenor V. Fridrikh Vil'gel'm I. M., 2004. 382 s.]

Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. 308 p.

Dunning Ch., Smith N. Moving beyond absolutism: was early modern Russia a “fiscal-military” state? // Russian History/Histoire Russe. 2006. Vol. 33, № 1. P. 19–43.

Henshall N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. L., 1992. 245p.

Parker G. The military revolution. Military_innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988. 234p.

Parker G. The «Military Revolution», 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48, № 2. P. 195–214.

Paul M. The Military Revolution in Russia, 1550-1682 // The Journal of Military History. 2004. Vol. 68. P. 9–46.

Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38, № 4. P. 603–618.

Poe M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia // The Journal of Early Modern History. 1998. Vol. 2, № 3. P. 247–273.

Roberts M. Essays in Swedish History. Minneapolis, 1967. 358p.

White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962. 194 p.

Статья поступила в редакцию 29.04.2013 г.

УДК 94(100)“1939/45” + 327(73) + 327:341

Ю. В. Запарий

НАБРОСКИ НОВОГО МИРА: АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА (1939–1944)

Рассматривается роль Соединенных Штатов Америки в разработке Устава ООН. На основе разнообразных источников анализируется эволюция подходов американской администрации к идее международной организации и ее роли в послевоенном мире. Раскрываются факторы, которые обусловили активную позицию США в процессе создания будущей ООН. Автор анализирует варианты структуры будущей организации, разработанные американскими планировщиками в 1939–1944 гг. Особое внимание уделяется изучению мотивации деятельности администрации Ф. Рузвельта по выработке проектов международной организации по поддержанию мира.

Ключевые слова: американская дипломатия; Вторая мировая война; история ООН; Устав ООН; Ф. Д. Рузвельт; проекты по поддержанию мира.

Двадцатое столетие историки и исследователи международных отношений часто называют «веком США». Прошрое столетие ознаменовалось выходом на мировую арену нового лидера — Соединенных Штатов, государства, которое на протяжении последних шестидесяти лет играет важнейшую роль в мировой политике. Лидирующее положение США во многом обусловлено изменением баланса сил, которое произошло в результате Второй мировой войны. Именно в ходе этого мирового конфликта администрации Ф. Рузвельта удалось потеснить изоляционистов и создать идеологические, стратегические и экономические предпосылки для активной внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов в послевоенный период. Важными инструментами американского могущества стали созданные на заключительном этапе Второй мировой войны международные институты — Международный валютный фонд, Международный банк и Организация Объединенных Наций (ООН).

Соединенные Штаты сыграли ведущую роль в учреждении всемирной универсальной межправительственной организации. Почему именно США инициировали и активно содействовали процессу создания ООН? Какие варианты структуры будущей организации разрабатывались американскими планировщиками? Какие интересы преследовали США, разрабатывая проекты будущей международной организации по поддержанию мира? Попробуем ответить на эти вопросы.

История учреждения ООН для многих российских исследователей является лишь незначительным эпизодом в дипломатии периода Второй мировой войны. Большинство учебников лишь вскользь упоминают о конференции в Сан-Франциско и о подписании Устава ООН. Наиболее полное освящение этой проблемы в настоящий момент дается в недавно вышедшей работе И. В. Гайдука [см.: Гайдук]. Обращение к источникам и зарубежной историо-

графии позволяет сделать вывод о том, что в США вопрос о создании международной организации был неразрывно связан с проблемами послевоенного устройства мира. С одной стороны, планы учреждения международной организации являлись логическим продолжением развития идей о природе международной безопасности, сформулированных мыслителями еще в XVIII в., а также концепций интервенционалистов периода Первой мировой войны [Amrith, Sluga, p. 254]. С другой стороны, на позицию администрации Ф. Рузвельта в вопросе о международной организации безопасности повлияли реальные политические события, прежде всего печальный опыт В. Вильсона, который, добившись создания Лиги Наций, не смог потеснить изоляционистов и обеспечить участие США в организации после окончания Первой мировой войны. Руководство США стремилось извлечь уроки из истории Лиги Наций, не сумевшей предотвратить новый мировой конфликт.

Значительную роль в определении послевоенной стратегии американской дипломатии сыграла позиция Ф. Рузвельта — последовательного сторонника создания международной организации. А. Хисс назвал его «отцом-основателем ООН», одержимым идеей международной организации [UN Oral History..., 1990, p. 2]. Ф. Д. Рузвельт еще в ходе президентских дебатов 1930-х гг. утверждал, что для поддержания мира необходима международная организация, способная предотвращать конфликты [Hilderbrand, p. 5]. Он назначал на руководящие посты в своем внешнеполитическом ведомстве убежденных сторонников взглядов В. Вильсона, выступающих за активное участие США в мировой политике [см.: Гайдук, с. 23].

Приверженность Ф. Д. Рузвельта идее международных институтов сочеталась с его прагматичным подходом к дипломатии. Президент был убежден в том, что участие США в международных организациях обеспечит порядок в «проблемных зонах» и укрепит американское влияние. Он считал, что именно разобщенность держав в условиях мирового экономического кризиса, неспособность преодолеть его катастрофические социальные и политические последствия стали основной причиной Второй мировой войны. Именно поэтому, на его взгляд, необходимо создание всемирной международной организации как одного из элементов послевоенного миропорядка, которая была бы способна выработать стратегию общего решения проблем.

На позицию администрации Рузвельта по проблеме создания международной организации в значительной степени оказывала влияние внутривнутриполитическая ситуация. В Белом доме учитывали возможные осложнения из-за противодействия изоляционистов, а также стремление конгресса контролировать основные направления внешнеполитического курса США.

Что касается практической работы, то именно США первыми из стран антигитлеровской коалиции приступили к разработке планов создания будущей международной организации, озаботившись послевоенным планированием еще до формального вступления в войну. Осенью 1939 г., вскоре после начала войны в Европе, инициатива о начале систематических работ по послевоенному планированию была выдвинута С. Уэллесом, заместителем госсекретаря США. По его мнению, именно отсутствие раннего планирования помешало

В. Вильсону после Первой мировой войны воплотить свои замыслы в жизнь. Однако государственный секретарь К. Хэлл первоначально не поддержал эту инициативу, опасаясь, что обсуждение послевоенных планов вызовет в сенате неуместные ассоциации с Лигой Наций и усилит разногласия внутри политической элиты. «Странная война» (в Европе, 1939—1940) давала изоляционистам повод говорить о том, что «Старый Свет погряз в распрях, не имеющих к Америке никакого отношения» и что любое вмешательство в европейский конфликт чревато тем, что «опытные хищники используют его в своих корыстных интересах» [Печатнов, Манькин, с. 238].

Столкнувшись с противодействием, в ноябре 1939 г. С. Уэллес обращается к директору Совета по внешней политике Г. Армстронгу с просьбой подготовить исследование по послевоенным проблемам. Одновременно с этим С. Уэллес подыскивает людей в Госдепартаменте, способных заняться разработкой документов по послевоенному устройству мира. В Совете по внешней политике создается проект изучения «проблем войны и мира». В конце 1939 г. Совет получил грант от фонда Рокфеллера в сумме 44,5 тыс. долларов на финансирование работ по проекту в 1940 г. [Shoup, Minter, p. 33]. Таким образом, первоначально к разработке контуров «желательного послевоенного миропорядка» был подключен известный «мозговой трест», объединявший видных ученых, журналистов и общественных деятелей.

Между тем в Госдепартаменте понимали необходимость проведения серьезной работы по этому вопросу. 27 декабря 1939 г. в обстановке строжайшей секретности во внешнеполитическом ведомстве создается Консультативный комитет по проблемам внешней политики для разработки плана послевоенной глобальной безопасности [Schlesinger, p. 33]. В его состав вошли три подкомитета: 1) по политическим проблемам, 2) ограничению вооружений и 3) послевоенным экономическим проблемам. Руководство комитетом было поручено С. Уэллесу. Задача новой структуры заключалась в определении принципов желаемого мирового порядка, который возникнет по окончании боевых действий, в лучшей степени отвечающих интересам США.

Работа комитета осложнялась из-за борьбы между К. Хэллом и С. Уэллесом. Госсекретарь считал определение послевоенной политики своей прерогативой, а С. Уэллес, пользуясь доверительными отношениями с президентом, хотел самостоятельно контролировать процесс. На начальном этапе Ф. Д. Рузвельт стремился сохранить в тайне разработку проектов послевоенного урегулирования, опасаясь, что подобная работа может вызвать критику изоляционистов. Президент дистанцировался от публичного обсуждения вопросов послевоенного мира и будущей международной организации. Кроме того, действуя в своей привычной манере, Рузвельт, знакомясь с различными точками зрения, не спешил высказывать свое мнение.

В апреле 1940 г. комитет Уэллеса сформулировал самые общие положения по вопросу о послевоенном порядке. В них, в частности, говорилось о необходимости создания специального органа, объединяющего великие державы, в распоряжение которого передаются международные силы по поддержанию мира. Предполагалось, что после окончания войны произойдет всеобщее разоруже-

ние, а международные полицейские силы на основе международных воздушных сил будут поддерживать порядок в мире [Rofe, p. 209]. Таким образом, будущая международная стабильность увязывалась с разоружением. Члены комитета неоднократно подчеркивали, что международная безопасность недостижима без создания стабильной экономической системы в мировом масштабе. Эти идеи во многом повлияли на практическую деятельность американских дипломатов как во время разработки Устава ООН, так и в послевоенный период.

С окончанием «странной войны» деятельность комитета прекратилась¹. Кардинальное изменение ситуации в Европе требовало сосредоточения всех усилий администрации Ф. Рузвельта и Госдепартамента на выработку стратегии в условиях надвигающейся войны. Основными факторами, которые неизбежно учитывались и при планировании, стали вопрос о сохранении Британии и проблема взаимодействия с СССР. Рузвельт был озабочен тем, как обеспечить широкую коалицию в борьбе с гитлеризмом и при этом гарантировать лидерство США в послевоенном мире. Именно поэтому в годы войны разработка планов международной организации была неразрывно связана с процессом оформления антигитлеровской коалиции.

Не случайно на высшем уровне вопрос о создании новой международной организации впервые был поставлен в августе 1941 г. во время совместной конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Арджентии. Президент США, разделявший воззрения С. Уэллеса, предложил образовать англо-американские полицейские силы для обеспечения стабильности в послевоенном мире. Более широкая организация безопасности могла возникнуть, по его мнению, лишь спустя 15–20 лет после окончания войны [Кочеткова, с. 28]. Данная концепция в измененном варианте легла в основу работы по определению структуры будущей организации.

Важным этапом в разработке основ будущего миропорядка стало подписание Атлантической хартии. Хотя фраза о создании международной организации по поддержанию мира не была включена в документ, но необходимость новой системы безопасности косвенно подтверждалась в тексте. В хартии целью союзников провозглашалось установление справедливого и безопасного миропорядка в послевоенный период. В документе в качестве целей ведения войны со странами оси провозглашалось создание более справедливого миропорядка, основанного на принципе сотрудничества, свободы совести, права на самоопределения, свободы торговли, экономического и социального развития. Безусловно, новая международная организация по поддержанию мира должна была стать одним из элементов этого миропорядка.

Со вступлением США в войну в декабре 1941 г. появились политические предпосылки для систематической работы по проблеме послевоенного мироустройства. Сам Рузвельт все больше внимания стал уделять этой проблеме, осознавая значимость учреждения международной организации как для сплочения антигитлеровских сил, так и для обеспечения послевоенной стабильности.

---

¹ Последнее заседание комитета прошло 31 мая 1940 г.

Президент США, разделяя во многом идею глобальной перестройки системы международных отношений, понимал, что структура и задачи будущей всемирной организации должны быть приемлемы как для союзников, так и для конгресса. Без участия союзников невозможно было создать представительную организацию, а без одобрения конгресса Соединенные Штаты не могли участвовать в работе подобного международного института.

Исходя из этих соображений президент в официальных выступлениях прежде всего подчеркивал важность сохранения единства союзников после войны и необходимость создания эффективной системы коллективной безопасности. Если первоначально Ф. Д. Рузвельт полагал, что стабильность в послевоенном мире может быть обеспечена американо-британским союзом, то по ходу войны ему стало понятно, что необходимо более широкое объединение США, Великобритании, СССР и Китая.

При поддержке президента в феврале 1942 г. в Госдепартаменте учреждается Консультативный комитет по послевоенной внешней политике. В рамках этого органа были созданы подкомитеты по международным политическим отношениям, территориальным и колониальным проблемам, международным экономическим отношениям, вооружению и свободе морей, а позже и по международной организации [Postwar Foreign..., p. 67]. С. Уэллес пригласил в консультативный комитет как представителей Госдепартамента (Л. Пасвольский, Х. Ноттер) и администрации (Б. Коэн, Д. Найлс), так и влиятельных представителей общественности (И. Бован, Н. Дэвис) [см.: O'Sullivan]. Стремясь заручиться поддержкой конгресса, он попытался наладить неформальный канал связи между администрацией и Капитолийским холмом. Для этого С. Уэллес попросил присоединиться к работе комитета У. Остина, видного сторонника интервенизма среди республиканцев, а также Т. Коннели, демократа, возглавлявшего сенатский комитет по международным отношениям.

Ф. Д. Рузвельт, который находился в тесных дружеских отношениях с С. Уэллесом, предоставил ему возможность самостоятельно определять направление работы. Президент сформулировал задачу Консультативного комитета следующим образом: «разработка различных вариантов решения проблем» [Ibid.]. Весь процесс разработки планов послевоенного мироустройства был замкнут на президенте.

Заседания комитета проходили в обстановке секретности, так как администрация не желала обнародовать свои планы раньше времени. Но С. Уэллес считал, что в любом случае реализация проекта организации должна начаться еще до окончания войны для того, чтобы избежать повторения ошибок В. Вильсона. В апреле 1942 г. С. Уэллес попытался объединить различные подходы в первом оформленном проекте. Он считал, что в структуре международной организации должен существовать орган, представляющий всех членов и небольшой по составу исполнительный комитет. По замыслу С. Уэллеса, в комитете должны доминировать страны «большой четверки» — США, Великобритания, СССР и Китай. Кроме того, проект предусматривал создание региональных комитетов по безопасности. Уэллес был уверен, что региональный подход к проблеме поддержания мира полностью отвечает интересам Соеди-

ненных Штатов, поскольку это позволит сначала рассматривать споры на региональном уровне, а затем передавать их на рассмотрение исполнительного комитета. Проекты Уэллеса отражали видение президента, который считал, что «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире». [цит. по *Мировые войны...*, кн. 4, с. 339].

В конце мая 1942 г. Ф. Рузвельт инициировал обсуждение концепции международной организации на межсоюзническом уровне. В частности, на переговорах с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым он отметил, что «четверка будет иметь достаточно вооруженных сил, чтобы навязать мир, в то время как все остальные страны будут разоружены» [цит. по: Гайдук, с. 24]. Таким образом, залогом эффективности организации американский президент считал сотрудничество между крупнейшими государствами. Кремль поддержал идеи, высказанные американским президентом. СССР и Великобритания на тот момент времени не имели наработок по проблеме послевоенного устройства и во многом были вынуждены реагировать на предложения, исходящие из Вашингтона. Детальная разработка плана международной организации по поддержанию мира союзниками началась в 1943 г. после стратегических побед на основных фронтах, а также появления освобожденных территорий [см.: Кочеткова, с. 28]. Курс на дальнесрочное планирование, которым следовала американская дипломатия, оправдал себя.

В июле 1942 г. С. Уэллес возглавил подкомитет по международной организации, созданный в Госдепартаменте для детального обсуждения проекта будущей всемирной организации. Бурная деятельность С. Уэллеса чрезвычайно раздражала К. Хэлла, который не имел возможности контролировать полностью процесс разработки послевоенной стратегии США. Отношения между ними стремительно ухудшались. Наметились и разногласия относительно проектов будущей международной организации. Госсекретарь выступил с критикой идеи С. Уэллеса о включении региональных советов в структуру организации и стал последовательно отстаивать принцип универсальности. Кроме К. Хэлла, сторонниками учреждения универсальной организации были Г. Уоллес и В. Уиллки. Внутри Госдепартамента стала складываться группа, которая стремилась избавиться от доминирования С. Уэллеса в вопросе послевоенного планирования.

Очередной предварительный проект будущей международной организации, разработанный в подкомитете в декабре 1942 г., представлял собой детализированный вариант концепции «четырех полицейских». Структура организации должна была состоять из нескольких органов. Во-первых, исполнительного комитета, представляющего «большую четверку». Во-вторых, «всеобщего совета», включающего всех членов, также в рамках организации предусматривалось создание региональных комитетов и Комиссии по всеобщей безопасности и вооружению [см.: O'Sullivan]. Кроме того, в проекте содержалось предложение об учреждении Международного суда, Международной организации труда, Международной организации здравоохранения и социального обеспечения, Экономической комиссии и Комиссии по международным

валютным отношениям. Фактически данная инициатива предусматривала комплексный подход к проблеме. С. Уэллес предлагал создать совершенно новый послевоенный миропорядок путем учреждения международных институтов, регулирующих все важнейшие аспекты международных отношений — от поддержания мира до экономики и культурного сотрудничества. Содержание этого смелого проекта было известно немногим. На публике озвучивалась прежде всего идея объединения держав для предотвращения мирового конфликта.

Анализ работы американских планировщиков позволяет выделить несколько особенностей процесса организации работы. Все структуры по планированию действовали более или менее автономно. Зачастую планировщики не знали, какую позицию по тому или иному вопросу занимает президент. Высокопоставленные работники Госдепартамента, входившие в круг доверенных лиц президента, очень часто не ставили в известность своих подчиненных о результатах переговоров с Рузвельтом [Weisbrode, p. 376]. Осторожность президента и конкуренция за его внимание и благосклонность иногда осложняли ход работы.

В январе 1943 г. перед встречей в Касабланке С. Уэллес представил президенту основные результаты работы, а в начале марта 1943 г. направил ему детальный план будущей ООН, разработанный на основе варианта от декабря 1942 г. Ф. Д. Рузвельт представил А. Идену основные положения этого проекта и предложил обсудить в Форин Оффисе. По итогам встречи в британском внешнеполитическом ведомстве сделали вывод о том, что мнения президента и С. Уэллеса практически идентичны [см.: O'Sullivan].

Таким образом, ранней весной 1943 г. были одобрены основные положения американского проекта. Госдепартамент имел огромный задел в этом направлении, и англичане волей-неволей были вынуждены следовать уже проложенным американцами путем. У. Черчилль также выступил за создание региональных советов наряду с Всемирным советом, объединяющим великие державы [см.: Запарий, с. 234]. В этой ситуации Ф. Д. Рузвельт стал еще больше склоняться к идее учреждения организации на основе принципа регионализма.

Достижение стратегических успехов на основных театрах военных действий и наличие существенных наработок по вопросу о контурах послевоенного мира позволили президенту инициировать публичное обсуждение вопроса. Более того, Рузвельт решился озвучить собственную позицию по проекту создания будущей международной организации по поддержанию мира. Все предварительно проведенные расчеты убедили президента, что это будет своевременный шаг с точки зрения прежде всего внутренней политики [см.: Печатнов, с. 426].

В апреле 1943 г. в «Сэтдей ивнинг пост» с одобрения президента была опубликована статья Ф. Дэвиса, в которой излагались взгляды президента США на будущую организацию [Luard, p. 20]. Структура организации должна была включать две комиссии по безопасности. Первая комиссия (в составе США, Британии и СССР) должна нести ответственность за сохранение мира в Европе; вторая (с участием Китая) — поддерживать стабильность в Азии. Также предусматривалось, что монополия на применение силы и обладание крупными армиями должна принадлежать «большой четверке», а остальные

страны должны разоружиться. Данный проект в целом был благосклонно воспринят общественностью. Однако осведомленные о борьбе подходов в администрации наблюдатели понимали, что данный проект — своеобразный компромисс. В нем сочеталась концепция «четырех полицейских» и региональный подход, а многие важные инициативы не были озвучены, чтобы избежать бурной дискуссии раньше времени.

Кроме того, одобрение регионального подхода президентом означало усиление позиций С. Уэллеса. Убежденный в необходимости более активных действий, в т. ч. и по подготовке общественного мнения, С. Уэллес, начинает делать публичные заявления о будущем миропорядке и делать «утечки» информации без одобрения госсекретаря. Весной 1943 г., действуя абсолютно самостоятельно, он даже попытался организовать обсуждение в сенате вопроса об учреждении международной организации. «Самодетельность» С. Уэллеса привела в ярость госсекретаря и не нашла поддержки у президента. Ф. Д. Рузвельт считал, что в этом вопросе необходимо держать конгресс на «безопасном расстоянии».

Летом 1943 г. противостояние между К. Хэллом и С. Уэллесом достигло апогея. В июле 1943 г. К. Хэлл распустил все подкомитеты по послевоенному планированию. Из-за интриг государственного секретаря С. Уэллес в конце августа 1943 г. был вынужден уйти в отставку. Руководство над проектами создания международной организации передается Л. Пасвольскому, лояльному госсекретарю. С этого момента процесс разработки планов послевоенного миропорядка и структуры будущей международной организации полностью переходит под контроль К. Хэлла.

Теперь важнейшая задача госсекретаря заключалась в том, чтобы убедить Ф. Д. Рузвельта в несостоятельности включения региональных советов в структуру международной организации. К. Хэлл считал универсалистский подход более эффективным. По его мнению, создание региональных группировок подорвет международный порядок, так как каждая великая держава будет доминировать в своих регионах и реальных предпосылок глобального сотрудничества так и не будет создано.

Уже осенью госсекретарю удалось убедить президента в необходимости создания универсальной международной организации, основанной на всеобщем представительстве. Ф. Рузвельт осознавал, что эффективный послевоенный мировой порядок будет возможен только при сохранении сотрудничества между союзниками и крупнейшими государствами на самой широкой основе, но при этом настаивал на сохранении инициативы за «большой четверкой».

Летом 1943 г. наметился коренной перелом в войне, сложилась благоприятная ситуация для активизации открытой работы по созданию организации. В администрации Рузвельта понимали, что необходимо завершать процедуру учреждения международной организации еще до окончания вооруженных действий. Поэтому уже летом 1943 г. США иницируют процесс согласования проекта будущей организации союзниками по антигитлеровской коалиции.

Для того, чтобы реализовать свой проект, американцам необходимо было достичь компромисса с британской стороной. В цели Британии входила

реставрация старых политических режимов, восстановление позиций ведущей мировой и колониальной державы, поэтому детализировать... свои послевоенные планы британское правительство не торопилось [Мировые войны..., кн.3, с. 293]. У. Черчилль являлся сторонником регионализма и не скрывал, что его прежде всего интересует судьба европейского континента [см.: Запарий, с. 233]. В британских проектах главная роль отводилась контролируемому Лондоном Совету Европы, которому были бы подчинены скандинавская, балканская и дунайская конфедерации.

На Квебекской конференции Ф. Д. Рузвельт убедил премьер-министра Великобритании поддержать концепцию всемирной универсальной организации. Соглашаясь на американский вариант, У. Черчилль стремился вовлечь США в европейские дела. В тексте декларации, принятой по итогам конференции, говорилось о необходимости скорейшего создания всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех наций и открытой для всех больших и малых государств [см.: Luard, p. 22]. Участники конференции выработали для представления правительствам СССР и Китая текст декларации о создании постоянной Организации Объединенных Наций и об ответственности четырех великих держав за сохранение мира после окончания войны.

Решимость стран антигитлеровской коалиции создать международную организацию мира была закреплена на Московской конференции в октябре 1943 г. Стороны также договорились начать совместные консультации по разработке проекта будущей организации. На Московской конференции, таким образом, три союзные державы пришли к общему решению по организации системы международной безопасности. В ноябре 1943 г. на Каирской конференции Китай дал согласие на участие в переговорном процессе по учреждению международной организации.

На Тегеранской конференции Ф. Д. Рузвельт изложил И. Сталину свое видение будущей международной организации, в которой США, СССР, Великобритания и Китай играют в мире роль четырех полицейских. Предполагалось, что на этих странах будет лежать главная ответственность по поддержанию мира и действиям в случае угрозы безопасности. Рузвельт пояснил, что СССР и Великобритания могли бы предоставить сухопутные войска для полицейских сил, а США — военно-морские и воздушные соединения [см.: Шервуд, с. 478]. Сталин проявил большой интерес к этому вопросу и отметил, что СССР придает большое значение эффективным мерам по предотвращению агрессии [см.: Кочеткова, с. 29]. К концу 1943 г. союзники обменялись мнениями о роли и структуре будущей организации. Наиболее близко позиции союзников совпадали в формулировке основной задачи организации — поддержке международного мира с опорой на объединенные вооруженные формирования.

Анализ событий показывает, что США осенью 1943 г. удалось запустить процесс создания организации на уровне межсоюзнических отношений, а также инициировать интенсивные переговоры о будущем организации. Фактически союзники согласились с мнением США, что одним из элементов после-

военного миропорядка должна стать международная организация по поддержанию мира.

Этот внешнеполитический прорыв сопровождался важной внутривнутриполитической победой администрации Ф. Д. Рузвельта. Зимой — весной 1943 г. в конгрессе обсуждалось значительное число резолюций, призывавших правительство США играть активную роль в поддержании мира. Активизация представительной власти свидетельствовала о значительных подвижках в общественном мнении и мышлении части политиков Капитолия [Ильин, с. 20]. В течение лета 1943 г. шли активные консультации администрации Ф. Рузвельта с представителями законодательной власти. В итоге осенью 1943 г. конгресс одобрил резолюции, поддерживающие создание международной организации с механизмом поддержания справедливого и длительного мира². Убедив конгрессменов в необходимости создания механизма для продолжения сотрудничества союзников в деле предотвращения конфликтов для защиты национальных интересов, к осени 1943 г. администрация Ф. Д. Рузвельта заручилась поддержкой Капитолия.

В конце 1943 г. в Госдепартаменте активизировалась работа по окончательному оформлению позиции США о будущей ООН. Вернувшись с Тегеранской конференции, Ф. Д. Рузвельт решил наметить основные положения Устава будущей организации. Л. Пасвольский 29 декабря 1943 г. представил президенту проект, согласно которому организация должна возглавляться небольшим исполнительным комитетом, в котором «большая четверка» наделена правом вето [см.: Schlesinger, p. 45]. Исполнительный комитет фактически представлял собой сочетание двух органов из предыдущих проектов — исполнительного совета и «полицейского комитета» четырех держав.

В предложениях Л. Пасвольского предусматривалось также создание форума всех членов — Генеральной Ассамблеи, Секретариата и Всемирного суда. В проекте признавалось право других государств, кроме «большой четверки», участвовать в решении важнейших вопросов, а также наделение Ассамблеи ООН широким кругом полномочий. Этот проект означал перенесение принципа универсальности с членства на функции и цели будущей организации. Фактически начался отход от ограниченной концепции диктата четырех полицейских в сторону предоставления права большего участия малым странам.

В начале февраля 1944 г. Ф. Д. Рузвельт разрешил К. Хэллу использовать проект Л. Пасвольского как основу американского предложения, представляемого на рассмотрение союзников [Ibid., p. 46]. В посольства СССР и Великобритании в Вашингтоне 19 февраля 1944 г. Госдепартамент направляет перечень вопросов по проблеме создания международной организации. С апреля 1944 г. начались активные консультации администрации по данному вопросу с неправительственными организациями США и проведение кампании подготовки общественного мнения.

---

² В палате представителей — резолюция Фулбрайта (21.09.1943 г.), в сенате — резолюция Коннели (5.11.1943 г.)

Учитывая опыт В. Вильсона, администрация Ф. Д. Рузвельта придавала большое значение пропаганде идеи создания организации мирового порядка, а также стремилась заручиться поддержкой республиканцев в конгрессе [UN Oral History..., 1983, р. 4]. Осознавая глобальные интересы и ответственность США, президент Рузвельт понимал, что необходимо «просвещать» американцев в духе «интернационализма», причем подготовка общественного мнения велась массированно: выступление с серией речей, обращения по радио, использование исследований общественного мнения [подробнее см.: Rofe, Thompson, р. 54—57].

Перед окончательным официальным утверждением различных проектов, согласованных союзниками, Рузвельт стремился укрепить позицию администрации в конгрессе. К. Хэлл провел с группой сенаторов — членов Комитета по иностранным делам в апреле — мае 1944 г. серию консультативных встреч, которые стали «прелюдией к дебатам по поводу конференции» [Ильин, с. 39]. В результате планомерной работы по подготовке общественного мнения, консультаций с общественными организациями, сенаторами и конгрессменами произошло сближение позиций умеренных консерваторов и Госдепартамента по вопросу создания послевоенной организации по поддержанию мира.

За период с 1939 по 1944 г. государственными деятелями, вовлеченными в послевоенное планирование, была проделана большая работа. Из идеи «четырёх полицейских» вырос детализированный проект устава будущей ООН — универсальной всемирной организации. Очевидно, что решение Ф. Рузвельта сделать международную организацию одним из элементов послевоенного устройства связано с целым комплексом причин. Ф. Рузвельт рассматривал создание международной организации и основанной на ней системы коллективной безопасности как наиболее вероятный, реализуемый вариант обеспечения национальных интересов Соединенных Штатов.

Мотивация американцев представляла собой сочетание стремления реализовать национальные интересы, внутривластных соображений, направленных на преодоление влияния изоляционистов, а также желания создать международные нормы и институты, которые могли бы сделать мир более предсказуемым. Учреждение международной организации, по замыслу архитекторов ООН, неизменно должно было привести к формированию системы согласованного регулирования международных отношений на надгосударственной основе. При помощи международных институтов планировалось сохранять и воспроизводить «международные режимы», удобные для Соединенных Штатов. Кроме того, военное и экономическое могущество США в послевоенный период подкреплялось и привилегированным положением в ООН.

Делая ставку на создание международных институтов, Ф. Рузвельт стремился защитить сам проект международной организации, наиболее уязвимым местом которого являлось положение о сотрудничестве государств с различными идеологическими и социально-экономическими системами. Убежденность администрации Рузвельта в возможности и необходимости послевоенного сотрудничества являлось как сильной, так и слабой стороной всей концепции. Необходимость координирования политики с коммунистами вызывала как опа-

сения у либерально настроенных политиков, так и бурю негодования среди ярых традиционалистов, стремившихся к неограниченной экспансии США. Заслуга Ф. Рузвельта и других отцов-основателей ООН заключается в том, что они смогли реализовать стратегию согласованных совместных действий государств на мировой арене. Ведь именно это и составляет суть этой уникальной организации на протяжении более чем полувека.

Несомненно, задумка Ф. Рузвельта оказалась удачной. Организация действительно стала долгосрочным проектом, направленным на изменение конфигурации международных отношений. Многие международные нормы, принятые ООН, ограничивают права и накладывают ограничения на государства. И даже после распада ялтинско-потсдамского миропорядка Организация остается одним из существенных элементов современной системы международных отношений.

Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965. М., 2012. [Gajduk I. V. V labirintakh kholodnoj vojny: SSSR i SShA v OON, 1945–1965. M., 2012.]

Запарий Ю. В. Британская дипломатия и создание ООН // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2008. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. С. 230–242. [Zaparij Yu. V. Britanskaya diplomatiya i sozdanie OON // *Imagines Mundi*: al'manakh issledovanij vseobschej istorii XVI–XX vv. 2008. N 6. Ser. Al'bionika. Vyp. 3. S. 230–242.]

Ильин Д. В. Политическая борьба в конгрессе США вокруг проекта международной организации безопасности (апрель – октябрь 1944 г.) // *Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та.* 2010. № 2(1). С. 39–43. [Il'in D. V. Politicheskaya bor'ba v kongresse SShA vokrug proekta mezhdunarodnoj organizatsii bezopasnosti (aprel' – oktyabr' 1944 g.) // *Vestn. Vyat. gos. gumanitar. un-ta.* 2010. N 2(1). S. 39–43.]

Кочеткова Т. Ю. Вопросы создания ООН и советская дипломатия // *Отеч. история.* 1995. № 1. [Kochetkova T. Yu. Voprosy sozdaniya OON i sovetskaya diplomatiya // *Otech. istoriya.* 1995. N 1.]

Мальков В. Л. Великий Рузвельт: «лис в львиной шкуре». М., 2012. [Mal'kov V. L. Velikij Ruzvel't: «lis v l'vinoj shkure». M., 2012.]

Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. М., 2002. 597 с.; Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2002. 677 с. [Mirovye vojny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya vojna: ist. ocherk. M., 2002. 597 s.; Kn. 4: Vtoraya mirovaya vojna: dokumenty i materialy. M., 2002. 677 s.]

Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012. [Pechatnov V. O., Manjkin A.S. Istoriya vneshnej politiki SShA. M., 2012.]

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: докум. очерки. М., 2006. [Pechatnov V. O. Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.: do-kum. ocherki. M., 2006.]

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. М., 1958. [Shervud R. Ruzvel't i Gopkins. T. 2. M., 1958.]

Amrith S., Sluga G. New Histories of the United Nations// *J. of World History.* 2008. Vol. 19, № 3. P.251–274.

Hilderbrand R. Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill ; L., 1990.

Luard E. History of the United Nations Vol. 1 : The years of Western domination, 1945–1955. L., 1982.

O'Sullivan C. Sumner Welles, Post-War Planning and a Quest for a New World Order, 1937–1943 [Electronic resource]. N. Y., 2003. URL: [http://www. Gutenberg-e.org/osc01/](http://www.Gutenberg-e.org/osc01/) (дата обращения: 12.07.2013).

Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945, Department of State. Washington, 1949.

Rofe S. Pre-War Post-War Planning the Phoney War, the Roosevelt Administration, and the Case of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relations// Diplomacy and Statecraft. 2012. Vol. 23, № 2, P. 254–279.

Rofe S., Thompson Jh. “Internationalists in Isolationist times” – Theodore and Franklin Roosevelt and a Rooseveltian Maxim // J. of Transatlantic Studies. 2011. Vol. 9. N. 1. P. 46–62.

Russell R. A History of the United Nations Charter: The Role of the United States, 1940–1945. Washington, 1958.

Shoup L., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. Lincoln, 2004.

Schlesinger S. Act of Creation. The Founding of the United Nations. A Story of Superpowers Secret Agents, Wartime Allies and Enemies and their Quest for a Peaceful World. N. Y., 2003.

UN Oral History Interview with Alger Hiss. 1990. February 13 and October 11.

UN Oral History Interview with Harold Stassen. 1983. April 29,

United States Department of State [Electronic resource] // Foreign relations of the United States diplomatic papers. 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Weisbrode K. The Master, The Maverick, and the Machine: Three Wartime Promoters of Peace // J. of Policy History. 2009. Vol. 21, № 4, P. 366–391.

Статья поступила в редакцию 10.06.2013 г.

УДК 94(497.1) + 342.413 + 316.344.42

Н. Б. Городецкая

ЮГОСЛАВИЯ НАКАНУНЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА (1960—1970-е)

Анализируются причины системного кризиса в СФРЮ 1980-х гг. Рассматриваются две причины кризиса этих лет, заложенные в 60—70-е гг. XX в.: превращение страны в конфедерацию в результате конституционной реформы и начало подавления любого инакомыслия в среде интеллектуальной элиты всех республик. На основании архивных и опубликованных документов, отечественных и зарубежных исследований автор делает вывод о том, что Югославия уже в период 1960—1970-х гг. вступила на путь, который неизбежно привел ее к кризису, распаду страны и кровопролитным войнам.

Ключевые слова: югославский кризис; Добрица Чосич; Александр Ранкович; Иосип Броз Тито; интеллектуальная элита; конституционная реформа.

В 1980-е гг. в Социалистической Федеративной Республике Югославии (далее СФРЮ) разразился системный кризис, который привел к распаду страны и серии межэтнических войн на территории уже бывшей Югославии. Составными элементами этого кризиса стали кризис центральной власти, кризис международных отношений, глубокий экономический и идеологический кризис. Причины этого необходимо искать в предшествующем периоде развития страны. Рубеж 1960—1970-х гг. следует считать одним из важнейших переломных этапов новейшей истории Югославии. В эти годы были заложены тенденции социального, общественно-политического и идеологического развития, которые в конечном итоге привели к взрыву межнациональной нетерпимости и вражды и в результате — к распаду страны. Именно в этот период узким кругом партийно-политического руководства, и прежде всего самим Иосипом Броз Тито, был определен дальнейший путь развития страны и общества, который привел к системному кризису 1980-х гг.

Во-первых, в это время был сделан окончательный выбор принципиально-го варианта дальнейшего развития югославской федерации, который будет лежать в основе дальнейшего ее государственного устройства: либо усиление федерального центра, либо конфедерализация и предоставление все большего объема прав республикам. Был избран второй путь развития. На фоне социально-экономического, культурного, этнонационального своеобразия республик этот выбор предопределил скорый распад страны.

Во-вторых, в эти годы произошел процесс смены элит. На смену ушедшей титоистской партийно-государственной номенклатуре к власти пришли технократы, не способные изменить идеологическую и политическую систему Югославии в соответствии с требованиями общества и времени. В то же время либералы — политики, способные к реформированию страны, — из системы управления государством и обществом были устранены. Во многом именно поэтому, когда к началу 1980-х гг. господствующая идеология «югославизма» и

«самоуправленческого социализма» начала стремительно терять популярность и массовую поддержку, на смену ей пришли не либеральные, а национально окрашенные идеи. Безусловно, окончательно о поражении либерализма и победе национализма можно говорить только начиная с середины 80-х гг. XX в. Но путь к победе националистической идеологии был заложен именно на рубеже 1960 — 1970-х гг.

Вероятно, если бы в этот период югославским руководством были приняты другие решения, если бы у власти оказались другие люди, то распад страны мог пойти по более мягкому, менее кровавому и трагическому сценарию.

Подробное рассмотрение двух вариантов альтернативного общественно-политического развития СФРЮ, обозначенных выше, представляется важным для понимания причин системного кризиса 1980-х гг. и распада страны.

Первая предпосылка будущего системного кризиса была заложена еще на IV пленуме Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, который состоялся 1 июля 1966 г. на Брионе, когда был определен дальнейший путь развития югославской государственности.

Существовало два варианта развития событий. Первый вариант предполагал отказ от сильной власти федерального центра и постепенную передачу максимально больших полномочий республикам. Эта идея исходила из марксистской установки о том, что государство — это порождение буржуазной эпохи и с переходом к социализму оно постепенно должно отмереть. Кроме того, после конфликта Иосипа Броз Тито и Иосифа Сталина в 1948 г. Коммунистическая партия Югославии объявила о поиске собственного, особого пути к марксизму и об отказе от бюрократизации общества. По логике авторов концепции «самоуправленческого социализма», отказ от максимального контроля центра над республиками уберезит СФРЮ от «сталинского тупика» [цит. по: Димић, с. 373]¹, в который зашел СССР. Лидером группы политиков, которая выступала за данный вариант развития СФРЮ, был Эдвард Кардель.

Второй вариант, предлагаемый так называемой «сербской группой» во главе с Александром Ранковичем и Петром Стамболичем, предполагал компромиссный путь развития — разумное сочетание централизма и самостоятельности республик. Политики, выступавшие за данную альтернативу, видели в ней единственно возможный путь преодоления кризисных явлений, которые, начиная с 1960-х гг., стали проявляться в экономике страны. А. Ранкович считал, что «руководители ряда республик и автономных краев Сербии угрожают единству страны» [Там же, с. 372]. По мнению П. Стамболича и его единомышленников, «появление хозяйственного и политического партикуляризма, рост авторитаризации республиканских экономик противоречит интересам целостности Югославии» [цит. по: Там же, с. 376].

Право окончательного выбора между двумя вариантами принадлежало, безусловно, Иосипу Броз Тито. Свое решение он озвучил на IV пленуме Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. В своем выступлении И. Броз

---

¹ Здесь и далее перевод с сербского языка выполнен автором статьи.

Тито привел данные о злоупотреблениях в Управлении государственной безопасности, в связи с чем ее шеф, А. Ранкович, был «устранен из политической жизни Югославии» [Николић, с. 11]. Он не только лишился всех своих постов на союзном и республиканском уровнях, но и «был исключен из членов Союза коммунистов» [А], ф. 507, оп. IV/41, ед. хр. Prilog 1]. Это знаменовало собой поражение «сербской группы», кардинальную перестановку сил в руководстве республик и автономных краев.

После ухода А. Ранковича с политической арены сербская группировка не могла больше противостоять группе Э. Карделя. Кроме того, на Брионском пленуме Тито явно дал понять, какую группу, а значит, какой вариант развития страны он поддерживает. Уже в 1967 г. началась конституционная реформа, которая закончилась принятием новой конституции в 1974 г.

Согласно Конституции Югославии республики и автономные края СФРЮ наделялись очень широкими полномочиями, сужались экономические и политические функции федерального центра. В его компетенции оставались следующие вопросы: «обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирование валютной системы, платежного обращения; государственной безопасности, внешней политики и экономических отношений с другими государствами» [Гуськова, с. 60]. Одновременно республики «становились ответственными за экономическое и политическое развитие своей территории» [Там же, с. 67]. Республиканским парламентам разрешили широкую законодательную деятельность, сотрудничество с международными организациями, в составе парламента СФРЮ появилась самостоятельная палата — Вече республик и краев. Новая Конституция фактически превратила Югославию из федерации в конфедерацию. Период с 1974 г. в истории Югославии историк Деян Йович называет четвертой, или «карделисткой», Югославией [см.: Jović]. Е. Ю. Гуськова и К. В. Никифоров [см.: Гуськова; Югославия в XX веке...] также говорят о превращении Югославии из федерации в конфедерацию. Как отмечает Небойша Попов, в Югославии «в конце семидесятых годов идет становление идеи национальной государственности, особенно после 1974 г.» [см.: Попов, s. 90].

Именно передача огромных полномочий в руки республиканских элит заложила основы для формирования «республиканских этнократических кланов» [см.: Волков]. Лидеры республик, главы «этнократических кланов» при жизни Йосипа Броз Тито не могли реализовать идею о национальном государстве до конца, но они «достигли фактического суверенитета, особенно Сербия» [Попов, s. 90]. В будущем лидеры республик, как покажет деятельность коллективного президиума СФРЮ в 1980-е гг., будут стремиться не к сохранению единой Югославии, а, напротив, к дальнейшей автаркизации республик и автономных краев с целью усиления собственного влияния и власти. Следствием расширения экономических прав республик на фоне углубляющегося неравенства экономического развития стало стремление наиболее богатых и благополучных республик (Словении, Хорватии) к автаркии. Конституция 1974 г. даровала республикам право самостоятельно брать кредиты за рубежом, чем республики

активно пользовались. Стремление к автаркии и внешнеэкономическая самостоятельность республик подорвали экономическое единство страны, сделав его настолько прозрачным, что в конце 1980-х гг., накануне распада страны, раздробленная экономическая система не смогла стать опорой единства государства.

Вторая важнейшая предпосылка будущей югославской трагедии также была заложена на рубеже 1960—1970-х гг. Ключевыми моментами, которые предопределили будущий выбор общества между либерализмом и национализмом, стали массовые студенческие выступления в Белграде 1968 г. и события «хорватской весны» 1968—1971 гг.

Студенческие выступления в Белграде прошли в июне 1968 г. В ходе этих выступлений студенты выдвинули достаточно широкие требования, изложенные в Обращении к студентам и гражданам Белграда и Резолюции студенческой демонстрации [Митровић, с. 485]. Главный лозунг студентов — упразднение всех привилегий, демократизация средств массовой информации, свобода собраний и демонстраций [«1968» u Jugoslaviji..., s. 454]. В целом, студенты выступали против социального неравенства, бюрократизации общественной жизни, диктата КПЮ, который распространялся на все сферы жизни общества.

Главным итогом студенческих выступлений в контексте будущего распада СФРЮ стали, во-первых, смена партийно-политического руководства Сербии, во-вторых, окончательный уход Добрицы Чосича, будущего лидера национально ориентированной сербской интеллектуальной элиты, в оппозицию.

Дело в том, что примерно до середины 1960-х гг. Д. Чосич был лояльно настроен к существующей власти и идеологии «югославизма» и «самоуправленческого социализма». В начале 1960-х гг. Д. Чосич был депутатом сербского и югославского парламентов, членом Центрального комитета Союза коммунистов Сербии. Все это он достиг благодаря покровительству Александра Ранковича. Тесное сотруничество с ним у Д. Чосича завязалось еще в период Второй мировой войны, когда будущей писатель был редактором партизанской газеты. Естественно, что после падения А. Ранковича карьера Д. Чосича пошла на спад. Окончательный разрыв между Чосичем и партийно-политической верхушкой произошел в 1968 г., после поездки писателя в Косово и Метохию. После отставки А. Ранковича там шла активная чистка партийных и государственных органов власти, выражавшаяся в выдавливании сербских кадров, назначенных А. Ранковичем, и замене их этническими албанцами. На фоне чисток в крае начались конфликты между сербами и албанцами на национальной почве. Обо всем этом Добрица Чосич впервые в истории послевоенной Югославии сказал в выступлении на XIV пленуме ЦК СКС. Он открыто заявил о том, что в СФРЮ существуют серьезнейшие конфликты и противоречия между нациями, подчеркнул тяжелое положение сербов в Косово и Метохии, «ощущение опасности у сербов и черногорцев, давление на них с целью заставить эмигрировать, неравноправие перед судом, несоблюдение законов» [Ћосић, с. 15]. Говоря о положении сербов в Югославии, Д. Чосич писал о «недовольстве своим положением и развитием, покорности судьбе, ощущении нарушения национального и исторического достоинства, некоего всеобщего гнева, направ-

ленного против широких кругов сербского народа» [Там же, с. 13]. Кроме того, Д. Чосич говорил о росте антисербских настроений в Хорватии и Словении. Он подверг критике национальную политику СКЮ: «...к сожалению, в решениях о развитии и характере межнациональных отношений, в концепции “национальной политики”, социалистическая демократия пока делает нерешительные и робкие шаги» [Там же, с. 13].

Тем самым Д. Чосич впервые поднял вопрос о неравноправном положении сербов в Югославии, и особенно в Косово. Его выступление в ходе дискуссии на пленуме поддержал профессор Белградского университета историк Йован Марьянович.

Выступления Д. Чосича и Й. Марьяновича стали предметом обсуждения особого заседания идеологической комиссии Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Реакция на эти выступления была однозначной: они квалифицировались как диверсия, авторов назвали «националистами», «остатками потерпевших поражение бюрократических сил» [А], ф. 8, оп. II, ед. хр. 2-b-162]. Позже, на XLI пленуме Исполнительного комитета Центрального комитета СКЮ, посвященном студенческой революции в Белграде, выступления Д. Чосича и Й. Марьяновича на XIV пленуме ЦК СКС опять вспомнили. Их квалифицировали как непосредственную причину волнений.

В результате после событий «жаркого лета 1968 года», после того, как на пленуме доклад Д. Чосича поставили в один ряд с «организованными действиями подполья, прежде всего четнических групп, затем “ранковичевцев” и сторонников М. Джиласа» [Там же, ф. 507, оп. IV/41, ед. хр. Prilog1], он окончательно ушел в оппозицию, отказался от идеологии «югославизма» и «самоуправленческого социализма». Добрица Чосич начал разработку собственной альтернативной идеологии на основе традиционного «сербского вопроса»².

На XLI пленуме ИК ЦК СКЮ был сделан вывод о том, что «в сложившейся политической ситуации Президиум и Исполнительный комитет ЦК СК Сербии долгое время действовал недостаточно эффективно» [Там же]. В результате старый состав ЦК СКС был отправлен в отставку, а на его место пришли новые, сравнительно молодые и либерально настроенные политики. На шестом конгрессе СКС, который состоялся в 1968 г., на пост председателя Центрального комитета СКС был избран Марко Никезич, а секретарем ЦК СКС стала Латинка Перович (в тот момент — 36-летний профессор исторического отделения философского факультета Белградского университета). В Центральный комитет СКС вошло много новых либерально настроенных людей [см.: Perovic].

---

² Сербский вопрос — это система взглядов, в основе которой лежит, во-первых, тезис о постоянной и беспричинной ненависти, которую испытывают к сербам соседние народы, несмотря на огромные исторические заслуги сербов перед ними. Вторым элементом данной системы является утверждение, что на протяжении XIX — XX вв. сербы постоянно жертвовали своей национальной государственностью ради единого государства всех южнославянских народов. Из этих двух тезисов делается вывод о необходимости соединения всего сербского народа в рамках одного государства и возрождения сербского государства. Или по крайней мере уравнивания сербов в правах с другими народами объединенной Югославии [подробнее см.: Велика Србија...].

Либерально-демократическое руководство Сербии пыталось найти выход из политического и экономического кризиса с помощью либерализации внутренней торговли, увеличения экспорта, «позитивной селекции кадров во всех политических и общественных сферах» [Ognjanovic, s. 70], установления мирных отношений с автономными краями и представителями интеллектуальной элиты. М. Никезич стремился установить в республике атмосферу интеллектуальной свободы. При нем продолжил выходить журнал «Праксис», появились «романтически-марксистский» [Ibid., s. 71] журнал «Философ», новые литературные журналы, например «Лес и кустарник», «Литературные новости», на страницах которых шла свободная полемика о разных литературных новинках. Во время руководства республикой М. Никезичем на страницах сборника Белградского университета «Обозрение» практически без всякого контроля шли дискуссии по самым актуальным вопросам общественной жизни. Как отмечают авторы издания печально известной «Белой книги» в 2010 г., уровень цензуры в разных республиках Югославии всегда был различным. В Сербии цензура всегда была не такой жесткой, как, например, в Македонии или Боснии и Герцеговине.

Эти события и преобразования в Сербии разворачивались на фоне развития т. н. «маспока» в Хорватии. «Маспок», или массовое движение, — это объединение хорватской интеллектуальной и партийно-политической элиты во второй половине 60-х — начале 70-х гг. XX в. Цель, которую ставили перед собой лидеры массового движения, — увеличение самостоятельности республик в рамках федерации. В основе движения лежали идеи возрождения хорватского языка, культуры, национальной идентичности. В 1970—1971 гг. в Хорватии проходили массовые демонстрации под лозунгами «массового движения», получившие название «хорватской весны» [Югославия в XX веке..., с. 489—567].

Реакция И. Броз Тито на события в Хорватии была крайне жесткой. Союзному руководству пришлось принимать радикальные меры, когда стало очевидно, что хорватское руководство отказывается прекратить сепаратистскую деятельность [см.: Романенко]. В результате решительных мер в декабре 1971 г. были обновлены кадры на всех ключевых постах в республике, во всех сферах общественной, культурной, научной жизни, а также в экономическом секторе. Все, кто потенциально мог снова поднять на повестку дня национальные идеи, были изолированы тем или иным образом. «Массовое движение» в сторону национализма и сепаратизма, а именно в этом направлении шла Хорватия, отстаивавшая исключительно свои интересы, было подавлено.

Внутренняя политика Иосипа Броз Тито характеризовалась сбалансированностью в отношении республиканских элит. Поэтому вслед за ударом по Хорватии последовали репрессии против «технократического руководства» Словении и «либерального руководства» Сербии. Период конца 60-х — середины 70-х гг. XX в. характеризуется стремлением власти подавить, загнать внутрь кризисные явления в развитии страны. Такое ужесточение внутренней жизни страны в первую очередь коснулось сербских интеллектуалов, которые свободно существовали в либеральной атмосфере, созданной Марко Никезичем и его соратниками в руководстве республики.

После бурного 1968 г., «хорватской весны», в стране в целом и в Сербии в частности увеличилось число судебных дел против писателей, которые заканчивались арестами обвиняемых. Максимумом кампания репрессий достигла в 1970 и 1975 гг. [см.: *Bela knjga...*, s. 23].

Важно, что будущий лидер национально ориентированной интеллектуальной элиты Добрица Чосич уже после 1968 г. оказался в жесткой оппозиции к власти. За период 70-х гг. XX в. Чосич разработал новую, альтернативную, идеологию на основе традиционного «сербского вопроса».

С другой стороны, либералы, представители положений второго варианта «самоуправленческого социализма», вплоть до падения правительства Марко Никезича находились в состоянии диалога с властью. Причем часто мотивом, который толкал деятелей культуры и писателей к диалогу с властью, был не только страх репрессий и стремление к хорошей жизни, но и «психологический фактор, они исходили из привычки к коллективизму» [Ibid., s. 25].

В 1970-е гг. партийно-политическая элита ужесточила цензурную политику и нажим на интеллектуалов. В качестве методов давления в эти годы использовались «политические методы (вызов на допрос, слежка, проблемы с выездом за границу), трудности на работе, в решении жилищного вопроса, в некоторых случаях и злоупотребление медициной (психиатрией) для дискредитации авторов» [Ibid., s. 17]. После событий «хорватской весны» был закрыт журнал «Праксис», уволена часть преподавателей философского и юридического факультетов Белградского университета, обвиненных в политической нелояльности.

Незадолго до смерти И. Броз Тито и последовавшего за системным кризисом разочарования большинства населения в идеологии «самоуправленческого социализма» либералы оказались раздробленными, лишеными голоса, без четкой идеологии и политической программы. В отличие от сторонников идеологии, основанной на «сербской вопросе», либералы не успели сформулировать свою программу, в их среде не оказалось яркого лидера, равного Добрице Чосичу.

Решение партийно-политической элиты об усилении контроля над обществом и подавлении любого инакомыслия привело к дальнейшей маргинализации, даже фактически к ликвидации либерального дискурса в интеллектуальной среде Сербии, тогда как интеллектуалы, ориентированные на отстаивание национальных идей, на десятилетие раньше прекратившие диалог с властью, сумели оправиться от удара и к началу 80-х гг. четко и ясно сформулировали свои идеи.

Таким образом, на рубеже 60-х — 70-х гг. XX в. партийно-политическая элита СФРЮ приняла два важнейших решения, которые предопределили судьбу страны, сделали невозможным сохранение ее территориальной целостности и мирных отношений между народами и народностями Югославии.

Первое решение было принято в 1966 г. Это решение о направлении конституционной реформы, приведшее к конфедерализации страны и распаду экономических связей между республиками и автономными краями. Именно это решение, видимо, сделало невозможным после смерти Иосипа Броз Тито, как последнего связующего звена, сохранение единства страны.

Второе решение было принято после событий «хорватской весны». Это решение о подавлении любого инакомыслия в среде интеллектуальной элиты всех республик, и в первую очередь Сербии, которое привело к безальтернативному господству националистической идеологии в стране после отказа большинства населения от идеалов «югославизма», верности лозунгу равенства, братства и единства народов и народностей Югославии.

Эти решения способствовали приходу к власти политиков, готовых разыграть карту межнациональной ненависти и вражды для борьбы за власть и обоснования своей политики. А это, в свою очередь, стало причиной десятилетия кровопролитных межэтнических войн на территории уже бывшей Югославии.

Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе: зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Српској академији наук и уметности од 24 – 26 октобра 2002 / под ред. В. Крестић., М. Недић. Београд, 2003. 567 с.

Волков В. К. Этнократия — непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. № 2. С. 16–35. [Volkov V. K. Etnokratiya — nepredvidennyj fenomen posttotalitarnogo mira // Polis. 1993. N 2. S. 16–35.]

Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса, 1990–2000. М., 2001. 720 с. [Gus'kova E. Yu. Istoriya Jugoslavskogo krizisa, 1990–2000. M., 2001. 720 s.]

Димић Ђ. Историја српске државности. Србија у Југославиј. Нови Сад, 2001. 472 с.

Митровић М. Студентске демонстрације у Београду 1968 године // 1968 — четрдесет година после /гл. уред. др. Р. Радић. Београд, 2008. С. 156–245.

Николић К. «Нико не сме да вас бије»: Слободан Милошевић у Косову Пољу 24–25 април 1987: историја и легенда. Београд, 2006. 242 с.

Романенко С. А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75. [Romanenko S. A. «Khorvatskaya vesna» i sovetsko-yugoslavskie otnosheniya na rubezhe 1960–1970-kh godov // Slavyanovedenie. 2008. N 3. S. 60–75.]

Ђосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Югославия в XX веке : очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. 888 с. [Yugoslaviya v XX veke : ocherki politicheskoy istorii / отв. red. K. V. Nikiforov. M., 2011. 888 s.]

«1968» у Југославији — Studentski protesti izmјu Istoka I Zapada // 1968 — четрдесет година после /гл. уред. Р. Радић. Београд, 2008. 367 с.

Bela knjga 1984. Obračun sa “kulturnom kontrarevolucijom” u SFRU. Beograd, 2010. 289 s.

Jović D. Jugoslavija: drzava koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije. Zagreb, 2003. 528 с.

Ognjanovic T. Utrina ili Srbija. Beograd, 2008. 161 с.

Perovic L. Zatvaranje kruga. Sarajevo, 1991. 465 с.

Popov N. Iskušavanja slobode. Srbija na prelazu vekova. Beograd, 2010. 673 с.

Zapisnik sa netrdeset prve sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije od 4. juna 1968. godine // AJ. Ф. 507. Оп. IV/41. Ед. xp. Prilog1.

Zapisnik sa četrdeset prve sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije od 4. juna 1968. godine // AJ. Ф. 507. Оп. IV/41. Ед. xp. Prilog1.

Zapisnik sa sastanka Komisije za ideološki rad CK SKJ koji je održan 23. 02. 1962. godine. // AJ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. xp. 2-b-162.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013 г.

УДК 821.161.1-1:2-534.3

О. А. Первалова

ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ МЕТАМОЛИТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX в.*

С опорой на металирику устанавливается жанровая модель метамолитвы — одной из разновидностей стихотворной молитвы. На материале отечественной лирики XIX в. показаны конструктивные признаки этой жанровой формы, приведена типология метамолитв по содержательному принципу. В анализах конкретных произведений делаются выводы о редукции жанровых составляющих и метатекстовой рефлексии как об основном пути эволюции жанра молитвы в русской поэзии Нового времени.

Ключевые слова: стихотворная молитва; жанровая разновидность; металирика; саморефлексивность; метамолитва; М. Ю. Лермонтов; И. Ф. Анненский; А. Н. Майков; Ю. В. Жадовская.

Стихотворная молитва — специфический жанр лирической поэзии, ориентированный на молитвенный канон (тексты, входящие в церковную практику) и характеризующийся определенной архитектурой (обращение к Божественному началу, система прошений, каноническая концовка), диалогичностью, устойчивым мотивно-тематическим комплексом. В данном определении мы исходим из идеи лирического жанра как полифункциональной категории художественного мышления, подверженной непрерывной эволюции и отличающейся диалогичностью в силу особенностей коммуникативной (субъектной) организации, ориентированной на воспринимающее сознание и подчеркивающей первостепенную роль авторского «я». Теоретическая модель жанра вместе с жанровым содержанием и компонентами жанровой формы (носителями жанра)

---

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение 14.А18.21.0999.

включает в себя систему жанровых конвенций — мотивировок читательского восприятия (в т. ч. жанровую номинацию), ориентированных на метатекстовую рефлексию, предметом которой выступают природа самого жанра или история жанровой традиции [см.: Лейдерман, с. 108—143].

Жанр стихотворной молитвы, имеющий изначальную синтетическую природу и основанный на стыке светской и религиозной сфер сознания, при «внутренней» строгости и стремлении соответствовать конструктам канонической молитвы становится одним из самых динамично развивающихся жанров русской лирики. В результате многовекового освоения литературой религиозного дискурса оригинальная жанровая форма, обладающая некоторой степенью вторичности по отношению к каноническому тексту, закрепляется в жанровой системе русской поэзии. Особенность освоения жанровой модели молитвы русскими поэтами на протяжении XIX столетия состоит в том, что оформившийся в русле переложительной традиции жанр все больше отдалается от прецедентных текстов, формируются новые разновидности стихотворной молитвы. С определенной долей условности можно выделить шесть жанровых разновидностей молитвы в творчестве русских поэтов по степени вторичности по отношению к тексту-источнику: 1) переложение, 2) вольный перевод, 3) вариация на тему, заданную сакральным текстом, 4) пародийная молитва, 5) «моя молитва», 6) метамолитва (или «молитва о молитве»).

Среди значительного корпуса стихотворных молитв русских поэтов особым образом выделяются молитвы, утратившие связь с парафрастической традицией, не ориентированные на непосредственное переложение сакрального текста: «мои молитвы» и метамолитвы. Последние меньше всего описаны с литературоведческой точки зрения и не имеют устойчивой жанровой дефиниции, хотя упоминания о них встречаются в работах, посвященных жанру стихотворной молитвы. Так, Э. М. Афанасьева выделяет среди стихотворений «молитвенной проблематики» «произведения о молитве» — «лирические “монологи” рефлексивного плана о “молитве”, о ее воздействии на душу человека» [Афанасьева, с. 19] — и отмечает их параллельное сосуществование со стихотворными молитвами, «в какой-то степени спровоцированное религиозной традицией, в которой наряду с молитвенными текстами, используемыми в ритуальной практике, присутствуют многочисленные их толкования и объяснения» [Там же, с. 18]. Действительно, нельзя не согласиться с исследователем в признании онтологической связи «молитвы о молитве» со святоотеческой традицией русской духовной литературы, но, на наш взгляд, при рассмотрении данной жанровой разновидности нужно учитывать и такие категории, как металитературность и саморефлексивность, устойчиво проявившиеся в поэзии Нового времени¹.

Жанр стихотворной молитвы вообще характеризуется саморефлексией — «внутритекстовым двойным моделированием» [Хатямова, с. 5]. Обращаясь к специфическому в силу сохранения «памяти» о религиозной природе лирическому жанру, поэт эксплицирует свои жанровые интенции, в большинстве случаев

---

¹ О жанровой авторефлексии на материале отечественной поэзии Нового времени см. специальное исследование: [Зырянов].

вынося в заглавие жанровое «имя», тем самым настраивая читателя на определенное восприятие, усиливая его ожидания от текста. Экспликация в заглавии жанровой номинации объяснима изначально строгим жанровым каноном стихотворной молитвы, создаваемой в пограничной области литературы и религии, сфер светского и сакрального. На фоне активного развития жанра стихотворной молитвы в русской поэзии XIX в., продуцирующего все больший отход от воспроизведения канонической модели жанра, значение жанровой авторефлексии усиливается.

Результатом рефлексии в форме жанрового канона становится возникновение индивидуально-авторских разновидностей стихотворной молитвы, демонстрирующих степень интерпретации молитвенного дискурса — поэтическую установку, движущую автором при обращении к жанру молитвы. Среди «новосложенных молитв» (В. А. Котельников), не ориентированных непосредственно на какой-либо сакральный источник, но иллюстрирующих духовно-творческий акт общения с Божественным адресатом, отчетливо выделяются молитвы, в которых молитвенный диалог на первый взгляд не выражен, а молитвенное слово вынесено за рамки стихотворения. Такие молитвы содержат в себе рефлексии по поводу молитвенного события и представляют своего рода лирический «текст о тексте» — иными словами, «молитву о молитве», или метамолитву.

Именованье разновидности производится нами путем присоединения к названию жанра приставки *мета-*, активно используемой «для обозначения литературной саморефлексии» [Исрапова, с. 188] в немецком, а теперь и в русском литературоведении, а также с опорой на понятие металирики. «Стихотворения с установкой на самоопределение и самопознание... с привлечением аргументов поэтической “правоты” через ссылку на прецеденты, с рефлексией над собственными генетическими и типологическими параметрами» [Поэтика, с. 119] — метастихотворения, или металирика. Вариантами металирики («стихотворениями о стихотворениях») могут считаться «подражательные» стихотворения, в которых «все описанное в тексте синхронно переживается в языке», стихотворения, в которых «творческий акт сам становится предметом изображения и рефлексии», стихотворения с «метапоэтическим автокомментарием», а также стихотворения с введением «чужого слова» или «многоголосия» [см.: Там же].

В метамолитве, еще одном варианте метастихотворения, предметом изображения и рефлексии является молитвенное состояние, внимание уделяется эмоциональному переживанию лирического героя, на первый план выводятся его впечатления, само же молитвенное слово мыслится как предполагаемое или случившееся, становится затекстовой реальностью. Рассказ о молитве ведется от первого лица, главной авторской установкой является передача глубоко личностных переживаний, раскрытие внутреннего мира лирического героя через памятование о молитвенном предстоянии перед Богом и силе молитвенного преображения души.

Ярким примером данного типа молитвы можно назвать стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1839): здесь вопреки читательским ожиданиям, подготовленным жанровой номинацией, воспроизводится не само молитвенное

слово, а рефлексия над ним — восприятие молитвы лирическим героем, ее оценка («сила благодатная», «созвучье слов живых»), а также психологическое состояние воспринимающего субъекта (мотивы слез, умиления, легкости). Композиционно стихотворение выстраивается следующим образом: в первой строфе фиксируется повод обращения к молитве («В минуту жизни трудную / Теснится ль в сердце грусть...») и начинается описание восприятия молитвенного слова лирическим героем («Одну молитву чудную / Твержу я наизусть»); во второй строфе дается оценка словам молитвы («сила благодатная», «созвучье слов живых», «святая прелесть в них»); в итоговой третьей строфе приводится состояние лирического героя, воспринявшего молитвенные слова:

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

[Лермонтов, т. 2, с. 127]

Простота образов, особая мелодичность стиха, создающаяся при помощи трехстопного ямба и приемов аллитерации и ассонанса (употребление сонорного плавного «л» в сочетании с гласным «е» для обозначения молитвенного состояния), определяют «психологическую» и «поэтическую» «проникновенность» передачи «душевной просветленности» [Лермонтовская энциклопедия, с. 283] после диалога с Богом. Мотивы слез, умиления, легкости становятся первостепенно значимыми в мотивной структуре «молитвы о молитве». Стихотворная молитва М. Ю. Лермонтова раскрывает преобразующее воздействие «одной молитвы чудной» на душу лирического героя.

Тема молитвенного преобразования чуть ранее прозвучала еще в одном стихотворении М. Ю. Лермонтова — «Когда волнуется желтеющая нива...». Это стихотворение не отнесено поэтом к какому-либо жанру, а литературоведческие попытки представления данного текста как молитвы, а тем более метамолитвы нами обнаружены не были. Меж тем это стихотворение носит черты данной жанровой разновидности. В нем через описание состояния природы и связанного с ним обновления души лирического героя реализуется рефлексия по поводу молитвенного состояния. Образная структура стихотворения направлена на воссоздание картины природного спокойствия, которое противопоставлено «тревожности» человеческой души. Субъективное восприятие себя в мире и Бога подготавливается конкретизацией образов мира с помощью характеризующих их эпитетов: нива — *желтеющая*, лес — *свежий*, слива — *малиновая*, ландыш — *серебристый*, а не какой-нибудь другой цветок, и т. д. Многокомпонентные и сложные понятия «душа» и «Бог» приобретают вполне конкретное значение: душа — *моя, тревожащаяся*; Бог — тот, кого *вижу я в небесах*. Конкретные образы создают хронотоп стихотворения, а эпитеты и метафоры — умиротворенное настроение: даже ключ *лепечет таинственную сагу... про мирный край*. Природа становится фоном для молитвенного события, образы мира «подводят к понятиям *душа* и *Бог*» [Гаспаров, с. 52]. Пространство в стихотворении раскрывается по пути от объективного к субъективному, от неодоше-

ленного к одушевленному; от «пространственно-временной конкретности» осуществляется переход к «внепространственности и вневременности» [Там же, с. 55]. Путь от внешнего (природного) пространства к внутреннему (духовному) осуществляется при помощи ритмической организации произведения: в строфах чередуются строки, написанные шести-, пяти- и четырехстопным ямбом; четверостишия строятся по определенной схеме, явленной в лексических, синтаксических и звуковых анафорах. Параллелизм частей создает особого рода интонацию, а также является смыслообразующей основой стихотворения. Мироздание замыкается, с одной стороны, на внутреннем мире лирического героя, а с другой — метафизически разомкнуто в бесконечность (на что указывает завершающее стихотворение слово «Бог»). В последней строфе описывается ситуация прозрения, откровения, которое возможно после истинной молитвы: лирический герой обретает Бога, растворяется в мире, достигает внутренней гармонии²:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

[Лермонтов, т. 2, с. 72]

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», в котором молитва — как путь к духовной гармонии, спокойствию — становится поиском Божественного смысла и отражает акт богопознания, в полной мере является метамолитвой — глубинной лирической рефлексией, направленной на изображение преображающей силы молитвенного состояния, молитвенного предстояния, органичного самоощущения лирического героя, построенного на неразрывной триаде «человек — природа — Бог».

Другой распространенный сюжет метамолитвы — воздействие молитвенного слова (чаще — услышанного извне) на душу сомневающегося, «не умеющего молиться» лирического героя, для которого молитвенное состояние — прежде всего акт саморефлексии. В стихотворении И. Ф. Анненского «В небе ли меркнет звезда...» воссоздается ситуация преображающего воздействия молитвенного слова на душу лирического героя. Молитва отрицается им как нечто бессмысленное: «...Я не умею молиться. ...Время погасит звезду, Пытку ж и так одолеем...». У лирического героя нет веры в силу молитвенного слова, в возможность Божией помощи, но, заходя в церковь и слыша там молитву, он с «кликанием» молится вместе со всеми; слова молитвы влияют и на его душу, преображают ее, лирический герой задается вопросом, констатирующим присутствие в его сердце Иисуса Христа, но разомкнутым в пространство, не адресованным как будто никому: «Только во мне-то зачем Мытарь мятется, тоскуя?» [Анненский, с. 261]. На самом же деле вопрос этот —

² К иным выводам приходит М. Л. Гаспаров: «...заключительная строка сталкивает понятия “я” и “Бог” — оба полюса, между которыми лежит то понятие “мир”, с которого начиналось стихотворение» [Гаспаров, с. 55].

свидетельство внутреннего непрестанного диалога с Богом вопреки внешней бездуховности, саморефлексия по поводу молитвы.

Еще один тип реализации субъектной структуры метамолитвы — наблюдение лирического героя за молитвенными переживаниями кого-то другого и выражение их в собственном слове. В таких стихотворениях наряду с мотивами умиления и восхищения нередко возникают и мотивы неприятия, непонимания увиденного, или же, наоборот, духовной сопричастности молящимся. Примером такой метамолитвы может служить стихотворение Н. А. Некрасова «Молебен» (1876).

Темы сопричастности молитвенников, постоянной необходимости молитвенного преображения, спасающего значения молитвы, важности соборного духа раскрываются в стихотворении А. Н. Майкова «Когда гоним тоской неутолимой...» как непрестанное воспоминание о посещении храма лирическим героем, об исцеляющем воздействии молитвы «всем миром»:

Когда гоним тоской неутолимой
 Войдешь во храм и станешь там в тиши.
 Потерянный в толпе необозримой,
 Как часть одной страдающей души,
 Невольно в ней твое потонет горе,
 И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
 Таинственно в свое родное море
 И заодно с ним рвется в небеса...

[Русская духовная поэзия, с. 54]

Кроме того, метамолитва может выступать и как дидактический жанр. В таком случае жанровая дефиниция «молитва о молитве» получает вполне конкретное воплощение в стихотворном тексте: метамолитва становится рассуждением на тему значимости молитвы в жизни верующего человека, или характеристикой той или иной молитвы, или прошением молитвенных слов («Молись» П. А. Вяземского, «Молитва дитяти» И. С. Никитина, «Полночная молитва» Ю. В. Жадовской).

Стихотворение П. А. Вяземского «Молись» адресовано М. А. Бартеневой и имеет форму послания, в котором с дружеско-императивной интонацией ведутся размышления о важности молитвы в жизни, а мир Божественный («...что для ума покрыто тьмою, но сердцу видимо в дали...») противопоставляется миру земному («земным цветам земного мая»), которому не стоит доверять [Русская стихотворная молитва, с. 138].

Противопоставление подобного рода происходит и в стихотворении Ю. В. Жадовской, которое адресовано ребенку и не только призвано научить дитя молитве (так, воссоздается ситуация ночного пробуждения ребенка для совершения полуночной молитвы, в т. ч. и за воюющих «братий»), показать значение ее в жизни человека, но и раскрывает веру в силу и действенность детской молитвы (безгрешной, чистой, искренней, которую Бог непременно услышит):

Тихо все; горит лампада;
 Полночь бьет; пора, проснись;

Встань, дитя, с своей постельки,
Встань и Богу помолись,
Помолись за дальних братий, —
Может быть, вокруг них теперь
Льется кровь, летают пули,
Не без ран, не без потерь.

[Русская стихотворная молитва, с. 131]

Многообразии сюжетов, возникающих внутри жанровой разновидности метамолитвы в творчестве русских поэтов XIX в., указывает на ее актуальность. Сохранение дифференцирующих жанровых черт, таких как принадлежность молитвенному дискурсу, внутренняя диалогичность, раскрытие традиционных тем и мотивов (воздействие молитвы и ее значимость), саморефлексивность, свидетельствует о существовании в русской поэзии устойчивого представления о жанре стихотворной молитвы. А редукция составляющих жанровой модели (имплицитное выражение молитвенного слова, ориентация на рефлексию по поводу молитвенного события, акцент на психологическом состоянии лирического героя, разрушение диалогической структуры и трехчастной композиции) позволяет говорить о возникновении принципиально нового способа освоения молитвенного дискурса, наряду с другими индивидуально-авторскими молитвами иллюстрирующего наметившуюся в начале XIX в. в творческих экспериментах поэтов-романтиков тенденцию к жанровой деканонизации «молодого» по историко-литературным меркам лирического жанра, заключающуюся в постепенном отказе от перелогательной традиции.

Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике XIX в. // Русская стихотворная «молитва» XIX в. : антология / вступ. ст., сост., примеч., библиогр. Э. М. Афанасьевой. Томск, 2000. С. 7–56. [Afanas'eva E. M. «Molitva» v russkoj lirike XIX v. // Russkaya stikhotvornaya «molitva» XIX v. : antologiya / vstup. st., sost., primech., bibliogr. E. M. Afanas'evoj. Tomsk, 2000. S. 7–56.]

Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. [Annenskij I. F. Stikhotvoreniya i tragedii. L., 1990.]

Гаспаров М. Л. «Когда волнуется желтеющая нива...» : Лермонтов и Ламартин // Гаспаров М. Л. О русской поэзии : Анализ. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 43–55. [Gasparov M. L. «Kogda volnuetsya zheltejuschaya niva...» : Lermontov i Lamartin // Gasparov M. L. O russkoj poezii : Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki. M., 2001. S. 43–55.]

Зырянов О. В. Жанровые рефлексивы в свете исторической поэтики // Дергачевские чтения — 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2009. С. 80–91. [Zyryanov O. V. Zhanrovye refleksivy v svete istoricheskoy poetiki // Dergachevskie chteniya — 2008. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: problema zhanrovых nominatsij : materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 t. T. 1. Ekaterinburg, 2009. S. 80–91.]

Исрапова Ф. Х. О границах понятия металирики в работах немецкоязычных литературоведов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 1 (111). С. 188–196. [Israpova F. Kh. O granitsakh ponyatiya metaliriki v rabotakh nemetskojazychnykh literaturovedov // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2013. N 1 (111). S. 188–196.]

Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов // Литература в школе. 1994. № 3. С. 3–10. [Kotel'nikov V. A. O khristianskikh motivakh u russkikh poetov // Literatura v shkole. 1994. N 3. S. 3–10.]

Лейдерман Н. Л. Теория жанра : исследования и разборы. Екатеринбург, 2010. [Lejderman N. L. Teoriya zhanra : issledovaniya i razbory. Ekaterinburg, 2010.]

Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. Т. 2. М. ; Л., 1954–1957. [Lermontov M. Yu. Sochineniya : v 6 t. T. 2. M. ; L., 1954–1957.]

Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. [Lermontovskaya entsiklopediya / gl. red. V. A. Manujlov. M., 1981.]

Поэтика : слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. М., 2008. [Poetika : slov. aktual. terminov i ponyatij / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. M., 2008.]

Русская духовная поэзия : сб. духовных стихотворений русских поэтов XVIII–XIX вв. / сост. еп. Александр (Милеант). М., 1996. [Russkaya dukhovnaya poeziya : sb. dukhovnykh stikhotvorenij russkikh poetov XVIII–XIX vv. / sost. ep. Aleksandr (Mileant). M., 1996.]

Русская стихотворная «молитва» XIX в. : антология / вступ. ст., сост., примеч., библиогр. Э. М. Афанасьевой. Томск, 2000. [Russkaya stikhotvornaya «molitva» XIX v. : antologiya / vstup. st., sost., primech., bibliogr. E. M. Afanas'evoy. Tomsk, 2000.]

Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в. : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2008. [Khatyamova M. A. Formy literaturnoj samorefleksii v russkoj proze pervoj treti XX v. : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Tomsk, 2008].

Статья поступила в редакцию 05.02.2013 г.

УДК 821.161.1-31 + 82.09

Т. М. Аболина

РОМАН М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ» В КОНТЕКСТЕ ЛОПУХИНСКОГО ЦИКЛА*

Рассматриваются структура, состав, система образов и мотивов цикла произведений М. Ю. Лермонтова, посвященных В. А. Лопухиной. Представлен анализ романа «Княгиня Лиговская»: биографическая и историко-литературная основы, интертекстуальные связи с романом А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Основное внимание уделяется теме женской эмансипации. Делается вывод, что данная тема разрабатывается в романе в полемике с пушкинской героиней Татьяной Лариной, с позиции сочувственного отношения к положению женщины в свете, критики современного института меркантильного брака и зависимого положения в нем женщины.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; В. А. Лопухина; А. С. Пушкин; циклы; литературные герои; интертекстуальность; эмансипация.

В отношении творческого наследия М. Ю. Лермонтова о сознательном применении автором принципа циклизации можно говорить только в связи с романом «Герой нашего времени», построенным как серия обособленных

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение 14.А18.21.0999.

повестей с единой фигурой центрального персонажа. С этих же позиций в известной степени можно рассматривать прижизненный сборник стихотворений Лермонтова 1840 г.: все тексты для него тщательно отбирались, их композиционная выстроенность свидетельствует об определенной авторской идее. Как об особом целостном образовании можно говорить также о группе стихотворений, вписанных в книгу В. Ф. Одоевского. Писатель подарил ее Лермонтову в апреле 1841 г. перед последней ссылкой поэта на Кавказ с пожеланием вернуться с заполненной стихами книгой. Последние лермонтовские произведения, вписанные в нее, обладают особой семантикой, онтологической загадочностью: «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Спор», «Морская царевна», «Утес», «Сон» и ряд других. Книга Одоевского свидетельствует, что для Лермонтова июльские преддвуэльные дни 1841 года полны размышлений о глобальных вопросах жизни и смерти, любви и одиночества, взаимоотношений цивилизации и природы, поэта и толпы.

Однако большую часть текстов Лермонтова объединили в различные лирические циклы непосредственно исследователи его творчества. В эти неавторские (или рецептивные) циклы сгруппированы тематически близкие произведения (например, наполеоновский, провиденциальный, тюремный циклы), а также стихотворения с общим лирическим адресатом. Из последних самыми известными являются сушковский и ивановский циклы интимной лирики, связанные с именами Екатерины Александровны Сушковой и Натальи Федоровны Ивановой¹.

Среди исследований тематически близких или посвященных какому-либо лицу произведений Лермонтова теряются работы еще об одном цикле его интимной лирики, связанном с именем Варвары Александровны Лопухиной (в замужестве Бахметевой). Известно, что Лермонтов увлекался многими женщинами, но только одну любил «много и долго» (слова из обращенного к Лопухиной стихотворения «Валерик»), или, по словам родственницы поэта Е. А. Верещагиной, «серьезно и долго» [цит. по: Висковатый, с. 205]. Хотя за Лопухиной признается статус самого сильного увлечения поэта, но при этом серьезных и крупных исследований о ее личности и влиянии на творчество Лермонтова нет. Показательны в этом отношении статьи в «Лермонтовской энциклопедии»: наряду с биографическими статьями о Сушковой и Ивановой в ней также есть статьи «Сушковский цикл» и «Ивановский цикл», тогда как Лопухиной посвящена статья только биографического характера. В отдельной справочной статье «Циклы» указывается, что «понятие “лопухинский цикл” (стихи, обращенные к В. А. Лопухиной) в лермонтоведении не привилось» [Вацура, с. 610]. Единственным монографическим исследованием роли Лопухиной в жизни и

---

¹ Общеизвестность первого из этих циклов связана с публикацией записок Сушковой в 1857 г., которые к тому же являются самыми ранними воспоминаниями о поэте. Большой вклад в изучение ивановского цикла внесли В. Калаш, Б. Нейман и особенно И. Андроников, специально занимавшийся разгадкой инициалов «Н. Ф. И.». Популяризации имени Ивановой способствовали выступления Андроникова на радио и телевидении, а также созданный по его сценарию в 1959 г. кинофильм «Загадка Н. Ф. И.».

творчестве Лермонтова является небольшая книга Н. П. Пахомова, в которой впервые были суммированы известные на момент издания факты и перечислены некоторые произведения, связанные с именем Лопухиной [см.: Пахомов].

Цель нашего исследования — обозначить проблему существования лопухинского цикла, рассмотреть его структуру, состав, систему образов и мотивов. Основное внимание уделяется анализу романа «Княгиня Лиговская» — произведению, интересному не только с точки зрения его положения в структуре цикла, но и с точки зрения его интертекстуальных связей. Кроме того, именно в произведениях 1835—1836 гг., и в данном романе в частности, Лермонтовым начинается разрабатываться новая для его творчества феминистская тема. Мы вводим и в дальнейшем будем пользоваться понятием «лопухинский цикл», поскольку группы произведений, посвященных какому-либо лицу, принято обозначать по фамилии адресата. В качестве примеров можно привести, кроме сушковского и ивановского, названия таких циклов, как воронцовский в творчестве А. С. Пушкина, денисьевский у Ф. И. Тютчева, панаевский у Н. А. Некрасова.

Одной из основных характеристик лопухинского цикла является размытость его границ, т. к. в лермонтоведении до сих пор не определен точный круг произведений, обращенных к Лопухиной. Такая неопределенность границ цикла связана с тем, что Лермонтов тщательно скрывал имя любимой женщины и зашифровывал портретное сходство своих героинь с Лопухиной. Кроме того, муж Варвары Александровны Н. Ф. Бахметев заставил уничтожить часть адресованных ей писем и рукописей Лермонтова, а первому биографу поэта П. А. Висковатому запретил называть ее имя. По той же причине близкий друг Лермонтова А. П. Шан-Гирей не мог напечатать свои воспоминания; они были опубликованы только после смерти Бахметева. Имя Варвары Лопухиной долгое время не упоминалось ни в комментариях к сочинениям Лермонтова, ни в работах о нем. В настоящее время в лопухинский цикл, по данным «Лермонтовской энциклопедии», включается разное количество стихотворений как с высокой степенью достоверности, так и несколько стихотворений предположительно; поэмы «Демон», «Измаил-Бей», «Сашка»; драма «Два брата»; романы «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени». Таким образом, научное изучение и определение точных границ ансамбля произведений, связанных с именем Лопухиной, остается в настоящее время насущной задачей лермонтоведения.

Интересную картину дают также наблюдения над жанровым составом сушковского, ивановского и лопухинского циклов. В первый цикл входят только стихотворения, в ивановский — стихотворения и драма «Странный человек». Лопухинский цикл наиболее разнообразен в жанровом отношении: в него включаются не только стихотворения, но также поэмы, драматические и прозаические тексты. Особое место в составе лопухинского цикла, как нам представляется, принадлежит рисункам и акварельным портретам Лопухиной. Если Сушкову Лермонтов нарисовал один раз (это карандашный набросок на полях автографа стихотворения «Стансы» (1830) [см.: Лермонтовская энциклопедия, с. 527]), а лермонтовских портретов Ивановой вообще нет, то Лопухиной по-

священа целая серия графических работ. Ни одну из женщин, в которых он влюблялся, Лермонтов не рисовал так много и в разных техниках исполнения: карандаш, акварель и тушь. Смысл части этих изображений может быть раскрыт только при соотнесении с биографическим контекстом и с содержанием отдельных произведений. К таким изображениям относятся портрет Лопухиной в образе Эмилии — героини драмы «Испанцы», портрет в образе Веры Лиговской — героини романа «Княгиня Лиговская», рисунок «Благословение молодых». Подробнее на анализе этих графических работ мы остановимся ниже.

Кроме разнообразия жанров, все три указанных цикла характеризуются своей особой, присущей только им семантикой. На принципиальное отличие ивановского и сушковского циклов от цикла стихов, связанных с именем Лопухиной, указывали такие исследователи, как С. В. Шувалов, Д. Максимов, Т. Иванова [см.: Шувалов, с. 91; Максимов, с. 41–42; Иванова, с. 214, 245]. Однако в данных работах определен только общий пафос стихотворений, входящих в этот малоизученный цикл интимной лирики Лермонтова. Как было отмечено, в сушковском и ивановском циклах женский образ окружен «легкими светскими ассоциациями» [Максимов, с. 41], в них преобладают ноты обиды, упрека, укоры в непонимании, обмане. Иную характеристику получает женский образ в произведениях, обращенных к Лопухиной. Нами были выделены три основные группы произведений, входящих в лопухинский цикл и отражающих разные фазы чувства поэта и взаимоотношений с адресатом [см.: Лобова, 2007].

К первой группе мы причисляем произведения 1831–1834 гг., относящиеся к раннему творчеству Лермонтова и созданные в период знакомства с Лопухиной. Это произведения со светлой семантикой, в которых подчеркнуты искренность отношений, взаимопонимание, «нахождение себя в другом», «дружба души с душой». В период знакомства с Лопухиной и работы над драмой «Испанцы» Лермонтов пишет ее портрет в образе главной героини Эмилии (акварель, 1830–1831). В портрете подчеркнуты такие черты характера Лопухиной, как скромность, задумчивость, поэтичность, — именно этим отличается героиня лопухинского цикла от светской красавицы-обманщицы сушковского и ивановского циклов².

Вторая группа объединяет произведения, созданные в 1835–1836 гг.: поэма «Сашка», драма «Два брата», роман «Княгиня Лиговская». В этих текстах Лермонтов осмысляет причины, по которым любимая женщина вышла замуж

---

² «Будучи студентом, — вспоминал А. П. Шан-Гирей, — он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле воспитательную В. А. Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку... у ней на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: “У Вареньки родинка, Варенька уродинка”, но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...» [М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 37–38]. Впоследствии в своих прозаических произведениях Лермонтов наградит героинь пылким, подвижным характером (Вера в «Княгине Лиговской», «Герое нашего времени»), родинкой на правой щеке и именем Вера, созвучным с именем любимой женщины.

за другого человека, и намеренно старается выставить ее в самом невыгодном свете. Образ героини этих произведений амбивалентен. С одной стороны, в ней подчеркнуты «продажное сердце», ветреность, непостоянство и рассудительность, по которой она предпочла автобиографическому герою «человека с миллионами». С другой стороны, в этих же самых произведениях Лермонтов подчеркивает прежнюю силу любви, ее неугасимость. На этот период приходится самое большое количество рисунков и акварельных портретов Лопухиной.

К третьей группе относятся произведения позднего периода творчества Лермонтова, среди которых можно назвать роман «Герой нашего времени», стихотворения «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Расстались мы, но твой портрет...», «Ребенку», «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») и ряд других. В связи с общим характером эволюции творчества Лермонтова изменяется и семантика образа главной героини цикла: он просветляется памятью и своеобразным прощением, окружается сочувствием и пониманием. Мотив неугасшей любви к утраченной возлюбленной развивается во всех произведениях третьей части цикла. В жанровом отношении стихотворения этого периода характеризуются ярко выраженными балладными и новеллистическими тенденциями [см.: Зырянов, 1998].

Особое место в структуре лопухинского цикла занимает роман «Княгиня Лиговская». Это первое прозаическое произведение Лермонтова в реалистическом стиле, в котором появляются такие значимые для его дальнейшего творчества герои, как Печорин и Вера. В отличие от первого романа «Вадим» с его гротескными героями в духе ультраромантизма, в «Княгине Лиговской» происходит принципиальная перестройка всей поэтики лермонтовской прозы: меняется авторское сознание, возникает иное видение мира, иное отношение к объекту описания, изменяется вся стилевая система, разрабатываются новые способы психологической обрисовки характеров.

Для понимания места этого романа в составе цикла необходимо рассмотреть его ближайший контекст — произведения, объединенные нами во вторую группу. Они были созданы в течение 1835—1836 гг., непосредственно после получения Лермонтовым известия о замужестве Лопухиной. Помимо указанных поэмы «Сашка», драмы «Два брата», самого романа «Княгиня Лиговская», мы, вслед за В. Комаровичем, включаем в эту группу также драму «Маскарад». Исследование О. Б. Заславского позволяет присоединить к этой группе набросок «Алекс<андр>: у него любовница». В. Комарович, изучив ранние редакции драмы, пришел к выводу, что они не только близки поэме «Демон», входящей в лопухинский цикл, но в первую очередь отражают переживание поэтом замужества Лопухиной с перерастанием в социальный протест против семейного деспотизма и неравных форм брака [см.: Комарович]. В исследовании О. Б. Заславского убедительно доказано, что набросок «Алекс<андр>: у него любовница», совмещающий в себе сюжеты «Двух братьев» и «Княгини Лиговской», хронологически был создан между данными текстами. Об этом свидетельствуют повороты сюжетов, обогащение характеров персонажей, усложнение отношений между ними [см.: Заславский]. Однако в произведениях,

созданных Лермонтовым в период 1835—1836 гг. (драма «Два брата», набросок «Алекс<андр>: у него любовница», драма «Маскарад», поэма «Сашка», роман «Княгиня Лиговская»), не только осмысливается волнующий автора факт замужества любимой женщины, но появляются новые для его творчества мотив адюльтера и тема положения женщины в свете, ее эмансипации³. Замечание В. Комаровича относительно драмы «Маскарад» можно в полной мере отнести к произведениям этой группы цикла: «Личная тема перерастает здесь в тему социальную» [Комарович, с. 664].

Несмотря на огромное влияние романов Ж. де Сталь и Ж. Санд, поднявших проблему женской эмансипации, русское общество начала — середины XIX в. продолжало оставаться консервативным. Женское воспитание ограничивалось тем, что девушек готовили к замужеству как к самой главной цели их жизни, к выполнению исключительно домашних и светских обязанностей. Этой проблеме посвящены повести В. Одоевского «Княжна Мими» и «Княжна Зизи», этюд И. Гончарова «Милльон терзаний» и целый ряд других произведений. В 1845 г. В. Г. Белинский отмечал, что юная девушка рано начинает «чувствовать, что она — не дочь своих родителей, не любимое дитя их сердца... а тягостное бремя, готовый залежаться товар, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадет с цены и не сойдет с рук. Что же остается ей делать, если не сосредоточить всех своих способностей на искусстве ловить женихов?» [Белинский, с. 538]. Все обозначенные аспекты темы женской эмансипации будут рассматриваться Лермонтовым в выделенных нами произведениях 1835—1836 гг., а в драме «Маскарад» в монологе баронессы Штраль «содержится, по-видимому, первое упоминание Ж. Санд в русской художественной литературе» [Кафанова, с. 135]. Известно, что в 1830-е гг. идеи Ж. Санд еще критически и осторожно воспринимались в России [см.: Магд-Соеп; Соколова; Кафанова]⁴. Отрицательные отзывы оставили о ней А. С. Пушкин и В. Г. Белинский [см.: Кафанова, с. 141—142]. Пересмотр идей Ж. Санд в русской критике и литературе произойдет только

³ Само понятие «эмансипация» (т. е. освобождение от зависимости, подчинения, полная свобода, воля) проникает в русскую культуру из французской в начале XIX в. Связано это прежде всего с именами французских писательниц Ж. де Сталь и Ж. Санд — ярких представительниц французского романтизма. Стоит отметить, что первые ростки женской эмансипации возникли в России еще в XVIII в., в эпоху Петра I, Екатерины II. Известно, что в этот период истории модно было иметь любовников [см.: Лотман]. К 70-м гг. XVIII в., когда зарождается романтизм, адюльтер отходит на второй план, а на первый выступает стремление к природе, к естественности нравов и поведения. Романтизм возрождает идею неравенства полов, которая строится по модели рыцарской средневековой литературы. Идеалом эпохи становится образ поэтической девушки, которую необходимо воспитывать, обучать и защищать. Однако появление романов Ж. де Сталь и Ж. Санд вносит коррективы в общественное представление о женщине: писательницы впервые начинают говорить о том, что женщина должна и может быть свободна в выборе своего жизненного пути. В их творчестве проводится идея свободы человеческого чувства, его независимости от нравственных предрассудков и светских ограничений.

⁴ Вероятно, именно из-за негативных в основном оценок творчества французской романистки на страницах отечественных журналов 1820—1830-х гг. и из-за своего собственного, еще не устоявшегося мнения о писательнице Лермонтов включает в монолог баронессы Штраль, где она ссылается на Ж. Санд, наречие «почти что» с семантикой неопределенности: «Жорж Занд почти что прав! / Что ныне женщина? создание без воли, / Игрушка для страстей иль прихотей других!» [Лермонтов, т. 3, с. 42].

в 40-е гг. XIX в. Поэтому обращение Лермонтова в 1835—1836 гг. к идейно-тематической направленности произведений Ж. Санд позволяет говорить о поэте как о первом выразителе идей эмансипации в русской литературе.

Тема эмансипации, в частности, может быть связана с явлением адюльтера. Впервые тема супружеской измены в отечественной литературе появляется в «Повести о Савве Грудцыне» (вторая половина XVII в.), продолжается в «гривуазных» повестях авторов XVIII в. [см.: Литовская, Созина]. Особое решение она получает в творчестве А. С. Пушкина, будучи тесно связанной с представлениями автора о женском идеале [см.: Строганов; Александрова]. Так, если для раннего творчества Пушкина характерен образ вакханки, то со второй половины 20-х гг. осуществляется переход к образу уездной барышни: Наталья Гавриловна из «Арапа Петра Великого», Мария Гавриловна и Лиза Муромская из «Метели» и «Барышни-крестьянки», Маша Миронова из «Капитанской дочки», Полина из «Рославлева», Маша из «Дубровского». В ранних произведениях Пушкина травестировался и образ Богоматери, но в 30-е гг. под влиянием предстоящей женитьбы произошло обращение к образу Мадоны (одноименный сонет, посвященный Н. Н. Гончаровой) [см.: Березкина]. Этот же идеал женственности, верности запечатлен в образах героинь пушкинских сказок и Татьяны Лариной, решенных в православно-национальном ключе. «Венера, вакханка, Богородица, мадонна, Татьяна — вот вехи образного постижения поэтом идеального начала мира, творения своего эстетического идеала» [Александрова, с. 16]. Решение темы супружеской измены в пушкинском романе в стихах на долгие годы определило нравственный канон отечественного сознания, мотив адюльтера в художественной литературе тех лет практически не разрабатывался.

Пушкин отрицательно относился не только к адюльтеру, но и собственно к самому вопросу женской эмансипации. Помимо язвительного отзыва о Ж. Санд, известно, что он любил цитировать слова итальянского историка и философа Ф. Гальяни о женщине: «Животное, по природе своей слабое и болезненное». Письма Пушкина к жене построены по схеме «учитель — ученик», когда адресант навязывает свою точку зрения на то, как должен себя вести адресат [см.: Келли]. Ироническую оценку «умным» женщинам дает автор-повествователь в романе «Евгений Онегин»: «Не дай мне Бог сойтись на бале / Иль при разезде на крыльце / С семинаристом в желтой шали / Иль с академиком в чепце!» [Пушкин, с. 59]. Однако в творчестве Пушкина можно найти отдельные женские образы, не зависящие от мнения света, приближающиеся к понятию «эмансипированные». Так, анализируя образ Полины в незаконченном романе «Рославлев» (1831), исследовательница говорит о Пушкине как о «первом феминисте в русской литературе» [Магд-Соел, с. 11]. В образах Зинаиды Вольской (отрывок «Гости съезжались на дачу», 1828—1830) и лирической героини стихотворений 1828 г. «Портрет» («С своей пылающей душой...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Счастлив, кто избран своенравно...» Пушкин воспел поставившую себя вне условий и морали общества, позволявшую себе скандальное поведение А. Ф. Закревскую. Однако позднее, в романе «Евгений Онегин» (1823—1831), где Закревская выведена в образе Нины Воронской, «Клеопатры

Невы», автор отдает предпочтение другой героине: «И верно б согласились вы, / Что Нина мраморной красою / Затмить соседку не могла, / Хоть ослепительна была» [Пушкин, с. 148].

В творчестве Лермонтова представлено более чуткое отношение к социальным явлениям женской эмансипации и адюльтера. Можно утверждать, что именно замужество Лопухиной, которое Лермонтов воспринял по-балзаковски — как куплю-продажу, послужило поводом для актуализации феминистской темы в творчестве писателя середины 1830-х гг. «Однако при всем этом нельзя не заметить, что все автобиографические факты, стоящие за сюжетными ситуациями и образами “Княгини Лиговской”, уже пропущены сквозь призму художественного обобщения, во многом типизированы и подчинены постановке проблем общего значения» [Михайлова, с. 130—131]. В целом, обозначенные мотивы соотносятся с более широкой темой света как средоточия фальши и лжи, которая разрабатывалась поэтом на протяжении всего творческого пути. Концепция света, пагубно воздействующего на личность, не была открытием Лермонтова: он был предметом изображения многих писателей. Произведения же Лермонтова с этой проблематикой отличаются именно впервые осмысляемым вопросом эмансипации, генетически восходящим к идеям французской романистки. Созданные поэтом образы независимых женщин, живущих законами чувства, являются свидетельством приятия идеалов эмансипации, утверждаемых Ж. Санд. Роман Лермонтова «Княгиня Лиговская» интересен тем, что идея женской эмансипации осмысляется здесь в сравнении его главной героини с пушкинской Татьяной Лариной.

Это произведение насыщено большим количеством фактов личной биографии Лермонтова, поэтому представляется важным привести историю отношений поэта и Лопухиной середины 30-х гг. После переезда из Москвы в Петербург, где поэт проходил учебу в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Лермонтов начинает вести бурную светскую жизнь и зимой 1834—1835 гг. оказывается вмешанным в некрасивую историю с Сушковой. Вероятно, именно по этим причинам Варвара Лопухина в 1835 г. выходит замуж за богатого помещика Н. Ф. Бахметева. О том, что согласие Варвары на брак было случайным и необдуманым, свидетельствуют не только произведения Лермонтова, но и современники-мемуаристы: «Прадедушка Лопухин был решительно против замужества дочери Вареньки с Лермонтовым, — вспоминала одна из родственниц В. А. Лопухиной, — но судьба бедной Вареньки решилась уже после его смерти, и с л у ч а й н о (разрядка наша. — Т. А.). В 1835 г. на московских балах стал появляться Николай Федорович Бахметев. Ему было тридцать семь лет, когда он надумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему девицами, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая его обогнать, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицу со всех сторон... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше — “перст”, и посватался... Не

знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято» [Трубецкая, с. 183—184]. Лермонтов в своих произведениях также не мог дать ответ, почему его героиня Вера решилась на замужество без любви.

О том, что чувство Лермонтова не угасало во время пребывания поэта в Петербурге, свидетельствуют его письма и рисунки. В своих письмах к Марии Лопухиной он постоянно интересовался жизнью ее младшей сестры. В это же время на страницах юнкерских тетрадей Лермонтова мелькают наброски головы Лопухиной. Учитывая данную самим поэтом характеристику периода обучения в школе («два страшных года»), когда его творческая продуктивность упала и он смог написать только «юнкерские поэмы», обращения к рисункам и карандашным наброскам образа любимой женщины особенно подчеркивают силу глубокого чувства поэта к Варваре Лопухиной.

Лермонтов тяжело пережил измену, как он считал, любимой женщины. Получив известие о предстоящем замужестве Лопухиной, Лермонтов, по воспоминанию А. П. Шан-Гирея, «вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: “Вот новость — прочти”, и вышел из комнаты» [М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 43]. В 1835 г. он начинает еще два акварельных портрета Лопухиной. На первом она изображена в одежде и позе, описанных в «Княгине Лиговской»: «Молодая женщина в утреннем атласном капоте и блондовом чепце сидела небрежно на диване...» [Лермонтов, т. 4, с. 285]. Второй портрет поясной, на нем изображена молодая женщина в закрытом платье, на плечи накинута синяя шаль. В том же 1835 г. Лермонтов делает остросюжетный рисунок тушью, который в лермонтоведении получил несколько названий: «Благословение молодых», «Свадьба», «Русская свадьба», «Венчание», «Чтение Евангелия перед коленопреклоненной парой». Содержание рисунка было раскрыто С. Чекалинным, доказавшим, что на рисунке изображена заехавшая к сельским родственникам чета Бахметевых, над которой священник читает благословение [см.: Чекалин]. Сюжетная сценка представляет собой сочетание комического и драматического: молодую жену, которую Лермонтов изобразил печальной, сосредоточенной и серьезной, окружают люди недалекие и глубоко ей чуждые. В романах «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» и в драме «Два брата» мотив несоответствия новой семьи поэтической и естественной натуре Веры будет особенно подчеркиваться Лермонтовым.

Помимо автобиографических образов Печорина и Веры, в романе выведен князь Степан Степанович Лиговской, имя и отчество которого автор взял у реального лица — коллежского советника Бобрищева-Пушкина. Он был одним из свидетелей со стороны жениха при бракосочетании Бахметева с Лопухиной. Здесь же Лермонтов объясняет мотивы, по которым он возобновил в Петербурге роман с Сушковой, выведенной в произведении под именем Елизаветы Негуровой. Между тем это не столько автобиографический роман, сколько произведение проблемное, отзывающееся на жгучие вопросы современности: Лермонтов изначально поставил задачу написать исторический роман из жизни современного ему светского общества. Кроме героев автобиографической линии, в произведении фигурируют реальные исторические лица: в образе Гор-

шенкова Лермонтов изобразил афериста Н. И. Тарасенко-Отрешкова. «Княгиня Лиговская» насыщена большим количеством фактов, которые приведены автором не случайно, а отражают значительные события эпохи. Указано, например, что польская кампания 1830—1831 гг. происходила за два года до описываемых событий, что картина К. Брюллова «Последний день Помпеи» едет в Петербург (она была привезена в столицу в августе 1834 г.). В круг исторических реалий романа входит также любимая самим Лермонтовым опера «Фенелла», главные партии в которой в 1830-е гг. исполняли М. Новицкая и К. Голланд, также упомянутые в романе.

Исследованию поэтики «Княгини Лиговской» посвящено много работ. Роман по ряду причин остался незавершенным. Его жанровой особенностью является сочетание элементов светской повести и повести о чиновнике, но вместе с тем в «Княгине Лиговской» появляется много новых, не свойственных светским повестям мотивов. Текст романа обнаруживает следы влияния Ф. Стендаля, Ф. Р. Шатобриана, Ж. Жанена, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского. Однако особый характер цитатности приобретает в этом произведении проза Пушкина и главным образом его роман в стихах «Евгений Онегин». В первую очередь фамилия главного героя Печорина, по наблюдению В. Г. Белинского, ассоциативно связывается с Онегиным (по названию северных русских рек Онеги и Печоры). Лермонтов намеренно подчеркивает эту связь, взяв эпиграфом к своему произведению реминисценцию из пушкинского романа: «Поди! — поди! раздался крик!» [Пушкин, с. 13]. В лермонтовском тексте встречаются другие многочисленные реминисценции из романа Пушкина, а также обнаруживается связь с повестью «Пиковая дама» (изображение Красинского у подъезда дома баронессы Р** стилизовано под Германа у окна графини) и с поэмой «Братья разбойники» (Лермонтов цитирует из нее строку «Какая смесь одежд и лиц» для характеристики высшего общества). Антиподом центрального героя, молодого петербургского офицера Жоржа Печорина, глубокого скептика с волевым и независимым характером, является чиновник Красинский, описанный в духе романтической эстетики. Характеры этих героев так же разнятся между собой, как характеры Онегина и Ленского: «Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень» [Пушкин, с. 36]. И, конечно, главная героиня лермонтовского произведения напрямую соотносится автором с «любимым идеалом» Пушкина Татьяной Лариной. Однако Вера Лиговская не является прямым слепком с пушкинской героини. Раскрывая этот женский образ, Лермонтов одновременно и соотносит его с Татьяной, и отталкивается от его решения Пушкиным. Исследованию феминистской проблематики романа посвящены работы Е. Михайловой, И. Чистовой, Л. Вольперт.

По верному замечанию Л. Вольперт, «образ Веры возникает на пересечении многих линий (автобиографической, феминистской, историко-литературной)» [Вольперт, с. 147]. В последнем отношении в нем многое взято от пушкинской Татьяны и потому является средством идеализации героини. У Веры такое же отчество, как у пушкинской Татьяны, автор дает ей схожую с пушкинской характеристику: милый «образ Верочки» [Лермонтов, т. 4, с. 293]. Сам портрет Веры строится по такому же принципу отрицания общепринятого

эталона светской красоты, как в пушкинском романе. Характеристика юной Татьяны, а затем замужней светской дамы дана через многократные отрицания общепринятого представления о красоте женщины: «Ни красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной / Не привлекла б она очей»; «Она была нетороплива, / Не холодна, не говорлива, / Без взора наглого для всех, / Без притязаний на успех, / Без этих маленьких ужимок, / Без подражательных затей... / Все тихо, просто было в ней...» [Пушкин, с. 40–41, 147]. Подобным же образом строится портрет Веры: «Она была не красавица, хотя черты ее были довольно правильны. Овал лица совершенно аттический и прозрачность кожи необыкновенна. Бесперывная изменчивость ее физиономии, по-видимому несообразная с чертами несколько резкими, мешала ей нравиться всем и нравиться во всякое время... Ее стан был гибок, движения медленны, походка ровная» [Лермонтов, т. 4, с. 286]⁵. Параллель с образом замужней Татьяны Лариной существует и в сцене появления Веры на балу: «Сквозь толпу приближалась к гостининой княгиня Лиговская и за нею князь Степан Степаныч. Она была одета со вкусом...» [Там же, с. 321]. Реакция Печорина на появление Веры соотносится с впечатлением, произведенным на Онегина Татьяной: «...он был так бледен, так неподвижен, что ей [Негуровой] стало страшно. “Появление этой дамы, — сказала она, наконец, ему, — сделало на вас очень странное впечатление!”» [с. 322].

Самой узнаваемой деталью гардероба пушкинской героини был малиновый берет, в котором она появляется на балу. Именно в нем Печорин видит Веру в первую встречу после трехлетней разлуки. Однако перед тем, как свести героев лицом к лицу в доме князя Лиговского, автор использует прием замедленного раскрытия образа Веры, создающий вокруг нее ореол таинственности. Сначала Печорин узнает от слуги, что приезжала «молодая барыня с мужем» и просила передать визитную карточку матери Печорина Татьяне Петровне. Жорж долго ленится переменить свое положение в креслах и, несмотря на жгучий интерес, прочесть карточку. «Но любопытство превозмогло, он встал, взял карточку и с каким-то непонятным волнением ожидания поднес ее к решетке камина; на ней было напечатано готическими буквами: “князь Степан Степаныч Лиговской с княгиней”. Он побледнел, вздрогнул, глаза его сверкнули, и карточка полетела в камин» [с. 263]. Таким образом, герой узнает о Вере сначала со слов слуги, затем из визитной карточки и, наконец, видит, вернее, слышит ее имя в театре. Но узнает ее там также не сразу: Печорин замечает, что прямо над ним одна из лож бельэтажа долгое время остается пустой. «...Это ему казалось странно — и он желал бы очень наконец увидеть людей, которые пропустили увертюру Фенеллы» [с. 269]. Когда в ложе застучали стулья, Печорин увидел «только п у н ц о в ы й б е р е т (здесь и далее в цитатах выделено нами. — Т. А.) и круглую белую божественную ручку с божественным лорнетом, небрежно упавшую на малиновый бархат ложи» [с. 269]. Усилия разглядеть лицо неизвестной оказываются напрасными, и в итоге Печорин возненавидел

⁵ Далее это произведение будет цитироваться по данному тому сочинений с указанием страниц.

ложу и ту, которая в ней находилась. Наконец, при разъезде посетителей из театра Печорин слышит знакомое имя, когда слуга объявляет о карете князя Лиговского. «С отчаянными усилиями расталкивая толпу, Печорин бросился к дверям... перед ним человека за четыре мелькнул розовый салоп, шаркнули ботинки...» [с. 274].

Эта отчаянная сцена погони за каретой Веры приобретет особый смысл в следующем романе — «Герой нашего времени». Если в «Княгине Лиговской» единственными ощущениями не догнавшего карету Печорина становятся бешенство и досада⁶, то в более позднем романе главного героя охватывает целая гамма чувств: «Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!..» [с. 128]. Завершающим аккордом становится «плач как у ребенка»: «Я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется...» [с. 129].

Стоит отметить, что на протяжении всего романа Печорин ни разу не плачет, даже после смерти Бэлы: «Его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся...» [с. 40].

Печорин показан плачущим только в сцене отъезда Веры, при этом плач характеризуется знаковым для поэтики Лермонтова сравнением: «как ребенок» [см.: Лобова, 2008]. Такое сравнение подчеркивает детскую непосредственность чувства Печорина, чистоту и глубину его любви к Вере, особую силу отчаяния при разлуке с нею. Плач вызывает следующее восклицание Печорина: «Мне, однако, приятно, что я могу плакать!» [с. 129]. «Для Печорина эта реакция скорее случайная и загадочная, — отмечает О. В. Зырянов. — Но в кругозоре романного автора (самого Лермонтова) она вполне закономерна и оттого ее идейно-философский вес, как мы можем догадываться, невероятно повышается» [Зырянов, 2010, с. 73]. Концептуальная проработка, увеличение роли детскости не только в характере, но и во внешности Печорина заметны также при сравнении описания наружности главного героя в этих романах. Если в «Княгине Лиговской» говорится, что «в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то» [с. 262], то во втором романе конкретизируется: «В его улыбке было что-то детское» [с. 45].

Однако берет на главной героине не малинового, а пунцового (т. е. ярко-красного) цвета. В берете того же цвета, в котором была пушкинская Татьяна, в романе Лермонтова появится совсем другой — эпизодический — персонаж. Здесь историко-литературная линия образа Веры начинает пересекаться с линией

---

⁶ «Он стоял как вкопанный!.. мучительная мысль сверлила его мозг: эта ложа, на которую он дал себе слово не смотреть... Княгиня сидела в ней, ее розовая ручка покоилась на малиновом бархате; ее глаза, может быть, часто покоились на нем, а он даже и не подумал обернуться, магнетическая сила взгляда любимой женщины не подействовала на его бычачьи нервы — о, бешенство! он себе этого никогда не простит! Раздосадованный, он пошел по тротуару, отыскал свои сани, разбудил толчком кучера, который лежал свернувшись, покрытый медвежьей полостью, и отправился домой» [с. 274–275].

феминистской. Не догнав карету, Жорж Печорин отправляется домой и только на следующий день наносит визит князю и княгине Лиговским. В четвертой главе портрет Веры раскрывается уже полностью. Если представителям света дается преимущественно карикатурная характеристика, основанная только на описании наружности, то при изображении Веры автор подробно останавливается не столько на ее внешности («блондинка с черными глазами», «овал лица совершенно аттический»), сколько на пульсации жизни в ее чертах, на «беспорывной изменчивости» лица. «Но зато человек, привыкший следить эти мгновенные перемены, мог бы открыть в них редкую пылкость души и постоянную раздражительность нерв, обещающую столько наслаждений догадливому любовнику... Видя ее в первый раз, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина с характером твердым, решительным, холодным, верующая в собственное убеждение, готовая принести счастье в жертву правилам, но не молве. Увидевши же ее в минуту страсти и волнения, вы сказали бы совсем другое — или, скорее, не знали бы вовсе, что сказать» [с. 286]. В Вере подчеркнуты глубина натуры, способность к искреннему проявлению чувств, не подавленных социальной средой и положением. «Главное же, что объединяет в одном колорите рассеянные детали ее портрета, это впечатление ни на минуту не прекращающейся пульсации внутренних сил, биение и трепет жизни. Облик Веры пронизан отсветами скрытого брожения чувств, запертых и прорывающихся временами на волю» [Михайлова, с. 179]. Чтобы еще больше подчеркнуть индивидуальность Веры, ее богатый внутренний мир и несхожесть с окружающей средой, автор в двух разных эпизодах описывает слезы Негуровой и княгини Лиговской. Развевая пепел сожженного анонимного письма, первая плачет тихо, сдержанно, не теряя самообладания. Рассказывая в одной из глав историю воспитания Негуровой, автор подчеркивает натренированность поведения героини, живущей по правилам салонной дисциплины. Совсем по-другому плачет Вера: в описании ее слез проступает образ светской женщины, тоже подвластной салонному этикету, но порывистой, глубоко чувствующей и искренне переживающей. По тонкому наблюдению И. С. Юхновой, отличие Веры от представителей света подчеркивается также в сцене званого обеда: в то время как остальные гости держат в руках бокалы с вином, она держит бокал с водой, христианским символом жизни, чистоты. «И антитезой “вино — вода” Вера выводится за пределы того круга, в котором принуждена общаться» [Юхнова, с. 47].

Задавшись целью описать в романе современное общество, Лермонтов осуждает установившееся в свете ханжеское отношение к неравному браку без любви и потому относится с иронией к поступку пушкинской героини. В «Княгине Лиговской» она выведена в образе «дамы лет тридцати, чрезвычайно свежей и молодой, в малиновом токе, с перьями, и с гордым видом, потому что она слыла неприступною добродетелью» [с. 296]. Она оказывается соседкой Печорина во время званого обеда, второй его сосед по описанию напоминает мужа Татьяны Лариной: «...господин, увешанный крестами...». Автор с иронией замечает: «Из этого мы видим, что Печорин как хозяин избрал самое дурное место за столом» [с. 296]. Если в начале головной уборки дамы назван током, то

в дальнейшем — именно малиновым беретом, который был в большой моде в сезон 1823—1824 гг. (как известно, действие заключительной главы «Евгения Онегина» относится к 1824 г.). Ток и берет представляли собой один и тот же головной убор и отличались только размером или характером материала. «Нет ли в этой яркой шаржированной зарисовке намек на хорошо знакомую читателю “Евгения Онегина” добродетельную супругу важного генерала? Имея в виду, что указание на головной убор малинового цвета неизменно должно было вызвать ассоциацию с пушкинской героиней (ей, кстати сказать, в 1833 году было бы около тридцати лет), Лермонтов направлял внимание читателя по нужному руслу: он давал ему понять, что пародийно-иронический портрет дамы в малиновом головном уборе возник в его повести как реплика Пушкину, который видел в Татьяне идеальный образ современной женщины» [Чистова, с. 13]. Лермонтов заявляет о своем решительном несогласии с автором «Евгения Онегина» в его отношении к главной героине романа, живущей не чувством, а рассудком и оттолкнувшей любимого человека во имя верности супружескому долгу. Автор описывает комический ужас дамы в малиновом берете при виде картины, вызвавшей фривольный комментарий Печорина: «...здесь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнее обманывать богатого и глупого старика» [с. 300]. В отличие от Татьяны Лариной, Вера, по замыслу автора, должна была изменить мужу, и этот адюльтер символизировал бы открытое отрицательное отношение к принятым в обществе представлениям о браке без любви.

Другой аспект развития феминистской линии в романе связан с проблемой бесправия женщины в семье. В романе она раскрывается в диалоге швейцара и Печорина, приехавшего с визитом к Лиговским. Этот обмен репликами дает точное представление о том, кто истинный хозяин в доме Лиговских.

На вопрос швейцара, кого ему угодно, он отвечал вопросом, дома ли княгиня Вера Дмитриевна.

- Князь Степан Степанович у себя-с.
- А княгиня? — повторил нетерпеливо Печорин.
- Княгиня также-с [Там же, с. 284].

Прислуга четко осознает домашнюю иерархию, поэтому автор уточняет:

...Краткий разговор с швейцаром позволил догадаться Печорину, что главное лицо в доме был князь. «Странно, — подумал он. — Она вышла замуж за старого, неприятного и обыкновенного человека, вероятно для того, чтоб делать свою волю, и что же, — если я отгадал правду, если она добровольно переменила одно рабство на другое, то какая же была цель? Какая причина?.. но нет, любить она его не может, за это я ручаюсь головой» [с. 285].

Размышления Печорина вновь прерываются репликой швейцара: «Пожалуйста, князь в гостиной»; тем самым еще раз подчеркивается главенствующее положение князя.

Феминистская тема связана в романе не только с образом главной героини, но и с другим женским персонажем — Елизаветой Негуровой. В обрисовке

Негуровой, с одной стороны, проявляются элементы авторской «мести» ее прототипу — Сушковой. Однако авторская издевка над этой героиней борется с гуманистическим освещением судьбы Негуровой. Она показана не только как отцветающая петербургская красавица, но и как жертва светского воспитания, истинные чувства которой подавлены салонными правилами поведения. В приведенной выше сцене ее слез выразительно показаны также драматизм положения высмеянного человека, воплощение горя, не смеющего ничем заявить о себе: «...казалось, она плакала, но так тихо, тихо, что если б вы стояли у ее изголовья, то подумали бы, что она спит покойно и безмятежно» [с. 283]. Описание слез Негуровой напоминает плач слепого мальчика из повести «Тамань»: «...и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно» [с. 60]. Характеризуя зрелый период творчества Лермонтова, Ю. Айхенвальд отмечает, что поэт «увидел красоту частного, отдельного, обиденного — он понял величие малого» [Айхенвальд, с. 97]. К героям этого плана относятся, например, Максим Максимыч, герои стихотворений «Бородино» и «Завещание». «В Лермонтова проникла сердечность — и это было ново и трогательно... В “Княгине Лиговской”... он нежно понял горькую печаль обиженной девушки Елизаветы Николаевны» [с. 60]. Одновременное сочетание иронического и глубоко гуманистического присутствует также в сцене возвращения семейства Негуровых из театра. Если родители показаны говорящими, настаивающими на «ловле женихов», то сама Негурова отвечает молчанием на отцовскую «диссертацию насчет молодых людей нынешнего века». Содержательность этого молчания специально оговаривается повествователем: «Лизавета Николавна хотела отвечать, слезы навернулись у нее на глаза... и она не могла произнести ни слова... Что происходило в ее сердце в эти минуты, один бог знает» [с. 275].

Таким образом, тема женской эмансипации, впервые появившаяся в творчестве Лермонтова в середине 1830-х гг., в романе «Княгиня Лиговская» разрабатывается в нескольких направлениях: как полемика с поступком пушкинской героини Татьяны Лариной, как сочувственное отношение к положению женщины в свете, как критика современного института меркантильного брака и зависимого положения в нем женщины. Впоследствии, уже в 40-е гг., когда под воздействием идей эмансипации изменились нравственно-этические нормы общества, решение пушкинской героини также подверглось критике, например в романе М. В. Авдеева «Тамарин» (1849—1852). К этому времени, в 1840 г., Лермонтов закончит свой роман «Герой нашего времени», в котором продолжит заявленный в «Княгине Лиговской» спор с Пушкиным: его возражением пушкинской Татьяне станет еще один образ княгини Веры, живущей чувствами, а не рассудком и ложно понимаемым долгом. На этот роман окажут большое воздействие не только идеи Ж. Санд, но также феминистские произведения О. Бальзака «Физиология брака» и «Тридцатилетняя женщина». Сама же тема раскрепощения женщины, ее права на независимое чувство будет продолжена в творчестве писателей натуральной школы, а также Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Айхенвальд Ю. Лермонтов // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 87—98. [Ajkhenvaľ'd Yu. Lermontov // Ajkhenvaľ'd Yu. Siluety russkikh pisatelej. M., 1994. S. 87—98.]

Александрова И. Б. Вакханка, мадонна, Татьяна // Русская словесность. 2002. № 6. С. 16—20. [Aleksandrova I. B. Vakkhanka, madonna, Tat'jana // Russkaya slovesnost'. 2002. N 6. S. 16—20.]

Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая // Собр. соч. : в 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 536—567. [Belinskij V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya devyataya // Sobr. soch. : v 3 t. M., 1948. T. 3. S. 536—567.]

Березкина С. В. Мотивы матери и материнства в творчестве А. С. Пушкина // Рус. лит. 2001. № 1. С. 167—186. [Berezkina S. V. Motivy materi i materinstva v tvorchestve A. S. Pushkina // Rus. lit. 2001. N 1. S. 167—186.]

Вацуро В. Э. Циклы // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 610. [Vatsuro V. E. Tsikly // Lermontovskaya entsiklopediya. M., 1981. S. 610.]

Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов: жизнь и творчество. [Факс. изд.]. М., 1989. 454 с. [Viskovatuj P. A. M. Yu. Lermontov: zhizn' i tvorchestvo. [Faks. izd.]. M., 1989. 454 s.]

Вольперт Л. И. Лермонтов и литература Франции [Электронный ресурс]. Изд. 3-е, испр. и доп. Тарту, 2010. URL: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (дата обращения: 24.06.2013). [Vol'pert L. I. Lermontov i literatura Frantsii [Elektronnyj resurs]. Izd. 3-e., ispr. i dop. Tartu, 2010. URL: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (data obrascheniya: 24.06.2013).]

Заславский О. Б. Между драмой «Два брата» и романом «Княгиня Лиговская» (об одном лермонтовском наброске) // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70, № 6. С. 37—43. [Zaslavskij O. B. Mezhdru dramoj «Dva brata» i romanom «Knyaginya Ligov-skaya» (ob odnom lermontovskom nabroske) // Izv. Akad. nauk. Ser. lit. i yaz. 2011. T. 70, N 6. S. 37—43.]

Зырянов О. В. Модель субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лермонтова (к вопросу о генезисе и природе романного полифонизма) // Лермонтовские чтения — III : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2010. С. 65—74. [Zyryanov O. V. Model' sub'ektno-dialogicheskikh otnoshenij v tvorchestve M. Yu. Lermontova (k voprosu o genezise i prirode romannogo polifonizma) // Lermontovskie chteniya — III : materialy Vseros. nauch. konf. Ekaterinburg, 2010. S. 65—74.]

Зырянов О. В. Русская интимная лирика XIX века: проблемы жанровой эволюции. Екатеринбург, 1998. 102 с. [Zyryanov O. V. Russkaya intimnaya lirika XIX veka: problemy zhanrovoj evolyutsii. Ekaterinburg, 1998. 102 s.]

Иванова Т. Юность Лермонтова. М., 1957. 360 с. [Ivanova T. Yunost' Lermontova. M., 1957. 360 s.]

Кафанова О. Б. «Маскарад» М. Ю. Лермонтова в историко-литературном контексте (жоржсандовские мотивы и реминисценции в пьесе) // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 135—144. [Kafanova O. B. «Maskarad» M. Yu. Lermontova v istoriko-literaturnom kontekste (zhorzhсандовские мотивы i reministsentsii v p'ese) // Ot Karamzina do Chekhova. Tomsk, 1992. S. 135—144.]

Келли К. Воспитание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760—1840-х годах // Вопр. лит. 2003. № 4. С. 61—97. [Kelli K. Vospitanie Tat'yanu: nnavy, materinstvo, npravstvennoe vospi-tanie v 1760—1840-kh godakh // Vopr. lit. 2003. N 4. S. 61—97.]

Комарович В. Автобиографическая основа «Маскарада» // Лит. наследство. М., 1941. Т. 43/44. С. 629—672. [Komarovich V. Avtobiograficheskaya osnova «Maskarada» // Lit. nasledstvo. M., 1941. T. 43/44. S. 629—672.]

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1975—1976. [Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenij : v 4 t. M., 1975—1976].

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. 672 с. [M. Yu. Lermontov v vospomnaniyakh sovremennikov. M., 1989. 672 s.]

Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. 784 с. [Lermontovskaya entsiklopediya. M., 1981. 784 s.]

Литовская М. А., Созина Е. К. От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе // Семейные узы: модели для сборки. М., 2004. Кн. 1. С. 248–291. [Litovskaya M. A., Sozina E. K. Ot «semejnogo kovchega» k «krasnomu treugol'niku»: adyul'ter v russkoj literature // Semejnye uzy: modeli dlya sborki. M., 2004. Kn. 1. S. 248–291.]

Лобова Т. М. Образ Богоматери в творческом сознании М. Ю. Лермонтова // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). Екатеринбург, 2007. С. 102–118. [Lobova T. M. Obraz Bogomateri v tvorcheskom soznanii M. Yu. Lermontova // Klassicheskaya slovesnost' i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i poetiki). Ekaterinburg, 2007. S. 102–118.]

Лобова Т. М. Феномен детства в художественном сознании М. Ю. Лермонтова // Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. № 59. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 16. С. 219–226. [Lobova T. M. Fenomen detstva v khudozhestvennom soznanii M. Yu. Lermontova // Izv. Ural. gos. un-ta. 2008. N 59. Ser. 2, Gumanitar. nauki. Vyp. 16. S. 219–226.]

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. 413 с. [Lotman YU. M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvo-ryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb., 2002. 413 s.]

Магд-Соен К. де. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь. Екатеринбург, 1999. 252 с. [Magd-Soep K. de. Emansipatsiya zhenschin v Rossii: literatura i zhizn'. Ekaterinburg, 1999. 252 s.]

Максимов Д. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 326 с. [Maksimov D. Poeziya Lermontova. L., 1959. 326 s.]

Михайлова Е. Проза Лермонтова. М., 1957. 384 с. [Mikhajlova E. Proza Lermontova. M., 1957. 384 s.]

Пахомов Н. П. Подруга юных дней. Варенька Лопухина. М., 1975. 24 с. [Pakhomov N. P. Podruga yunyh dnei. Varen'ka Lopukhina. M., 1975. 24 s.]

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Изд. 4-е. Л., 1978. 527 с. [Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij : v 10 t. T. 5. Izd. 4-e. L., 1978. 527 s.]

Соколова М. В. Жорж Санд и вопросы женской эмансипации в русской журнальной критике второй половины 1830-х годов // Начало : [сб. ст.]. М., 2003. Вып. 6. С. 243–259. [Sokolova M. V. Zhorzh Sand i voprosy zhenskoj emansipatsii v russkoj zhurnal'noj kritike vtoroj poloviny 1830-kh godov // Nachalo : [sb. st.]. M., 2003. Vyp. 6. S. 243–259.]

Строганов М. В. Пушкин и Мадона // А. С. Пушкин. Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 15–35. [Stroganov M. V. Pushkin i Madona // A. S. Pushkin. Problemy tvorchestva. Kalinin, 1987. S. 15–35.]

Трубецкая О. Н. Отрывки из семейной хроники / вступ. ст. и публ. И. С. Чистовой // Рус. лит. 1990. № 2. С. 176–188. [Trubetskaya O. N. Otryvki iz semejnoi khroniki / vstup. st. i publ. I. S. Chistovoj // Rus. lit. 1990. N 2. S. 176–188.]

Чекалин С. Встреча с Лермонтовым // Куранты : ист.-краевед. альманах. М., 1987. Вып. 11. С. 141–147. [Chekalin S. Vstrecha s Lermontovym // Kuranty : ist.-kraeved. al'manakh. M., 1987. Vyp. 11. S. 141–147.]

Чистова И. С. «Кто там в малиновом берете...» // Рус. речь. 1989. № 5. С. 12–16. [Chistova I. S. «Kto tam v malinovom berete...» // Rus. rech'. 1989. N 5. S. 12–16.]

Шувалов С. В. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М. ; Л., 1925. 192 с. [Shuvalov S. V. M. Yu. Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo. M. ; L., 1925. 192 s.]

Юхнова И. С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М. Ю. Лермонтова. Н. Новгород, 2011. 218 с. [Yukhnova I. S. Problema obscheniya i poetika dialoga v proze M. Yu. Lermontova. N. Novgorod, 2011. 218 s.]

Статья поступила в редакцию 28.06.2013 г.

УДК 792.54 + 78.089.1 + 821.112.2:821.161.1

Е. Р. Лаптева

РУСАЛОЧЬЯ ТЕМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. С. ДАРГОМЫЖСКОГО: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЛИБРЕТТО

Архетипический сюжет, связанный с фавулой о русалке, объединяет в себе комплекс общих мотивов: брака, предательства, обманутых ожиданий, гибели и мести. Особой популярностью «русалочий» текст пользовался в XIX в., поэтому не случаен интерес к нему А. С. Пушкина и А. С. Даргомыжского. В драматическом произведении Пушкина фабула обретет трагический характер, начисто утратив комедийные черты. Если в пушкинской драме русалочий сюжет стал наиболее полным и обрел некую концептуальную завершенность, то в опере А. С. Даргомыжского он получил психологическую глубину и насыщенность. Пушкинский текст оказался притягательным для либреттиста тем, что, вобрав в себя предшествующий культурный опыт, стал источником, дающим огромные возможности для творческого самовыражения.

Ключевые слова: А. С. Даргомыжский; А. С. Пушкин; русалочья тема; опера; либретто; архетипическая схема; психологизм.

Фабула «Русалки» в мировом литературном пространстве относится к категории «бродячих». Фольклорный тип, полюбившийся писателям, дал неисчислимое количество вариаций на русалочью тему. Особенно актуализировался этот образ в период романтизма.

Литературным источником распространения сюжета о русалке в лирике можно считать баллады немецких романтиков, в частности Клеменса Брентано («Лорелея», 1801—1802). В данном тексте уже оказывается заложенным некий архетипический сюжет и сконцентрированы основные мотивы, которые впоследствии будут сопутствовать образу русалки: мотив предательства, мотив брака, мотив обманутых ожиданий, мотив покинутой возлюбленной, своеобразной мести и последующей смерти героини в водах реки. Эти мотивы с переменными вариациями раз и навсегда закрепятся в сознании читателей за «русалочьим» текстом.

Характерным становится и хронотоп: русалка принадлежит сразу двум пространствам — реальному и ирреальному. С ирреальным пространством связана идея возмездия: именно там оскорбленная дева достигает могущества, которое дает возможность отомстить за нанесенную некогда в реальном мире обиду. Местом действия становится пространство у воды: озеро, пруд, река, море.

Образ русалки был интерпретирован не только лириками, но и драматургами. В сознании театралов рубежа XVIII—XIX вв. он был тесно связан с немецкой комической оперой К. Ф. Генслера и Ф. Кауэра «Дунайская русалка».

Появлением оперы в России публика обязана переводу Н. Краснопольского, который, видоизменив пьесу Генслера, придал ей «славянский колорит»: Лорелея превратилась в Лесту, рыцарь Альбрехт фон Вальдзее — в Видостана, князя Полоцкого, Гартвиг фон Бургау — в Славомысла, князя Черниговского, цехмейстер Каспар Ларифари — в конюшего Тарабара.

И Генслер, и его переводчик не отступают от уже устоявшейся фабульной схемы: у героини (русалки) есть дочь, рожденная от князя, который сам хочет жениться на девушке знатного рода. Перед свадьбой днестровская (в русском варианте — днепровская) русалка напоминает о себе и требует, чтобы бывший возлюбленный проводил три дня в году с ней. И в зарубежной опере, и в ее русском варианте нет драмы. В оперном сюжете ничего не сказано о том, что героиня была когда-то земной женщиной и, утопившись, стала русалкой. Следовательно, нет и глубинного конфликта. «Генслер и Краснопольский удалили драму из драмы», — заметил Н. Берковский в статье «Народно-лирическая трагедия Пушкина» [Берковский, с. 106].

Музыку к опере с добавлением «русских мотивов» написал С. И. Давыдов, и пьеса в 1803 г. была преподнесена петербургской публике. У наполненного театральными эффектами спектакля оказалась счастливая судьба: любившийся также и русской публике сюжет требовал продолжения, поэтому за право быть авторами известнейшей оперы боролись сразу два композитора: С. И. Давыдов и капельмейстер императорских театров К. А. Кавос, ставший автором второй редакции произведения по этому сюжету. Принято считать, что именно эта опера положила начало романтическому стилю на сцене русского музыкального театра. В 1807 г. Давыдов написал музыку к последней (четвертой) части «Русалки» на уже совершенно самостоятельный текст А. Шаховского, но музыка ее была утрачена.

В начале XIX в. публике было известно несколько опер, связанных общей «русалочьей» темой и являющихся не только интерпретацией, но и своеобразным продолжением друг друга: 1) «Дунайская русалка» Ф. Кауэра — К. Ф. Генслера (1803); 2) «Леста, днепровская русалка» С. И. Давыдова — Н. Краснопольского (1805); 3) «Русалка» С. И. Давыдова или К. Кавоса — А. Шаховского (1807). В дальнейшем в Европе романтический сюжет с традиционными для него вариациями будет разработан Э. Т. А. Гофманом в опере «Ундина» (1814), которую литературоведы также сочтут произведением, предвосхищающим развитие романтизма в немецкой музыке.

В русской драматургии сюжет о русалке будет связан с драмой А. С. Пушкина и оперой А. С. Даргомыжского, который первым возьмет на себя смелость не только «дописать» пушкинский текст, но и вывести его на театральную сцену. Нет сомнения, что все известные к тому времени оперные либретто могли стать текстами-прецедентами для создания сюжета одноименной пушкинской драмы. И Пушкин подошел к вопросу интерпретации любимой всеми фабулы, в отличие от К. Ф. Генслера, очень серьезно. По гипотезе Н. Я. Берковского, «с переделкой Краснопольского Пушкин был заведомо и хорошо знаком. Генслера в подлиннике Пушкин, по всей вероятности, не знал» [Берковский, с. 106].

Создавая сюжет, К. Ф. Генслер делает его «бесконечным»: любая развязка оказывается поводом для создания новой перипетии, позволяющей главному герою свободно перемещаться между реальным и ирреальным пространством. Подобная «свобода» способствует занимательности интриги, но никак не концентрирует внимание зрителя на характерах. О серьезном психологизме при

наличии комедийных ситуаций говорить не приходится. В либретто оперы развит мотив превращений, позволяющий героям менять облик, а столкновения страстей способствуют развитию мотива игры. Поэтому оперу К. Ф. Генслера мы по праву можем считать оперой-забавой, лишенной логики и последовательности развития сюжета.

Пушкин же создает социально-психологическую драму. В его пьесе сохранены все основные мотивы, связанные с «русалочьим» текстом: действие драмы происходит возле воды, главной героиней становится обиженная князем дева (сохранен даже мотив социального неравенства), есть мотив предательства и последующей измены, гибель девушки и месть обидчику.

Однако, в отличие от либретто К. Ф. Генслера — Н. Краснопольского, в драме Пушкина князь становится сначала соблазнителем, после — изменником, дочь мельника — жертвой обмана, а потом — мстительницей, их отношения предельно заострены в ракурсе как социального, так и психологического конфликта. В пушкинской драме дочь Мельника станет русалкой, а пространство разрушенной мельницы утратит свои реальные границы и будет частью ирреального мира. Нужно заметить, что только у Пушкина Русалка приходит к Мельнику родной дочерью: у литературных предшественников драматурга этого нет.

Еще одним источником, серьезно повлиявшим на сюжет пушкинской драмы, несомненно можно считать комическую оперу А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». Анализируя оперу, А. А. Гозенпуд объясняет ее популярность «национальным характером музыки», тем, что «народная песня сделалась основой музыкально-драматического действия» [Гозенпуд, 1959, с. 135].

А. С. Рабинович в монографии «Русская опера до Глинки» пишет, что секрет успеха «Мельника» — в аблесимовском либретто. Пьеса, по мнению исследователя, достаточно эклектична. Именно это и принесло автору оперы победу. «Важно не метод эклектизма, а удачное его применение, умелая и счастливая дозировка “смеси” основных тенденций эпохи. Автор “Мельника” покорила аудиторию не тем, что деспотически внушил ей некую новую, яркую идейно-художественную концепцию, а тем, что услужливо преподнес ей хорошо подобранный ассортимент, в котором каждый — и дворянин, и разночинец, и сентименталист, и сатирик, и провинциальный увалень, и столичный щеголь — мог найти кое-что себе по вкусу. “Мельник” — компромиссная вещь. В нем уже есть элементы народности и реалистические черты; но они еще мирно уживаются с условной старомодной пасторальностью. Удача автора и в том, что тон пьесы — самый непринужденный, а неподдельная улыбка автора, светящаяся над всей вещицей, полна уютного очарования и заставляет прощать Аблесимову низковатый уровень его доморощенного остроумия» [Рабинович, с. 53]. Анализируя структуру музыкального текста, автор, подобно А. А. Гозенпуду, указывает как на сходство образов в операх А. С. Даргомыжского и А. О. Аблесимова, так и на музыкальные цитаты и реминисценции, к которым прибегал А. С. Даргомыжский [Там же, с. 57]. Таким образом, опера «Мельник» бесспорно оказала влияние как на текст пушкинской драмы, так и на оперу.

В пушкинском сюжете одним из главных действующих лиц становится Мельник. Как и в тексте Аблесимова, в драме Пушкина Мельник не бескорыстен. Только на сей раз объектом «торга» становится его собственная дочь. С одной стороны, он, безусловно, любит ее и по-своему желает ей добра, с другой — он подозревает правду: князь перестал ездить к ним, потому что разлюбил...

Подобно персонажу комической оперы, пушкинский Мельник желает «угодить всем», но по иным причинам. Он боится оскорбить и прогнать князя, чтобы не лишиться полюбившихся ему денег и подарков. Ему также жаль дочь, но, понимая, что разлука девушки с возлюбленным — вопрос времени, он учит ее маленьким «хитростям»: брать во время встреч деньги и подарки:

... А мне покою
 Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь:
 То здесь, то там нужна еще починка,
 Где гниль, где течь. — Вот если б ты у князя
 Умела выпросить на перестройку
 Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

[Пушкин, с. 361]

Иных — нематериальных — отношений он попросту не понимает, а потому его «советы» весьма жизненные. Пушкинский Мельник — немножко сват и немножко обманщик.

Однако, в отличие от аблесимовского персонажа, образ пушкинского героя решен в трагическом ключе. И этот трагизм связан как раз с иной интерпретацией слова «колдун». Мрачный демонизм мельника-ворона — это не результат колдовства или некоего мистического «превращения», а следствие великого потрясения, воплотившегося в безумии. Поэтому трагический образ пушкинского героя, пережившего горе, изменяясь принципиально, поднимается над сложившимся в комической опере стереотипом. Пушкинский Мельник, оставаясь физически частью реального мира, в духовном аспекте ему не принадлежит. Мельник осознает особую связь, которая возникла у него с «миром мертвых». В особую цепь «семейных» отношений в подсознании Мельника включен и князь. Поэтому обращение к властителю словом «зять» закономерно. В ирреальном пространстве нет прошлого и будущего. Мельник не хочет ни вернуться к прежнему, ни пойти вслед за князем: жизнь, какая была у него в прошлом, утратила всяческий смысл. Пушкинская концепция образа философична: в ирреальном мире безумный Мельник счастлив и свободен. У него есть дочь и внучка, он не чувствует себя одиноким. В то же время он свободен и от собственных зависимостей: в ирреальном мире нет денег. Но эта мрачная свобода безумия — закономерная плата за содеянное.

Как и в большинстве предшествующих драме «русалочьих» текстов, главной героиней в пушкинской драме остается дочь Мельника. Нельзя не оценить новаторства Пушкина в разработке данного характера, но связь с литературной традицией все же очевидна: образ вбирает в себя весь комплекс мотивов «русалочьего» текста. Дочь Мельника, влюбившись в князя, нарушает запрет отца; вследствие чего оказывается обманутой и брошенной. Оправдывая изме-

ну, князь по-своему откровенен: он не скрывает от бывшей возлюбленной, что бросает ее ради того, чтобы сделать несчастной другую:

Сама ты рассуди. Князья не вольны,
Как девицы — не по сердцу они
Себе подруг берут, а по расчетам
Иных людей, для выгоды чужой.

[Пушкин, с. 365]

«Покупая» жену, он спешит «расплатиться» с возлюбленной: драгоценная повязка, ожерелье да мешок денег для ее отца — щедрый подарок. Однако он только оскорбляет чувства несчастной и вызывает протест. «Несвободному» в выборе князю простая дочь Мельника платит «свободой выбора». Героиня мстит своим обидчикам собственной смертью в водах реки, однако смерть не избавляет ее ни от памяти, ни от обид, нанесенных отцом и князем, ни от страданий. Не удивительно, что в мире ирреальном Русалка будет наделена сверхъестественной властью и силой. И то и другое на самом деле уже было у нее, поруганной и брошенной до смерти, до рокового выбора. Только ни князь, ни отец не осознают, что оба они находятся в ее власти, подчинены ее силе. В ирреальном мире дочь Мельника становится царицей и получает возможность давать жизнь (именно в водном мире родится их с князем дочь) и забирать ее (подразумевается потенциальная судьба князя).

Пушкин не завершит сюжета своей драмы. Однако именно под его пером интерпретация «бродячей фабулы» в драме обретет трагический характер, начисто утратив комедийные черты. Именно после Пушкина русалочий сюжет обретет постоянство. «Образы “Русалки”, вырываясь из эпохи, в которую они были созданы, предвосхитили многие существенные явления литературы 40–50-х гг. Трактовка драмы в духе оперы волшебной или сентиментальной была исключена. Не случайно именно “Русалку” в наследии поэта выделяли Белинский и Чернышевский. Последний ставил ее наравне с “Медным всадником” и “Каменным гостем”» [Гозенпуд, 1971, с. 15].

Изучая драматургическую судьбу пушкинского текста, С. В. Денисенко пишет о том, что «неоконченность» «Русалки» Пушкина побуждала многочисленных режиссеров к бесконечным импровизациям, которые так и не сделали спектакли удачными и, следовательно, репертуарными. «Лагуна должна была заполниться другим способом — и заполнилась: выпускались инсценировки недраматических произведений, которым присваивалось имя Пушкина», — отмечает автор. Цитируя критика конца XIX в., Г. А. Лароша, ученый подтверждает мысль о том, что, не будучи либреттистом, русский поэт стал «вдохновителем» композиторов, которые черпали из его наследия «мелодию и гармонию» [Денисенко, с. 32].

В 1855 г. Даргомыжский предпринял дерзкую попытку не только дописать пушкинский текст, но и воплотить его в музыкальном жанре. Соблазнительной кажется гипотеза о том, что только пушкинский текст стал «бессмертной» основой для оперного спектакля. На самом деле — нет. При всей влюбленности в пушкинскую идею композитор просто не мог оставить вне поля внимания

весь богатейший сценический опыт музыкального театра. Романтический антураж с мельницей, свадебный обряд в княжеском тереме, изображение контрастного подводного мира, проникновенный лиризм — все это давало пищу для фантазии. Незавершенность пушкинской драмы стала благодатной почвой для творческого эксперимента с сюжетом.

Однако перед драматургом стояла непростая задача: он хотел максимально сохранить пушкинский текст. Но даже либретто, в точности воспроизводящее текст литературного оригинала, не лишены корректив со стороны авторов оперы: композитор и либреттист расставляют свои смысловые акценты [см.: Лаптева, с. 8]. Не исключением стало и либретто А. С. Даргомыжского

Большая часть оригинального текста приходится на первое действие, которое в сценической временной протяженности составляет почти половину всего спектакля. Опора на пушкинский текст делает начало оперы совершенно новаторским: произведение начинается не с массовой сцены, а с речитатива Мельника, что способствует стремительности завязки. Второе действие оперы построено по принципу контраста. Основой его становится традиционно введенный в оперу свадебный обряд. И здесь композитор использует все возможные музыкальные ресурсы (действие открывается массовой сценой с хором, славянским и цыганским танцами).

Третье действие содержит две картины: действие одной разворачивается в княжеском тереме, вторая представляет собой художественную обработку пушкинской сцены встречи князя и мельника. Дополненная массовыми сценами, картина приобретает сценическую объемность. Четвертое действие — полностью либреттный текст драматурга. В соответствии с традициями написания оперного финала опера заканчивается массовой сценой, венчает которую смерть князя.

Несомненной заслугой Даргомыжского, на наш взгляд, является создание музыкальной драмы. До композитора в отечественной драматургии данный сюжет решался в комическом ключе.

В социально-психологической драме Даргомыжского персонажи наделены именами: мельник — Пахомыч, его дочь — Наташа, подруга княгини — Ольга. Имена определяют «национальный колорит», а также — социальный статус персонажей. Только сам князь и его жена — невольная обидчица, которую не прощает Наташа, остаются безымянными. Таким образом, в опере героини обретают большую индивидуализированность, а вместе с ней и приземленность. В выборе места действия очевидно влияние Н. Краснопольского: «Русалка» Даргомыжского тоже «днепровская».

Либреттный текст становится еще одной вариацией на русалочью тему. Как и все иные тексты, он опирается на стандартную фабульную схему, с той лишь значительной сменой акцента, что главной героиней в нем впервые оказывается не русалка, а князь. Именно интерпретация этого образа претерпевает наибольшие изменения, и в этом очевидное новаторство автора в развитии сюжета о «водной деве».

В опере Даргомыжского, согласно театральному амплу героя-любownika, князь очень молод, чувства, которые он испытывает, — это его первая любовь,

а измена Наташе — первый дурной поступок. Это отличает двух персонажей драм друг от друга. Искушенный герой пушкинской драмы заботится лишь о том, чтобы расставание прошло без шума. В литературной драме сцена постыдного предательства скрыта от людских глаз: дочь мельника переживает свой позор в одиночестве. В драме Даргомыжского и прощание князя с Наташей, и ее самоубийство — все выносится на суд толпы крестьян, которые принимают активное участие в обсуждении случившегося.

Интересное развитие получает и мотив принесения даров. Если в драме Пушкина они преподнесены перед прощанием и выглядят как плата за чувство, то оперный герой сначала радуется Наташе дарами, которые та принимает с видимым удовольствием, не подозревая коварства дарителя.

В пушкинском тексте есть гениальная находка: его герои в один момент находятся в разных временных плоскостях. Князь — уже в будущем, он спешит быстрее завершить разговор и свидание, в котором он вынужден играть постыдную роль. Дочь мельника еще живет в прошлом, ибо будущего для нее в этом мире нет, как не родится на земле и ребенок, известие о котором не смогло удержать отца. Да и сам князь не отождествляет еще нерожденное дитя с собственной персоной:

Несчастливая! как быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.

[Пушкин, с. 365–366]

В композиторском тексте герой мучительно страдает из-за действительно вынужденного разрыва. В отличие от пушкинского князя, он не ждет с нетерпением окончания мучительного свидания и не хочет оставлять Наташу. Оперный герой еще не пережил сложность предстоящего момента, он любит дочь мельника и не может скрыть своего чувства. В трактовке либреттиста герой более слаб и беспомощен. Он не отказывается от своего ребенка, не прощается с возлюбленной навсегда:

Несчастливая! Спокойна будь, мой Друг, и береги себя.
Я не оставлю вас и скоро, может быть,
Приеду навестить... Прости!

[Даргомыжский, с. 83]

Чувство осознания вины героя выражено словом «Прости». Он дает Наташе отнюдь не ложную надежду: он действительно скоро приедет, потому что по-прежнему любит. Фраза «Я не оставлю вас», в отличие от фразы из драмы «Я не оставлю ни твоего ребенка, ни тебя», также свидетельствует о том, что в момент разлуки князь еще воспринимает себя и Наташу как единое целое. Насильственность неизбежного разрыва слишком очевидна и слишком болезненна для обоих.

Таким образом, комплекс мотивов (вина — обман — запрет — смерть) свойствен в либреттном тексте не только образу русалки, что соответствует традиционным фабулам, но и князю. Именно он становится носителем трагической

вины и осознает ее; он обманывает Наташу, мотивируя обман запретом выбирать себе жену по сердцу. Он же, не забыв возлюбленную, будет стремиться к свободе, которая воплотится в смерти.

Именно поэтому во втором действии, во время изображения богатого свадебного пира, нашему вниманию предстает не властелин, имеющий права казнить и миловать, а клятвопреступник, мучимый совестью.

Даргомыжский весьма последователен в построении «зеркального» сюжета: как и в случае с гибелью Наташи, исполнение на веселом пире печальной песни получает общественный резонанс. Даргомыжский верно развил пушкинскую мысль о том, что преступный князь невольно делает несчастной еще одну женщину. Он убедил самого себя в том, что он «будет любить» и что ему удастся забыть покинутую Наташу. Но именно поэтому его так тревожит пропетая во время свадебного пира песня об утопленнице.

Аналогичная сцена из драмы Пушкина решена в менее эмоциональных тонах: князь остается один на один со своей тревогой, а приказание разыскать и вывести из палат дочь мельника, отдает вполголоса. Именно отсутствие внешнего действия усиливает психологизм в пушкинском тексте. Его герой не кричит душой: он действительно совершает сочетание не по любви, а по чувству долга. Страх либреттного князя очевиден: он совершает вторую ошибку, он снова клятвопреступник, и он знает, что не сможет полюбить жену так, как любил покинутую им Наташу:

Да, я узнал, ах, я узнал Наташи голос.
Я понял жалобный упрек.

<...>

Лишь бы тайну скрыть я мог,
Ах, только бы в сердце заглушить мне
Тяжкий совести упрек.

[Даргомыжский, с.167–168]

Свадебное торжество сорвано, только что данные клятвы оказываются сразу нарушенными, а молодая супруга уже никогда не сможет завладеть вниманием мужа.

В либретто Даргомыжского мотив безумия, в отличие от литературной драмы, будет связан не только с образом мельника, но и с образом князя, мучимого укорами совести, а потому бегущего от молчаливого упрека княгини на берег реки.

В третьем действии может показаться, что Даргомыжский полностью цитирует монолог из пушкинского текста, но, если внимательно его проанализировать, становится ясно, что либреттист принципиально меняет его интонационно: о нарушении душевного равновесия князя свидетельствует обилие восклицательных интонаций, хотя это монолог «про себя». Свои тайные мысли князь боится «озвучить», даже оставаясь наедине с собой. Эмоциональность либреттного героя принципиально отличает его от величаво спокойного и внутренне сосредоточенного персонажа пушкинской драмы. Князь в либретто не может смириться с общим ходом времени. С момента гибели Наташи он многое по-

нял, вся его последующая жизнь — несчастье и несвобода. Желание невозможного счастья с погибшей возлюбленной — вот его удел. В этом желании князь по-своему безумен, поэтому последующая встреча безумца, живущего прошлым, с безумцем, живущим в ирреальном мире, — это встреча невольного палача со своей жертвой. Муки совести при виде умалишенного становятся почти невыносимыми, ведь мысли о смерти старика были всего лишь гипотезой героя, о страшной истине он не мог догадываться.

В самом сильном в психологическом плане в опере финале третьего действия властный господин попросту исчезает — и перед зрителем предстает слабый и измученный невыносимыми пытками совести человек, который пасует перед лишенным рассудка стариком, признавая ту единственную истину, которая свидетельствует о его вине. Вид старика берedit душу князя, вызывает невыносимые страдания и жажду смерти.

Четвертое действие либретто в плане стихотворного текста несравненно слабее: Даргомыжскому, при всей очевидности идейного смысла дописанного финала, так и не удалось создать полноценно завершённый текст.

В дописанной автором опере поведение князя вполне закономерно. В отличие от своего литературного «двойника», он готов к встрече со своей дочерью. Он уже сам наполовину часть того ирреального мира, к которому принадлежат Наташа и рожденная в водах Днепра русалочка.

Смещение акцента в архетипическом сюжете с образа русалки на образ князя становится очевидным: утонувшая Наташа в либреттном тексте не превращается в гордую и холодную мстительницу. Она по-прежнему любящая женщина, ожидающая свидания с князем вот уже двенадцать лет. Интересно и то, что меняется объект мести: в отличие от пушкинского текста, либреттная героиня, оспаривая право земной женщины на обладание князем, считает виновницей своей смерти именно ее, разлучницу, а потому жаждет вернуть свое. Русалка в интерпретации Даргомыжского — отнюдь не холодная водная дева, в ее груди кипит сильное чувство, которое по-прежнему взаимно. В этом ощущается некий алогизм сюжета, ведь представительница «мертвого царства» должна быть бесстрашной.

Как драматург Даргомыжский выстраивает иную модель образа. Его Наташа бросается в Днепр в состоянии аффекта, находясь и в ссоре с отцом, и в оппозиции по отношению к народу, с глубокими внутренними противоречиями. Она еще любит князя, слишком силен и неожидан удар, нанесенный неверным. Поэтому двенадцать лет ожидания для Наташи не столько жажда возмездия, сколько восстановление утраченной справедливости. К этому же стремится и князь. Счастливый от обретения дочери и вести о ждущей его возлюбленной, он уже не принадлежит реальному миру, а потому слова упрека и мольбы преследующей его княгини не трогают княжеского сердца. Грань между реальным и фантастическим в финале оперы совершенно стирается.

Однако Даргомыжскому, на наш взгляд, удается удержаться от соблазна подражания сюжету Н. Краснопольского. Он не перегружает финал излишней фантастикой, не увлекается «превращениями». Вплоть до самой смерти князя трагедия разыгрывается на земле, хотя героя трудно считать принадлежащим

миру людей. Это понимает мельник. Безумный старик, едва не убивший князя в предыдущую встречу, сейчас его защищает, отстаивая право дочери на долгожданное счастье. Он тоже по-своему искупает вину: ведет к Наташе жениха. Почти зеркально-симметричной становится и сцена ожидания свадьбы князя с русалкой, о которой говорит мельник: «Да, он наш, его мы не уступим! Сегодня он должен венчаться с дочерью моей» [Даргомыжский, с. 294–295].

Последняя сцена драмы — сцена без слов. Русалки влекут бездыханного князя к стопам царицы. Финал оперы кажется законченным, но не совсем логичным: осуществляется идея справедливого возмездия, но ни обещанной радости встречи, ни венчального пира в нем нет. Свершившаяся «справедливость» реалистична: обет князя выполнен, он полностью принадлежит той, к которой стремился.

В музыкальной драме Даргомыжского происходит окончательное превращение некогда «развлекательного» сюжета в глубокую социально-психологическую драму. Вбирая весь предшествующий опыт развития русалочьего сюжета в литературе и драматургии, он расширяет и изменяет традиционную схему, выводя в качестве главного героя страдающего князя. Мы не согласны с мнением А. Н. Серова, что драматург сводит финал только к решению личностного, любовного конфликта: «Все главные элементы этой, очень несложной, драмы принадлежат к области душевных движений: любовь, ревность, упреки, сердечные страдания, тоска, безумие, мщение — все это данности чисто психологические, без малейших подмесей идей абстрактных, рассудочных (как любознательность Фауста, честолюбие Макбета или Годунова), следовательно, сюжет “Русалки” — вполне музыкальный; это приходится сказать не о каждом оперном сюжете, даже из числа знаменитых» [Серов, с. 16]. Налицо и утверждение внесловной ценности «естественного» чувства: князь не может забыть дочь мельника и через двенадцать лет предпочитает ее княгине, а смерть героя ассоциируется с обретением им желанной свободы от обязанностей, навязанных статусом и властью.

Таким образом, если в пушкинской драме русалочий сюжет стал наиболее полным и обрел некую концептуальную завершенность, то в опере Даргомыжского он получил психологическую глубину и насыщенность. Пушкинский текст оказался притягательным для либреттиста и тем, что, вобрав в себя весь предшествующий культурологический опыт, стал источником, дающим колоссальные возможности для свободного творчества. Поэтому Даргомыжского можно считать драматургом, которому удалось не только по-своему воспринять и интерпретировать гениальную драму, но и создать завершенное произведение для музыкального театра, получившее самостоятельную жизнь на оперной сцене.

Гозенпуд А. А. Музыкальный театр России: от истоков до Глинки. Л., 1959. [Gozenpud A. A. Muzykal'nyj teatr Rossii: ot istokov do Glinki. L., 1959.]

Гозенпуд А. А. Пушкин и русская оперная классика // Гозенпуд А. А. Избр. ст. Л.; М., 1971. 240 с. [Gozenpud A. A. Pushkin i russkaya opernaya klassika // Gozenpud A. A. Izbr. st. L.; M., 1971. 240 s.]

Даргомыжский А. С. «Русалка»: опера в 4 действиях: клавир. М., 1975. 321 с. [Dargomyzhskij A. S. «Rusalka»: opera v 4 dejstviyakh: klavir. M., 1975. 321 s.]

Денисенко С. В. Пушкинские тексты на театральной сцене в XX веке. СПб., 2010. 532 с. [Denisenko S. V. Pushkinskie teksty na teatral'noj stsene v XX veke. SPb., 2010. 532 s.]

Лаптева Е. Р. Поэтика литературного либретто на сюжеты произведений А. С. Пушкина в русской опере XIX—XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 18 с. [Lapteva E. R. Poetika literaturnogo libretto na syuzhety proizvedenij A. S. Pushkina v russkoj opere XIX—XX vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2002. 18 s.]

Пушкин А. С. Русалка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Л., 1978. С. 360—385. [Pushkin A. S. Rusalka // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 5. L., 1978. S. 360—385.]

Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. Л., 1948. 268 с. [Rabinovich A. S. Russkaya opera do Glinki. L., 1948. 268 s.]

Серов А. Н. Русалка: опера А. С. Даргомыжского. М., 1953. 160 с. [Serov A. N. Rusalka: opera A. S. Dargomyzhskogo. M., 1953. 160 s.]

Статья поступила в редакцию 19.04.2013 г.

УДК 821.161.1-31 Достоевский + 316.462 + 395.3

Е. Г. Постникова

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В «ДВОЙНИКЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Утверждается, что в ранних произведениях Достоевского тема власти тесно связана с темой иерархического социума. «Начальство» показано как некая сакральная сила. Неуважение к начальнику чревато гибелью. Наказание — болезнь и смерть. В «Двойнике» Достоевского ремифологизированы древние дохристианские представления о власти как магической силе, связанной с миром мертвых, с предками.

Ключевые слова: Достоевский; власть; иерархия; самозванство; двойничество.

К теме власти молодой Достоевский подходит издалека и очень осторожно. Определенные наметки этой важнейшей для писателя темы можно обнаружить уже в «Бедных людях» и «Двойнике». В ранних произведениях тема власти вырастает из более мощной, имеющей богатые традиции в русской литературе темы иерархического социума, в котором как-то пытается прожить, но теряется, «затирается» маленький человек.

Четкая иерархия человеческого социума во многом обуславливается феноменом власти. Власть как социально-политический феномен существует только в иерархическом обществе. Власть и иерархия связаны, как дух и материя. Мы можем утверждать, что власть — это способ организации социума. В изображении

русской литературы социальная иерархия несет в себе черты сакрального (Божественного) космоса. При этом в литературе XIX в. было сильно сатирическое начало, которое «взрывало изнутри» привычные представления о «правильном» русском мироустройстве, усматривая в нем «несомненный вызов элементарному здравому смыслу», что вело к десакрализации социального космоса и демифологизации власти. Достоевский усвоил тенденцию, идущую от Гоголя, изображать социальный космос как мертвый. Особенно сильны гоголевские традиции в «Двойнике».

В «Двойнике» Достоевского дана картина общества, которое представляет собой четкую иерархическую систему. Всякий человек знает свое, отведенное ему место. В этом социальном космосе на каждого «маленького человека» есть свой «начальник», над этим «начальником» стоит кто-то рангом повыше, и так далее, вплоть до «Его превосходительства», который в повести Достоевского воплощает в себе некое космическое начало, высшую силу, сакральную власть. Склонность русского чиновника обожествлять «Его Превосходительство», опирающаяся на древнейшую традицию сакрализации власти, отразилась, к примеру, в сцене, когда Голядкин идет искать справедливость и защиту (заступничество) у высшего начальства:

Нет, я вот как сделаю: отправлюсь, паду к ногам, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать, так и так; в ваши руки судьбу предаю, в руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодетельствуйте человека; так и так, дескать, вот то-то и то-то, противозаконный поступок; не погубите, принимаю вас за отца, не оставьте... амбицию, честь, имя и фамилию спасите... и от злодея, развращенного человека спасите... <...> перемените, благоволите, велите переменить — и безбожный, самодовольный подмен уничтожить... не в пример другим, ваше превосходительство. Принимаю вас за отца. <...> Дескать, принимаю вас, благодетельное начальство, за отца и вверяю судьбу свою и прекословить не буду, вверяюсь и сам отстраняюсь от дел... дескать, вот оно как! [Достоевский, т. 1, с. 213]¹.

Петербургский чиновник Голядкин начинает вдруг воспроизводить стереотипы и поведенческие модели властных отношений, характерные для традиционной культуры: почитать за отца, пасть к ногам, униженно испрашивать, передать судьбу в руки начальства. Характерны и формулы обращения к власти: *защитите, не погубите, не оставьте, спасите, благоволите, велите переменить, вверяю судьбу свою и прекословить не буду*. Просьбу *безбожный и самодовольный подмен уничтожить* начальник способен удовлетворить потому, что в какой-то степени, является гарантом правильного, Божественного порядка, «живым образом» сакрального первообраза, воплотившим в себе наместническую модель власти.

Высший «начальник» в буквальном смысле несет в себе высшее начало, олицетворяет собой космос (черный фрак) и звезды: «Когда наш герой вошел, то почувствовал, что как будто ослеп, ибо решительно ничего не видал. <...>

¹ Далее цитируется по данному изданию с указанием страниц цитируемого текста.

Наконец, наш герой стал ясно отличать звезду на черном фраке его превосходительства, потом, сохраняя постепенность, перешел и к черному фраку, наконец, получил способность полного созерцания» [с. 215]. В этом, по сути мистическом, видении Голядкина, когда после временного ослепления нашему герою является сначала звезда на черном космическом фоне, а затем только постепенно начинает проявляться образ «Его Превосходительства», как некое воплощение на земле Божественного первообраза, отразились, на наш взгляд, представления об иерархическом отображении земным сущим (образом) небесного должного (первообраза) [см.: Андреева, с. 75]. Характерен и мотив ослепления. Такая реакция — это нормальная реакция простого человека, представшего перед Богом (в данном случае — божественным властителем), лица которого нельзя видеть и не умереть [Мифы народов мира, т. 2, с. 166]. Вспомним, к примеру, историю Моисея, которому по особой милости была явлена вся сила Яхве, но таким образом, что он видит Яхве сзади, ибо лицо Бога нельзя увидеть и не умереть (Исх. 33 : 18—23); после такой милости лицо самого Моисея сияет столь явственно, что к нему боятся подойти, и ему приходится носить на голове покрывало (Исх. 34 : 29—35).

Конечно, в том, как изображает Достоевский поход Голядкина за правдой к высшему лицу, отразилась особенная способность сатирического изображения мифологизировать реальность и тут же разрушать только что созданный миф, вскрывая противоречие между объективным несовершенством бытия и его претензией на совершенство. Однако необходимо отметить, что подобное мироотношение петербургского чиновника, совершенно справедливо осмеянное русской литературой, имеет более глубокие корни и традиции, чем это может показаться на взгляд европейски образованного, воспитанного в секуляризованной культуре рационального человека. Для нас важно, что подобные мистические видения наш герой начинает наблюдать в кризисный, переломный момент его жизни, когда рушится обычная рациональная картина мироздания и он совершенно теряется: «Тут человек пропадает, тут сам от себя человек исчезает и самого себя не может сдержать...» [с. 213]. В момент личной катастрофы подсознание героя начинает актуализировать архаические модели поведения, основанные на соответствующих иррациональных представлениях о власти и иерархических отношениях.

Четкая иерархия — это черта сакрального космоса, мироздания, понимаемого как целостная, упорядоченная, организованная законом меры и справедливости вселенная, противостоящая хаосу [см.: Мифы народов мира, т. 2, с. 9]. А представитель высшей власти — мифический герой, который имеет силы этот космос защитить и восстановить. Не случайно Голядкин обращается к «Его превосходительству» как к имитатору высшей Божественной власти с просьбой «безбожный, самодовольный подмен уничтожить», т. е. восстановить божественный порядок.

Традиционным образом власти, наряду с Богом и Царем, является отец. Напомним русскую поговорку: государь — отец, Земля — мать. Достоевский очень тонко прочувствовал отеческую природу русской власти. Несколько раз в повести Голядкин актуализирует эту мифологию: «Принимаю начальство за

отца» [с. 196]; «Принимаю благодетельное начальство за отца» [с. 198]; «Принимаю вас за Отца» [с. 198]. Практически во всех процитированных случаях обращения к «начальнику» как отцу Голядкин позволяет себе тут же «напомнить» вышестоящему о должном его поведении. «Принимаю вас за отца; начальство, конечно благодетельное и попечительное начальство подобные движения должно поощрять...» [с. 213], и еще «Я думаю, Андрей Филиппович, что начальство должно поощрять подобные движения [с. 196].

Возможно, такое, несколько нахальное со стороны Голядкина, указание начальству на то, что оно «должно», параллельно с упором на тему отцовства власти указывает на опосредованное знакомство героя с характерными для древнерусской культуры представлениями о «праведном» царе, несущем ответственность за врученный его попечению мир. У Б. А. Успенского и В. М. Живова читаем: «...власть князя и его право суда оказались в этой перспективе вовсе не абсолютными, но делегированными Богом на жестких условиях, нарушение которых приводило к полному расподоблению властителя и Бога, к тому, что Бог отказывался от царя, осуждал и низвергал его» [Успенский, Живов, с. 212–213]. Характерна при этом реакция на выпады Голядкина «благодетельного и попечительного» начальства: «Андрей Филиппович, слушающая господина Голядкина, до того удивился, что как-то невольно отшатнулся шага на два назад» (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — *Е. П.*) [с. 196] и «Его превосходительство отвернул с я» [с. 216]. Видимо, концепция «праведного царя» в российской империи XIX в. уже является анахронизмом.

Какое-то время Голядкин обращается к такому традиционному пониманию власти, пытаясь удержать свой мир от окончательного разрушения. С помощью древнерусской христианской традиции восприятия власти он пытается объяснить себе появление двойника в департаменте, чтобы как-то смириться с ситуацией: «...промысел Божий создал двух совершенно подобных, а благодетельное начальство, видя промысел Божий, приютили двух близнецов-с» [с. 198]. В какой-то момент, думая о самозванце, Голядкин приходит к выводу: «Человек же он бедный, затерянный, запуганный; тут сердце болит, тут сострадание его призреть велит! Да! Нечего сказать, хороши бы были наши начальники, если бы так рассуждали, как я, забубенная голова!» [с. 172]. На наш взгляд, в этом внезапном взгляде на самозванца сквозь систему христианских ценностей и в соотношении этой системы с деятельностью «начальника» отразилось представление о «сакраментальном присутствии Христа в персоне властителя и идея о подобии земной социальной иерархии иерархическому строению Царства Небесного» [Андреева, с. 76]. Опираясь на сатирические традиции русской литературы, Достоевский вскрывает противоречие между симулирующей значимостью и хриstopодобностью формой феномена власти и его ничтожным, антихристианским содержанием.

Отечская семантика власти подчеркивается в определении, которое Голядкин, сам не понимая глубины смысла, заложенного в нем, дает своему непосредственному начальнику, — медведь. Вот как описана встреча Якова Петровича с молодыми сослуживцами в самом начале повести:

— Ну, а что, медведь наш сидит?..

— Кто это, Яков Петрович?

— Ну, медведь-то, будто не знаете, кого медведем зовут?.. — Господин Голядкин засмеялся и отвернулся к приказчику взять с него сдачу. — Я говорю про Андрея Филипповича, господа, — продолжал он, кончив с приказчиком и на этот раз с весьма серьезным видом обратившись к чиновникам. Оба регистратора значительно перемигнулись друг с другом [с. 124].

Напомним, что в мифологии медведь — это первопредок, родоначальник, культурный герой, основатель традиции, тотем [см.: Мифы народов мира, т. 2, с. 128]. Наименование начальника медведем определяется не только его возможным внешним сходством с этим животным (о таком сходстве в повести ничего не говорится), но скорее всего — с древними дохристианскими представлениями о властителе как маге, связанном с миром предков [см.: Бочаров, 2006а, с. 230]. Перемигивание регистраторов и их недоумение в этой сцене может означать, с одной стороны, разоблачение Голядкина как короля-шута, с другой стороны, оно может быть связано с нарушением Голядкиным негласного табу на произнесение имени начальника в прямом соотношении с его прозвищем или вторым (табуированным) именем.

Можно предположить, что в какой-то степени попытка Голядкина иронизировать над начальником, забыв на мгновение сакральный смысл власти и ее мистическую связь с миром предков, инициирует жизненную катастрофу, приведшую в дальнейшем к появлению двойника и сумасшествию героя. Позднее, когда Голядкин окончательно «проваливается» и теряет место, он прозревает: «А ведь это все медведь мастерит. Во все это обстоятельство медведь замешался» [с. 191]. Свое фиаско, «выпадение» из социально-иерархической системы герой воспринимает как дьявольскую интригу самозванца и месть «медведя» (первопредка), которая объясняется не только простыми бытовыми причинами (Андрей Филиппович проталкивает по служебной лестнице своего племянника, «нещечко» Владимира Семеновича), но и древнейшими законами традиционной политической культуры, которые предполагают строжайшее наказание за несоблюдение подчиненными этикета и поведенческих табуиций, регламентирующих взаимодействие между соподчиненными элементами общества.

Мы подошли вплотную к вопросу, в чем причина «падения» Голядкина, выбивания его из социальной иерархии и подмены двойником-самозванцем. Самый очевидный, с нашей точки зрения, вариант ответа на этот вопрос лежит на поверхности и сразу возникает при беглом анализе семантики поведения героя до «изгнания» из дома Олсуфия Ивановича и исследовании «прочтения» этой семантики культурным (чиновничьим) сообществом.

Исследователи утверждают, что особую роль в оформлении властных отношений играют символы власти. Под символом власти можно понимать и некий материальный предмет (знак), и модель поведения. Символы власти маркируют статус индивида, отмечают его место в социальной и политической иерархии. Парадокс заключается в том, что символы, семиотические атрибуты не только оформляют власть, но и в известной степени ей тождественны [Бочаров, 2006б, с. 275]. В русской чиновничьей культуре символ всегда эффективно

организовывал поведение субъектов властных отношений. Было принято демонстрировать лояльность власти с помощью конкретных этикетных норм, поведенческих стереотипов. Современный исследователь отмечает: «Набор подобных поведенческих моделей, учитывая богатейшие традиции нашей бюрократической культуры, чрезвычайно широк и достоин специального исследования. Он состоит из общепринятых норм: как-то встать при появлении начальника, пропустить его вперед, поспешно открыв перед ним дверь, обозначить поклон и заискивающую улыбку в ответ на рукопожатие, при этом глубина поклона соотносится с рангом руководителя» [Там же, с. 280].

Обратим внимание, что в самом начале повести Голядкин стремится продемонстрировать знаки власти, которые явно не соответствуют его социальному положению. Одним из первых жестов проснувшегося Голядкина в самом начале повести является извлечение из потайного места толстого бумажника и пересчет накопленных денег: «Семьсот пятьдесят рублей... знатная сумма! <...> Это приятная сумма. <...> Такая сумма может далеко поведи человека» [с. 110]. «Знатная сумма» становится знаком власти для Голядкина и движущим мотивом, причиной его дальнейших действий. «Деньги — власть», деньги как способ приобретения власти и как форма ее выражения — сквозной мотив русской и зарубежной литературы. «Герой Достоевского ведет себя в свете сюжетной темы “накопление денег — обретение власти”, восходящей к “Скупому рыцарю” А. С. Пушкина, к произведениям западноевропейской литературы», — отмечает Н. Г. Михновец [Михновец, с. 108]. В первой же главе появляются и другие семиотически значимые атрибуты власти:

- ливрея слуги Петрушки («Надев ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошел в комнату барина. Костюмирован он был странно донельзя. На нем была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, с золотыми обсыпавшимися галунами, и, по-видимому, шитая на человека ростом на целый аршин выше Петрушки» [с. 111]);
- карета («Голубая извозчичья карета, с какими-то гербами, с громом подкатилась к крыльцу» [с. 112]);
- сапоги («И сапоги принесли?» [с. 111]);
- вицмундир («...натянул вицмундир тоже новехонький и тщательно вычищенный» [с. 111]);
- толстый бумажник (Голядкин специально разменивает купюры, чтобы бумажник казался толще: «разменял всю крупную бумагу на мелкую, и хотя потерял на промене, но все-таки разменял, и бумажник его значительно потолстел» [с. 122]).

Несколько забегая вперед, отметим реакцию на этот «костюмированный» выход лакея Голядкина Петрушки: «Заметно было еще, что во время осмотра Петрушка глядел с каким-то странным ожиданием на барина и с необыкновенным любопытством следил за всяким движением его, что крайне смущало господина Голядкина»; «Впрочем, в это утро господин Голядкин был крайне рассеян, потому что почти не заметил улыбочек и гримас на свой счет помогавшего ему одеваться Петрушки»; «Петрушка, перемигиваясь с извозчиком и с кое-какими зеваками, усадил своего барина в карету; непривычным голосом и

едва сдерживая дурацкий смех, крикнул: «Пошел!», вскочил на запятки, и все это, с шумом и громом, звеня и треща, покатилося на Невский проспект» [с. 112]. Любопытство, перемигивание и «дурацкий смех» Петрушки над баринот разоблачают в Голядкине самозваного царя-шута. Подключенные к семантике карнавала символы власти (карега, ливрея, сапоги, вицмундир) становятся атрибутами «ряжения», предваряя появление самозванца-двойника в повести.

Обладание знаками власти дает герою ложное чувство свободы, собственной значимости, весомости, авторитета. Вооружившись материальными атрибутами власти, Голядкин чувствует себя вполне человеком иного социального статуса и совершает несколько фатальных ошибок, отступая от принятого в чиновничьем мире этикета взаимодействия между соподчиненными элементами. Он сплошь и рядом начинает нарушать негласный закон демонстрации вышестоящим «начальникам» паттернов лояльности.

К примеру, он вдруг забывает «правильно» поздороваться с начальником: «Господин Голядкин, видя, что Андрей Филиппович узнал его совершенно, что глядит во все глаза и что спрятаться никак невозможно, покраснел до ушей. «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? — думал в неописанной тоске наш герой, — или прикинуться, что не я, а кто-нибудь другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! — говорил господин Голядкин, снимая шляпу перед Андреем Филипповичем и не сводя с него глаз. — Я, я ничего, — шептал он через силу, — я совсем ничего, это вовсе не я, Андрей Филиппович, это вовсе не я, не я, да и только». Скоро, однакож, дрожки обогнали карету, и магнетизм начальниковских взоров прекратился» [с. 113]. Снимая шляпу перед начальником, Голядкин демонстрирует знание светских приличий, но не соблюдает этикет, регламентирующий общение властного лица и подвластных в российской чиновничьей культуре: он не кланяется, не здоровается, не улыбается заискивающе, не пропускает вперед, т. е. не демонстрирует знаков лояльности вышестоящему начальству.

Отметим здесь, что, в отличие от Голядкина-старшего, его удачливый двойник Голядкин-младший демонстрирует власти все возможные вербальные и невербальные паттерны лояльности: правильно обращается к «начальству» («...желаю служить и особенно под вашим лестным начальством... ну и там все, что следует, знаете ли, ловко все выразил» [с. 150]), улыбается заискивающе, юлит и семенит («улыбался, юлил и семенил в почтительном расстоянии от Андрея Антоновича и что-то с восхищенным видом нашептывал ему на ушко» [с. 165]), внимательно слушает и преданно смотрит («Он весь обратился в слух и зрение, как-то странно съежился, вероятно, чтоб удобнее слушать, не спуская глаз с его превосходительства, и изредка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва заметными судорогами, обличавшими все внутренние, сокровенные движения души его» [с. 199]). Четкое соблюдение поведенческих стереотипов вызывает одобрение «начальства», и вот уже двойнику доверяют знаки «вышей власти» — портфель и карету («...у подлеца под мышкой был огромный зеленый портфель, принадлежащий его превосходительству» [с. 192]; «у крыльца загремела карета его превосходительства. <...> Приехавший был

не кто иной, как господин Голядкин-младший» [с. 193]). «Подлец»-самозванец не повторяет ошибок героя. Он никогда не присваивает себе символы власти, соблюдая субординацию.

Возвращаясь к Голядкину-старшему, напомним, что он вдруг совершает несколько неожиданных «нападений» на важных персон. Так, совершенно без приглашения заявляется он к доктору медицины и хирургии Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу, обладающему всеми символами Значительного лица: «...Рутеншпиц, весьма здоровый, хотя уже и пожилой человек, одаренный густыми седеющими бровями и бакенбардами, выразительным сверкающим взглядом, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни, и, наконец, значительным орденом, — сидел в это утро у себя в кабинете, в покойных креслах своих, пил кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курил сигарету и прописывал от времени до времени рецепты своим пациентам» [с. 114]. В процессе разговора герой вдруг хватает доктора медицины за правую руку. Затем происходит «странная сцена»: «Тогда произошла довольно странная сцена. Немного озадаченный, Крестьян Иванович на мгновение будто прирос к своему креслу и, потерявшись, смотрел во все глаза господину Голядкину, который таким же образом смотрел на него. Наконец, Крестьян Иванович встал, придерживаясь немного за лацкан вицмундира господина Голядкина. <...> Всклипывая, кивая головой и ударяя себя в грудь правой рукою, а левой схватив тоже за лацкан домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотел было он говорить и в чем-то немедленно объясниться, но не мог и слова сказать» [с. 118].

Подобная сцена происходит позднее между Голядкиным и его начальником Андреем Филипповичем: «Что!.. что?! — Андрей Филиппович потерялся от изумления. Господин Голядкин, который доселе, разговаривая снизу лестницы с Андреем Филипповичем, смотрел так, что, казалось, готов был ему прыгнуть прямо в глаза, — видя, что начальник отделения немного смешался, сделал, почти неведомо себе, шаг вперед. Андрей Филиппович подался назад. Господин Голядкин переступил еще и еще ступеньку. Андрей Филиппович беспокойно осмотрелся кругом. Господин Голядкин вдруг быстро поднялся на лестницу. Еще быстрее прыгнул Андрей Филиппович в комнату и захлопнул дверь за собою. Господин Голядкин остался один. В глазах у него потемнело» [с. 127].

Конечно, хватание за руки и «за лацканы» и «впрыгивание в глаза», виртуальные нападения никак не вписываются в этикет взаимодействия между соподчиненными элементами чиновничьей иерархии России XIX в. По мнению современного исследователя, для русской культуры характерно не просто тождество восприятия символа и реальности, но даже и приоритетность символа по отношению к реальности [см.: Бочаров, 2006б, с. 277, 285]. Парадокс описанной Достоевским ситуации заключается в том, что в ритмизованном мире бытия знак и символ оказываются первичнее реальности, важнее «живой жизни». Такая формализация жизни приводит к тому, что нарушение стереотипов поведения как нарушение древних негласных табу может вызвать разрушение личности, выпадение ее из реальности. Нарушение стереотипов поведения ведет к смене знака, и вот уже поведение Голядкина прочитывается социумом как антиповедение, т. е. обратное, перевернутое, опрокинутое поведение, характер-

ное для «нежити» или «нечисти». Оттого так много в «Двойнике» метафор смерти. Голядкин оказывается полумертвым («едва слышным голосом проговорил полумертвый господин Голядкин» [с. 134]), полубитым («как потерянный и полубитый герой наш» [с. 1]). В этом свете особую трактовку получают поведенческие реакции, «оскорбительные жесты» двойника и окружающих, относящихся к нему как к «нечистому», мертвецу: «Руки ему не дал никто <...> знак был дурной» [с. 131]. «Двойник» вытирает руку после рукопожатия, «с грубостью вырвал свою руку из руки господина Голядкина-старшего; мало того, — стяхнул свою руку, как будто замарал ее через то в чем-то совсем нехорошем; <...> вынул платок свой и тут же, самым бесчиннейшим образом, вытер им все пальцы свои, побывавшие на минутку в руке господина Голядкина-старшего» [с. 195].

На протяжении всей повести герой несколько раз «умирает» и «воскресает»: «Господин Голядкин был убит — убит вполне» [с. 138]; «Вы меня оживляете» [с. 150]; «...господин Голядкин возродился полной надеждой, точно из мертвых воскрес» [с. 151]. Потеря социального статуса описывается как потеря жизни, жизненных сил, отсюда желание героя спрятаться в уголок: «Наконец, он добрался до уголка и стал в нем, как посторонний, довольно равнодушный наблюдатель» [с. 134]. Такое мерцающее состояние между смертью и жизнью характерно для обряда инициации. Действительно, согласно древним мифологическим законам право войти на следующую ступень социальной иерархии человек получал, только пройдя через обряд инициации, посвящения, который наш «полумертвый» герой так и не проходит. Таким предвкушаемым Голядкиным «посвящением» мог стать брак с «высокородной» невестой, дочерью благодетеля Олсуфия Ивановича. Свадебный обряд как обряд инициации мог бы стать одновременно и обрядом интронизации героя, его торжественного введения во власть, обретения им харизмы Значительного лица.

Здесь стоит отметить, что в тексте «Двойника» содержится сюжет о неудавшемся сватовстве (несостоявшейся свадьбе) героя, вышедшего из более низких слоев общества. В начале повести Голядкин выглядит и ведет себя как жених (карета, новый вицмундир и т.д.), предвкушает новое рождение («Жил, Крестьян Иванович, жил, жил и прежде. Как не жить» [с. 121]). Обратим внимание на описание именин предполагаемой невесты. Торжественный день рождения Клары Олсуфьевны, единокровной дочери статского советника Берендеева, назван «высокторжественным днем», а сама именинница — «царицей праздника» (6 раз), дочерью «маститого старца». В честь царицы праздника поднимаются «здоровые чаши» с «божественным нектаром». Сам праздник напоминает «пир вальтасаровский» и «отзывается чем-то вавилонским» [с. 128]. Декларативно заявляя, что не обладает «тайной слога высокого, сильного, слога торжественного», автор пародирует одический канон. На наш взгляд, использование одических клише и штампов было необходимо Достоевскому не только для сатирического развенчания жизни чиновничьего общества, но и для актуализации скрытого сюжета «сватовства к царевне».

Появляется на празднике и «соперник» Голядкина, настоящий жених (царевич) Владимир Семенович, «нешечко» (сокровище [с. 120]), «счастливый юноша,

вступающий в свою двадцать шестую весну», обладатель «цветущих ланит» [с. 129], с которым повествователь связывает «добродетель», торжествующую «над пороком и завистью» [с. 129]. Зависть Голядкина вызывает получение Владимиром Семеновичем ассессорского чина и его претензия, несмотря на юный возраст, жениться: «Да жениться хочет, когда еще молоко, с позволения сказать, на губах не обсохло» [с. 120]. Голядкин же обделен и природой («отразившаяся в зеркале заспанная, подслеповатая и довольно оплешивевшая фигура была именно такого незначительного свойства, что с первого взгляда не останавливала на себе решительно ничьего исключительного внимания» [с. 109]), и социумом (соперник обходит его в продвижении по служебной лестнице).

Заметим здесь, что из «щелки» Голядкина выманили с помощью письма Клары Олсуфиевны, предлагавшей ему совместный «побег». Но если торжественное событие, задуманное как сватовство, стало моментом социальной смерти, социального самоубийства героя, то предполагаемая «свадьба» превращается в его похороны («Людей была бездна, дам целая оранжерея; все это теснилось около господина Голядкина; все это стремилось к господину Голядкину, все это выносило на плечах господина Голядкина. <...> Ему показалась даже, что слеза блеснула в тусклых взорах Олсуфия Ивановича; он поднял глаза и увидел, что на ресницах Клары Олсуфьевны, тут же стоявшей, тоже блеснула слезинка <...> спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общего слезливого участия <...> юноша... уже горько рыдал» [с. 225]).

Таким образом, «несостоявшийся жених» Голядкин не обладает властной харизмой ни по рождению, ни по должности. К тому же, как мы видели, он нарушает властный этикет, поэтому в результате разоблачается как самозванец и в буквальном смысле слова дважды «спускается» с лестницы и отправляется в инобытие.

Возвращаясь к вопросу о причине появления самозванца в жизни Голядкина, отметим, что самозванство проявляется на фоне общей ритуализации жизни. В начале повести Голядкин предстает перед нами человеком, подпавшим под ритм бытия. Ритм будем понимать как упорядоченную данность, уже — наличность, в пульсации которой теряется единица — личность. В «Двойнике» Достоевский, следуя за Гоголем, поставил важную проблему отчуждения в человеке его родовой, подлинно человеческой сущности и подмены ее видовым, сословно-иерархическим началом, чином-званьем. В результате подпадания под ритм бытия человек отказывается от духовного развития в пользу красивой самопостановки в роли. Философское осмысление темы самозванства находим у М. М. Бахтина, утверждавшего: «Пытаясь понимать всю свою жизнь как скрытое представительство, каждый свой акт как ритуальный, мы становимся самозванцами» [Бахтин, с. 52]. Самозванец, который в жуткую ноябрьскую ночь отделяется от своего хозяина, живет в Голядкине уже тогда, когда он бесконечно смотрится в зеркало, окружает себя всевозможными мнимостями — знаками иерархии и власти, хочет быть «как все», «с краю», при этом декларативно заявляя о своей единственности и неповторимости («...я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьян Иванович. Я себе особо и, сколько мне кажется, ни от кого не завишу [с. 116]). Самозванец, обнаруживающий себя в Голядкине

уже в начале повести, доволен собой («остался совершенно доволен всем тем, что увидел в зеркале [с. 110]); «судорожно потер себе руки и залился смехом» [с. 112], но и боится разоблачения.

Появление самозванца провоцируется отказом от себя «как есть» и попыткой воплощения в выдуманную, выбранную роль (костюмированный выход Голядкина в начале повести указывает на эту роль). Момент отказа от себя четко зафиксирован в самом начале повествования («...не я, не я, да и только» [с. 113]) и повторяется той мистической ночью: «Если б теперь посторонний неинтересованный какой-нибудь наблюдатель взглянул бы так себе, сбоку, на тоскливую побегжку, господина Голядкина, то и тот бы разом проникнулся всем страшным ужасом его бедствий и непременно сказал бы, что господин Голядкин глядит теперь так, как будто сам от себя куда-то спрятаться хочет, как будто сам от себя убежать куда-нибудь хочет <...> ...даже совсем уничтожиться, не быть <...> в прах обратиться» [с. 139]). В самозванстве слышится заглушенное отчаяние: «Я не есть я. Я больше того, что вы видите». Самозванство — трагический выход для заблудившегося, отказавшегося от собственной должествующей единственности человека. Увлечшись внешним миром, герой Достоевского так занят самопостановкой собственной персоны, что, заигравшись, начинает трепать себя по лицу и обращаться к себе на «ты»: «Эх ты, фигурант ты этакой! — сказал господин Голядкин, ущипнув себя окоченевшей рукою за окоченевшую щеку, — дурашка ты этакой, Голядка ты этакой, — фамилия твоя такая!..» [с. 132]. Это «ты», которое и есть его маска, его социально адаптированное «я», отделяется от него и начинает жить своей жизнью.

Голядкин представляет собой нечто мерцающее, колеблющееся, неустойчивое, человека без лица, который отчаянно пытается обрести хоть какую-то форму, хоть как-то состояться, натянув на себя маску персоны, заявить себя другим — значительным и важным. Отсюда две противоположные тенденции: с одной стороны, декларативное заявление героя о жизни без маски («Маску одеваю лишь в маскарад, а не хожу с нею перед людьми каждодневно» [с. 117]), с другой стороны, разоблачая окружающий мир как мир маскарада, на самом деле он мечтает хоть о какой-нибудь маске, чтобы за ней спрятаться, скрыться. Появление мотива маски в речах Голядкина — это и дань литературной традиции (романтический штамп), и в то же время, обвиняя весь мир в ношении маски, герой подчеркивает его inferнальный характер. Он один оказывается живым.

Подчеркнем парадоксальность ситуации: срывание маски с самого Голядкина происходит в момент рождения двойника. Только после этого события Голядкин вдруг начинает находить в себе человека, а «свое место» превращается в «свое бытие». Социальные вопросы вырастают до экзистенциальных. Если до появления двойника «свое место» понималось Голядкиным только как место в социальной иерархии, то в письмах Нестору Игнатьевичу и двойнику «свое место» понимается как «свое бытие», а самозванец обвиняется в «странной претензии и фантастическом желании» «вытеснить других из пределов, занимаемых сими другими своим бытием в этом мире, и занять их

место» [с. 184]. Если в начале повести Голядкин рядится, претендует на роль более значительную, чем занимает сейчас, то к концу он вдруг вспоминает важнейший закон бытия: «быть довольным своим местом», «ибо всякий должен быть доволен своим местом» [с. 184]. Этот Божественный, космический закон и одновременно закон социальной иерархии — быть довольным своим местом — Голядкин нарушает в самом начале повести. Пережив личную катастрофу, герой вспоминает о том, что на самом деле важно человеку (жизнь, свое место в бытии, в Божественном космосе), но, к сожалению, поздно.

Парадоксально, но появление двойника вызывает «о ч е л о в е ч и в а н и е» Голядкина, как будто он очистился от всего наносного, маскарадного, ролевого, видового в личности. В нем стал проявляться стержень единственного и неповторимого в мире человеческого «я» (экзистенциального «я» — одинокого, противопоставленного «им всем», обиженного и попираемого). Это очищение сродни очищению перед смертью. Все темное, подлое и при этом социально адаптированное и удачливое, что было в личности самого Голядкин, воплощается в «другом», в двойнике. Но ведь до последнего герой Достоевского завидует своему подлому, но удачливому «молодому» другу.

В конечном счете, «Двойник» — это рассказ о том, как человек отказывается от своей долженствующей единственности (Божественной неповторимости). Ориентированная на социум его часть — Персона — воцаряется, выдавливая из жизни живую личность. Разоблачая в Голядкине-младшем самозванца, Голядкин-старший к нему обращается: «Самозванство и бесстыдство, милостивый мой государь, не к добру приводит, а до петли доводит. Гришка Отрепьев только один, сударь вы мой, взял самозванством, обманув слепой народ, да и то ненадолго» [с. 167–168]. По мнению Н. Михновец, в данном случае в слове «государь» из письменной формы обращения актуализировано в контексте всей фразы его основное значение. «Власть над каждой минутой душевной жизни Голядкина обрел «государь»-самозванец», — отмечает исследователь [Михновец, с. 114].

У Достоевского остается открытым вопрос: является ли болезнь следствием нарушения иерархии или нарушение иерархии — следствие душевной болезни? Точно так же остается открытым вопрос: а болезнь ли это или двойник — реальное лицо? По некоторым признакам Голядкин «болен» уже до своих «действий», «поступков» («...ожидая вдохновения для дальнейших поступков» [с. 118]). «Поступки» же, в свою очередь, усугубляют трагичность ситуации, вызывая появление двойника, трикстера. В «Двойнике» нарушение иерархии становится как причиной, так и следствием «выпадения» Голядкина из социального космоса и появления двойника-самозванца. С другой стороны, для нас важно, что «обожение» социального космоса, религиозное поклонение разного рода социальным отчуждениям, «мнимостям», сакрализация «его превосходительств» напрямую ведут к самозванству личности. В связи с этим перед человеком социальным стоит задача вписаться в общество и не потерять свою личность. Герои Достоевского по-разному ее решают, не всегда с ней справляясь.

Итак, мы увидели, что в ранних произведениях Достоевского тема власти тесно связана с темой иерархического социума. «Начальство» показано как некая

сакральная сила, воплощающая в себе сверхъестественный авторитет. Подчиненные обязаны демонстрировать властным особам паттерны лояльности. Неуважение к «начальнику» чревато гибелью. Наказание — болезнь и смерть. В «Двойнике» Достоевского ремифологизированы древние дохристианские представления о власти как магической силе, связанной с миром мертвых, с предками. Как показал Достоевский, древнерусская концепция власти «праведного» царя, которую еще «припоминают» в кризисные моменты жизни подчиненные, совсем забыта властолюбивыми «превосходительствами». В целом, в «Двойнике» с поразительной точностью и глубиной дана картина чиновничьей культуры середины XIX в. с ее властной иерархией, поведенческими стереотипами и этикетом взаимодействия между соподчиненными элементами.

Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. 304 с. [Andreeva L. A. Sakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoj tsivilizatsii. Latinskij Zapad i pravoslavnyj Vostok. M., 2007. 304 s.]

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 22–67. [Bakhtin M. M. K filosofii postupka // Bakhtin M. M. Chelovek v mire slova. M., 1995. S. 22–67.]

Бочаров В. В. Власть и время в культуре общества // Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. СПб., 2006а. С. 225–237. [Bocharov V. V. Vlast' i vremya v kul'ture obschestva // Antropologiya vlasti : khrestomatiya po politicheskoy antropologii : v 2 t. / sost. i отв. ред. V. V. Bocharov. SPb., 2006a. S. 225–237.]

Бочаров В. В. Символы власти или власть символов? // Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. СПб., 2006б. С. 274–302. [Bocharov V. V. Simvolyy vlasti ili vlast' simvolov? // Antropologiya vlasti : khrestomatiya po politicheskoy antropologii : v 2 t. / sost. i отв. ред. V. V. Bocharov. SPb., 2006b. S. 274–302.]

Достоевский Ф. М. Двойник // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Л., 1872. С. 109–230. [Dostoevskij F. M. Dvojnik // Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. T. 1. L., 1872. S. 109–230.]

Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 1992. 719 с. [Mify narodov mira : entsiklopediya : v 2 t. T. 2. M., 1992. 719 s.]

Михновец Н. Г. «Двойник» в историко-литературной перспективе // Достоевский и мировая культура : альманах № 20. СПб. ; М., 2004. С. 105–131. [Mikhnovets N. G. «Dvojnik» v istoriko-literaturnoj perspektive // Dostoevskij i mirovaya kul'tura : al'manakh N 20. SPb. ; M., 2004. S. 105–131.]

Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337. [Uspenskij B. A., Zhivov V. M. Tsar' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii) // Uspenskij B. A. Izbr. tr. T. 1 : Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. M., 1996. S. 205–337.]

Статья поступила в редакцию 22.02.2013 г.

УДК 821.161.1-145 Иванов + 114 + 115.4 + 159.937.53

Н. Л. Быстров

ДВИЖЕНИЕ И НЕПОДВИЖНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Рассматривается пространство в поэзии Вяч. Иванова, организованное таким образом, что его предметность непрерывно «перерастает» самое себя, словно бы смещаясь из области материально-вещественной, в которой допускается возможность движения, в сферу бестелесного существования, где «внешнее», экстенсивное движение прекращается, но в то же время актуализируется динамика иного — «внутреннего», идеального — порядка. Рассматривается возникающий при этом эффект «движения в неподвижности», или даже «неподвижного движения», когда его субъект, лирический герой, пребывая в покое, тем не менее сохраняет способность восходить ко все более совершенным состояниям своего и мирового бытия. Используется метод феноменологического анализа. В качестве материала выбраны стихотворения из разных поэтических книг Вячеслава Иванова.

Ключевые слова: Вяч. Иванов; поэтический мир; пространство и время; трансцендирующее видение; смысловой предел; память; «обратное» время.

С точки зрения Вяч. Иванова, поэтическое восприятие мира (или вообще любое восприятие, опосредованное созерцанием символов) осуществляется в двойственной перспективе — одновременно и чувственной, и сверхчувственной, когда образ созерцаемого объекта словно бы развоплощается, дематериализуется, но при этом взгляд удерживает в своих границах и сам этот образ, и то, что открылось за ним, в его эмпирически неочевидной глубине. В качестве примера — две строфы из сонета «Gli spiriti del viso»:

Есть духи глаз. С куста не каждый цвет
Они вплетут в венки своих избраний;
И сорванный с их памятию ранней
Сплетается, и суд их: Да, иль: Нет.

Хоть преломлен в их зрящих чашах свет,
Но чист кристалл эфириносных граней.
Они — глядят: молчанье — их завет.
Но в глубях дали грезят даль пространней.

[Иванов, т. 1, с. 785]¹

Во внешней, чувственно постижимой «дали» (а «духи глаз» именно чувственны, если иметь в виду их трактовку в «Новой жизни» Данте, из которой Вяч. Иванов заимствовал этот образ²) открывается «даль» иная, трансцендент-

¹ Далее цитируется по данному изданию с указанием в скобках тома и страницы (разрядка в цитатах наша. — Н. Б.).

² Ср.: «Тут Дух Животный, который пребывает в верхней светлице, куда духи чувственные несут свои восприятия, стал весьма удивляться и, обратившись особливо к духам Зрения, произнес такие слова: "Arraugit iam beatitudo vestra"» [Данте Алигьери, с. 20].

ная, доступная лишь умозрению. Граница между ними прозрачна — так что можно свободно перейти из одной «дали» в другую³. Даль характеризуется известной одномерностью, в отличие, например, от «простора» или «шири», которые распахнуты как бы сразу во все стороны: здесь взгляду задается более или менее отчетливое направление, линия пути. Даль приглашает к движению, и лирический герой Вяч. Иванова всегда захвачен динамикой перехода из мира очевидности — в ту «даль», которая «пространней», или, если воспользоваться центральной формулой ивановской эстетики, — стремлением *a realibus ad realiora* («от реального — к реальному»)⁴.

Но что там, в этой трансцендентной «дали»? Какого рода предметность ее конституирует и оформляет? И как возможно какое-то движение в таком пространстве?

В статье «Мысли о поэзии» (1938) Вяч. Иванов замечает: «поэзия — это вся многоликая жизнь, переживаемая поэтом в форме инобытия» [т. 3, с. 663]. Здесь «инобытие» — не что иное, как явленность жизни в аспекте ее неизменной сущности (в терминах «позднего» Вяч. Иванова — *forma formans*, «творящей формы»). Высвечивая эту сущность, поэтическое слово (равно как и искусство в целом) дает нам опыт соприкосновения с идеальным основанием вещей, с тем пределом их становления, в аспекте которого они предстают словно бы уже «свершившимися», достигшими конечной полноты своего бытия. В одном из стихотворений «Римского дневника 1944 года» читаем:

Вы, чьи резец, палитра, лира —
Единых муз одна семья,
Вы нас уводите от мира
В соседство инобытия.

Поскольку искусство есть способ приобщения к «инобытию», снимающий остроту нашей извечной «разлученности» с ним, то, как сказано в последней строфе этого стихотворения, мы именно здесь впервые видим вещи такими, каковы они есть:

---

³ Состояние такого «трансцендирующего» видения у Вяч. Иванова может быть выражено в образах как бы двойственного пребывания — одновременно в материальном и идеальном мирах, а также связанного с этим «двойничества». Ср., например, в «Зимних сонетах»: «Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный, / Я ж истинный, плотскому изменя, / Творю вдали свой храм нерукотворный» [т. 3, с. 569]. Или: «Как месячно и бело на дорогах, / Что смертной тенью мерит мой двойник. / Меж тем как сам я, тайный ученик, / Дивясь, брожу в Изиновых чертогах» [т. 3, с. 571].

⁴ Так, например, в статье «Заветы символизма» (1908) сказано: «...Отличительными признаками чисто символистского художества являются... сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие того, что искусство изображает как действительность внешнюю (*realia*), и того, что оно провидит во внешнем, как внутреннюю и высшую действительность (*realiora*)» [т. 2, с. 597]. Переход от *realia* к области *realiora* и сближение с нею Вяч. Иванов в ряде случаев обозначает термином «трансцензус», соотнося его с выражением Августина «*transcende te ipsum*» — «прейди самого себя». В работе «Две стихии в современном символизме» поэт говорит: «Пафос реалистического символизма: чрез августиново “*transcende te ipsum*” к лозунгу *a realibus ad realiora*. Его алхимическая загадка, его теургическая попытка религиозного творчества — утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность. Это пафос мистического устремления к *Ens realissimum*, эрос божественного» [т. 2, с. 553] (см. об этом: [Цимборска-Лебода]).

И про себя даемся диву,
 Что не приметили досель,
 Как ветерок ласкает ниву
 И зелена под ветром ель.

[т. 3, с. 643]⁵

Можно привести еще немало примеров, показывающих, что поэзия приоткрывает завесу над миром трансцендентных начал, представляя вещи как с и м в о л ы, или как «знамения иной действительности»⁶. Именно эти трансцендентные начала («иное») и образуют метафизическую «даль», открывающуюся в эмпирически зримом горизонте.

Но вот что важно: и идеи (или «логосы») вещей, и любые другие символизируемые поэзией сущности являют собой, как уже было сказано, предел становления всей предметности поэтического мира, ее смысловой «максимум» (в том именно смысле, в каком, например, А. Ф. Лосев, комментируя «Пир» Платона, писал: «Идея вещи представлена здесь как предел становления вещи» [см.: Платон, с. 435]). Какое здесь может быть движение? Если становление завершилось, то и движение должно исчезнуть. Это и в самом деле так, но тем не менее исчезает не всякое движение: определенного рода подвижность остается возможной.

Приведем еще одно стихотворение из «Римского дневника 1944 года»:

Поэзия, ты — слова день седьмой,
 Его покой, его суббота.
 Шесть дней прошли, — шесть зlob: как львица, спит Забота;
 И, в золоте песков увязшая кормой,
 Дремотно глядячи на чуждых волн тревогу,
 Святит в крылатом сне ладья живая Богу,
 И лепет паруса, и свой полет прямой.

[т. 3, с. 597]

Поэзия подобна ладье, которая, увязнув кормой в «золоте песков», все же «летит». Здесь уже нет ничего становящегося, и потому экстенсивное (внешнее) движение невозможно. Но при этом ладья — в «полете». Как следует понимать этот «полет»? Несомненно, в данном случае мы можем говорить лишь о чисто смысловой динамике, которая осуществляется не в режиме становления, а в состоянии абсолютной полноты живого смысла, и направлена как бы в глубину

⁵ Та же мысль высказана в статье «Форма жиздущая и форма созижденная», написанной через три года после стихотворений «Римского дневника», в 1947 г.: «...В обязанность художника отнюдь не входит задача изображать вещи такими, какими их видят все: наоборот, ему дана возможность нас ими удивлять. Нам должно казаться, что их и не было раньше, и мы радуемся, сознавая, что это все те же вещи, нам хорошо известные, обычные, но вдруг преображенные, показанные в своей подлинной сущности» [т. 3, с. 675].

⁶ В программной статье «Две стихии в современном символизме» об «истинном символическом искусстве» говорится так: «Раскрывая в вещах окружающей действительности символы, т. е. знамения иной действительности, оно представляет ее знаменательной. Другими словами, оно позволяет осознать связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в сферах иных» [т. 2, с. 538].

(во внутреннюю бесконечность) уже завершено, исполнено бытия. У Вяч. Иванова и в других текстах встречаются образы такого «движения в неподвижности»⁷: например, в стихотворении «Наг возвращусь» из книги «Свет вечерний»:

О плаванье, подобное покою,
И кругозор из глуби сферы покой!
Твое ли, Вечность, взморье то и всполье?
[т. 3, с. 562]

Ср. также образ «плаванья» из второй части триптиха «В челне по морю» («Кормчие звезды»):

Между двух мерцаний бледных
Тихо зыблется наш челн;
Тлеют севы звезд победных,
Тлеет пепл вечерних волн...

Сон пустыни... Мгла покоя...
А с туманных берегов
Долетают звуки боя,
Спор неведомых врагов.

[т. 1, с. 594]

И такое «плаванье» на челне тоже как будто не плаванье: оно совершается между двумя «мерцаниями» — небом и морем, горним и дольным, на границе, связующей то и другое. По замечанию З. Г. Минц и Г. В. Обатнина, в этом стихотворении «точка, с которой описывается мир, находится между двойной бездной» [Минц, Обатнин, с. 60]⁸, где земное пространство как бы нейтрализовано, поскольку в качестве предельно целостного «зеркального» отражения мира небесного оно перестает быть формой взаимного обособления вещей, и потому движение в материально-телесном его аспекте здесь должно прекратиться. «Плаванье» теперь — это только модус пребывания за пределами дискретной рядоположенности мест-топосов, в некоем «атопическом» сверхпространстве. Это область покоя, подобная, например, сновидению в сонете «Сон» («Свет вечерний»):

...Плыл челн души меж ведомых излучин,
У пристаней, у давних, ждал, причален.

...

⁷О смысловой природе обычных у Вяч. Иванова лексических конструкций типа «неподвижное движение», «явное таинство», «ночь света», «разумное безумье», «бессонная дрема» и т. п. см. [Гоготишвили].

⁸Здесь же — сравнение этого стихотворения с «Лебедем» Ф. И. Тютчева. Попутно отметим, что образ «двойной бездны», именно как устойчивый элемент мотива «плаванья», встречается в «Кормчих звездах» неоднократно, например в «Пробуждении»: «Проснулся — глядит / Гость корабельный: / Висит огнезрящая / И дышит над ним / Живая бездна... / Глухая бездна / Ропщет под ним...» [т. 1, с. 518]. О символике зеркальности у Вяч. Иванова см. также: [Созина].

Вторая жизнь, богаче и жесточе
 Старинной яви, прожитой беспечно,
 Мерцала в мути сонного зеркала.

И, пробудясь, я понял: время стало,
 Ничто не пройдет...

[т. 3, с. 561–562]

В ситуации «ставшего» времени движение становится уже не средством «разлуки» (в частности, с прошлым), но началом соединения, связывания всего «разлученного». Сон в данном случае — возможность беспрепятственного (исключающего противодействие пространства) возврата к прошлому и как бы повторного движения-путешествия в нем. При этом «вторая жизнь», актуализированная в «сонном зеркале», есть, очевидно, иная (т. е. прямо соотносимая с планом «иноного»), цельная жизнь, явление которой предпосылает лирическому «я» ощущение остановленности времени⁹.

Интересно, что в состоянии такого рода покоя и безвременности герой Вяч. Иванова самостоятельно не инициирует свое движение, по крайней мере не порождает его собственным усилием. Например, в стихотворениях из цикла «В челне по морю» такие проявления подвижности, как «скольжение», «стремление», «бег свободный», странным образом сопрягаются с покорностью «чуждой власти» или подчиняющей субъекта «силе»:

Дальний ропот океана
 Чутко внемлет тишина...
 Нас несет Левиафана
 Укрощенного спина!
 Силе страшно-благосклонной
 Ты доверилась со мной
 И стремишься над бездонной,
 Беспощадной глубиной.

[т. 1, с. 594]

В этих строках явственно слышится отзвук темы «безволя», которая в поэтико-философской системе Вяч. Иванова выражает, как правило, не представление об ущербности и бессилии человеческого существования, а, напротив, идею его абсолютной полноты и мощи. «Безволье», по словам поэта, есть эффект «поглощения частного общим», или «временного освобождения от себя», когда человек способен «все... принять в себя как оно есть в великом целом и весь мир заключить в сердце»; именно в этом случае он, «утративший свою

⁹ Такую трактовку сна можно соотнести с толкованием сновидений у П. А. Флоренского, мыслителя, во многом близкого Вяч. Иванову: «Сновидения и суть те образы, которые отделяют мир видимый от мира невидимого, отделяют и вместе с тем соединяют эти миры» [Флоренский, с. 83]. Имея это в виду, трудно согласиться с тем, что сон в цитированном стихотворении — не более чем образ тягостного земного существования, или, как полагает один из исследователей Вяч. Иванова, «маревое конечной жизни, только разлучающей части Единого», и что «пробуждение от такого сна означает остановку течения времени, окончание власти града земного» [Соколов, с. 121, 122].

личную волю, себя потерявший, впервые говорит... свое сверхличное Да — уже не миру, а сверхмирому» [т. 1, с. 830].

Будучи «безвольным», субъект у Вяч. Иванова внутренне «совпадает» с гармонией цельноединого пространства, становится ему изоморфным. Отсюда ощущение антропомерного равновесия, «надежности» вещественного мира, в том числе и того в нем, что несовместимо с состояниями покоя и стабильности:

Сладко мне мое безволие
Доверять валам надежным...
[т. 2, с. 268]

Отсюда же чувство открытости горизонта, просторности, прозрачности частных пространственных форм, варьирующееся от простой констатации типа:

...И кругозор из глуби сферы полой
[т. 3, с. 562]

Идти, куда глядят глаза,
Пряма, летит стрелой дорога!
Простор — предощущенье Бога
И вечной дали бирюза —
[т. 3, с. 626]

до более сильного переживания:

Глядит — не дышит
Верного берега сын,
Потерян в безднах...
[т. 1, с. 518]

Надо отметить, что ситуация «безволия» размывает (точнее, опрозрачивает) грань между внешним и внутренним пространствами: с одной стороны, перспектива движения разворачивается перед глазами лирического героя, предлежит ему как нечто извне данное, но в то же время она осознается и как имманентное измерение жизни души (часто — «сердца»), бесконечность внутренней вселенной:

И ныне теснотой укромной,
Заточник вольный, дорожу,
В себе простор, как мир огромный,
Взор обводя, не огляжу.
[т. 3, с. 626]

Ср. о том же в ракурсе важной для Вяч. Иванова темы единства макрокосма и микрокосма:

Ночь златокрылая! Тебе вослед пытается
Мой дух упругость крыл, но вскоре прилетает

На край своей души, как голубь к чаше вод,
 И видит: тот же в ней, далече, небосвод
 Переливается Голкондою жемчужин...
 И не доклонет он до дна...

[т. 3, с. 537]

Когда между внешним и внутренним нет структурных различий и в обоих измерениях обнаруживается по существу одно и то же пространство, то нахождение в нем уже невозможно представить как пребывание в чем-то не только чуждом, но даже просто «ином» по отношению к субъекту. Здесь пространство и тот, кто в нем находится, в существенном смысле тождественны. Концептуально близким для Вяч. Иванова примером описания такого или, скорее, типологически сходного тождества могли бы послужить размышления неоплатоника Плотина о свойствах «умного» (идеального, развернутого в вечном Уме) пространства: «И движение там чистое, поскольку движущее, так как оно не отличается от движения, не мешает ему, когда последнее происходит. И покой... не нарушается никаким движением, так как он не примешан к тому, что неустойчиво... Каждый ... ступает не то что бы по чужой земле, но для каждого то, в чем он находится, и является тем, что он есть» (рядка наша. — *Н. Б.*) [Плотин, с. 456]¹⁰.

В поэзии Вяч. Иванова мы нередко находим изображение таких состояний сознания, которые свидетельствуют именно о совпадении (точнее сказать, о взаимной «сплавленности») двух мнимо различных пространств — «я» и окружающего мира. Это могут быть вполне случайные, спонтанно возникающие ощущения, подобные тютчевскому «все во мне и я во всем», как, например, в стихотворении «Истома» из третьей книги «*Cor ardens*»:

...Как будто дымной кровию
 Моей бежит река!
 И, рея огнесклонами
 Мерцающих быстрин,
 Я — звездный сев над лонами
 Желающих низин!
 И, пьян дремой бессонною,
 Как будто стал я сам
 Женою темнолонною,
 Отверстой небесам

[т. 2, с. 379]

Но возможны состояния более предсказуемые, связанные с определенными свойствами ивановской поэтической оптики, в частности со способностью взгляда почти произвольно соединять друг с другом сферы обычного телесного зрения и зрения интроспективного, обращенного вовнутрь, доводя их до полного

¹⁰ О степени влияния неоплатонизма, и в частности философии Плотина, на мировоззрение Вяч. Иванова см., например: [Terras, p. 327–328, 331–333].

взаимного слияния и тем самым обнаруживая глубинное единство соответствующих им пространств. Возьмем для примера стихотворение «Усталость» («Кормчие звезды»):

День бледнеет, утомленный,
И бледнеет робкий вечер:
Длится миг смущенной встречи,
Длится миг разлуки томной...
В озареньи светлотенном
Фиолетового неба
Сходит, ясен, отблеск лунный,
И ясней мерцает Вesper;
И все ближе даль синее...

В этом воздушном пейзаже — только свет и его цветовые «сгущения»: «бледность» сумерек, «озаренье светлотенное», «отблеск лунный». Мерцающий Вesper, на котором как бы фокусируется вся картина, служит для взгляда чем-то вроде опорной точки. Чем явственнее его свечение, тем ближе становится «даль». И в ее близости свободно и органично совершается переход от внешнего плана видения — к внутреннему (от собственно видения — к видению):

Гаснут краски, молкнут звуки
Полу-грустен, полу-светел,
Мир почил в усталом сердце,
И почило безучастье...
С золотистой лунной лаской
Сходят робкия виденья
Милых дней... с улыбкой бледной,
Влажными глядят очами,
Легкокрылые... и меркнут...

Исчезновение красок и звуков устраняет границу между тем, что открывается взгляду вовне, и тем, что наполняет «усталое сердце». Отчетливо зримой остается лишь «золотистая лунная ласка», но такое впечатление, что она неотделима от «робких видений», что эти «виденья» словно бы воплощаются в ней, и потому трудно понять, откуда они «сходят»: то ли с вечернего неба, то ли откуда-то с высоты памяти. Параллелизм первого и последнего стихов усиливает этот эффект: угасают краски и звуки — «меркнут» виденья; мы чувствуем, что, по существу, это одно и то же явление, спроецированное на два разных плана единого пространства.

В третьей строфе снова «меркнут краски, молкнут звуки», и на этом фоне слышится в сердце ропот «дня прожитого», который «усыпляет» и одновременно «будит» (надо полагать, что «звуки» в шестом стихе относятся именно к «ропоту»), рождая «горечь полусознанной разлуки». Вероятно, речь идет о «разлуке» не столько эмпирически переживаемой, сколько метафизической, или, лучше, бытийственной, как, например, в уже цитированном сонете о «духах зрения»:

«...Что звездный свод — созвучье всех разлук» [т. 1, с. 785]¹¹. Воздушное (в пределе — мировое) пространство окончательно «смещается» в эквивалентное себе пространство «виденья», а это последнее как бы вырастает до его масштабов, обнаруживая в грусти по ушедшему дню эхо вселенской разлуки:

Меркнут краски, молкнут звуки...
 Но, как дальний город шумный,
 Все звучит в усталом сердце
 Однозвучно-тихо ропщет
 День прожитый, день далекий...
 Усыпляют, будят звуки
 И вливают в сердце горечь
 Полусознанной разлуки —
 И дрожит, и дремлет сердце...

[т. 1, с. 560]

Здесь, кроме прочего, существенны такие показатели «безволя», как усталость, безучастье, усыпленность, дремота. Когда пространство «сердца» совпадает с беспредельностью мира и вещи лишаются своей внеположной объектности, никакая внешняя активность уже невозможна. Равным образом невозможна и экстенсивная динамика: как мы должны представлять себе движение в мире, если тот, кто движется, от мира внутренне неотличим?

Не удивительно, что у Вяч. Иванова на первом плане, как правило, реальность не динамическая, а статическая: «безвольный» (в обычном ивановском значении) взгляд, утверждаясь внутри созерцаемого, воспринимает явления в том устойчивом и неизменном (а значит, и неподвижном) образе, в котором «таинство их жизни» становится зримым:

Деревья спят — и грезят? — при луне,
 И таинство их жизни близко, близко...
 Пускай недостижимо нам оно,
 Его узор немотный все ж понятен,
 Им нашей красотой сказать дано,
 Что мы — одно в кругу лучей и пятен

<...>

И будет мир, как этот сад застылый,
 Где внемлет все согласной тишине...

[т. 2, с. 306]

¹¹ Вот как об этом пишет О. Дешарт в предисловии к Собранию сочинений Вяч. Иванова: «...Зияющая пустота отрыва, тоска последней оставленности... это мучительное, непонятное собрало, сгустилось и удивленной, восторженной душе прозвучало: — разлука. Так бывает: слово обычное, разговорное, вокруг нас и нами самими бесконечное число раз произнесенное, вдруг, когда назрел час, встает точно впервые рожденное, исполненное таинственных смыслов. Разорванность вещей, оторванность от родимого, разлука всего со всем — Разлука вселенская» [Дешарт, с. 53–54].

Важно учесть, что такое восприятие — это одновременно и видение того, что есть, и предвосхищение того, что еще только будет. Иначе говоря, мир видится таким, каким ему предстоит стать в перспективе его абсолютного преобразования, т. е. в конце времен. Эта перспектива развернута лишь во времени эмпирическом; соотносимое с нею состояние мира — не более чем актуализация того единого и единственного бытийного порядка, который всегда был и остается основанием (или, по выражению С. С. Аверинцева, «исток»¹²) всякого существования. Именно отсюда у Вяч. Иванова исходит основной «вектор» чувственного (прежде всего зрительного) постижения мира, и именно здесь его герой-созерцатель постоянно себя обнаруживает:

Кто скажет, где тот заповедный рай?
Исконное — и чуждое, не наше —
То бытие, подобное по край
Наполненной, покоящейся чаше?
Но в нем — я сам...

[т. 3, с. 534]¹³

В горизонте видения, которое не знает различия между «есть» и «будет», любая внешняя данность постигается как символ, т. е. как означенное собственным конечным смыслом, еще не осуществленного, но уже выступившего на поверхность мира явлений, и потому зримого, доступного пониманию. Ясно, однако, что если речь идет о «еще-неосуществленности» и о таком пребывании в том, что «будет», которое не отменяет своей собственной «будущности» (проективности), то сама структура пребывания должна включать в себя время и, следовательно, быть внутренне подвижной (в этом смысле показательны такие типичные для Вяч. Иванова оксюморонные выражения, как, например, «В н е з ы б л е м о с т р у я щ е м с я р а ю»).

Таким образом, даже в трансцендентной «дали», открывшейся внутри вещей, в пространстве, исключающем всякую возможность «обычного» перемещения, движение все-таки допустимо. Но в каком направлении оно совершается? Куда оно устремлено?

¹² «Что такое “исток”? Это место, где все уже дано изначально и откуда оно потом “вытекает”, волнами распространяясь и разливаясь, но не изменяя своей субстанции. Поток бежит вперед именно потому, что его исток остается на своем месте; прошлое не сменено настоящим, но обосновывает его» [Аверинцев, 1975, с. 171]. Вообще говоря, в поэтическом универсуме Вяч. Иванова разделение между истинным бытием и миром становления менее очевидно, чем их взаимное согласие. Как пишет М. Вахтель, здесь феноменальный и ноуменальный миры, конечно, отграничены друг от друга, однако «Иванов не рассматривает эти две сферы как разобщенные. Мистическое понимание символа позволяет ему отчетливо видеть органические связи (систему соответствий) между “realia” и “realiora”. Посредством символа феноменальный мир обнаруживает свою причастность ноуменам. Об этом убедительнее всего свидетельствует поэзия Иванова, в которой зримые проявления “realiora” (такие, например, как таинственный женский образ в стихотворении “Красота”) принадлежат земному миру в той же степени, что и миру небесному» [Wachtel, p. 64] (пер. автора статьи).

¹³ Ср. одно из «предельных» выражений такой позиции в дневниковой записи от 14 апреля 1910 г.: «При каждом взгляде на окружающее, при каждом прикосновении к вещам должно сознавать, что ты общаешься с Богом, что Бог предстоит тебе и Себя тебе открывает, окружает тебя Собою; ты лицезришь Его тайну и читаешь Его мысли» [т. 2, с. 806].

В стихотворении «Вечные дары» («Кормчие звезды») Вяч. Иванов дает очень точную, хотя и предельно сжатую поэтическую трактовку учения о целевой причинности (исходно — аристотелевского):

Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы
И, как под солнцами незримыми,
Навстречу им цветом из тьмы

[т. 1, с. 568]

Тот же мотив звучит и в поэме «Сон Мелампа» («Cor Ardens»):

...Разно текущих потоков немало в темной пучине;
И в океане пурпурном подводные катятся реки.
Так из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антиройя Ройю встречает.

[т. 2, с. 296]

Комментируя эти строки, поэт объясняет, что Ройя — это обозначение «потока причинности, воспринимаемого нами во временной последовательности движения из прошлого в будущее», а Антиройя — наименование «встречного потока... постулируемого как движение из будущего в прошедшее» [т. 2, с. 300]¹⁴.

Именно этим «встречным потоком» и порождается парадоксальная ситуация движения в неподвижности. Оно, как отмечает С. С. Аверинцев, «идет от истока, но также, что еще важнее, еще сокровеннее, к истоку, и это — возврат» [Аверинцев, 2002, с. 127]. «Исток» в данном случае есть то «реальнейшее» в реальном, которое у Вяч. Иванова чаще всего не имеет определения, но, в принципе, может быть соотнесено с самыми разными философскими и богословскими представлениями о первооснове сущего: скажем, с концепцией Мировой Души или с символом Нетварной Премудрости, Софии. Последнее вполне вероятно, если учесть, что София, как говорит Вяч. Иванов, — это «теандрическая актуализация всеединства» [т. 4, с. 382] и, кроме того, доступный одухотворенному зрению образ непреходящей мировой гармонии,

...Что в мареве сквозит земного дыма,
Что Женственным в явлении привык
Именовать младенческий язык.

[т. 3, с. 563]

В аспекте «возвратного» движения «исток» тождествен Памяти. Этим понятием (правильнее сказать, философско-поэтическим символом) у Вяч. Иванова обозначается онтологически самостоятельное, скрытое «в глубине глубин, нам недосягаемой» [т. 3, с. 410] начало преемственности и согласия в человеческом мире — начало, посредством которого «Нетварная Премудрость учит человечество обращать средства вселенской разлуки — пространство, время, инертную

¹⁴ Об этой поэме и специально о концепции времени, в ней изложенной, см.: [Троицкий].

материю — в средства единения и гармонии, и тем осуществить предвечный замысел Бога о совершенной твари» [т. 3, с. 431]. Память имманентна сознанию, поэтому она и может быть названа его «исток». Но в то же время она за гранью актуального бытия; показательно, например, что наши обыденные воспоминания только тогда имеют настоящую ценность, когда восходят к ней. Она — их «владычица недвижимая»; их «светлый хор»

...с Памятью созвучен, если Бога
Являет в днях..

[т. 3, с. 533]

Поскольку «Памятью воссоединяемся мы с Началом и Словом», которое «в Начале было» [т. 3, с. 93], она есть не только «исток», но и цель, точнее, цель, совпадающая с «исток». Иницируемое Памятью движение — это путь к ней самой, от Памяти — к Памяти, по существу — путь платоновского «анамнезиса». Совершается он в особом — «обратном» — времени, которое течет в сторону прошлого:

Как тростнику непонятному,
Внемли речам:
Путь — по теченью обратному
К родным ключам.

[т. 3, с. 539]

О том же — в стихотворении «Деревья»:

Не по твоим избраньям и заслугам
Спасает Дух, что некогда живил,
И вот река течет бессмертья лугом,
К истокам, вверх, откуда ключ забил

<...>

То Памяти река.

[т. 3, с. 534]

Такое время можно сопоставить с «вывернутым» временем в трактовке П. А. Флоренского: оно течет от следствий к причинам, и в нем «то, что есть цель при созерцании отсюда... постигается как живая энергия, формующая действительность, как творческая форма жизни» [Флоренский, с. 82]. Равным образом и любое явление здесь воспринимается в аспекте его собственной внутренней цели, т. е. со стороны «ноуменальной», когда оно как бы уже завершило свое становление и пребывает в совершенном покое. Поскольку же этот покой совпадает с тем состоянием вещей, которое еще только должно быть осуществлено в конце времен, постольку и субъект, в нем утверченный, утрачивая какую-либо внешнюю активность, по кольцу «обратного времени» движется к самому себе, к собственному бытийному «пределу»:

...И, круг завершая плавучий,
Мы снова, — где встанет, что было,
Причалим под ивой плакучей.

[т. 2, с. 771]

Чем ближе конечная цель пути (т. е. абсолютное будущее, которое, в качестве целевой причины, предшествует настоящему), тем яснее прорисовывается истинный — соборный, а на предельной глубине Памяти и Божественный — образ человеческого «я» в его наиболее органичном для Вяч. Иванова понимании:

«Аз есмь» Премудрость в нас творила,
«Еси» — Любовь. Над бездной тьмы
Град Божий Вера озарила.
Надежда шепчет: «Аз — есмь».
Повеет... Дрогнет сердце-льдина,
Упорнейшая горных льдин...
И как Душа Земли едина,
Так будет Человек един.

[т. 3, с. 238]

Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» : Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002. 167 с. [Averintsev S. S. «Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...» : Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdru mirami. SPb., 2002. 167 s.]

Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова // *Вопр. лит.* 1975. № 8. С. 145–192. [Averintsev S. S. Poeziya Vyacheslava Ivanova // *Voпр. lit.* 1975. N 8. S. 145–192.]

Гоготышвили Л. А. Антиномический принцип в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*, XXI. 2002: VIII Междунар. конф. «Вячеслав Иванов: между Священным Писанием и поэзией». Roma, 2002. P. 213–251. [Gogotishvili L. A. Antinomicheskij printsip v poezii Vyacheslava Ivanova // *Europa Orientalis*, XXI. 2002: VIII Mezhdunar. konf. «Vyacheslav Ivanov: mezhdru Svyaschennym Pisaniam i poeziej». Roma, 2002. P. 213–251.]

Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967. 673 с. [Dante Alig'eri. Novaya zhizn'. Bozhestvennaya komediya. M., 1967. 673 s.]

Дешарт О. [Предисловие] // Иванов В. И. Собр. соч. : в 4 т. Брюссель, 1971–1979. С. 53–54. [Ivanov V. I. Sobraenie sochinenij : v 4 t. Bryussel', 1971–1979.]

Иванов В. И. Собрание сочинений : в 4 т. Брюссель, 1971–1979. [Ivanov V. I. Sobraenie sochinenij : v 4 t. Bryussel', 1971–1979. S. 53–54.]

Минц З. Г., Обатнин В. Г. Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова // *Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Семиотика зеркальности.* Тарту, 1988. С. 59–65. (Тр. по знаковым системам ; [вып. 22]). [Mints Z. G., Obatnin V. G. Simvolika zerkala v rannej poezii Vyach. Ivanova / / *Uch. zap. Tartus. gos. un-ta. Semiotika zerkal'nosti.* Tartu, 1988. S. 59–65. (Tr. po znakovym sistemam ; [vyp. 22]).]

Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М., 1993. 347 с. [Platon. Sochineniya : v 4 t. T. 2. M., 1993. 347 s.]

Плотин. Об умной красоте / пер. А. Ф. Лосева // Лосев А. Ф. История античной эстетики (поздний эллинизм). М., 1980. 725 с. [Plotin. Ob umnoj krasote / per. A. F. Loseva // Losev A. F. Istoriya an-tichnoj estetiki (pozdnij ellinizm). M., 1980. 725 s.]

Созина Е. К. Космологические зеркала: образ «двойной бездны» в русской поэзии XIX — начала XX века // *Литературный текст: проблемы исследования : сб. науч. тр.* Тверь, 1997. Вып. 3. С. 81–95. [Sozina E. K. Kosmologicheskie zerkala: obraz «dvojnnoj bezdny» v rus-skoj poezii XIX — nachala XX veka // *Literaturnyj tekst: problemy issledo-vaniya : sb. nauch. tr.* Tver', 1997. Vyp. 3. S. 81–95.]

Соколов Р. О главных темах сборника Вячеслава Иванова «Свет вечерний»: соборность // *Toronto Slavic Quarterly.* 2012. № 39. С. 115–128. [Sokolov R. O glavnykh temakh sbornika

Vyacheslava Ivanova «Svet vechernij»: sobornost' // Toronto Slavic Quarterly. 2012. N 39. S. 115–128.]

Троицкий В. Об одной модели времени у Вяч. Иванова // Символ. 2008. № 53/54. С. 815–825. [Troitskij V. Ob odnoj modeli vremeni u Vyach. Ivanova // Simvol. 2008. N 53/54. S. 815–825.]

Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М., 1996. 333 с. [Florenskij P. A. Izbrannye trudy po iskusstvu. M., 1996. 333 s.]

Цимборска-Лебода М. О понятии «транссензуса» у Вячеслава Иванова : к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин» // Sub Rosa: Koszonto koniv Lena Szilard. Budapest, 2005. С. 123–133. [Tsimborska-Leboda M. O ponyatii «trantsenzusa» u Vyacheslava Ivanova : K probleme «Vyacheslav Ivanov i Blazhennyj Avgustin» // Sub Rosa: Koszonto koniv Lena Szilard. Budapest, 2005. S. 123–133.]

Terras V. Vyacheslav Ivanov's esthetic though: context and antecedents // Vyacheslav Ivanov: poet, critic and philosopher. N. Haven, 1986. P. 326–345.

Wachtel M. Russian symbolism and literary tradition: Goethe, Novalis and poetics of Vyacheslav Ivanov. Wisconsin, 1994. 247 p.

Статья поступила в редакцию 05.06.2013 г.

УДК 811.511.142'282.2 + 811.511.142'282.3

Н. С. Садомина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО И КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТОВ)

Рассматриваются средства и способы выражения сравнения в хантыйском языке на современном материале шурышкарского и казымского диалектов. Выявляются показатели сравнения и особенности их употребления по диалектам. Исследуются модели сравнительных конструкций, формируемых по именному типу, и их структурно-семантическое своеобразие.

Ключевые слова: хантыйский язык; сравнительная конструкция; показатель сравнения; модель.

Сравнение — это одно из средств познания окружающей действительности. Изучение сравнения как компонента языковой структуры привлекает внимание многих исследователей. В своей работе мы опираемся на труды Н. А. Широковой, Е. В. Скворецкой, М. И. Черемисиной, В. Н. Соловар и др. Сравнение понимается как «конструкция, некоторая общая схема построения сложного знака, которое несет в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения» [Черемисина, с. 3].

Целью настоящей работы является описание структурно-семантических особенностей сравнения в хантыйском языке.

Структура сравнения в хантыйском языке представлена четырьмя компонентами: 1) предмет сравнения (то, что сравнивается); 2) эталон сравнения (то, с чем сравнивается); 3) модуль сравнения (признак, на основании которого устанавливается сходство) и 4) показатель сравнения (компонент, выражающий сравнительные отношения). В качестве предмета и эталона сравнения чаще всего выступают субъекты, они выражены именами существительными (в том числе именами собственными), и местоимениями. Модуль выражается именем прилагательным или глаголом. Показатель сравнения в конструкции выражается аналитическим и морфологическим способом. В хантыйском языке в большей степени преобладает аналитический тип сравнительных отношений. В казымском и шурышкарском диалектах сравнение передается при помощи сравнительных частиц *iti* 'как', *lampra* 'как', *nur* 'как, совсем как', компаративных предикатов: шур. *χorpi*, каз. *χōrpi* 'похожий' и каз. *χōrasap*, шур. *χoraspi* 'похожий', послелогов шур. *ελιti* каз. *ewəlt* 'от', *kińsa* 'по сравнению', параметрических показателей каз. *lōwat*, шур. *lowat* 'величина, размер', каз. *kūlat*, шур. *kuilat* 'толщина', каз. *pālat*, шур. *palat* 'высота, рост', каз. *wūtāt*, шур. *utat* 'ширина', каз. *mālat*, шур. *malat* 'глубина', каз. *χūwat*, шур. *χuwat* 'длина', *kārśat* 'высота'. Данные показатели в диалектах одинаковы по семантике, но разные по фонетической структуре. Так, кратким гласным *ä*, *ü* казымского диалекта в начале слова в шурышкарском соответствуют долгие *a*, *u*, казымским фонемам *o*, *ə* в шурышкарском диалекте соответствуют долгие *u*, *o*, фонема «у» казымского диалекта передается в транскрипции надстрочным знаком *ö* [см.: Куркина].

Рассмотрим конструкции с данными показателями сравнения. Наиболее употребительной в хантыйском языке является частица *iti*. Она функционирует во всех диалектах хантыйского языка. С помощью нее формируется модель $N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom}} \textit{iti} \textit{Adj} = (V_f)$. Модель состоит из предмета и эталона сравнения, сравнительной частицы *iti* ('как') и модуля сравнения, выражающего признак или действие объекта сравнения. Предмет сравнения обозначается именами существительными, в том числе именами собственными, и местоимениями. Например: шур. *Nāη χαλεw itι tarəm* 'Ты жадный, как халей'; *Nāη šowar itι χιχατλιλән* 'Ты бегаешь, как заяц'.

В случае, если эталон сравнения выражен местоимением, показатель *iti* присоединяет грамматические показатели лица, числа и падежа. Например: шур. *Iket-imet muη it=ew=a uλλat* 'Мужчины-женщины, как мы, живут' (фольк.): суффикс =ew= 1 л. множ. ч. и суффикс дательного-направительного падежа =a; каз. *Tatja ma it=εm=a isi Xanti-Mansijsk wošn wολ* 'Таня, так же как и я, живет в Ханты-Мансийске': суффикс =εm= 1 л. ед. ч.; шур. *In ewem, ma it=em=n, Salexardskij medučilisajn utaltijəλ* 'Моя дочка сейчас, как и я, учится в Салехардском медучилище': суффикс =n указывает на местно-творительный падеж.

Сравнительные конструкции с *iti* присоединяют модуль, который может быть выражен глаголом или именем прилагательным, например: шур. *Poχ wot itι laremiəλ* 'Мальчик как ветер кружился'; каз. *Oχəλ kūj-soχ itι jūwmal* 'Голова как кусок шкуры от лба оленя (т.е. седая) стала', шур. *Luw ańtel itι kul* 'Она, как мать ее, толстая', каз. *Lūw ašel itι aprəη* 'Он проворный, как отец'. В первом

случае мы имеем глаголы *laremiməλ*, *juwmal*, которые указывают на процессуальный, динамический признак, во втором — имена прилагательные *kul*, *əprəŋ*, указывающие на свойство, сближающее предмет и эталон сравнения.

Порядок следования компонентов в синтаксической конструкции с *iti* имеет два варианта, в большинстве случаев на первом месте стоит предмет сравнения, на втором — эталон сравнения, на третьем — показатель *iti* и на четвертом — модуль сравнения либо его отсутствие, например: шур. *Luw toχλaŋ wojət iti purlati utsijis* 'Он, как птицы, хотел летать'; *Luw wənšλ, nowi sumāt iti, lotχamtəs* 'Его лицо, как белая береза, побелело'; каз. *Spməχ isi, χoλəm sort jijəλ iti, tām iti ponλem, χoλəm sort jijəλ iti, jijəλ iti* 'Шомах¹, словно иглы трех щук, так положу, словно иглы трех щук, словно иглы', *Lowλ toχλəŋ woj iti jāŋχəλ* 'Лошадь как птица летает'. Реже порядок слов может быть следующий: на первом месте — предмет сравнения, на втором — модуль, на третьем — эталон сравнения, на последнем — сравнительная частица, например: шур. *Nawremλaλ ošaŋat, ašel-aŋkel iti* 'Дети=их умные, как родители'. Изменение порядка слов в данной конструкции говорит об особенностях авторского стиля носителя диалекта и о русификации в хантыйском языке синтаксических конструкций.

Сравнительная конструкция с показателем *lampra* формируется по модели, рассмотренной выше. Он, так же как и *iti*, соответствует русскому «как». В сравнениях показатель *lampra* синонимичен показателю *iti*. Например: каз. *Luw ašel iti ošaŋ* и каз. *Luw ašel lampra ošaŋ* 'Он, как отец=его, умный'.

Приведем примеры, где компонент *lampra* приобретает грамматические показатели: каз. *Ewet ma lamp=em nomsəŋ* 'Дочь=моя, как я, умная'. Сравнительное слово получает суффикс 1 л. ед. ч. =*em*, чередующийся с суффиксом предмета сравнения. Наиболее часто данный показатель сравнения встречается в казымском диалекте, в шурышкарском его функцию обычно выполняет показатель *iti*. Показатель *lampra* отличается от *iti* тем, что указывает только на признак эталона сравнения, его свойства и качества. Например: каз. *Poχλ asīlē lampra jāŋ* 'Сын, как отец, хороший', шур. *Eweə anteē əampa ÷orās??* 'Дочь, как мать, красивая'.

Сравнение двух предметов без указания признака, по которому идет сравнение, формируют в хантыйском языке компаративные предикаты: шур. *χorpi*, каз. *χōrpi* и шур. *χoraspi*, каз. *χōrasəp*, которые в русском языке сходны с компаративным предикатом «похожий». Показатель *χorpi*, *χorpi* указывает на внешнее сходство (*χor*, *χōr* — букв. 'лицо', 'образ'; =*pi* суффикс обладания; *χorpi*, *χōrpi* — 'обладающий образом', 'имеющий образ'); предикаты *χoraspi*, *χōrasəp* передают внутреннее сходство объектов, отражающее их качества и свойства (*χoras* — букв. 'лицо', 'образ', 'картина'; *χoraspi* — 'обладающий образом').

Сравнительная конструкция с показателями — шур. *χorpi*, *χoraspi*, каз. *χorpi*, *χōrasəp* — представлена моделью $N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom}} \text{Adj}_{\text{comp (cop)}}$. Эта модель сравнения передает значение внешнего и внутреннего сходства, подобия предмета «кто на кого похож». В состав данной конструкции входят следующие компоненты:

¹ Шомах (каз. *špməχ*) — вид вяленой рыбы, «позём» [Steinitz, S. 275], вяленая рыба, жаренная на рыбьем жире [Соловар, 2006, с. 314].

N_{Nom} — предмет сравнения — компарат, N_{Nom} — эталон сравнения Adj_{comp} — именной предикат, указывающий на сходство двух объектов. Например: шур. *Luw un aṅkel ḫoraspi* ‘Она похожа на бабушку’; *Luw aśel ḫoraspi* ‘Он похож на отца’; *Śata ulet kuraṅ woj ḫoraspi* ‘Там олени похожи на лося’; *Xusāṅ ewi ḫorpi ḫu* ‘Мужчина, похожий на капризную девушку’; каз. *Lūw wenšəl ḥawrem ḫorpi* ‘Его лицо, как у ребенка’; *Kātra aj išni weransijt, ḫānneḫə ən leṛti ḫōrasəp aj išnet* ‘Раньше делали маленькие окна, похожие на окна, в которые человек не смог влезть’.

В случае, если в функции предиката стоит местоимение, показатель присоединяет лично-притяжательные суффиксы: каз. *Piti wenšəp, ma ḫōrasp=em* ‘Темнолицый, похожий на меня’; шур. *Lin aśel ḫorasp=et* ‘Они похожи на отца’. Отрицательная форма образуется в казымском диалекте при помощи частицы *ānto*, в шурышкарском используется *antōm*: каз. *Luw aśel ḫōrasəp anto* ‘Он на отца не похож’; шур. *Tām ewen ma ḫorasp=em antōm* ‘Эта девочка не похожа на меня’; каз. *Apšem aṅtel ḫōrpi anto* ‘Мой брат не похож на мать’.

Сравнительная конструкция с показателями — шур. *lowat, kulat, palat, karśat. utat, ḫuwat, maḫat*, каз. *lōwat, kūlat, pālat, kārśat, wūtāt, ḫūwat, mālat* — оформляется моделями $N N_{\text{param(cop)}}$ [Соловар, 2009, с. 199] и $N_{\text{param}} N_{\text{(cop)}}$. Они выражают сходство двух предметов по параметрическим показателям (длина, ширина, высота, глубина, рост и т. п.) В структуре модели первый компонент N — это предмет сравнения; второй — эталон сравнения; компонент param выражает какой-либо параметр или величину: каз. *lōwat*, шур. *lowat* ‘величина, размер’, каз. *kūlat*, шур. *kulat* ‘толщина’, каз. *pālat*, шур. *palat* ‘высота, рост’, каз. *wūtāt*, шур. *utat* ‘ширина’, каз. *mālat*, шур. *maḫat* ‘глубина’, каз. *ḫūwat*, шур. *ḫuwat* ‘длина’, каз. *kārśat*, шур. *karśat* ‘высота’; четвертый компонент — связка прошедшего времени *jis*.

Данные модели имеют некоторые различия. Модель $N N_{\text{param(cop)}}$ выражает сопоставление объектов в реальной модальности и имеет грамматическое оформление. В случае, если эталон сравнения выражен личным местоимением, показатель сравнения присоединяет к себе аффикс дательно-направительного падежа и показатели лица и числа. Например: шур. *Poḫl aśel palat=a jis* ‘Мальчик стал ростом с отца’; *Ewiṅaləmn ma karśat=tem=a jisət* ‘Дочери=мои=две стали высотой (ростом) с меня’; каз. *Lūw nāṅ pālat=n* ‘Он ростом с тебя’; *Tām joḫan=en As joḫan=en wūtāt=a jis* ‘Эта река шириной с реку Обь стала’; *Tām mālnen tum mālnen mālat* ‘Это озеро такое же глубокое, как то озеро’; шур. *Luw aṅtel kulat=a jis* ‘Она толщиной с маму стала’.

Модель $N_{\text{param}} N_{\text{(cop)}}$ выражает сопоставление объектов при помощи образного сравнения. Например: каз. *Ješa wəl akaṅ lōwat neṅəṅ tṛətm mōlatlətm, akaṅ lōwat ḫōjəṅ tṛətm mōlatlətm!* ‘Скоро век² женщин размером с куклу создам, век мужчин размером с куклу создам!’, *Aj lipənta pālat ewi* ‘Девочка ростом с маленькую бабочку’.

В данной конструкции у сравнительного слова может отсутствовать грамматический показатель. Например: каз. *In ḫor ḫūwat poḫḫəl wəp nārs-jūḫ, lāl*

² Каз. *tṛətm (тṛətm)* — 1) небо; 2) погода; 3) век, время; 4) бог; 5) вселенная, космос [Соловар, 2006, с. 270].

χῑwat wɔn nārs-jῑχ, χῑπνεχɔ pālāt nārs-jῑχ wῑsλε ‘Большой нарс-юх размером с лопатку оленя-хора, большой нарс-юх длиной с сажень, нарс-юх размером с человека взял’; *Loχ paṭi kulat lońś pitās* ‘В толщину стопы лыжи выпал снег’.

В конструкции также может отсутствовать модуль сравнения. Например: каз. *Tɔrəm lōwat, mῑw lōwat χot* ‘Размером с небо, размером с землю дом’; шур. *Min, lujl palat kat poχλεηki, min paηḗl palat kat poχλεηki* ‘Мы величиной с палец два мальчика, мы величиной с большой палец два мальчика’.

С помощью данных показателей также выражается усиление оценки величины предмета. Конструкция представлена моделью $N_{si\ param} N_{(cop)}$ [см.: Соловар, 2009, с. 199]. Структура данной модели состоит из предмета сравнения **N**, который выполняет две функции: 1) подлежащего, 2) именного сказуемого, частицы *si* и параметрического показателя величины, образующих совместно семантическое значение «такой + большой» (т. е. такой по величине). Сравнительные отношения выражаются при помощи тех же показателей, рассмотренных выше.

Это имена существительные *lōwat, lowat* ‘величина, размер’, *kῑlat, kulat* ‘толщина’, *pālāt, palat* ‘высота, рост’, *wῑtat, utat* ‘ширина’, *mālat, malat* ‘глубина’, *χῑwat, χuwat* ‘длина’, *kārsat, k a r s a t* ‘высота’. Кроме того, к ним прибавляется еще одно существительное, обозначающее само понятие «величина»: каз. *wɔnat*, шур. *unat*. Например: каз. *Śi χῑwat nimalḗn śi tajḗl* ‘Такой длины лыжи есть у него’; *Śi lōwat śi λεṭi arat* ‘Такое количество, сколько нужно для еды’; *Śi wɔnat ewi, mōj wora weηλḗn* ‘Такая большая (букв. такой величины) девочка, почему капризничаешь’; шур. *Śi malat tām joχan ul* ‘Такой глубины эта река’; *Śi kulat puškajen wus* ‘Такой толщины бочку взял’.

Подобие, тождество предмета и эталона сравнения выражается конструкцией $N i_{param (cop)}$ [Соловар, 2009, с. 204]. Числительное *i, ji* ‘один’ в данной модели передает значение единичности качеств и свойств объектов, а показатель *param* конкретизирует его. Среди показателей сравнения в казымском и шурышкарском диалектах могут выступать все лексемы, обозначающие параметры, кроме каз. *wɔnat*, шур. *unat* ‘величина’, а также компаративные предикаы — шур. *χorpi, χoraspi* и каз. *χōrasḗp* ‘похожий’, которые указывают на равенство внешнего и внутреннего сходства субъектов сравнения. Субъекты **N** могут быть выражены личными местоимениями в двойственном и множественном числе, именами существительными, в том числе и именами собственными. В прошедшем времени появляется связка *wōs*, производная от глагола «быть». Например: каз. *Kat’ajen Mašajen piλn i lōwat=ηḗn* ‘Катя с Машей одного возраста (букв. одной величины)’; шур. *Andrej pa Petja šek i χoraspa=a wōsḗn* ‘Андрей и Петя были сильно похожи’; *Liṅ i χorpeηḗt* ‘Они друг на друга похожи (поведение, характер)’; *Tam nereklam i kulat=ηḗn* ‘Эти тетради=мои=две одной толщины’; *I lowat χulḗt ne, i palat χulḗt ne luw taηχα* ‘Размером с трех женщин, высотой с трех женщин он наверно’. Отрицание выражается при помощи частицы каз. — *ānto*, шур. *ānta*. В конструкции она находится перед числительным *i, ji* ‘один’. Например: каз. *Ma apsem piλn i lōwat ānto* ‘Мы=двое с братом не одного возраста’; шур. *Tām neηḗt ānta i kulat=ḗn* ‘Эти женщины разной (букв. не одной) толщины’; *Un As pa Aj As anta pa ji malat=ηḗn* ‘Большая Обь и Малая Обь разной (букв. не одной) глубины’.

Сравнительная конструкция с показателями *kińsa* и *ewəlt* образует модель $N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom}} \text{kinś}=(\text{ewəlt})=\text{Adj}_{(\text{сop})}$ [Соловар, 2009, с. 206]. В структуру данной конструкции входят послелого: шур. *el̥ti*, каз. *ewəlt* и шур. каз. *kińsa*. Они синонимичны, их значение: «от; по сравнению; чем». Сравнение строится на акцентировании различий между ситуациями, в том или ином отношении сходными. Основное значение, лежащее в основе данного сопоставления, — несоответствие (несходство, различие) между предметом и эталоном сравнения. В шурышкарском диалекте в данной конструкции чаще употребляется послелог *el̥ti*, в казымском — послелого *ewəlt* и *kińsa*. Данные послелого формируют сравнительную конструкцию с помощью показателя дательного падежа и способны принимать на себя грамматические показатели лица и числа: *kińsa=m=a*, *el̥t=em=a*, *ewəlt=en=a* ‘чем я’, *kińsa=mn*, *ewəlt=emn* ‘чем мы=двое’, *kińs=en=a*, *el̥t=en=a* ‘чем ты’. Суффиксы *=m=*, *=mn=*, *=en=* (*=en=*) обозначают лицо обладателя, а суффикс *=a=* — форму дательного падежа. Эти личные показатели присутствуют в том случае, если субъект сравнения выражен личным местоимением. Например: каз. *Nəŋ ma kińs=em=a nɔmsəŋšək* ‘Ты умнее меня’; шур. *L̥w nəŋ el̥t=en=a j̥uranšək* ‘Он сильнее тебя’; каз. *λoŋx ma kińs=em=a n̥mpri* ‘Лонх (дух-покровитель) выше меня (ростом, высотой)’.

Сравнительные конструкции с компонентом шур. *el̥ti*, каз. *ewəlt* выражают только достоверное сравнение. Примеры: шур. *Ma jernasem nəŋ jernasem el̥ti nowišək* ‘Мое платье поновее, чем твое’; шур. *Təm xolpen tumel̥ el̥ti xuwšək* ‘Эта сеть длиннее той’; каз. *Ańtel̥ optəl̥ nəŋ ewəlt=en=a wɔŋšək* ‘У матери волосы длиннее, чем у тебя’.

Сравнительная конструкция с показателем *n̥ŋr* ‘как, совсем как’ строится по модели $N_{\text{Nom}} n̥ŋr N_{\text{Nom}}$. Данная конструкция выражает значение подобия, сходства предмета и эталона сравнения. Например: каз. *Sax-pun-tijəl̥ n̥ŋr t̥t̥ n̥al̥em*, *n̥ŋr w̥rti* ‘Концы шерсти на шубе, словно языки пламени, совсем красные’; *Luw n̥ŋr aj̥ n̥awr̥em* ‘Он как маленький ребенок’. Данный показатель не имеет грамматического выражения, находится перед предикатом и употребляется без связи. Например: шур. *N̥ań n̥ŋr kal̥as* ‘Хлеб как сухарь (калач)’; *Sem?alan̥ n̥ŋr šupši* ‘Глаза как смородины’. В сравнительной конструкции показатель *n̥ŋr* чаще встречается в казымском диалекте, в шурышкарском диалекте выражает значение ‘совсем’, которое указывает на завершенность свойств и качеств предмета сравнения. Например: *Jernasem n̥ŋr k̥atraja jis* ‘Платье мое совсем старое стало’; *Tur̥l̥ n̥ŋr waša jis* ‘Горло совсем охрипло (букв. стало к узкому)’; *Kur̥luw n̥ŋr ji?ka jisat* ‘Ноги=наши совсем мокрые стали’.

Таким образом, в казымском и шурышкарском диалектах хантыйского языка выявлено 15 показателей сравнения: *iti* ‘как’, *lampra* ‘как’, *n̥ŋr* ‘как’, шур. *xorpi*, каз. *x̥orpi* ‘похожий’, каз. *x̥orasəp*, шур. *xoraspi* ‘похожий’, шур. *el̥ti*, каз. *ewəlt*, *kińsa* ‘в отличие от, чем’, каз. *l̥wat*, шур. *lowat* ‘величина, размер’, каз. *k̥ilat*, шур. *kuilat* ‘толщина’, каз. *p̥alat*, шур. *palat* ‘высота, рост’, каз. *w̥tat*, шур. *utat* ‘ширина’, каз. *m̥alat*, шур. *malat* ‘глубина’, каз. *x̥ıwat*, шур. *xıwat* ‘длина’, каз. *k̥arsat*, шур. *kar̥sat* ‘высота’. Среди них в казымском диалекте наиболее употребительны показатели *kińsa*, *x̥orasəp*, *l̥wat*, *x̥orpi*, в шурышкарском — *iti*, *xorpi*,

χoraspi, palat. Нами выделено 8 моделей сравнительных конструкций, формируемых по именовому типу. В шурышкарском и казымском диалектах сравнение имеет общие и отличительные особенности. Сходство проявляется в одинаковом количестве сравнительных средств, семантике и структуре сравнительных конструкций. Различие состоит в фонетической структуре лексем, показателей сравнения, а также в употребительности их в диалекте. Структурно-семантический подход к изучению сравнительных конструкций дает возможность комплексного анализа сравнения в хантыйском языке.

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. 292 с. [Kurkina G. G. Vokalizm khantyjskogo yazyka (eksperimental'noe issledovanie). Novosibirsk, 2000. 292 s.]

Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009. С. 199–207. [Solovar V. N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyjskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta). Novosibirsk, 2009. S. 199–207.]

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006. 336 с. [Solovar V. N. Khantyjsko-russkij slovar'. SPb., 2006. 336 s.]

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. 270 с. [Cheremisina M. I. Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka. Novosibirsk, 1976. 270 s.]

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. 1–15. Berlin, 1966–1993. 2023 S.

Статья поступила в редакцию 26.12.2012 г.

УДК 821.161.1-192.2 + 811.161.1'373.43

М. П. Сухих

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Д. РЕВЯКИНА

Рассматриваются словообразовательные типы субстантивных неологизмов, встречающихся в поэтических текстах современного рок-поэта Дмитрия Ревякина. Подробно описываются способы словообразования — как системно-языковые, так и индивидуально-авторские — таких текстовых единиц.

В результате анализа выявлены самые значимые функции неологизмов в текстах Д. Ревякина: номинативная, экспрессивная, а также функции привлечения внимания к контексту и поддержки контекстуальных смыслов.

Ключевые слова: рок-поэзия; неологизм; имя существительное; словообразовательный тип; Д. Ревякин.

Дмитрий Ревякин — лидер группы «Калинов Мост», современный рок-поэт, для творчества которого характерна активная неологизация текстов. Индивидуально-авторские неологизмы в текстах выступают в качестве средства художественной выразительности, усиливают воздействие произведений на читателя (а чаще слушателя: большинство его произведений — это песенные тексты), а также служат своеобразным идентификатором, идиостилевой чертой, по которой произведения Д. Ревякина легко узнать.

Неологизмы, анализируемые в данной статье, извлечены из песенных текстов Д. Ревякина, размещенных на официальном сайте группы «Калинов Мост» [см.: Песенные тексты...], а также из стихотворений, опубликованных в сборниках «Гнев Совы» и «Кольца алые».

Среди неологизмов Д. Ревякина наиболее обширна группа существительных (106 единиц), что связано с основной функцией существительных — номинирование реалий окружающей действительности. Лирический герой Ревякина, «как Адам, дает всему свои имена» [Курбановский, с. 11], т. е. является номинатором мира, в котором находится; А. Курбановский полагает, что слова эти настолько цельны и самоценны, что «устаревшей оказывается даже мысль» [Там же].

Среди существительных мы можем увидеть разнообразие словообразовательных моделей. Большинство неологизмов образовано по продуктивным аффиксальным моделям русского языка. Суффиксальные образования наиболее частотны среди существительных, образованных с помощью аффиксов. В суффиксальные образования мы включаем как единицы, образованные с помощью языковых суффиксов, так и с помощью суффиксальных текстоморфов.

Среди суффиксальных образований наибольшее внимание привлекают единицы, образованные с помощью суффикса *-ень*. В языке существует такой суффикс со значением «носитель процессуального признака», слова, образованные с его помощью, могут называть лицо (*баловень*), фантастическое существо (*оборотень*), насекомое (*зудень*), неодушевленный предмет (*ставень*, *бивень*) [см.:

Русская грамматика, § 244]. Этот суффикс очень продуктивен. Для идиостилия Д. Ревякина суффикс **-ень** крайне показателен: автор приписывает ему гораздо более широкую семантику, чем та, что существует в языке.

Лексемы, образованные с помощью суффикса **-ень**, наиболее частотны среди суффиксальных образований. В них часто реализуется языковое значение носителя процессуального признака: «стрижень» (*Повенчать стрижень лучами, смех водворить Взмахом в задворки сна*), «повторень» (*И ни за что кинут шурами, Взят усачом целым куренем: Стал горазд на пути встречать повторень*), «игрень» (*Горлом согрей С миром игрень Всех, кто ходил с тобой*) и «В ручей слезы ронял закал, звал пропадать в игрень»). При этом некоторые единицы представляют собой свернутую пропозицию, например «выворотень» (название альбома, сам Д. Ревякин комментирует этот неологизм так: «Это дерево, с корнями вывернутое ветром» [Марголис]), «проторень» (*Тропы в проторень В сумерках отсекал*; проторень — это нечто изведенное, освоенное; лирический герой стремится за край ойкумены, поэтому для него все «проторенное» «отсекается»).

Некоторые неологизмы, образованные с помощью суффикса **-ень**, могут становиться омонимами для существующих в языке слов, как, например, «ревень». Языковое значение слова — ‘травянистое растение семейства гречишных с толстым корневищем и крупными листьями’ [Ожегов, Шведова, с. 671]. В одном из контекстов можно предположить, что мы имеем дело именно с «привычным» словом: *В ревень обернуть ладони-щеки* (можно представить себе человека, прикладывающего к лицу лист ревеня). Но другой контекст употребления этого же неологизма заставляет усомниться в верности такой трактовки: *Прянуть на дно, Прятаться в ревень скважин*. Из синтаксических и семантических отношений внутри высказывания следует, что «ревень» — это нечто присущее скважине, могущее вместить в себя субъекта высказывания — становится очевидным, что это уже не растение. Если же мы расчленим единицу на предполагаемые суффикс **-ень** и корень **рев-**, станет очевидным, что перед нами неологизм с семантикой, выраженной корневой морфемой, которую можно сформулировать как ‘процесс проливания слез или издавания звуков, похожих на рыдание’. Пространственную семантику, выраженную во втором контексте предлогом **в**, можно объяснить тем, что контекст представляет собой метафору («прятаться» как в прямом смысле («прянуть на дно»), так и в переносном: нечто, что шумит, «спрячет» издаваемые лирическим субъектом звуки).

Многие из представленных неологизмов с суффиксом **-ень** имеют пространственную контекстуальную семантику (приращиваемую с помощью предлога **в** в значении ‘вместилище’ или ‘направлении’ [Русская грамматика, § 1664]), которая может никак не коррелировать с семантической идеей, заложенной в корне: «узарень» (*Успеть принять глазами первых собой, Плакать в узарень в травах бо-сой*), «издень» (*Пропетый гурень, скуластый у икон, Томился берегами в издень*), а может и напрямую соотноситься с ней: «увалень» (*Слезами мести Забыл делавер — Прибило волнами в увалень*), «запутень» (*В медь заключен белым ключом, Дурнем завернул тропу в запутень*). Пространственное значение может быть выражено не только с помощью предлога, но и демонстрироваться

лексическим окружением (в таком случае семантика корня также реализует это значение). Например: «дремучень» (*Предрассветный сон пророчит рубеж; За ним — пустота, Дремучень*) — лексема «пустота» имеет значение 'незаполненность пространства чем-либо' [Словарь русского языка, т. 3, с. 282]; находясь в однородном ряду с неологизмом «дремучень», она поддерживает сему «пространство» в его значении («дремучень» — однословная номинация дремучего леса).

В текстах Д. Ревякина были обнаружены два примера реализации значения лица — носителя процессуального признака: «беспутень» (*Без рукавов, в день луговой Спрятался пропеть ручей-беспутень*) и «грезень» (*Потерялись мы, безымянные, Поминать забаву-грезень*).

Кроме указанных словоупотреблений, есть еще ряд неологических единиц с суффиксом **-ень**, представляющих авторскую переработку его семантики. Например в неологизмах «верень» (*Прошлое — подделом, заново верень мерю... и Далеко — Верень сведать, До дна шестом измерен, Ни щедрый, — ни скупой*) и «уверень» (*Лапу полога Сбросил с глаз, Пробудил уверень доли*) нет семантической идеи процессуальности, в них реализуется значение отвлеченного признака, а неологизм «чурень» (*Свысока ждет Солнечный чурень*) реализует семантику предметности (сам Д. Ревякин утверждает, что чурень — это «деревянный идол божества» [Анциферов, с. 6]).

«Увлечение» Д. Ревякина суффиксом **-ень** проявляется в употреблении большого количества существительных, содержащих этот суффикс, как узуальных, так и изобретенных им самим. Отчасти это обусловлено необходимостью рифмовки (тогда возникают нагромождения вроде *В ночь замерзает **вытарень**: Не зря меня три дня ругал Его **глазень** и помнил в **усолень***), отчасти игрой с читателем и/или слушателем: когда обнаруживается множество подобных единиц, становится трудно отграничить неологизм от существующего в языке слова. Это побуждает к размышлению над текстом и провоцирует неожиданные ассоциативные связи между словами.

Второе место по словообразовательной активности в текстах Д. Ревякина занимает суффикс **-арь** (в языке он реализует значение лица, совершающего действие, названное производящим словом (по принципу *пекарь, писарь, пахарь*) [Русская грамматика, § 222]). Совпадает с языковым принципом реализация этого суффикса в неологизме «вожарь» (*Вдохи зары замерзали Хриплым криком вожарей*). Другие неологизмы демонстрируют семантику вместилища: «гожарь» (*Ведрами пролилось Имя твое в хрусталь-гожарь*), пространства: «снегарь» (*Петь голосам нейметя, — Тень возвращать в снегарь*), «искарь» (*Тонуло имя укосиной в искарь*). Приращение семантики пространства и вместилища происходит, как и в случае с неологизмами на **-ень**, через прибавление предлога **в**. В некоторых случаях словообразование неологизмов на **-арь** происходит с нарушением модели (суффикс присоединяется не к глагольной основе, а к именной: *снегарь* от *снег*, *гожарь* от *годный*).

Слова, образованные с помощью других суффиксальных моделей, значительно менее частотны. Неологизмы «ононец» и «ульчанин» образованы по моделям, существующим в языке, с помощью суффиксов **-ец** и **-ан, -ин**, обозна-

чающих жителей определенной местности (ср.: «уралец», «англичанин») [Русская грамматика, § 332, 339].

Неологизм «дароба» образован по непродуктивной модели русского языка с помощью суффикса **-об** (по той же модели образованы слова «злоба», «хвороба») и приобретает негативную семантику, которой не имеет корень «дар»; значение — ‘дар во вред’.

Особенно интересным среди суффиксальных образований в семантическом аспекте нам показался неологизм «велица» (*Лица велиц роняли слезы*). Существует омонимичный топоним *Велица* — река в Смоленской области. Но в данном случае мы не можем возводить неологизм к переосмыслению топонима по двум причинам: во-первых, вся топонимия текстов Д. Ревякина сибирская, и такое соседство было бы как минимум странным; во-вторых, контекст нам дает очевидные антропоморфные характеристики объекта, названного неологизмом; в-третьих, неологизм употреблен в форме множественного числа (топоним же, как правило, не употребляется в такой форме, т. к. он уникален). Вероятнее всего, здесь лексема образуется с помощью суффикса **-иц** со значением женскости [Там же, § 389], но с нарушением модели (традиционно суффикс присоединяется к основе существительного: *царица* < *царь*, *голубица* < *голубь*, в данном случае суффикс присоединяется к глагольной основе *вел(е)(ть)*).

С точки зрения производящей основы не может не заинтересовать читателя и исследователя неологизм «велимирка» (*Дары мира, рассвет велимирок*), являющий собой интертекстуальную отсылку к творчеству Велимира Хлебникова. В. Хлебников регулярно использовал прецедентные имена в качестве производящих основ для неологизмов (например: *Заря ночная, заратустрь! А небо синее, моцарть!* [Хлебников, с. 254]), в поэтических текстах Д. Ревякина обнаруживается лишь один такой случай. Вероятно, таким образом маркируется значимость личности, имя которой стало производящей основой неологизма.

Использование текстоморфов в качестве ресурсов словообразования не характерно для Д. Ревякина, но несколько примеров все же есть. Текстоморф **-онь** (предположительно элемент, заимствованный из слова типа «гармонь») присоединяется к междометию **ах** и дает существительное *ахонь* (*Затеплится ахонь — Ресниц ароматы*). Выявлены два неологизма, образованные от глагольных основ с помощью текстоморфа **-д**, со значением объекта действия: «повада» (от устаревшего глагола «поважать» в значении ‘уважать’, ‘почитать’: *Вязь повад нести на Кубань*), «забуда» (от «забывать»: *Где взгляды седые дарят осень, Секут дожди пыл забуд...*). Внешне похожий неологизм «неувяда» отличается от них способом словообразования: он образован от причастия «неувядающий» нулевой суффиксацией.

Продуктивны для неологической системы Д. Ревякина такие способы словообразования, как **корнесложение** и **корнеумножение** (термины Н. Степанова [см.: Степанов]).

При «корнесложении» (более привычный термин «сложение») неологизм образуется по продуктивной в русском языке модели сложения (по типу «самолет»); при таком словообразовании интерфикс присутствует всегда: «горелив» (*Уронить плите В горелив орды Усмех ульчан*), «делавер» (*Слезам мести забыл*

делавер — Прибило волнами в увалень), «песнелов» (*Не нарушить ряд Россыти велят: Мерте шаг, песнеловы!*), «грезопыт» (*И в отблеск лукавой Венеры Собьется с тропы грезопыт*), «горемыт» (*И обмолвился ей, горемыт, бубенцом*) и др. Семантика таких слов в большинстве случаев очевидна, она формируется внутренней формой слова, т. е. семантикой составляющих корней. Приращение семантики может возникать при помещении единицы в контекст: в неологизме «горелив», например, мы можем усмотреть семантику «вместилища» (уронить *во что?*), она извлекается непосредственно из контекста, а не из внутренней формы слова.

Не менее активно при создании неологизмов Д. Ревякин пользуется «корнеумножением» (более привычные термины — контаминация или междусловное наложение), которое не предполагает прямого соединения корней, а «позволяет присоединить к полной основе одного слова фрагмент основы другого» [Ахманова, с. 144]. Зачастую в таких неологизмах всплывают неожиданные коннотации, и лексемы оказываются гораздо более многомерными, чем простое сложение корней. Например: *ясного лясыря грудил костры зазря*; неологизм «лясырь» является контаминацией слов «лясы» (фразеологизм *лясы точить* — «заниматься пустыми разговорами, болтовней» [Ожегов, Шведова, с. 337]); и «лодырь» — «лентяй, бездельник» [Там же, с. 331]. Семантика бессмысленного, бесполезного времяпрепровождения поддерживается контекстным окружением, а именно соседством неологизма с просторечным наречием «зазря» — «то же, что зря» [Словарь русского языка, т. 1, с. 652]. Еще один показательный пример: *На сердце надолбы ставились надолго*. В лексеме «надолбы», с одной стороны, контаминируется семантика глагола «долбить», и существительного «столбы» (подкрепляемая управляющим глаголом «ставились»), а также проявляются наведенные контекстом семы памяти (через лексему «надолго») и боли.

По этой же модели образованы следующие слова: «рунзы» (*Сумел рожон оправить в рунзы; Оправить в рунзы наконечник стрелы*) — контаминация слов «руны» (в значении «древние письмена скандинавов, используемые также для отправления культа и предсказания будущего» [Ожегов, Шведова, с. 688]) и «бронза»; можно предположить в этом неологизме (с учетом сочетаемости) также семантику вместелища. В них можно «оправить» нечто используемое как оружие: объект заостренной формы (*рожон* в 1-м значении — «кол, заостренная палка» [Там же, с. 682]). Неологизм «радея» (*Дождем корил, кипел в бровях Ишим — Дарил радею волховать*), на наш взгляд, может являться контаминацией не двух, а трех лексем: *идея* + *радоваться* + *радеть* (в значении «оказывать содействие» [Там же, с. 639]). В неологизме «медарень» (*Гроздьмя медарень груди рядил, Щурился идолом*) также можно увидеть несколько компонентов: *медаль* + *дарить* + *дар* (как результат процесса дарения), кроме того, эта единица интересна возможностью ее фонетического переразложения в контексте (при фонетическом восприятии строки мы можем расчленить ее на слова следующим образом: *Гроздьмями дарень груди рядил*, в этом случае еще ярче актуализируется семантика «дарения»). Также в эту группу мы можем отнести лексемы «вытуп» (*Крошево вытупа; тупой + выступ*), «страговор» (*Страговором путь означил Возвращать долинам сердце...: страх + заговор + приговор*) и др.

Автором активно используется такой способ словопроизводства, как «усечение». Исходная лексема при этом может относиться к любой части речи: «вычур» (от «вычурный»: *Выстудил горелый тын поднять пару сводней, Сечь вёслами вычур вех в зареве равнин*, по значению он соотносится с устаревшим словом «вычура» — ‘излишне сложные, замысловатые узоры’ [Ефремова, т. 1., с. 226]; «пунец» (от «пунцовый»: *Где полет пунца сруб задел...*); «разбрызг» (от «разбрызгивать»: *Рукавом собирал русский разбрызг истоков...*); «распыл» (от «распылять»: *Гордый в распыл ступал, Радый хватать берега*); «орось» (от «орошать/оросить»: *Петь на ресницах орось*); «чекан» (от «чеканить»: *Слезы текут по родным щекам Прямо в ладони мои, Светятся алым — в ночь блестит чекан Заново стон молить*); «украд» (от «украдкой»: *Кольцо вековечить в полон колеса, Смуглой рукой греть украдом*); «прогал» (от «прогалина», «Выбелить свистами мимо ресниц прогал»); «усмех» (от «усмехаться»: *В воскресенье пронзительным ликом, Без надежды, а просто в усмех Прорубь бил на реке великой*). Для этих неологизмов характерна особенность: вне контекста сложно определить, к какой части речи относится слово (например, без контекста можно было бы предположить, что «прогал» — это глагол в форме прошедшего времени мужского рода единственного числа). Поэтому определяющими признаками для этих существительных становятся их функции в предложении и сочетаемость: они, как правило, являются подлежащими или прямыми дополнениями (за исключением неологизма «украд», который выполняет в предложении функцию обстоятельства) и могут определяться прилагательными, согласованными с ними в роде, числе и падеже, что подтверждает принадлежность этих слов к существительным.

Неологизмов, образованных префиксальным способом, в текстах Д. Ревякина мы обнаружили всего три. Неологизм «расцаревна» (*Может, станешь мне расцаревной, Может, ядом жгнешь — подождем*) образован с помощью семантически пустой приставки, которая придает неологизму «фольклорный» оттенок. Неологизм «изгорь» (*Рысить изгорь в хвосте*) образован с помощью приставки **из-** со значением ‘распространение действия на все стороны предмета’ [Русская грамматика, § 540]. Неологизм «забереги» (*Глодают обиды забереги, Пенятся струи*) предположительно образован префиксацией, но его префиксальное происхождение можно оспорить. Он может быть образован как сращением существительного с предлогом (*за + берег*), подобно детским образованиям типа «ктопришел» или «настарт», тогда значение можно толковать как ‘те, кто остались за берегом’, так и префиксацией от глагола «беречь» (это толкование поддерживается рифмой *Голоса береги!*).

Сложных префиксально-суффиксальных образований также выявлено два. Оба созданы с помощью приставки **вы-**: «высолонь» (*Серебрится ветрами высолонь, Щетинится пашня пырьем*), «высвистень» (*В сумраке взором Запах улет, Высвистень в кремь*). Суффикс при таком словообразовании может быть как языковым («высвистень»), так и текстоморфом («высолонь»).

Обнаружен единственный случай использования конверсии: междометие «брысь» переходит в разряд существительных (*Рядом остался один верить прежнему, И не спешит уходить пыльной брысью*).

Аббревиация также представлена единственным примером: «Ульча» (название альбома «*Пояс Ульчи*»). Как объясняет сам Д. Ревякин, это «одно из фундаментальных понятий... расшифровывается как У — уважение, Л — любовь, Ч — честь. Это путь людей в согласии с собой, в любви и чести» [Марголис].

Таким образом, субстантивные авторские неологизмы в текстах Дмитрия Ревякина представляют большое разнообразие словообразовательных моделей, как языковых (продуктивных и непродуктивных), так и индивидуально-авторских (образование слов с нарушением модели: например, несоблюдение частеречной принадлежности основы или использование текстоморфов). Устойчивость использования разных словообразовательных моделей и системность образования новых слов указывают на сознательный характер использования Д. Ревякиным словотворчества как основополагающего принципа построения художественного текста.

Функция субстантивных неологизмов в поэтических текстах Д. Ревякина в основном номинативная. Они становятся инструментом формирования и познания объектов творимой поэтом реальности одновременно. Однако не следует забывать, что неологизм сам по себе является наглядным маркером значимости того, что обозначается создаваемым словом. Следовательно, целесообразно говорить о таких функциях авторских неологизмов в поэтических текстах Д. Ревякина, как 1) привлечение внимания к смыслам, выражаемым с помощью собственно таких единиц и контекста, в который они помещены; 2) «декорирование» поэтических смыслов.

Наконец, нельзя не отметить экспрессивную функцию таких единиц: неологизм в силу своей изначальной маркированности формирует экспрессивный контекст, воздействующий на читателя/слушателя сильнее, чем большинство средств литературного языка.

Анциферов А. Калинов Мост. К выходу SWA // Rock Fuzz. 2006. № 4. С. 6. [Antsiferov A. Kalinov Most. K vykhodu SWA // Rock Fuzz. 2006. N 4. S. 6.]

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с. [Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1969. 608 s.]

Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 2000. Т. 1 : А—О. 1213 с. ; Т. 2 : П—Я. 1084 с. [Efremova T. F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka : v 2 t. M., 2000. T. 1 : A—O. 1213 s. ; T. 2 : P—Ya. 1084 s.]

Курбановский А. Полутораглазый поец // Rock Fuzz. 1993. № 10. С. 10—12. [Kurbanovskij A. Polutoraglazyj poets // Rock Fuzz. 1993. N 10. S. 10—12.]

Марголис М. Настоящий поэт с рассудком не имеет ничего общего (интервью с Д. Ревякиным) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kalinovmost.ru/press/97-6-2.html> (дата обращения: 01.03.2010). [Margolis M. Nastoyaschij poet s rassudkom ne imeet nichego obschego (interv'yu s D. Revyakinym) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kalinovmost.ru/press/97-6-2.html> (data obrascheniya: 01.03.2010).]

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2005. 944 с. [Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop. M., 2005. 944 s.]

[Песенные тексты Д. Ревякина] // Сайт группы «Калинов мост». URL: <http://kalinovmost.ru/albums> (дата обращения: 20. 04. 2010). [[Pesennye teksty D. Revyakina] // Sajt grupy «Kalinov most». URL: <http://kalinovmost.ru/albums> (data obrascheniya: 20. 04. 2010).]

- Ревякин Д. Гнев Совы. М., 1998. 140 с. [Revyakin D. Gnev Sovy. M., 1998. 140 s.]
Ревякин Д. Кольца алые. М., 2003. 127 с. [Revyakin D. Kol'tsa alye. M., 2003. 127 s.]
Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1982. 783 с. [Russkaya grammatika / pod red. N. Yu. Shvedovoj. T. 1. M., 1982. 783 s.]
Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. М., 1999. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. A. P. Evgen'evoj : v 4 t. M., 1999.]
Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. М., 1976. 280 с. [Stepanov N. L. Velimir Khlebnikov: zhizn' i tvorchestvo. M., 1976. 280 s.]
Хлебников В. Поэзия, драматические произведения, проза, публицистика. М., 2001. 696 с. [Khlebnikov V. Poeziya, dramaticheskie proizvedeniya, proza, publitsistika. M., 2001. 696 s.]

Статья поступила в редакцию 19.04.2013 г.

УДК 811.161.1'373.4 + 811.161.1'373.612.2 + 395

Е. Н. Мушникова

ОБРАЩЕНИЕ ГОЛУБЧИК/ГОЛУБУШКА В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Рассматривается вопрос о вариантах этикетных обращений и о возможности включения в них метафорической пары «голубчик»/«голубушка». Высокая частотность употребления данных анималистических имен как вокативов в чеховской прозе вполне мотивируется их языковыми особенностями в системе лексических единиц.

Ключевые слова: анималистическое имя; антропоним; вокатив; обращение; зоометафора; лексема; коннотация; этикет.

Проблема выбора этикетных гендерных обращений в современном русском языке ставит по меньшей мере два вопроса. Первый из них связан с анализом лексико-грамматических оснований «стремительно набравшего частотность обращения *мужчина/женщина*» [см.: Супрун]. Второй вопрос — о возможности использования анималистических лексем *голубчик/голубушка* в качестве этикетных вокативов, высокая частотность которых в прозе А. П. Чехова вполне мотивирована их особенностями в системе языка.

Универсальный характер данных вокативов обнаруживается и при переводе их на английский язык, часто не располагающий семантико-анималистическими аналогами. Их перевод с одного языка на другой осуществляется за счет иных, чем зоометафора, вербальных средств, в результате чего русские вокативы теряют коннотацию, приобретая в английском тексте статус стилистически нейтральных антропонимов. Допустимость подобной трансформации является одним из доказательств десемантизации прямых номинативных значений рассматриваемых анималистических лексем, когда они функционируют в качестве антропонимических обращений. Об этом свидетельствует и общепринятое

их употребление в конце XIX — начале XX в., прерванное революционными событиями 1917 г., активизировавшими другие лексемы в качестве обращения. Появилось обращение *товарищ*. В устной речи стали частотными гендерные вокативы *мужчина/женщина*. Они стали «альтернативой аристократическому *господа* и просторечному *мужики*»: «новое советское общество таким образом пыталось отказаться от речевого этикета (resp. культуры) предыдущей эпохи» [Ефремов, с. 44].

Обращения *мужчина/женщина* оказались довольно востребованными в разговорной речи, поскольку не имели и до сих пор не имеют альтернативы. Их просторечный характер не исключает, однако, возможности их употребления «в определенном типа дискурсах»: так, «в современном городском общении женщины, собравшиеся в кружок во дворе», вполне уместно используют «обращения *Женщины!* или *Девочки!*» [см. об этом: Янко, с. 574—579]. Употребление плюралльных форм *женщины/девочки* в вокативной функции обеспечено здесь, во-первых, собирательным лексико-грамматическим значением форм множественного числа, в которых стираются некоторые языковые особенности лексем, препятствующие их включению в систему вокативов, и, во-вторых, прагматической установкой текста, отражающей конкретную речевую ситуацию.

Вероятно, и обращение *мужчина* в определенных речевых условиях может быть вполне оправданным. Однако в функции этикетного вокатива эта лексема оказывается не всегда уместной, поскольку может не соответствовать денотату по тем оценкам, которые содержатся в ассоциативно связанных с ней словах *мужество, мужественный, мужественность* (большинство носителей языка, не знакомое с тонкостями разграничения словообразовательной диахронии и синхронии [Тихонов, т. 1, с. 636], воспринимает их как близкородственные слову *мужчина*). Народное сознание, таким образом, в лексему *мужчина* включает оценочные семы 'твердость', 'мужество' [БАС, т. 6, с. 1349], что усложняет антропоним дополнительной аксиологией, прагматически ограничивающий его употребление.

В отличие от словарной трактовки деривационных связей слова *мужчина* как этимологических, лексемы *женственный, женственно, женственность* входят в словообразовательное гнездо 'женщина' [см.: Тихонов, т. 2, с. 343]. Однако близость этих синхронно однокорневых слов не стала основанием для того, чтобы яркие оценочные значения (*нежный, мягкий, изящный*) перешли на вокатив *женщина*. Это объясняется, вероятно, тем, что в словаре у лексемы *женщина*, помимо основного значения («лицо, противопоставляемое по полу мужчине»), закодирован оттенок «взрослая, вышедшая из состояния подростка» [БАС, т. 4, с. 82]. Сема возраста актуализируется в позиции одиночного обращения данной лексемы, вытесняя оценочные семы, обусловленные словообразовательными связями. При этом возможность их актуализации не исключается в других синтаксических функциях: 1) *Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг* (А. П. Чехов. Дядя Ваня); 2) *Дашу Озаровскую, бывшую Мусину-Пушкину, бывшую Глебову, нельзя считать актрисой серьезно. Это пустяки одни, а не женщина* (А. П. Чехов. О. Л. Книппер-Чеховой). Перестройка состава сем у подле-

жащего (1) и сказуемого (2) осуществляется в синтагматических связях, благодаря которым в лексеме стирается сема возраста.

Показательно, что даже в юмористической прозе А. П. Чехова нет ни одного случая употребления слова *женщина* в качестве одиночного обращения, хотя в сочетании с атрибутами, способствующими актуализации в слове значения зрелой красоты, его использование отличается высокой частотностью: (Платонов, Саше): *Пожалуйте! Милости просим, молодая женщина!*; (Платонов): *Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...* (А. П. Чехов. Безотцовщина); *Ну, будьте здоровы, милая актриса, великоленная женщина, да хранит Вас Бог* (А. П. Чехов. О. Л. Книппер-Чеховой).

Этикетному статусу обращения *женщина* препятствуют и естественные трудности выбора вокативов в паре *девушка/женщина*. Лексема *девушка* толкуется как «лицо женского пола, достигшее полного физического развития, но не состоящее в браке» [БАС, т. 3, с. 635], в связи с чем социальная, физическая и возрастная аксиология слова *женщина* лишена определенности. И даже точная информированность говорящего лица о возрасте собеседницы не исключает прагматической ошибки, не гарантирует одобрительной реакции с ее стороны, оставляя за ней право на субъективное ощущение себя с точки зрения зрелости. Таким образом, вокатив *женщина* оказывается нежелательным по этическим соображениям: он содержит оттенок фамильярности и даже грубости, а главное, его использование демонстрирует некую бесцеремонность вторжения в личное пространство адресата.

Сравнение вокативов *мужчина* и *женщина* позволяет сделать вывод о том, что первый из них имеет меньше семантических запретов для функционирования в качестве обращения, что связано с ментальностью лица мужского пола, для которого невозможна негативная реакция на указание возраста даже в том случае, когда оно не соответствует степени зрелости. В этом смысле трудно себе представить, чтобы отрок, юноша или старик обиделись, услышав в свой адрес обращение *мужчина*.

Коннотативная асимметрия пары *мужчина/женщина* делает составляющие ее слова неравнозначными с точки зрения прагматики, что тоже создает коммуникативные неудобства в использовании ее в качестве этикетной.

В последнее время в СМИ настойчиво насаждаются обращения *господин/госпожа/господа*. Попытка подобной реанимации представляется мало перспективной. Во-первых, ей препятствует этимологическая мотивация лексем именем *Господь*: в условиях резко изменившегося отношения к Богу она воспринимается как живая связь в современном русском языке, делая данное имя не совсем уместным в качестве обращения к обычному лицу. Во-вторых, использование вокативов *господин/госпожа* в современных социальных условиях претит большинству русскоговорящих, звучит иронично, вызывая эффект комического. Нельзя не согласиться с тем, что их «использование вызывает эффект отчуждения и может иметь даже пейоративный оттенок» [Кронгауз, с. 130–131].

Вряд ли станет популярной в качестве обращений и гендерная пара *сударь/сударыня*. В ней, правда, этимологическая связь со словом *государь* уже стерлась,

но элемент претенциозности остался. В. И. Супрун справедливо отмечает в связи с этим, что «вокатив *сударь/сударыня...* не может преодолеть сопротивления коммуникантов» [Супрун].

Важно и то, что классическое литературное наследие, в котором обращения *господин/госпожа* и *сударь/сударыня* имеют связь с определенными денотатами, тоже не способствует адаптации их в современном коммуникативном процессе.

Имя — это знак, но не совсем простой: система деривационных, парадигматических и синтагматических отношений делает его особенным, отличным от знаков других систем [Шмелев, с. 100–101], однако определенная условность даже его переносного значения сохраняется, что неоднократно отмечалось лексикологами. Так, довольно трудно логически мотивировать, почему имена необходимых, полезных и любимых домашних животных (*кот, кошка, курица*) послужили деривационной базой для негативных антропонимов. В этом смысле позитивная метафорическая коннотация пары *голубчик/голубушка*, никогда не подвергавшаяся отрицательному переосмыслению, вполне объяснима и оправдана в функции этикетных гендерных вокативов. Этому способствует и тот факт, что прямые номинативные значения входящих в нее слов малоупотребительны, поскольку называемая ими птица крайне редко нуждается в определении пола со стороны пользователей языка. Если же такая потребность возникает, то гендерная определенность выражается, как правило, дериватами *голубок, голубочек/голубка, голубочка*: *...Это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно... Господи! Это всё так и было, — сплеснула мать руками, — и голубочка того как есть помню. Ты перед самой чашей встрепенулся и кричишь: «Голубок, голубок!»* (Ф. М. Достоевский. Подросток).

Процессу возможной активизации слов *голубчик/голубушка* в качестве гендерных вокативов в современном русском языке способствует также словообразовательная структура имен. *Голубчик* входит в тип образования существительных — наименований лиц мужского пола — от существительных же с помощью словообразовательного форманта **-ик**: *везунчик, попрыгунчик, купидончик*. *Голубушка* занимает место в типе образования существительных — наименований лиц женского пола — от существительных же с помощью словообразовательного форманта **-ушк-**: *лапушка, сударушка, молодушка*. Обращают на себя внимание и другие деривационные особенности слов пары. Номинация *голубчик*, с одной стороны, включается в парадигмы с уменьшительно-ласкательным значением суффикса **-ик**: анималистическую (*зайчик, котик, пёсик* и т. п.) и личную (*братик, солдатик*), с другой — ассоциирует с гендерной лексемой *мальчик*, которая в современном русском языке является производной [Тихонов, т. 1, с. 571]. Лексема *голубушка* тоже имеет парадигмы с уменьшительно-ласкательным значением — анималистическую (*лебедушка, журавушка, коровушка*) и личную (*кумушка, сударушка*). При этом *голубушка* входит в ассоциативный ряд слова *девушка*, в котором, как и в существительном *мальчик*, суффикс заметно теряет морфемный статус. Процесс утраты словами *голубчик/голубушка* уменьшительно-ласкательного значения позволяет констатировать наметившийся процесс семантического и соответственно коннотативного их опрощения при выражении лиц мужского и женского пола.

Литературное наследие Чехова является образцовым во всех отношениях. Его врачи, учителя, студенты, литераторы, инженеры, художники представляют самый многочисленный средний класс, язык которого наиболее близок современному пользователю языка. Вокативы *голубчик/голубушка*, частотные в прозе писателя, располагают всем набором языковых признаков, чтобы стать этикетными гендерными обращениями.

Это подтверждается и особенностями перевода их на английский язык, в котором лексемы *голубчик/голубушка* не располагают вокативной функцией:

— А? Я человек сырой, оступел, — ответил он. — Какие мои советы? И вы напрасно беспокоитесь.... Не знаю, право, отчего вы беспокоитесь? Не беспокойтесь, *голубчик!*

“Eh? I am a feeble, stupid old man”, he answered. “What use would my advice be? You shouldn’t worry yourself... I really don’t know why you worry yourself. Don’t disturb yourself, *my dear fellow!*” («Мой дорогой друг/ товарищ»)

— Павел Андреич, скажу я вам по-дружески: перемените ваш характер! Тяжело с вами! *Голубчик*, тяжело!

“Pavel Andreitch, I speak to you as a friend: try to be different! One is ill at ease with you, *my dear fellow*, one really is!”

— Пожалуйста, *голубчик*, — сказал я таким тоном, как будто Никанор имел право не послушаться. — Поедем, пожалуйста!

“Oh, please, *my dear fellow*”, I said in a tone as though Nikanor had the right to refuse. “Please let us go!”

— Приехали, *голубчик*, значит, не сердитесь, — зашептал он, сопя.

“You have come, *my dear fellow*, so you are not vexed,” he whispered, sniffing.

— Эй, прокатим генерала! Запалим, новых купит, *голубчики!*

“Hey! Let’s give the general a drive! If you come to grief he’ll buy new ones, *my darlings* («Мои друзья»)!”

The wife (transl. by Constance Garnett)

Обратим внимание на абсолютно точное понимание русских обращений переводчиком, который варьирует их атрибутивный состав, ориентируясь на конкретный текст, позволяющий ему выразить в переводе ту или иную степень доверительности в отношении к собеседнику, выраженную в русском тексте одним и тем же вокативом *голубчик*. Так, в плюральной форме *голубчики* из состава распространенного вокатива, обращенного к множеству лиц, исключается атрибутивный адъектив *дорогой*. Он воспринимается носителем английского языка в его первоначальном значении *милый, любимый, близкий сердцу* [Словарь современного русского литературного языка, т. 4, с. 402–403], поэтому, с его точки зрения, становится неуместным, когда речь идет о множестве собеседников. Переводчику трудно увидеть, что в русском речевом этикете прилагательное *дорогой* несколько теряет закодированную в словаре яркость оценочной семантики.

Оценивая передачу русского обращения *голубчик* на английский язык, обратим внимание на два момента. Во-первых, язык перевода располагает вариантами, по-разному идентифицирующими один и тот же русский вокатив, что свидетельствует о восприятии иностранцем коннотативного и семантического значения слова в полном его объеме, позволяющем реализовать все грани его содержательной емкости в самых различных речевых ситуациях. Во-вторых, показателен факт не востребованности синонимичных русскому обращению английских зоометафор, что обнаруживает десемантизацию в них анималистического значения и подтверждает их готовность стать этикетными обращениями.

Функционально значимые слова, к которым, безусловно, относятся вокативы, в наибольшей степени зависят от социальной характеристики коммуникативного процесса. Зоонимы в качестве обращений позволяют снять статусные маркеры, которые препятствуют использованию слов в звательном значении. Языковой анализ пары *голубчик/голубушка* показывает, что в системе языка нет препятствий для использования ее в русском речевом этикете. Слово остается за теми, кто активно и профессионально участвует в формировании речевой культуры, пропагандируя вместе с мастерами слова лучшие образцы словоупотребления.

БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950—1965. [BAS — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. M. ; L., 1950—1965.]

Ефремов В. А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // Вестн. Герцен. ун-та. 2010. № 10. С. 44—48. [Efremov V. A. Transformatsii russkogo rechevogo etiketa: obrascheniya // Vestn. Gertsen. un-ta. 2010. N 10. S. 44—48.]

Кронгауз М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999. С. 124—134. [Krongauz M. A. Obraschenie kak sposob modelirovaniya kommunikativnogo prostranstva // Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke / отв. red. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. M., 1999. S. 124—134.]

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. М., 1991—1993. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 20 t. M., 1991—1993.]

Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания : электрон. науч.-образов. журн. ВГПУ. 2010. № 5 (10). URL: www.grani.vspu.ru. [Suprun V. I. Osobennosti ispol'zovaniya vokativnykh edinit v sovremennom russkom yazyke // Grani poznaniya : elektron. nauch.-obrazov. zhurn. VGPU. 2010. N 5 (10). URL: www.grani.vspu.ru.]

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985. [Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka : v 2 t. M., 1985.]

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с. [Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. M., 1973. 280 s.]

Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог'2009» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2010. С. 574—579. [Yanko T. E. Russkie obrascheniya: slovarnaya informatsiya i vokativnye konstruksii // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : tr. Mezhdunar. konf. «Dialog'2009» po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam. 2010. S. 574—579.]

The Wife [Электронный ресурс]. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/c/chekhov/anton/c51wif/chapter1.htm> (дата обращения: 10.10.2012).

Статья поступила в редакцию 19.10.2012 г.

ПАМЯТЬ ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ПАМЯТИ

УДК 130.3:94 + 159.953.34

Л. Н. Мазур

ОБРАЗ ПРОШЛОГО: ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Рассматриваются теоретические и методологические вопросы изучения исторической памяти, подходы к определению понятия «историческая память», его структуре, механизмам формирования. Значительное внимание уделено характеристике источников изучения исторической памяти, методическим аспектам ее реконструкции в исторических исследованиях.

Ключевые слова: историческая память; структура и виды памяти; источники и механизмы формирования исторической памяти; закономерности функционирования исторической памяти; реконструкция образа прошлого.

Историческая память составляет основу, ментальное ядро общественного сознания, обеспечивая возможность идентификации и самоидентификации отдельной личности и общества в целом. В настоящее время изучение исторической памяти стало одним из активно развивающихся направлений исторической науки. Отправной точкой в разработке этих проблем стали труды таких авторов, как М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассманн, П. Рикер, Ю. М. Лотман, Л. П. Репина и мн. др. [см.: Ассманн; Нора; Рикёр; Хальбвакс; и др.]. В отечественной науке данная тема находится в центре внимания исследований по интеллектуальной истории, а также устно-исторических исследований [см.: Образы прошлого...; История и память...; Диалоги со временем; Кознова; и др.], где накоплен солидный опыт методологического осмысления феномена памяти и ее конкретно-исторических реконструкций. Данная статья представляет попытку обобщения основных методологических подходов к изучению исторической памяти, ее структуры, механизмов ее формирования, в том числе используемого историками понятийного аппарата.

Остановимся на соотношении понятий «историческое сознание» и «историческая память», которые настолько тесно связаны, что часто воспринимаются как синонимы. «Память» рассматривается чаще всего в контексте понятия «сознание», как его функция, информационная основа и процесс¹. Л. П. Репина характеризует историческую память с позиции социокультурного феномена, нацеленного на осмысление исторических событий и их символическую репрезентацию [см.: Репина, 2011, с. 411—415], подчеркивая общность социальных функций исторического сознания и памяти. Они определяют такие свойства исторической памяти, как актуальность и изменчивость (постоянная модификация образов прошлого).

С другой стороны, память — это психический процесс, связанный с запоминанием, сохранением и воспроизведением прошлого опыта человека, народа, страны и включением его в сферу сознания [см.: Тощенко]. Главную особенность памяти И. М. Сеченов видел в том, что она, во-первых, оперирует преимущественно образами, т. е. «переработанной» информацией; во-вторых, обладает способностью к сортировке и упорядочению воспоминаний; в-третьих, регулирует их хранение (оперативная, долговременная память). Особую роль в функционировании памяти играет долговременная память, объем которой является фактически неограниченным и которая включает сознательную и подсознательную области. Ее назначение — хранить информацию и обеспечивать доступ к данным. В отличие от кратковременной памяти, долговременная память содержит не эмпирические представления, а осмысленные сведения. Перемещение информации из кратковременной памяти в долговременную связано с запоминанием — «консолидацией следа» в памяти в результате неоднократного повторения и применения. Увеличение числа повторений обеспечивает более глубокое запоминание информации [см.: Структура памяти ...].

Отмеченные выше особенности функционирования памяти присущи не только отдельному человеку, но и обществу в целом. По мнению Л. П. Репиной, для формирования исторической памяти важны три процесса: 1) «забвение прошлого» (потеря возможности воспроизведения, а иногда даже узнавания ранее запомненного); 2) различные интерпретации фактов и событий; 3) актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами [Репина, 2004б, с. 11]. Работают и основные правила запоминания: чем глубже «переработка» и осмысление обществом исторических событий, тем лучше они запоминаются и дольше помнятся. Эту задачу выполняют наука и искусство, реагируя на текущие события и перемещая их образы в «хранилище долговременной памяти» — документы.

---

¹ Выделяются два основных подхода к оценке соотношения этих понятий: 1) более широкое распространение получил подход, в рамках которого память воспринимается как часть сознания, один из психических процессов (ощущение, восприятие, мышление, память), определяющих функционирование сознания, т. е. как более узкое понятие [см., в частности: Щербатых; и др.]; 2) в контексте физиологического подхода сознание (сознательное) рассматривается как понятие более узкое по отношению к памяти, т. к. она включает еще и бессознательное [см.: Агафонов].

В информационном плане историческая память обладает временной и пространственной структурой (в этом смысле вполне уместно говорить об ее «карте»), она мифологична по своему содержанию, эмоционально окрашена. Историческая память очень вариативна и имеет страновые (государственные), национальные, социальные и возрастные особенности, но вместе с тем содержит и некоторые общие координаты, символы и образы, объединяющие общество, обеспечивающие его ментальное единство.

Принято выделять индивидуальную и коллективную (групповую, страновую, национальную, локальную, глобальную) историческую память (рис. 1) [см. подробнее: Хальбвакс]. Коллективная память включает индивидуальную, но не как механическую сумму представлений отдельных личностей, а как обобщенный образ этих представлений, принимаемый и узнаваемый всеми. Различие состоит в том, что если формирование индивидуальной памяти происходит, как правило, на основе саморегулирования, часто неосознанного или слабо контролируемого человеком, то коллективная память — это контролируемое явление, она поддается корректировке, управлению и манипулированию. И этот эффект зависит от того, как актер использует инструменты забвения, актуализации и интерпретации.

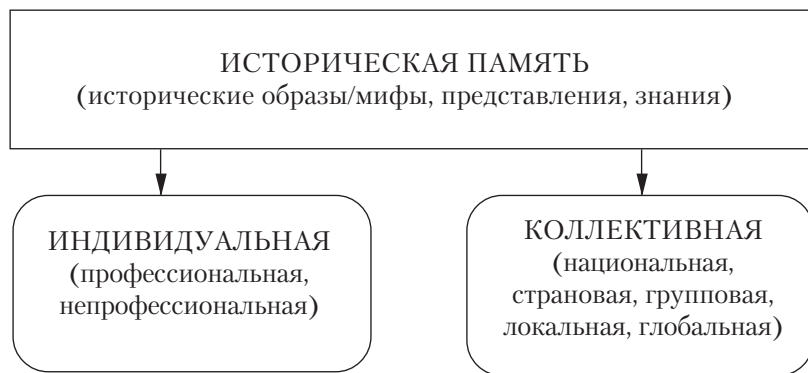

Рис. 1. Структура и виды исторической памяти

Историческая память социально детерминирована, она формируется из разных источников, в том числе опирается на личный опыт, т. е. включает субъективный аспект, связанный с личными особенностями восприятия, интерпретации исторического опыта, особенно событий «живой» истории, свидетелем и участником которой был человек². Собственный опыт очень фрагментарен, поэтому уникален и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени, а значит, не может составлять основу, базис исторической памяти. Он должен накладываться, вписываться в формируемое обществом историческое информационное пространство, дополнять его. В определенной

² М. Хальбвакс выделяет два типа памяти: внутреннюю, или личную, и внешнюю, или социальную [см.: Хальбвакс].

степени личный опыт выполняет функции контроля и верификации исторической информации, транслируемой другими каналами.

Основу исторической памяти человека и общества в целом формирует та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится: система образования, медийная среда, контролируемые в значительной степени идеологией и рынком. Основным актором, заинтересованным в контроле над исторической памятью, выступает власть, а в недавнем прошлом выступала еще и церковь. В современном мире большое значение приобретает формируемое обществом «историческое пространство», представленное местами памяти, а также праздниками, годовщинами и другими механизмами актуализации и стимуляции исторической памяти (рис. 2).

Двойственность исторической памяти — наличие ярко выраженной социально-культурной и психологической детерминанты в процессах ее формирования и дальнейшего развития — существенно усложняет изучение и однозначное толкование данного понятия [Репина, 2004а, с. 42].

Реконструкция исторической памяти как исследовательская проблема, предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: 1) выделение основных информационных каналов (источников и механизмов) формирования исторической памяти сообщества; 2) составление карты памяти, ее символического ряда и пространственной иерархии образов (центральный, периферийный); 3) реконструкция и интерпретация исторических образов, их анализ и дешифровка.

Рис. 2. Факторы, источники и механизмы формирования исторической памяти

В этой связи существует необходимость уточнить, что можно рассматривать как источник формирования исторической памяти, а что представляет собой механизм. Роль источника связана с задачами фиксации и преобразования исторической информации в образы (литература, искусство) или логические структуры (наука). Механизм отвечает за трансляцию имеющихся в обществе исторических знаний и представлений. Основным источником исторической информации следует отнести: 1) историческую науку; 2) искусство и литературу, а также 3) уже упоминаемый нами личный опыт, в том числе документированный (мемуары, воспоминания, письма и пр.). Механизмами трансляции исторической информации выступают 1) система образования, 2) средства массовой информации, 3) устные коммуникации, 4) места памяти³. И источники исторической информации, и механизмы ее передачи испытывают на себе влияние таких факторов, как идеология (религия), рынок, а также информационные технологии (устные, письменные, аудиовизуальные и пр.), которые определяют особенности информационной среды и культуры общества. Роль факторов состоит в том, что они регулируют актуализацию, отбор, интерпретацию, доступность исторической информации, т. е. фактически управляют историческим сознанием и исторической памятью.

Изучая процессы формирования исторической памяти, очень важно определить место и роль информационных каналов, тем более что они могут меняться, отражая исторические особенности коммуникационной среды. Длительное время (это касается прежде всего традиционного общества, в частности крестьянского мира) за формирование исторической памяти отвечал устный канал информации, опиравшийся на личностный опыт и бытовавшие технологии передачи сведений о прошлом — из уст очевидцев своим слушателям (детям, внукам, друзьям, соседям и т. д.). Он определял характер эволюции исторической памяти — естественный, основанный на биологических законах функционирования памяти.

Исторические представления очевидцев приобретали форму устного нарратива (предания, сказания, легенды) и закреплялись в сознании поколений, однако сохраняемые образы были локальными, неполными, с существенными пространственно-временными и событийными искажениями. Особенностью традиционного мировосприятия, основанного на религиозных интерпретациях, было включение исторических представлений и образов в устойчивые ментальные структуры, свойственные данному обществу. В традиционном обществе религия и церковь выступали основным регулятором исторической памяти.

В эпоху модерна устный канал начинают дополнять и постепенно замещать письменные технологии (текст), на которые опираются образование, наука, литература и искусства, идеология и пропаганда, медиасреда. Причем если

---

³ Места памяти — это сохранившиеся следы прошлого («останки»), преобразованные усилиями науки, власти, культуры в вариант «продукта/товара истории», потребляемого обществом. К ним относят также музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, документы, мемориалы, монументы, храмы и пр. — все, что способствует актуализации, поддержанию и сохранению коллективной памяти [см. подробнее: Нора].

в XIX — начале XX в. авторитет науки и образования как агентов формирования исторической памяти был неоспорим, то во второй половине XX в., а особенно в современных условиях возрастает роль медиатехнологий и массовой культуры, способствуя мифологизации исторического сознания. С увеличением числа каналов информации происходит усложнение структуры исторической памяти, усиливается ее вариативность и гетерогенность вплоть до полного разрыва, разрушения целостной картины, формирования альтернативных вариантов.

Сила влияния различных информационных каналов на сознание человека зависит от особенностей информационного потока: наука воздействует на рациональный уровень сознания и через систему образования, агитации и пропаганды закрепляет в нем структурированный и логически непротиворечивый набор исторических знаний и представлений. Они создают каркас образа исторического прошлого. Художественные произведения (литература, искусство), обладая высокой степенью эмоционального воздействия, влияют на подсознание и внедряют в него как научные знания о прошлом, так и циркулирующие в обществе и поддерживаемые властью мифы. Значение данного механизма состоит в том, что он придает историческим представлениям жизненную силу и правдоподобие, они обретают плоть и кровь, переставая быть сухими научными фактами. Исторические события, воплощаясь в судьбы героев произведений, их мысли и поступки, приобретают энергетику индивидуального опыта. Факты становятся образами. Конструирование устойчивых образов прошлого (координатной сетки карты исторической памяти) неразрывно связано с их мифологизацией. Личностный информационный канал верифицирует образы недавнего прошлого, создаваемые наукой, искусством и транслируемые образованием, идеологией и средствами массовой информации. Если образ «узнаваем», это повышает градус доверия к нему и создает благоприятные предпосылки для его дальнейшей мифологизации.

Особую силу образы прошлого приобретают в том случае, если все три основных информационных канала дополняют друг друга, согласованно конструируя историческую картину. Но такое согласие достигается далеко не всегда, особенно на этапе «живой» памяти, т. е. знаний, представлений о сравнительно недавних событиях, участники которых еще живы и могут выступать в качестве альтернативных источников информации. Несогласованность основных информационных каналов и механизмов коллективной памяти приводит к эффекту разорванной памяти, крайним проявлением которой становится историческая амнезия — нежелание знать прошлое, отрицание истории как агента коллективной памяти.

В XX в. особое место в процессах формирования исторической памяти отводится средствам массовой информации, которые способствуют не только распространению научных знаний, тиражированию художественных образов, личного исторического опыта, но и мифов, идеологических и пропагандистских штампов. Средства массовой информации, и особенно кинематограф (сочетающий как черты искусства, так и СМИ), обладают кодирующим эффектом, что создает предпосылки для манипулирования исторической памятью.

Таким образом, в XX в. естественные механизмы формирования исторической памяти постепенно замещаются искусственными, что позволяет рассматривать ее как объект управления. Советский период дает множество примеров конструирования «новой» исторической памяти: забвению предавались неудобные для власти события и люди и, напротив, реанимировались и актуализировались те, которые работали на религиозную или национальную идею, были выгодны власти [см. подробнее: Каменский]. Пример с созданием исторического образа Александра Невского и внедрением его в 1930-е гг. в историческую память общества в качестве одного из основных символов российской государственности весьма показателен [см.: Данилевский].

По аналогии с историческим сознанием в информационной структуре исторической памяти можно выделить несколько уровней: 1) исторические знания (наука); 2) исторические представления (обыденное сознание); 3) исторические образы [см.: Что такое историческое сознание...; Репина, 2004а, с. 42] (см. рис. 1). Первые два уровня имеют рациональную основу и строятся с опорой на научные представления, а также личный опыт или свидетельства очевидцев. Исторические образы — наиболее сложный и трудный для реконструкции уровень исторической памяти, формирующий ее мировоззренческое и мифологическое ядро. Все эти уровни имеют информационную природу, а сам контент исторической памяти определяется состоянием информационной среды и такими факторами, которые ее моделируют: 1) количество и эффективность каналов информации; 2) их контролируемость властью (рынком, церковью); 3) статус исторической науки (доступность научной информации); 4) согласованность информационных каналов.

Базовым структурным элементом исторической памяти выступает образ прошлого. Это понятие сегодня часто используется для обозначения представлений о наиболее значимых исторических событиях, людях, процессах, закрепленных в общественном сознании в форме устойчивого кода (набора символов) [см.: Образ...]. Исторический образ может отражать научную и/или ненаучную информацию. Он обращен к эмоциональной стороне сознания, выполняя функции объяснения прошлого. Важнейшим свойством образа выступает его метафоричность, эмоциональность и узнаваемость, что обеспечивает реализацию коммуникативных функций, а также способность отражать некоторые универсальные ценности. Информационный и жизненный потенциалы образа возрастают, если он обладает свойствами целостности, а также парадоксальности и способностью к перерождению в миф⁴.

Между историческим образом и мифом как основным элементом общественного исторического сознания существует тесная связь: образ выступает в качестве центрального элемента мифа [см.: Боннел], но далеко не каждый образ прошлого

---

⁴ По мнению О. Б. Леонтьевой, механизм создания мифа вокруг реального исторического события не сложен: 1) необходимо соотнести повествование об этом событии с одним из «циркулирующих в мировой культуре универсальных сюжетов»; 2) отбросить из рассказа все «лишние» детали, мешающие узнаванию; 3) привнести новые детали, более соответствующие мифическому прообразу...; 4) «перевести повествование в эмоциональный образный ряд» [Леонтьева, с. 29].

способен превратиться в «исторический миф». Чтобы подняться на уровень мифа, он должен соотноситься с имеющимися в общественном сознании архетипами и обладать определенной ценностью и актуальностью, т. е. должен быть узнаваемым, интересным, значимым для общества и отдельной личности. В силу этого образы прошлого, потерявшие ценность по тем или иным причинам, могут бытовать в сознании на правах исторических фактов, значимость которых не выходит за рамки познавательной ценности. К числу таковых относятся образы очень отдаленного прошлого, связанные, например, с первобытной эпохой. Кстати, для традиционного общества эти образы были еще «живыми» и нашли отражение в мифологическом пантеоне, свойственном традиционному сознанию. Для общества модерна данная информация утратила свою актуальность, и оно закономерно обращается к более поздним событиям, повлиявшим на *status quo*.

Историческая память в итоге приобретает слоистую структуру, в которой в зависимости от близости исторического прошлого выделяется уровень реальной/живой, мифической и гипотетической истории. Согласно выводам М. Элиаде, «...память об истинном и историческом событии или подлинном персонаже хранится в народе не более двух или трех столетий», затем событие ассимилируется с категорией мифологического [Элиаде, 1998]. Таким образом, реальная историческая память постепенно замещается мифической и гипотетической памятью, включающей даже не образы, а фрагментарные представления об отдельных исторических фактах [см.: Кудряшов]. Для реконструкции реального/живого уровня исторической памяти большое значение имеют воспоминания очевидцев или личный опыт, для мифического — тексты, относящиеся к категории «традиции», в том числе научные⁵.

В своей архаической форме миф включает образ и рассказ-повествование, объясняющий этот образ. В более сложной структуре современного мифа Ю. М. Лотман выделяет три уровня: миф-текст, миф-знак, миф-пространство, при этом единый миф-текст может отсутствовать и иметь дискретную структуру, представленную в некотором множестве дискурсов. Усложнение структуры мифа непосредственно связано с эволюцией и усложнением общественного сознания. Для общества модерна характерна апелляция к рациональному мышлению, его приоритет. Мифологизировать его гораздо сложнее, для этого требуются более изощренные технологии. Однако, несмотря на рациональность, сознание современного человека не менее мифологично, чем сознание дикаря⁶. В процессе превращения исторического образа в миф важен социальный заказ, который придает мифотворчеству в некотором смысле целенаправленный, организованный и управляемый характер.

Изучение и реконструкция исторических образов предполагает уточнение понятия «образ», выявление его базовых свойств и структурообразующих элементов. В науке существует множество определений категории «образ»: 1) ре-

---

⁵ Данная классификация источников (остатки; традиция) была предложена в конце XIX в. Э. Бернгеймом, в отечественной историографии эти идеи получили развитие в статье В. П. Данилова и С. И. Якубовской, опубликованной в 1961 г. [см.: Данилов, Якубовская].

⁶ Это убедительно доказал Мирчи Элиаде [см. подробнее: Элиаде, 2001].

зультат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека (философия); 2) обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления (искусство); 3) живое, наглядное представление о ком-, чём-либо [Роднянская, Ожегов]. Следует отметить, что в культурологии «образ» преимущественно рассматривается как инструмент художественного творчества, искусства, и в этом смысле он противопоставляется строгому научному понятийному знанию, что способствует конфликтности восприятия в научной среде проблемы образа в качестве объекта исследования. В литературоведении «художественный образ» определяется как особая модель мира, всегда в чем-то не совпадающая с той, которая нам привычна, но всегда узнаваемая. Рождение образа в сознании человека происходит в результате столкновения его собственной модели мира с той, которая предложена автором произведения. С позиций семиотики «образ» рассматривается как знак, получивший дополнительное значение в существующей системе знаков [Николаев, с. 34–38].

Опираясь на существующие теоретические и методологические разработки, образ прошлого можно определить как устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании. Структура образа прошлого состоит из трех основных элементов: 1) знак/имя (семиотическая сторона); 2) форма/описание (внешнесобытийная сторона); 3) пространство образа, т. е. та система, в которой он существует. Полнота реконструкции образа зависит от полноты воспроизведения всех его составных частей. Образ характеризуется множеством свойств, в том числе особенностями пространственно-временной организации, языкового выражения, свойствами коммуникативности, целостности. Целостность образа достигается тем, что в нем находят отражение как единство общего и конкретного, что часто определяется через категорию типичного; так и единство эмоционального и рационального (чувства и разума), субъективного и объективного. Сила воздействия образа на сознание во многом определяется присущей ему внутренней противоречивостью (парадоксальностью), которая, однако, не должна разрушать его целостность.

Историческая память содержит не один образ, а некоторое их множество. Они формируют карту памяти, которая исторична и подвижна, т. е. в соответствии с естественными законами функционирования памяти и инструментами ее конструирования карта памяти постоянно меняется, в нее могут включаться новые образы и исчезать старые, знаки могут менять свои смыслы. При реконструкции карты памяти применительно к конкретному обществу и его историческому времени важно выделить центральные и периферийные исторические образы, оценить характер их связи и иерархии. Как и на любой карте, в карте памяти отражены условно постоянные исторические явления и их образы (своего рода реки, горы, моря и океаны — то, что можно рассматривать как каркас исторической памяти, координатную сетку карты), а также переменные, т. е. подверженные забвению и соответственно организованной или спонтанной актуализации.

В памяти исторические образы определенным образом организованы, они формируют образные ряды (иерархические, параллельные, пересекающиеся и

пр.), в структуре которых выделяются эталонные, типичные и уникальные образы. Перемещение их в центр или на периферию карты исторической памяти определяет ее цивилизационные и темпоральные особенности (например, соотношение образа героя и образа народа/толпы).

Если изучению источников, механизмов формирования исторической памяти и характеристике отдельных образов прошлого сегодня уделяется достаточно много внимания [см., например: История и историки...; Савельева, Полетаев, 2003; 2006; и др.], то реконструкция карты памяти остается пока нерешенной задачей. Для ее реализации необходима комплексная источниковая база, позволяющая выявить и оценить место и роль отдельных исторических образов в общей картине. Реконструкция карты памяти связана с привлечением таких источников, которые, во-первых, позволят оценить влияние на формирование образа всех факторов — научного, художественного, личного; во-вторых, обладают свойствами семиотичности и нарративности и позволяют воспроизвести все элементы образа; в-третьих, характеризуются массовостью, т. е. отражают степень воздействия образов на коллективное сознание.

Каждый информационный канал, отвечающий за формирование исторической памяти, порождает свои тексты, к ним относятся научные, художественные документы, источники личного происхождения, в том числе дневники, воспоминания (устные и письменные), средства массовой информации, фото- и кинодокументы. Среди текстов для каждого исторического времени выделяются о ф и ц и а л ь н ы е, которые несут основную семантическую нагрузку: одобренные властью/церковью исторические дискурсы (прежде всего учебного характера) и примыкающие к ним пропагандистские, идеологические, религиозные тексты, а также художественные исторические произведения, позволяющие в целом восстановить «ландшафт» исторической памяти с его «пиками» и «провалами», уточнить фактографический каркас образа прошлого. Важнейшей характеристикой официальных текстов выступает их массовость, в частности тираж, и нормативность.

Так, например, для реконструкции каркаса исторической памяти советского общества важны такие тексты, как «Краткий курс истории ВКП(б)», а также «Краткий курс истории СССР» — учебник члена-корреспондента АН СССР А. В. Шестакова, изданный в 1937 г., который охватывал период от первобытно-общинного строя до победы СССР в Великой Отечественной войне. Работа в свое время получила вторую премию правительственной комиссии (первая премия не была присуждена) на конкурсе учебников и была рекомендована для преподавания в третьем и четвертом классах⁷. Однако по этому учебнику занимались и в старших классах школы, на курсах партийной переподготовки, на политзанятиях в армии, в различных школах пропагандистов и агитаторов до того момента, пока не были подготовлены специальные издания. «Краткие курсы» истории, дополненные «обязательными» художественными произведениями по узловым событиям советской истории, формировали новую советскую мен-

---

⁷ Показателен тот факт, что власть всегда жестко контролирует процесс подготовки базовых учебников [см. подробнее: Дубровский, с. 250–304].

тальность и новую историческую память гражданина страны Советов, в которой дореволюционный период рассматривался как «проклятое прошлое», наполненное классовый борьбой, а советский период — как время победы социальной справедливости и строительства общества «светлого будущего».

Наряду с уже апробированными историческими источниками хочется обратить внимание на еще один массив документов — аудиовизуальные источники. Кинематограф играет особую роль в процессе формирования исторической памяти в XX в., создавая «живые» образы, приобщая зрителей к тому, что происходит на экране, как свидетелей и очевидцев. В этом случае происходит слияние всех трех информационных каналов исторической информации (личностного, научного, художественного), создавая синергетический эффект видимой исторической реальности, воспринимаемой зрителями.

Так, например, у миллионов советских людей представления об Октябрьской революции как историческом событии были неразрывно связаны с такими фильмами, как «Октябрь» («Десять дней, которые потрясли мир») (1927, реж. С. Эйзенштейн, Г. Александров); «Юность Максима» (1934, реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг); «Ленин в Октябре» (1937, реж. М. Ромм); «Человек с ружьем» (1938, реж. С. Юткевич) и др. Они формировали исторические представления о ключевом событии XX в. и дополнялись другими кинодокументами, маркирующими основные этапы советской истории: гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война. Эти образы основных событий национальной и мировой истории XX в. наиболее полно сохраняются в сознании не только послевоенного поколения, но и современного общества, приобретая мифологические черты [см.: Сенявский, Сенявская; Глебова; и др.].

Художественные кинотексты как исторические источники не только позволяют восстановить отдельные образы и временные срезы карты исторической памяти общества, но и отражают сам процесс меморизации. Они удачно сочетают черты массовости, характеризуют общественные стереотипы и шаблоны, и художественной уникальности, поскольку выступают в качестве продукта творчества, создавая образные ряды, ранжируя их, вплетая в историческое пространство.

Также следует иметь в виду, что фильмы обладают программирующим воздействием на аудиторию [см.: Жабский; Жиро; Мириманов; Разлогов; Соколов; Социология и кино; и др.]. Для кино характерна высокая степень эмоционального воздействия на зрителя, визуализация образов, формирование ощущения приобщенности к наблюдаемым событиям (эффект очевидца), стремление к достоверной реконструкции прошлого (апелляция к науке). Учитывая эти черты, а также роль визуальной/экранной культуры и жизни современного общества, кинематограф можно рассматривать в качестве одного из основных средств конструирования исторической памяти в XX в.

Рассмотренные выше теоретико-методологические проблемы изучения исторической памяти являются отражением растущего интереса исторического сообщества к не вполне традиционным сюжетам, связанным не с описанием исторических событий, а с их восприятием современниками, потомками, историками и неисториками. Эти проблемы находятся в зоне междисциплинарности

и требуют согласования и доработки понятийного аппарата, привлечения новых источников и методов их изучения, т. е. поиска новых форм исторического познания.

Агафонов А. Ю. Понимание и память: сознание и бессознательное [Электронный ресурс]. URL: <http://andrey-agafonov.narod.ru/books/pp.htm> (дата обращения: 20.10.2012). [Agafonov A. Yu. Ponimanie i pamyat': soznanie i bessoznatel'noe [Elektronnyj resurs]. URL: <http://andrey-agafonov.narod.ru/books/pp.htm> (data obrascheniya: 20.10.2012).]

Ассманн Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М., 2004. [Assmann Ya. Kul'turnaya pamyat' : Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti : per. s nem. M., 2004.]

Боннел В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 183–215. [Bonnell V. Ikonografiya rabocheho v sovetskom politicheskom iskusstve // Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme. M., 2009. S. 183–215.]

Глебова И. И. Кто мы? Историческая память и проблемы национального самоопределения в постсоветской России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. Экспертная оценка. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/7544/> (дата обращения : 20.10.2012). [Glebova I. I. Kto my? Istoricheskaya pamyat' i problemy natsional'nogo samoopredeleniya v postsovetsoj Rossii [Elektronnyj resurs] // Informatsionno-analiticheskij tsentr. Laboratoriya obschestvenno-politicheskogo razvitiya stran blizhnego zarubezh'ya. Ekspertnaya otsenka. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/7544/> (data obrascheniya : 20.10.2012).]

Данилевский И. Н. Александр Невский [Электронный ресурс] : Парадоксы исторической памяти. URL: http://www.soluschristus.ru/biblioteka/obwaya_istoriya/aleksandr_nevskij_paradoksy_istoricheskoy_pamyati/ (дата обращения : 20.10.2012). [Danilevskij I. N. Aleksandr Nevskij [Elektronnyj resurs] : Paradoksy istoricheskoy pamyati. URL: http://www.soluschristus.ru/biblioteka/obwaya_istoriya/aleksandr_nevskij_paradoksy_istoricheskoy_pamyati/ (data obrascheniya: 20.10.2012).]

Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопр. истории. 1961. № 5. С. 3–23. [Danilov V. P., Yakubovskaya S. I. Istochnikovedenie i izuchenie istorii sovetskogo obschestva // Vopr. istorii. 1961. N 5. S. 3–23.]

Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. [Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / pod red. L. P. Repinoj. M., 2008.]

Дубровский А. М. Историк и власть. Брянск, 2005. [Dubrovskij A. M. Istorik i vlast'. Bryansk, 2005.]

Жабский М. И. Социокультурная драма кинематографа : аналит. летопись 1969–2005 гг. М., 2009. [Zhabskij M. I. Sotsiokul'turnaya drama kinematografa : analit. letopis' 1969–2005 gg. M., 2009.]

Жиро Т. Кино и кинотехнологии // Экранная культура. Теоретические проблемы : сб. ст. СПб., 2012. С. 399–422. [Zhiro T. Kino i kinotekhnologii // Ekrannaya kul'tura. Teoreticheskie problemy : sb. st. SPb., 2012. S. 399–422].

История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. : сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск, 2011. [Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vv. : sb. st. / pod red. N. N. Alevras. Chelyabinsk, 2011].

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. [Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vre-meni / pod red. L. P. Repinoj. M., 2006].

Каменский А. Б. Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого [Электронный ресурс]. URL : http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (дата обращения : 22.10.2012). [Kamenskij A. B. Paradoxy massovogo istoricheskogo soznaniya i konstruirovaniye obraza proshlogo [Elektronnyj resurs]. URL : http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (data obrascheniya : 22.10.2012).]

Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. [Koznova I. E. XX vek v sotsial'noj pamjati rossijskogo krest'yanstva. M., 2000.]

Кудряшов Н. О. некоторых видах исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2011/02/19/205> (дата обращения : 20.10.2012). [Kudryashov N. O. nekotorykh vidakh istoricheskoy pamjati [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.proza.ru/2011/02/19/205> (data obrascheniya : 20.10.2012).]

Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара, 2011. [Leont'eva O. B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX — nachala XX v. Samara, 2011.]

Мириманов В. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М., 1997. [Mirimanov V. Iskusstvo i mif. Tsentral'nyj obraz kartiny mira. M., 1997.]

Николаев А. И. Основы литературоведения : учеб. пособие. Иваново, 2011. [Nikolaev A. I. Osnovy literaturovedeniya : ucheb. posobie. Ivanovo, 2011.]

Нора П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения : 20.10.2012). [Nora P. Problematika mest pamjati [Elektronnyj resurs] // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb., 1999. S. 17–50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (data obrascheniya : 20.10.2012).]

Образ [Электронный ресурс] // Философский словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/o/obraz.html> (дата обращения : 20.10.2012). [Obraz [Elektronnyj resurs] // Filosofskij slovar'. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/o/obraz.html> (data obrascheniya : 20.10.2012).]

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. [Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / отв. red. L. P. Repina. M., 2003.]

Ожегов С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (дата обращения : 15.10.2012). [Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (data obrascheniya : 15.10.2012).]

Разлогов К. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М., 2010. [Razlogov K. Iskusstvo ekrana: ot sinematografa do Interneta. M., 2010.]

Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004а. № 5. С. 33–45. [Repina L. P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya // Novaya i novejšshaya istoriya. 2004a. N 5. S. 33–45.]

Репина Л. П. История исторического знания. Историческое сознание и историческая память. М., 2004б. [Repina L. P. Istoriya istoricheskogo znaniya. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. M., 2004b.]

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. [Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. M., 2011.]

Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. [Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M., 2004.]

Роднянская И. Б. Художественный образ [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/> (дата обращения: 17.10.2012). [Rodnyanskaya I. B. Khudozhestvennyj obraz [Elektronnyj resurs]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/> (data obrascheniya : 17.10.2012).]

Савельева И. М., Поletaев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1 : Конструирование прошлого. СПб., 2003. [Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya : v 2 t. T. 1 : Konstruirovaniye proshlogo. SPb., 2003.]

Савельева И. М., Поletaев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 2 : Образы прошлого. СПб., 2006. [Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya : v 2 t. T. 2 : Obrazy proshlogo. SPb., 2006.]

Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики [Электронный ресурс] // На весах истории. Кн. 1 : Канун трагедии. URL : http://www.mgimo.ru/victory65/documents/1-sinyavskie_past-in-modern-politics.pdf (дата обращения : 15.10.2012). Senyavskij A. S., Senyavskaya E. S. Vtoraya mirovaya vojna i istoricheskaya pamyat': obraz proshlogo v kontekste sovremennoj geopolitiki [Elektronnyj resurs] // Na vesakh istorii. Kn. 1 : Kanun tragedii. URL : http://www.mgimo.ru/victory65/documents/1-sinyavskie_past-in-modern-politics.pdf (data obrascheniya : 15.10.2012.)

Соколов В. С. Киноведение как наука. М., 2008. [Sokolov V. S. Kinovedenie kak nauka. M., 2008.]

Социология и кино / под ред. М. И. Жабского. М., 2012. [Sotsiologiya i kino / pod red. M. I. Zhabskogo. M., 2012.]

Структура памяти. Механизмы работы памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.effecton.ru/148.html> (дата обращения: 10.10.2012). [Struktura pamyat'i. Mekhanizmy raboty pamyat'i [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.effecton.ru/148.html> (data obrascheniya: 10.10.2012).]

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 15.10.2012). [Toschenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Elektronnyj resurs] // Novaya i novejschaya istoriya. 2000. N 4. S. 3–15. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (data obrascheniya: 15.10.2012).]

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / пер. с фр. М. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.10.2012). [Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Elektronnyj resurs] / per. s fr. M. Gabovicha // Pamyat' o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M., 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrascheniya: 20.10.2012).]

Что такое историческое сознание? [Электронный ресурс] // История и эпохи развития человечества. URL: <http://protown.ru/information/hide/5825.html> (дата обращения: 15.10.2012). [Chto takoe istoricheskoe soznanie? [Elektronnyj resurs] // Istoriya i epokhi razvitiya chelovechestva. URL: <http://protown.ru/information/hide/5825.html> (data obrascheniya: 15.10.2012).]

Щербатых Ю. В. Общая психология. СПб., 2008. [Scherbatykh Yu. V. Obschaya psikhologiya. SPb., 2008.]

Элиаде М. Миф о вечном возвращении [Электронный ресурс]. СПб., 1998. URL : <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm> (дата обращения: 20.10.2012). [Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii [Elektronnyj resurs]. SPb., 1998. URL : <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm> (data obrascheniya: 20.10.2012).]

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001. [Eliade M. Aspekty mifa. M., 2001.]

Статья поступила в редакцию 24.06.2013 г.

УДК 94(479)“1812” + 82:398 + 930.85

А. В. Чудинов

**КОНИ В ХРАМАХ: ОБ ОДНОМ ИЗ ТОПОСОВ
НАРОДНОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ 1812 г.***

Описание французских солдат, вводящих своих лошадей в церкви, является одной из самых популярных тем в российском фольклоре о войне 1812 г. Есть много достоверных свидетельств, подтверждающих этот факт. Однако автор статьи доказывает, что данный сюжет представляет не прямое отражение действительности фольклором, но совпадение реальных событий и устной традиции. Авторы произведений народного творчества выстраивали образ французов согласно давнему образцу иноземного врага, приписывая им все его особенности, включая враждебность к христианским святыням. Одним из проявлений такого традиционного кощунства архетипичного врага было введение лошадей в православные храмы. Хотя в действительности французы размещали лошадей в церквях только из практической потребности, это примечательное совпадение их поведения с традиционным поведением врага было принято российскими простыми людьми как доказательство религиозного характера этой войны вообще.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; фольклор; топос; архетип; крестьянская культура; образ врага.

Отечественная война 1812 г. оставила глубокий след в исторической памяти русского народа, о чем можно судить по обилию посвященных ей произведений устной литературы самых разных жанров — исторических песен, преданий, сказок, пьес народного театра, которые фольклористы и этнографы, начиная с первой половины XIX в., в большом количестве фиксировали по всем регионам России. Изучая богатое наследие народного творчества, нетрудно заметить, однако, что эта война, как, впрочем, и другие предшествовавшие ей события русской истории, отложилась в коллективной памяти народа весьма специфическим образом — без сколько-нибудь жесткой привязки к исторической конкретике: безымянные авторы фольклорных текстов описывали наполеоновское нашествие в тех же самых образах и при помощи тех же самых топосов, которые их предшественники использовали для описания вражеских вторжений далекого прошлого [см.: Чудинов; Tchoudinov, 2012b]. К примеру, анонимные создатели исторической песни о Бородинском сражении использовали в рассказе о перестрелке между русскими и французами образ катящихся голов, который был вполне органичен при описании средневековых сражений, вроде Мамаева побоища, но выглядел довольно странно в батальной сцене эпохи огнестрельного оружия:

Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек —
Покатились с могучих плеч
Головушки.

[Исторические песни, с. 271]

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 11-21-170001а/Гра.

И подобными анахронизмами фольклор о войне 1812 года изобилует: Наполеон предваряет вторжение в Россию таким же письмом русскому императору, какое «татарский» Калин-царь пишет былинному князю Киева; реакция Александра I на вражеское нападение описывается в тех же выражениях, что и поведение в аналогичной ситуации Владимира Красное Солнышко; генерал Платов повторяет подвиги Ильи Муромца, а Кутузов, допрашивая пленного французского майора, столь же самозабвенно его дубасит собственными руками, как русские богатыри полоненного «татарщицу», и т. д.

Впрочем, в длинном ряду подобных «вневременных» топосов фольклора об Отечественной войне один все же выглядит исключением, поскольку на первый взгляд отражает конкретные реалии 1812 г. Речь идет о превращении французами православных храмов в конюшни. Данный сюжет широко представлен в устном народном творчестве, посвященном тем событиям. В одной из исторических песен Наполеон ведет следующий диалог с казаками:

Ах вы, русские казаки,
Я в ногах вас истопчу,
Да в камену Москву зайду,
С церковей главы сниму,
В церкви коней заведу!

[Исторические песни XIX века, с. 63]

В другой песне он обещает совершить такое же святотатство:

Ай да я добрых коней своих я расставлю
Все по божьим вот я по церквам.

[Там же]

И в третьей он бахвалится теми же намерениями:

...А российского генерала
Во ногах его стопчу,
Во ногах его стопчу,
Кременну Москву возьму,
По соборам, по церквам
Лошадушек заведу

[Там же, с. 62]

Может показаться, что на сей раз фольклор о войне 1812 г. покидает свое «вневременное» измерение и описывает реальные факты, поскольку сведения о подобных действиях солдат великой армии в отношении православных церквей содержатся также во многих письменных источниках. Прочитав письмо московской дворянки Марии Волковой, которая в Тамбове пережидала французскую оккупацию Москвы, с тревогой внимая поступавшим оттуда известиям. 30 сентября 1812 г. она написала своей подруге Варваре Ланской:

Два или три купца, бежавшие из Москвы 15-го, 17-го и 19-го чисел нынешнего месяца, сообщили нам подробности, способные растрогать каменное сердце. <...> Все наши церкви обращены в конюшни. Наполеон, иначе сатана, начал

с того, что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви. Знаешь ли что: несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств [Письма, с. 298].

Две недели спустя Мария Волкова в очередном письме Ланской опять вернулась к этой теме, сообщив новые свидетельства очевидцев того, как вели себя французы в Москве:

Ежедневно сюда являются беглецы; последние из них оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видели они, как французы обращали церкви в кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали в ретирады, обобрав все украшения [Там же, с. 301].

То, что солдаты французской армии вводили своих коней в церкви, подтверждается и воспоминаниями самих французских ветеранов. Бывший военный врач наполеоновских войск Доминик Пьер де ла Флиз пишет в своих мемуарах:

Наполеон <...> не давал должных указаний войскам о сохранении церквей и охране духовенства и тем навлек ненависть народа на французов. В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращают церкви в конюшни [Ла Флиз, с. 44].

Впрочем, у нас нет никаких данных о том, что подобным действиям французские военнослужащие придавали смысл нарочито совершаемого святотатства. Размещение на постой в церквях было обычной практикой для французских солдат в эпоху Наполеоновских войн. Уставом не предусматривалось использование палаток, и ночевать приходилось либо на бивуаке, либо в каких-либо нежилых общественных зданиях, чаще всего в церквях и монастырях [Petiteau, p. 21]. И то, что туда же солдаты и офицеры вводили своих коней, тоже объясняется чисто прагматическими соображениями. Участник русской кампании Мари-Анри Бейль (известный позднее как писатель Стендаль) вспоминал, что «в эти тяжелые времена <...> лошадь означала жизнь» [Стендаль, с. 135]. Не случайно своих коней солдаты старались не упускать из виду, для чего ставили их поближе к месту собственного ночлега, и если ночевать приходилось в церкви, туда же вели и лошадей.

Этическая же сторона таких действий, похоже, мало кого беспокоила во французской армии, которая в основной своей массе была равнодушна к религии. Священник католического собора Св. Людовика в Москве аббат Сюрюг свидетельствует, что за все время оккупации города французами его церковь посетили не более четырех-пяти офицеров — потомки древних дворянских родов [Surigugue, p. 10]. Безразличные даже к собственной религии, солдаты великой армии тем более не считали нужным считаться с религиозными чувствами населения вражеской страны. И если сугубо прагматические соображения требовали ввести коней в храмы, французы так и поступали. Не ставя себе целью сознательно оскорбить верования иной нации, они просто не придавали этому никакого значения.

Следует ли отсюда, что фольклорный образ коней в храмах действительно выпадает из «вневременного» измерения фольклора и непосредственным образом отражает реалии 1812 г.? Не будем спешить с заключениями.

Перейдя Неман, великая армия вступила не только на территорию другого государства, но и в пространство иной культуры, существенно отличавшейся от западноевропейской. Это была прежде всего культура русского крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения России, где европеизированные города являли собой крохотные островки в почти безбрежном океане сельской местности. Это была культура архаичная и традиционная, не претерпевшая существенных изменений со времен Средневековья, культура неграмотной массы, историческую память которой передавала из поколения в поколение лишь устная традиция, выраженная в фольклоре.

Не имея личного опыта соприкосновения с иноземными завоевателями, ибо после предшествующего неприятельского вторжения на территорию собственно России кануло уже два столетия, русские крестьяне могли судить о французах лишь по тому образу иностранного врага, о котором знали из устной традиции. Сложившийся же к началу XIX в. в русском фольклоре образ иностранного неприятеля носил собирательный, синкретичный характер, вобрав в себя за многие столетия черты различных иноземных захватчиков, когда-либо приходивших с войной на Русскую землю. Он не имел сколько-нибудь ярко выраженной этнической идентичности: в разных вариациях одного и того же произведения устной литературы противника могли именовать и «татарами», и «панами», и «литвой», и «турками» и другими этнонимами по названию народов, с которыми русские воевали в разные времена [см.: Чудинов; Tchoudinov, 2012a]. Вместе с тем фольклорный образ врага обладал и рядом вполне определенных, повторявшихся из текста в текст характеристик.

Прежде всего, к числу основных черт иноземного неприятеля относилась его грабительская, разбойная сущность. Во всех произведениях устной литературы иноземцы, приходящие войной на Русь, неизменно жгут и грабят, убивают и насилуют, как в одной из былин это намеревается сделать Калин-царь:

Как под нашим-то городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить он хочет стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить...

[Былины, с. 127]

Другая характерная черта фольклорного врага — утр и р о в а н н а я ж е с т о к о с т ь, выдающая его нечеловеческую сущность. Согласно устной традиции, иноземные захватчики сжигают или поедают русских детей, способны из корысти выпить кровь собственного ребенка или совершить любое другое самое немислимое злодейство.

И, наконец, весьма важной характеристикой фольклорного врага была его непримиримая враждебность к христианству. Если русские богатыри защищали Святую Русь и веру православную, то их неприятели грозили погибелью тому и другому. В русском фольклоре иноземные захватчики используют любую возможность нанести вред христианской религии. Вот что обещает один из антигероев былин, Сокольник, побочный сын Ильи Муромца и его соперник, выступающий на стороне «татар»:

Да и еду я нонь да в стольный Киев-град,
Да грометь-шурмовать да в стольный Киев-град,
Я соборны больши церкви на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огне сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу,
Чудны образа-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню за себя возьму

[Былины, с. 166, 167]

В этом обещании можно видеть весь набор характерных для фольклорного неприятеля черт: и его грабительскую сущность, и нечеловеческую жестокость, и враждебность к христианским святыням.

Согласно устной традиции русского народа, иноземные недруги выказывают свою ненависть к христианству, совершая всевозможные святотатства: разрушают храмы, совершая надругательства над иконами и... превращают церкви в конюшни. Именно так поступает, например, «татарский» царь Идолище Поганое в захваченном им православном Царьграде:

Как в Царе-граде нынче не по-старому,
В Царе-граде нынче не по-прежнему.
Одолели поганые татаровья,
Наехало поганое Идолище.
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во Божьих церквях там коней кормят.

[Там же, с. 157]

А вот как описывает старинное предание, зафиксированное В. К. Соколовой, бывшее нашествие «литвы»: «Самую же большую тревогу Вязовской волости, говорит то же предание, сделала литва, которая якобы маленьких ребятшек тискала за лавки и жарила на сковрадах, а больших секла, храмы Божии обращала в конские стойла, а из образов делала ящики для корма лошадей» [Соколова, с. 35].

Как видим, топос коней в храмах появился в коллективном воображаемом русского народа задолго до 1812 г.

Французов, пришедших с великой армией в Россию, простой люд рассматривал сквозь призму традиционного архетипа иноземных захватчиков, издревле существовавшего в его исторической памяти. Именно о таком восприятии

мы можем судить по фольклору, посвященному событиям 1812 г. Заметим, что соответствующие тексты устной литературы были во множестве зафиксированы этнографами еще в первой половине XIX в., т. е. при жизни современников Отечественной войны. Изучение этого фольклора позволяет нам понять то, как наполеоновское нашествие отразилось в коллективном воображаемом «безмолвного большинства».

Образ французов в устной литературе о 1812 г. полностью соответствует традиционному для фольклора архетипу иностранного неприятеля. Им приписывается та нечеловеческая жестокость, которая являлась неотъемлемым атрибутом фольклорного образа врага, но в реальности была уже немыслима для европейцев XIX в.:

Француз силу нашу бьет,
Он и силу нашу бьет,
Во полон живых берет,
Во полон живых берет,
Да с живых кожу дерет

[Исторические песни XIX века, с. 78]

Присутствует в фольклорном образе французов и такая характерная для коллективного воображаемого черта иноземных захватчиков, как грабительская сущность. Подобно архетипическому врагу, наполеоновские солдаты в русском фольклоре жгут, грабят, убивают и насилуют. Одна из исторических песен так описывает последствия их нашествия:

Ахти горе великое,
Печаль-тоска несносная!
Поднималась туча грозная
Что на матушку Москву.
Наступила сила французская.
Она жжет ее и палит,
Весь народ пленит.
Пожгла ряды с товарами,
Дома барские, купчески...

[Там же, с. 55]

Французы изображены в русском фольклоре нечестивыми врагами веры христьянской. В произведениях устной литературы они совершают все те святотатства, которые полагалось творить архетипическому неприятелю: разрушают церкви, оскверняют иконы и вводят своих коней в церкви...

Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.
Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелась,

Мать сыра-земля потрясалася,
Все Божьи церкви развалилися,
Все Божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися

[Исторические песни XIX века, с. 52]

Однако реальный Наполеон, как известно, отнюдь не собирался губить православие. Да, его солдаты стихийно грабили церкви, как, впрочем, и дворцы с хижинами, но сами храмы они не рушили, поскольку о какой-либо целенаправленной дехристианизации в духе французского 93-го г. речи не шло. Тем не менее архетип возобладал над реальностью. Для коллективного воображаемого не имело значения, превращали реальные французы храмы в конюшни или нет. Подобное святотатство все равно вменили бы им в вину, как им вменили в вину преднамеренное разрушение церквей, которого они не совершали. Архетип предполагал, что враг просто по определению не может себя вести иначе. Относительно же «коней в храмах» точнее было бы сказать не то, что фольклор отразил реальные события, а то, что в данном случае реальность отчасти совпала с коллективным воображаемым.

Тем не менее подобное совпадение оказалось для французов роковым. Русский народ воспринял превращение церквей в конюшни как свидетельство нечестивой, антихристианской природы завоевателей, хотя те и руководствовались в своих действиях сугубо прагматическими соображениями, а отнюдь не враждой к христианской вере.

Возмущенное религиозное чувство способно стать в традиционном обществе мощным фактором социальной мобилизации. А потому главнокомандующий Москвы граф Ростопчин, прекрасно знавший об умонастроениях простого люда, делал в своих афишках особый упор на данный аспект:

Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взшел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей... [Ростопчин, с. 219].

Впрочем, война против французов приобрела для русского народа сакральный характер отнюдь не из-за подобной пропаганды (неграмотным крестьянам было непросто ознакомиться с содержанием ростопчинских афишек) и даже не из-за реального поведения французских солдат в церквях. Она стала таковой прежде всего потому, что в коллективном воображаемом простого люда всякое иноземное вторжение воспринималось как покушение на православную веру. Подобное представление играло определяющую роль в отношении народа к французам, независимо от их конкретного поведения. Французы же на свою беду, сами того не желая, некоторыми своими действиями лишь подтверждали истинность такого представления. Вступив в пространство иной культуры, они продолжали вести себя так, как привыкли в Западной Европе, но то, что там

было обычной практикой, здесь воспринималось как смертный грех, за который следовало платить кровью.

Былины / сост. Ф. М. Селиванов. М., 1988. [Byliny / sost. F. M. Selivanov. M., 1988.]

Исторические песни / под ред. С. Азбелева. М., 2001. [Istoricheskie pesni / pod red. S. Azbeleva. M., 2001.]

Исторические песни XIX века. Л., 1973. [Istoricheskie pesni XIX veka. L., 1973].

Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. [La Fliz de. Pokhod Napoleona v Rossiю v 1812 g. M., 2003.]

Письма 1812 года М. А. Волковой к В. А. Ланской // Записки очевидца : воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 277–323. [Pis'ma 1812 goda M. A. Volkovoj k V. A. Lanskoj // Zapiski ochevidtsa : vospominaniya, dnevniki, pis'ma. M., 1990. S. 277–323.]

Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992. [Rostopchin F. V. Okh, frantsuzy! M., 1992].

Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. [Sokolova V. K. Russkie istoricheskie predaniya. M., 1970.]

Стендаль. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 15. М., 1959. [Stendal'. Sobranie sochinenij : v 15 t. T. 15. M., 1959.]

Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012 : 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 336–365. [Chudinov A. V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii // Frantsuzskij ezhegodnik 2012 : 200-letnij yubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda. M., 2012. S. 336–365.]

Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011.

Surugue A. Léttres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R. P. Bouvet, de la compagnie de Iésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, à Moscou. P., 1823.

Tchoudinov A. L'archétype de l'ennemi étranger dans l'imaginaire folklorique de la Russie au début du XIX siècle // L'Ennemi en regard(s). Images, usages et interpretations dans l'histoire et la literature. Bern, 2012a. P. 93–113.

Tchoudinov A. L'image de la guerre de 1812 dans le folklore russe // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postéritiés. P., 2012b.

Статья поступила в редакцию 14.06.2013 г.

УДК 94(470)“1853/1856” + 930.85 + 008

А. В. Шаманаев

УТРАТА КУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ХОДЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается проблема сохранения культурного наследия в условиях военных конфликтов на примере памятников Крымского полуострова в период Крымской (Восточной) войны (1853–1856). Работа основана на мемуарах современников, публицистике, опубликованных архивных данных. Приведены примеры разрушения и уничтожения объектов культурного наследия в результате военных действий, строительства военных объектов, эвакуации, вандализма и мародерства, грабительских раскопок. Показана неизбежность утраты культурного наследия в ходе военных действий.

Ключевые слова: Крымская (Восточная) война; вандализм; культурное наследие; грабительские раскопки, вывоз культурных ценностей.

В 2013 г. исполняется 160 лет со дня начала Крымской (Восточной) войны, которая закончилась для России огромными людскими и материальными потерями и дипломатическим поражением. Несколько десятилетий потребовалось для преодоления последствий этого международного конфликта. Одним из аспектов драмы, развернувшейся на юге Российской империи, является судьба объектов культурного наследия Крыма, пострадавших или утраченных в результате действий противоборствующих сторон.

Проблема сохранения памятников истории и культуры в условиях военных действий остро осознавалась человечеством еще с эпохи Античности. Так, Полибий (201–120 до н. э.) с негодованием описывал гибель произведений искусства и архитектуры при разгроме Ферм (218 до н. э.) по приказу Филиппа V Македонского (238–179 до н. э., царь с 221 до н. э.) [Полибий, кн. 5, с. 11–12]. Он рассказал, как римские солдаты грабили храмы и играли в кости на картинах, брошенных на землю после захвата Коринфа (146 до н. э.) [Там же, кн. 39, с. 13]. Греческий историк писал: «Отнимать у неприятеля и уничтожать крепости, гавани, людей, корабли, плоды, вообще все то, потеря чего обессиливает противника, выгодно для борющегося и облегчает ему достижение цели, — к этому обязывают нас законы и правила войны. Но без всякой нужды сокрушать храмы, вместе с ними кумиры и все подобные сооружения, уничтожение коих не сулит ни малейшей выгоды одному и несколько не ослабляет сил другого, по крайности для той войны, которая ведется в данное время, — не есть ли это поведение неистовствующего безумца?» [Там же, кн. 5, с. 11]. Наричательным стало обозначение бессмысленного и жестокого уничтожения культурных ценностей вандалами, захватившими и разграбившими Рим в 455 г. [Браун, с. 485].

Первые попытки законодательно защитить объекты историко-культурного наследия в условиях военных действий были предприняты во второй половине XIX в. Важным шагом международного значения в этом направлении стало

принятие «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» в итоге работы второй Гаагской конференции 1907 г. Статьи 27 и 56 предусматривали обязанность воюющих сторон принимать меры против необоснованного уничтожения исторических памятников, учреждений культуры, науки, культовых зданий [Богуславский, с. 67–70]. Первое международное соглашение универсального характера, предусматривающее охрану движимого культурного наследия в случае войны, было заключено только в 1954 г. по инициативе ЮНЕСКО (Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта) [Roberts, p. 160–163]. На рубеже XX–XXI вв. эта проблема не утратила своей актуальности. В настоящее время локальные военные конфликты и революционные столкновения приводят к утрате, повреждению и незаконному перемещению памятников и движимых объектов культурного наследия (Сербия, Афганистан, Египет и др.) [см., например: Dauge, p. 164–172; Manhart, p. 387–388; Stone, p. 933–943; Wenzel, p. 316–331].

Подготовка сил союзников (Турция, Англия, Франция, Сардиния) к десантной операции в Крыму началась весной 1854 г., 1 сентября 1854 г. англо-французские войска высадились в районе Евпатории [Дубровин, т. 1, с. 188–189]. С этого времени и до подписания Парижского мирного договора 18 марта 1856 г. Крымский полуостров стал одним из основных театров военных действий.

Необходимо отметить, что в существующем огромном массиве исследований по истории Крымской войны вопрос о судьбе объектов историко-культурного наследия полуострова, как правило, не выделялся как самостоятельная проблема. Его рассматривали в рамках изучения событий войны, процессов формирования и развития системы охраны памятников Крыма или научных направлений крымоведения [см.: Федосеев, с. 162; Крестьянников, 2005, с. 69–72; Тункина, 2002, с. 306–307, 529; 2011, с. 165–167; Калиновский, с. 91–98]. Можно выделить статью А. Ю. Аржанова, посвященную раскопкам полковника британской армии У. Монро (1818–1880) в окрестностях Балаклавы. Исследователь рассмотрел вопросы организации работ, их результаты и проследил судьбу некоторых артефактов, добытых в 1855 г. [см.: Аржанов, с. 252–263].

Ограничен и круг выявленных источников по данной проблеме. В основном это записки участников событий войны, реже — архивные документы [см.: Берг, т. 1–2; Воронов; Маркевич; McPherson; Russell].

К началу Крымской войны духовная жизнь населения полуострова проявлялась в разных формах. По данным 1847 г. только православных церквей было около 40 [Гавриил, с. 58–71]. Кроме того, в регионе имелись культовые здания других конфессий. К 1854 г. на территории Крыма действовали Феодосийский (основан в 1811) и Керченский (с 1826) музеи древностей. Археологическими раскопками были открыты памятники Керчи и Херсонеса-Херсона. Ученые-путешественники выявили десятки археологических комплексов Античности и Средневековья [см.: Кеппен; Уваров; Дюбуа де Монпере; Тункина, 2002, с. 207–215, 220–226, 290–310, 499–529, 547–557]. В Севастополе с 1822 г. действовала Морская офицерская библиотека, собрание которой включало несколько тысяч книг и периодических изданий, коллекции карт, археологических находок и естественно-научных экспонатов [см.: Берг, т. 1, с. 96].

Приближение к крымским берегам неприятеля заставило принять меры для эвакуации культурных ценностей из столицы края и приморских городов. Так, в сентябре 1854 г. начали вывозить архивы государственных учреждений из Симферополя, Ялты, Карасубазара, Феодосии. Однако не всегда перемещение документов осуществлялось своевременно и успешно. В частности, перевозка дел из Евпатории была организована так, что часть архивов осталась в городе, а другая часть погибла во время эвакуации. Архивы севастопольских учреждений были вывезены только в августе 1855 г., при этом ряд ценных собраний остались в городе и были утрачены [см.: Маркевич, с. 10–26, 34–38].

Хранитель Керченского музея древностей А. Е. Люценко (1807–1884) в апреле 1854 г. отправил из Керчи в Бердянск 7 ящиков наиболее ценных экспонатов (античные изделия из золота, часть библиотеки и архива). Позже эти материалы перевезли в немецкую колонию Брунау. Другая часть коллекций была вывезена в Екатеринослав, где вещи пострадали при пожаре [Герц, с. 140; Тункина, 2002, с. 304–305; 2011, с. 165]. По некоторым сведениям, какие-то золотые предметы поступили в Императорский Эрмитаж [см.: Толстой, Кондаков, с. 105; Зенкевич, с. 45]. В августе 1854 г. хранитель Феодосийского музея древностей Е. Ф. де Вильнев (1803–1879?) отправил из города несколько ящиков с монетами и керамическими изделиями, а также эпитафические памятники и барельефы в имение майора Ковако в четырех верстах (около 4,3 км) от Феодосии [см.: Тункина, 2011, с. 165].

Первым крымским городом, захваченным войсками антироссийской коалиции, была Евпатория. Высадка десанта 1–2 сентября 1854 г. не сопровождалась военными действиями, что позволило избежать разрушений исторических зданий [см.: Дубровин, т. 1, с. 188–195]. Судя по всему, город в большей степени пострадал при неудачной попытке русских войск под командованием генерала С. А. Хрулева (1807–1870) взять его штурмом 5 февраля 1855 г. В частности, в зону обстрела русской артиллерии попали караимские кенасы, построенные в начале XIX в. В память об этом в северо-западную стену Соборной кенасы была вмонтирована памятная доска с муляжом пушечного ядра и надписью «Суббота, 5 февраля 1855 г. Ядро российск<ого> орудия» [Кутайсова, с. 459].

В период оккупации существенный ущерб был нанесен единственному в то время православному храму Евпатории – соборной церкви Св. Николая Чудотворца, построенной в 1805 г. Зданию потребовался ремонт, выполненный в 1856 г. [см.: Гермоген, с. 364]. По сведениям архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (И. А. Борисова, 1800–1857), церковь лишилась «колокольни (колокола наполовину разбиты, но все налицо), большей части иконостаса, ограды, книг церковных и архива» [цит. по: Кутайсова, Кутайсов, с. 430].

Во время Крымской войны более других пострадали объекты историко-культурного наследия Севастополя и его окрестностей, так как здесь разворачивались основные военные действия. Так, уже при высадке на подступах к городу английских войск были повреждены руины средневековой крепости Чембало в Балаклаве. 14 сентября 1854 г. развалины заняли солдаты Балаклавского греческого батальона под командованием полковника М. А. Манто, оказавшие

сопротивление англичанам. В ответ противник открыл стрельбу из пушек по крепости и городу. Позже англичане модернизировали средневековую дорогу в районе крепости [см.: Шавшин, 2005, с. 108–110]. Кроме того, остатки крепостных построек союзники использовали как источник камня для балласта коммерческих судов [см.: Russell, p. 394].

В мае 1855 г. в Балаклаве высадились войска Сардинии. Памятники Чембало привлекли внимание командующего Сардинским экспедиционным корпусом генерала А. Ла Мармора (1804–1878). По его распоряжению из крепости в Геную были отправлены несколько мраморных плит [см.: Матвеев, с. 141]. Плиты с надписями консулов Варнаво Грилло (1463), Де Оливо (1467), нечитаемой латинской надписью, изображениями гербов были помещены в генуэзском Палацио Цивико [см.: Юргевич, с. 319–320].

В зоне оккупации (с 19 сентября 1854 по 21 марта 1856) оказался балаклавский Георгиевский монастырь — один из старейших в Крыму [см.: Крестьянников, 2006, с. 20–21]. Необходимо отметить, что какого-либо ущерба постройкам или имуществу обители захватчики не нанесли. Более того, по распоряжению главнокомандующего французскими войсками в Крыму маршала А. Ж. Л. Сент-Арно (1798–1854) монастырь был взят под охрану [см.: Шавшин, 1997, с. 69–70].

Осенью 1855 г. в руки полковника 39-го полка У. Монро (1818–1880), известного специалиста-ботаника и антиквара, попала античная монета, найденная солдатом на месте бывшего лагеря французской кавалерии около Балаклавы. У. Монро заинтересовали остатки сооружения, частично разобранные солдатами для сооружения кухни. С согласия командования полковник провел на этом месте раскопки, привлекая к работам ежедневно 50 человек. Им были выявлены остатки круглой в плане постройки, монеты, керамика, мраморные надгробия. У. Монро интерпретировал комплекс как древнегреческий храм, однако еще Д. Макферсон определил памятник как руины усадьбы хоры Херсонеса. Артефакты, полученные при раскопках, были отправлены в Англию [см.: McPherson, p. 44–47; Russell, p. 394–395]. Вероятно, основная часть коллекции, включающая фрагменты керамических и стеклянных сосудов, изделия из металла, кости и камня, черепицы с клеймами, поступила в фонды Британского музея. Судьба нумизматических материалов неизвестна. По мнению А. Ю. Аржанова, раскопки были проведены на высоком научном уровне [см.: Аржанов, с. 257–261]. Однако, по сути, их нужно рассматривать как г р а б и т е л ь с к и е.

Во время военных действий в районе Инкермана (сражение 24 октября 1854 г.) в зоне артиллерийского огня оказались руины крепости Каламита и комплекс средневекового пещерного монастыря [см.: Дубровин, т. 2, с. 193–236]. В 1852 г. здесь начала функционировать киновия Св. Климента [Тур, с. 134–137]. Путеводитель по Крыму 1871 г. сообщает о повреждении одной из пещерных церквей: «В церкви сделаны новый иконостас, алтарь и дверь; но она все же имеет свой древний пещерный вид. Дверь и иконостас во время войны были пробиты пулями, и в одной стене засело ядро» [Сосногорова, с. 238]. Скорее всего целенаправленный обстрел памятников не производился, так как они не были непосредственно связаны с расположением войск. Еще один пример того,

как объекты культурного наследия становятся «случайной» жертвой военных действий.

Херсонесское городище оказалось в зоне размещения французской армии. Здесь были разрушены строения киновии Св. Владимира, созданной в 1852 г. [см.: Калиновский, с. 96]. При этом, вероятно, были расхищены или уничтожены археологические находки из раскопок иеромонаха о. Василия (Юдина) 1852—1853 гг. и некоторые вещи, полученные в результате исследований 1853 г. А. С. Уварова (1825—1884), хранившиеся в монастыре [см.: Тункина, 2002, с. 526—529]. Не исключено, что французы производили какие-то археологические работы. Однако, в отличие от англичан, они были менее масштабными [см.: Марков, с. 120]. Значительно больший ущерб памятнику был нанесен при строительстве на его территории укреплений [см.: Бобринский, с. 177; Кулаковский, с. 216]. Несколько траншей были проложены от берега Карантинной бухты до руин базилики, изученной А. С. Уваровым (Уваровской) и далее в восточном направлении до построенной французами батареи [Крестьянников, 2005, с. 69]. Вероятно, строительный материал для нее добывался на городище.

В Севастополе разрушения были вызваны обстрелами вражеской артиллерией в период осады 12 сентября 1854 — 27 августа 1855 г. При отступлении русских войск командование приняло решение об уничтожении не только военных объектов, но и сооружений в центральной части города. Сигналом к началу пожара, уничтожившего оставшиеся строения (27—30 августа 1855), стал поджог здания Морской библиотеки [Дубровин, т. 3, с. 432—434]. В ночь с 27 на 28 августа 1855 г. пароход «Владимир» вывез часть собрания Морской библиотеки (по сведениям Н. В. Берга — около 12 тыс. томов периодических изданий, основной книжный фонд был эвакуирован ранее), остававшуюся в период осады в городе [см.: Берг, т. 1., с. 98; Ляшук, с. 83]. Однако были утрачены архивы севастопольского военного губернатора, городского магистрата и военного госпиталя [Маркевич, с. 37]. Возобновить деятельность библиотеки в Севастополе удалось только 1890 г. [Ковалева, Чистов, 2000, с. 197—201]. Практически все культовые здания города оказались поврежденными или полностью разрушенными [Крестьянников, 2005, с. 69].

Кроме Севастополя, огромный ущерб был нанесен объектам культурного наследия Керчи, занятой войсками союзников 12 мая 1855 г. [Дубровин, т. 3, с. 169—177]. Архивы учреждений города погибли при попытке эвакуации 12 мая. Часть документов находилась на барже, которую буксировал пароход «Аргонавт», но был вынужден бросить ее после артиллерийского обстрела с кораблей неприятеля. Другие архивные материалы оказались уничтоженными вместе с пароходом «Бердянск», севшим на мель при выходе из гавани [Маркевич, с. 35]. При занятии Керчи союзниками город подвергся разграблению [см.: Дубровин, т. 3, с. 178; Воронов]. В руки мародеров попали предметы из коллекции Керченского музея древностей. По словам очевидцев, пол музейного зала был на несколько дюймов покрыт осколками стеклянных и керамических сосудов, погребальных урн и статуй, витрины оказались взломанными и разбитыми, полки для экспонатов сорваны и сожжены, многие вещи бесследно исчезли [см.: McPherson, p. 41; Сосногорова, с. 335—337; Тункина, 2002, с. 305;

Кулаковский, с. 216]. Примечательно, что после того, как этот факт получил огласку в европейской печати, англичане попытались возложить ответственность за грабежи исключительно на турецких солдат [McPherson, p. 42]. Однако, согласно данным русских источников, британские солдаты и офицеры приняли активное участие в грабежах [Дубровин, т. 3, с. 179].

Англичане воспользовались оккупацией Керчи, построенной на месте античного Пантикапея, для проведения грабительских археологических раскопок. Инициатором их проведения стал английский скульптор Р. Вестмакотт (1775—1856). По распоряжению военного министра лорда Ф. Панмюра (1801—1874) была организована специальная комиссия для организации раскопок и отбора сохранившихся экспонатов Керченского музея с целью пополнения античными древностями собрания Британского музея. В состав комиссии вошли Р. Вестмакотт III Младший (1799—1872), Д. Макферсон (1812—1867) и майор Крис. Под руководством Д. Макферсона были проведены раскопки нескольких курганов в окрестностях Керчи (в том числе курганной группы «Пять братьев»), а также в районе горы Митридат в самом городе. Работы продолжались с мая 1855 по июль 1856 г. и были прекращены только по требованию русских властей после заключения Парижского мира. Д. Макферсону удалось получить ценную коллекцию артефактов (ювелирные изделия, украшения из бронзы, вазы, терракоты, стеклянные сосуды, монеты, бронзовую гидрию хорошей сохранности и др.), так как он копал не изученные ранее памятники. В частности, в одном из курганов он обнаружил женское погребение с золотым инвентарем (женский бюст, витые серьги, браслеты). Полученные при раскопках вещи, антропологический материал и 47 крупных изделий из мрамора (скульптуры, барельефы, архитектурные детали) были отправлены в Лондон [см.: McPherson, p. 44—97].

Нужно отметить, что здание Керченского музея древностей серьезно пострадало во время оккупации. После возвращения эвакуированного музейного имущества в Керчь его разместили в наемных помещениях. В 1860 г. бывшее музейное здание передали церкви. Только в 1925 г. постройка вернулась в распоряжение музея (разрушено в годы Великой Отечественной войны, снесено в 1959) [см.: Тункина, 2011, с. 167].

Таким образом, Крымская война нанесла ощутимый ущерб историко-культурному наследию Крымского полуострова. В ходе военных действий были разрушены или повреждены учреждения культуры (библиотеки, музеи), погибли ценные архивные собрания, утрачены археологические коллекции. Многие археологические и архитектурно-археологические памятники были повреждены в результате артиллерийских обстрелов и строительства военных объектов. В период оккупации Севастополя и Керчи союзники проводили грабительские археологические раскопки, вывозили культурные ценности для пополнения своих музеев. Обращаясь к историческому опыту военных конфликтов, можно утверждать, что ни международные соглашения, ни уровень культурного развития воюющих сторон не способны обеспечить сохранение культурного наследия в ходе военных действий.

Аржанов А. Ю. Раскопки полковника Манро на Гераклейском полуострове во время Крымской войны 1854–56 годов // Древности. Вып. 11. Харьков, 2012. [Arzhanov A. Yu. Raskopki polkovnika Manro na Geraklejskom poluostrove vo vremya Krymskoj vojny 1854–56 godov // Drevnosti. Vyp. 11. Khar'kov, 2012.]

Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя : в 2 т. М., 1858. Т. 1. 264 с.; Т. 2. 244 с. [Berg N. V. Zapiski ob osade Sevastopolya : v 2 t. M., 1858. T. 1. 264 s.; T. 2. 244 s.]

Бобринский А. А. Херсонес Таврический : ист. очерк. СПб., 1905. 196 с. [Bobrinskij A. A. Khersones Tavricheskij : ist. ocherk. SPb., 1905. 196 s.]

Богуславский М. М. Судьба культурных ценностей. М., 2006. 206 с. [Boguslavskij M. M. Sud'ba kul'turnykh tsennostej. M., 2006. 206 s.]

Браун Ф. А. Вандалы // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. СПб., 1892. Т. 5. С. 484–485. [Braun F. A. Vandaly // Entsikl. slov. / F. A. Brokgauz, I. E. Efron. SPb., 1892. T. 5. S. 484–485.]

Воронов И. Занятие Керчи неприятелем в Крымскую войну // Рус. старина. 1908. Т. 134. С. 415–421. [Voronov I. Zanyatie Kerchi nepriyatelem v Krymskuju vojnu // Rus. starina. 1908. T. 134. S. 415–421.]

Гавриил. Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. Одесса, 1848. 71 с. [Gavriil. Istoriko-khronologicheskoe opisanie tserkvej eparkhii Khersonskoj i Tavricheskoj. Odessa, 1848. 71 s.]

Гермоген. Таврическая епархия. Псков, 1887. 520 с. [Germogen. Tavricheskaya eparkhiya. Pskov, 1887. 520 s.]

Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Герц К. К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2. 152 с. [Gerts K. K. Istoricheskij obzor arkheologicheskikh issledovanij i otkrytij na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 g. // Gerts K. K. Sobr. soch. SPb., 1898. Vyp. 2. 152 s.]

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя : в 3 т. СПб., 1900. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 516 с.; Т. 3. 480 с. [Dubrovin N. F. Istoriya Krymskoj vojny i oborony Sevastopolya : v 3 t. SPb., 1900. T. 1. 438 s.; T. 2. 516 s.; T. 3. 480 s.]

Дюбуа Монпере Ф. де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с. [Dyubua Monpere F. de. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i v Krym : v 6 t. Parizh, 1843. T. 5, 6. Simferopol', 2009. 328 s.]

Зенкевич Х. Х. Керчь в прошлом и настоящем : ист.-археол. и геогр. очерк. Керчь, 1894. 162 с. [Zenkevich Kh. Kh. Kerch' v proshlom i nastoyaschem : ist.-arkheol. i geogr. ocherk. Kerch', 1894. 162 s.]

Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев ; Симферополь, 2012. 340 с. (Сер.: Биобиблиография крымоведения; вып. 18). [Kalinovskij V. V. «Drevnostej — i zamechatel'nykh, i interesnykh, i krasivykh — nepochatyj ugolok»: tserkovnoe krymovedenie (1837–1920). Kiev ; Simferopol', 2012. 340 s. (Ser.: Biobibliografiya krymovedeniya; vyp. 18)].

Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 409 с. [Keppen P. I. Krymskij sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. SPb., 1837. 409 s.]

Ковалева О. Ф., Чистов В. П. Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века). Кн. 1 : Из прошлого культурной жизни на Николаевщине. Николаев, 2000. 252 с. [Kovaleva O. F., Chistov V. P. Ocherki istorii kul'tury Yrzhnogo Pribuzh'ya (ot istokov do nachala XX veka). Kn. 1 : Iz proshlogo kul'turnoj zhizni na Nikolaevschine. Nikolaev, 2000. 252 s.]

Крестьянников В. В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Sacrum et Profanum: Культ святых мест в древних и современных религиях. Севастополь, 2005. Вып. 1. С. 69–72. [Krest'yannikov V. V. Vozrozhdenie Sevastopol'skogo

blagochiniya i monastyrej posle Krymskoj vojny // Sacrum et Profanum: Kul't svyatykh mest v drevnikh i sovremennykh religiyakh. Sevastopol', 2005. Vyp. 1. S. 69–72.]

Крест'янников В. В. Участие иеромонахов балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 18–23. [Krest'yannikov V. V. Uchastie ieromonakhov balaklavskogo Georgievskogo monastyruya v Krymskoj (Vostochnoj) vojne 1853–1856 gg. // Sevastopol': vzglyad v proshloe. Sevastopol', 2006. S. 18–23.]

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 2001. 225 с. [Kulakovskij YU. A. Proshloe Tavridy. Kiev, 2001. 225 s.]

Кутайсова М. В. Караимские кенасы в Евпатории // Ист. наследие Крыма [Симферополь]. 2008. № 22/23. С. 456–461. [Kutajsova M. V. Karaimskie kenasy v Evpatorii // Ist. nasledie Kryma [Simferopol']. 2008. N 22/23. S. 456–461.]

Кутайсова М. В., Кутайсов В. А. Православные храмы Евпатории // Ист. наследие Крыма [Симферополь]. 2008. № 22/23. С. 429–434. [Kutajsova M. V., Kutajsov V. A. Pravoslavnyye khramy Evpatorii // Ist. nasledie Kryma [Simferopol']. 2008. N 22/23. S. 429–434.]

Ляшук П. М. Эскадра Черноморского флота в обороне города // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов : Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 77–84. [Lyashuk P. M. Eskadra Chernomorskogo flota v oborone goroda // Dostojnyj pokloneniya. Vostochnaya (Krymskaya) vojna 1853–1856 godov : Pervaya geroicheskaya oborona Sevastopolya. Sevastopol', 2005. S. 77–84.]

Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны // Изв. Тавр. уч. архив. комиссии. Симферополь, 1905. № 37. 264 с. [Markevich A. I. Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoj vojny // Izv. Tavr. uch. arkhiv. komissii. Simferopol', 1905. N 37. 264 s.]

Марков Е. Л. Очерки Крыма : Картины крымской жизни, истории и природы. Киев, 2006. 512 с. [Markov E. L. Ocherki Kryma : Kartiny krymskoj zhizni, istorii i prirody. Kiev, 2006. 512 s.]

Матвеев В. Д. Сардинский экспедиционный корпус // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов : Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 126–144. [Matveev V. D. Sardinskij ekspeditsionnyj korpus // Dostojnyj pokloneniya. Vostochnaya (Krymskaya) vojna 1853–1856 godov : Pervaya geroicheskaya oborona Sevastopolya. Sevastopol', 2005. S. 126–144.]

Полибий. Всеобщая история : в 40 кн. / пер. с гр. М. Ф. Мищенко. Т. 1. М., 1890. 680 с.; Т. 3. М., 1899. 786 с. [Polibij. Vseobshchaya istoriya : v 40 kn. / per. s gr. M. F. Mischenko. T. 1. M., 1890. 680 s.; T. 3. M., 1899. 786 s.]

Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. 372 с. [Sosnogorova M. A. Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov. Odessa, 1871. 372 s.]

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1 : Классические древности Южной России. СПб., 1889. 119 с. [Tolstoj I. I., Kondakov N. P. Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva. Vyp. 1 : Klassicheskie drevnosti Yuzhnoj Rossii. SPb., 1889. 119 s.]

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в). СПб., 2002. 676 с. [Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v). SPb., 2002. 676 s.]

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Востоchnого Крыма и начальный этап Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев, 2011. 240 с. [Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkhologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nyj etap Feodosijskogo muzeya drevnostej, 1771–1871. Kiev, 2011. 240 s.]

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006. 248 с. [Tur V. G. Pravoslavnyye monastyri Kryma v XIX – nachale XX vv. Kiev, 2006. 248 s.]

Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. 138 с. [Uvarov A. S. Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoj Rossii i beregov Chernogo morya. SPb., 1851. 138 s.]

Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Ист. наследие Крыма [Симферополь]. 2005. № 9. С. 162–166. [Fedoseev N. F. Pantikapej i «okhrana pamjatnikov» v Kerchi // Ist. nasledie Kryma [Simferopol']. 2005. N 9. S. 162–166.]

Шавшин В. Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. Симферополь, 1997. 160 с. [Shavshin V. G. Balaklavskij Georgievskij monastyr'. Simferopol', 1997. 160 s.]

Шавшин В. Г. Английская армия в осаде Севастополя // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов : Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 107–118. [Shavshin V. G. Anglijskaya armiya v osade Sevastopolya // Dostojnyj pokloneniya. Vostochnaya (Krymskaya) vojna 1853–1856 godov : Pervaya heroicheskaya obrona Sevastopolya. Sevastopol', 2005. S. 107–118.]

Юргевич В. Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. Одесса, 1879. Т. 11. С. 319–320. [Yurgevich V. N. Dve genuezskie nadpisi iz Balaklavy // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. Odessa, 1879. T. 11. S. 319–320.]

Dauge V. Post-war recovery in Cambodja // Museum management and curatorship. 1997. Vol. 16, № 2. P. 164–172.

McPherson D. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus. L., 1857. 132 p.

Manhart C. The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan // American J. of archeology. 2001. Vol. 105, № 3. P. 387–388.

Roberts B. O. War emergencies: coordination and preparedness do pay off – an international perspective // Museum management and curatorship. 1997. Vol. 16, № 2. P. 160–163.

Russell W. H. The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea. L., 1856. 486 p.

Stone P. The identification and protection of cultural heritage during the Iraq conflict: A peculiarly English tale // Antiquity. 2005. № 79. P. 933–943.

Wenzel M. Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war // Museum management and curatorship. 2001. Vol. 19, № 3. P. 316–331.

Статья поступила в редакцию 24.06.2013 г.

УДК 159.953.34 + 130.3:94(09) + 008

Н. Н. Баранов

«МЕСТА ПАМЯТИ»: УСПЕШНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ

Рассматривается исследовательское направление, посвященное проблематике «мест памяти» в культурно-историческом контексте, обусловленное актуализацией исследований феномена человеческой памяти и ментальности. Анализируется трехтомник «Европейские места памяти», вышедший на немецком языке в Мюнхене в 2012 г.

Ключевые слова: места памяти; феномен человеческой памяти; культурные практики; ментальность.

Проблематика мест памяти, связанных с различными историческими эпохами и ситуациями, уже много лет не только привлекает внимание исследователей, но и вызывает очевидный общественный интерес. Процесс был инициирован

в середине 1980-х гг. усилиями Пьера Нора, когда под его руководством был создан классический семитомный труд «Lieux de memoire». Такой поворот в исторической науке был обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, обращением к постановке исследовательских вопросов в культурно-историческом контексте; во-вторых, актуализацией исследований человеческой памяти и ментальности, особенно того, как общество размышляет над своим существованием и его следами. В то же время только-только начинает осознаваться то обстоятельство, что это исследовательское направление, несмотря на тридцатилетнюю практику, остается феноменом, суть которого все еще не вполне ясна. С одной стороны, естественные науки и медицина давно занимаются изучением и классификацией процессов восприятия, но с другой — те же самые процессы формируют исследовательское поле, где на первый план выходят проблемы идентичностей и менталитета, возникновение и изменения которых очевидно определяются конкретно-историческими обстоятельствами. Культурные практики воспоминаний исследуются в самых различных пространственных измерениях — от локального до глобального. Тем более удивительно, что общеевропейский уровень за редкими исключениями по сей день оставался практически неохваченным [см.: Europäische Erinnerungsräume; François, Serrier].

Такой очевидный пробел постарались заполнить создатели примечательно-го трехтомника «Европейские места памяти», вышедшего на немецком языке в мюнхенском издательстве «Ольденбург», — своеобразной энциклопедии общеевропейских коммеморативных казусов и практик [см.: Europäische Erinnerungsorte]. Издание осуществлено под руководством четырех историков, которые уже давно зарекомендовали себя авторитетными специалистами по истории Европы. Это Хайнц Духхард, до 2011 г. директор Института европейской истории им. Лейбница при университете Майнца; Георг Крайс, до 2011 г. руководитель Института Европы в Университете Базеля, председатель национальной комиссии против расизма, включенный в список 100 наиболее значимых персон Швейцарии; Вольфганг Шмале, профессор новой истории в Венском университете, и Пим ден Бур, зав. кафедрой европейской культурной истории в университете Амстердама. В то же время для реализации проекта им удалось собрать интернациональную команду, в которую вошли более ста авторов из 13 европейских стран, Израиля и США. При этом ставка была сделана скорее на молодых и перспективных, чем на маститых и именитых. Из последних в составе авторского коллектива можно назвать крупнейшего специалиста по этнонационализму М. Гроха, нынешнего директора Германского исторического института в Москве Н. Катцера и специалиста по истории нацизма из Израиля М. Циммермана. Следует отметить выраженный германский след в этом предприятии. Все редакторы и подавляющее большинство авторов — представители немецкоговорящих стран.

Создатели трехтомника подчеркивают, что вовсе не претендуют на исключительность или исчерпывающий характер своего труда. Институциональным центром, где был рожден и воплощен замысел издания, стал майнцский Институт европейской истории. Его сотрудники уже с конца 1990-х гг. стремились к воплощению концепции Нора на общеевропейском уровне. Проблеме евро-

пейских мест памяти была посвящена международная конференция, проведенная в 2000 г. Ее основные результаты нашли отражение в очередном выпуске институтского «Ежегодника европейской истории» [см.: *Jahrbuch für Europäische Geschichte*]¹. С 2007 г. тема мест памяти стала основной в деятельности института. При этом всем, кто был задействован в проекте, с самого начала было ясно, на какой тонкий лед они рискнули ступить. Уже сама концепция Нора отчасти подверглась основательной критике за нечеткую терминологию, тенденцию к унификации и канонизации, выраженное стремление к конструированию национально окрашенных мифов. В Брюсселе замысел издания вызвал явную тревогу евробюрократов: не лишится ли процесс европеизации своих исторических корней, не размоется ли и без того недостаточная идентификация граждан с Европейским союзом?

Европейская общность и символические места, на основании и при помощи которых конституировалась Европа, издавна составляли предмет размышлений, которые способствовали тому, что термин «Европа» стал центральным объектом интеллектуальных рефлексий и политических стремлений. Однако до сего дня их, по-видимому, крайне недостаточно. Еще Й. Г. Гердер в эссе «О памятниках древности» (1792) сожалел о недостатке европейских фундаментальных мифов и коллективных «мест памяти» и отмечал, что «никакая европейская связь не способна объединить народы так, как, например, объединены индусы их Гангом, их святыми местами и пагодами» [Herder, S. 208]. Спустя два века, в 1998 г., В. Шмале задавал тот же вопрос: не рухнет ли в конце концов Европа в политическом смысле из-за дефицита собственных мифов. Незначительность пространства, тесное сосуществование весьма разнообразных культур и обществ, характерные и очевидные для этой части света соревновательность и конкуренция — все это, как представляется, не способствовало появлению общих символических мест.

Однако более пристальный взгляд на европейскую историю дает повод для оптимизма. Очевидно, что имеется достаточное число мест памяти общеевропейского масштаба, которые имеют значение для всего континента, по крайней мере для значительной его части, в том смысле, что в них можно увидеть нечто общее, связывающее, что можно рассматривать как существенный структурный компонент европейской идентичности. Разумеется, почти всегда присутствуют ограничения культурного, конфессионального, социального и политического характера. То, что университет — специфически европейское явление, понятно, как правило, прежде всего выпускникам этого учреждения; то, что определенные литературные произведения имели европейский резонанс и европейское влияние, знает только тот, кто вообще имеет представление о литературе.

Таким образом, способ восприятия культурных ценностей прошлого играет важную роль при конструировании европейских мест памяти. Этот процесс можно описать в актуальных терминах (например, «трансфер» или «культурная интерференция»), но подразумеваться будет всегда лишь одно: нет другого пути в фактическом, конструируемом или воображаемом пространстве, кроме как производство воспоминаний исходя из истории. Можно сделать шаг еще дальше: символические места памяти образуют контрольные

точки в пространственных представлениях определенной общности. В этом смысле любое символическое место в пространстве Европы также всегда может сказать о самосознании европейцев. В этом отношении проект «Европейские места памяти» может способствовать развитию чувства европейской общности или по меньшей мере стимулировать дальнейшие размышления о том, что связывает этот континент и его отдельные части друг с другом.

Актуальность проекта не продиктована напрямую фундаментальными проблемами исторических исследований, но сами историки, безусловно, находятся под влиянием современных исследовательских тенденций. Постановка вопроса о тех силах, которые придавали этому континенту, в отличие от других, по крайней мере в тенденции, определенную степень общности, не является ни дискриминирующей, ни ошибочной. Это подтверждается самыми актуальными трудами. Если осознание европейской идентичности — это исторический процесс, то нельзя «отделять Европу от картин, которые создавались европейцами в масштабах их континента» [Bilder von Europa, S. 11]. В свою очередь, эти процессы вызывают специфические воспоминаний, которые фиксируются и транслируются в коллективных практиках воспоминания, становятся объектами междисциплинарного научного исследования и формируют, по мнению современного исследователя, новое научное исследовательское поле европеистики [см.: Ertl; Europa — Europäisierung — Europäistik].

В этой связи вполне уместно стремление поставить вопрос о понимаемых в самом широком смысле символических местах памяти, общих для Европы или для значительной ее части, несмотря на то, что различные воспоминания о них часто имеют весьма разнообразную, способную даже вызывать конфликты, смысловую нагрузку. Во введении к каждому тому редакторы издания постулируют единство мнений всего авторского коллектива по этому вопросу и выделяют три критерия, которым должно соответствовать любое европейское место памяти.

• 1. «Европейскими местами памяти могут быть такие феномены, которые уже во время их появления в сознании современников приобретали европейский масштаб. Участники и современники битвы при Каленберге в 1683 г. точно знали, что она решала судьбу Европы, независимо от того, происходили они из габсбургских земель, Саксонии, Польши или Франции. Люди на исходе XVIII столетия чувствовали и переживали общеевропейский характер эпохи Просвещения или классицизма, что формировало и усиливало их чувство принадлежности к одной и той же культуре и культурной общности» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

• 2. «Такие феномены должны способствовать распространению чувства европейской общности. “Фауст” Гете был литературным событием, которое быстро распространило свое влияние на другие европейские нации и культуры. Через отсылки, переводы и прочие адаптации в других сферах культуры этот текст стал общим достоянием интеллектуальной элиты Европы. Должны быть общеевропейские, транснациональные посредники и пути посредничества, чтобы из более или менее сенсационного события возникло европейское место памяти. Ключевую роль здесь должно играть понимание, что анализ процессов

коммуникации и восприятия должен проводиться иначе, чем при обращении к национальным местам памяти» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

• 3. «Находить такие места памяти, которые имели значение не только для западной, но и восточной части континента. Нужна существенная правка по-прежнему существующей в исторических исследованиях односторонности. Чтобы продолжить примеры из литературной области, то наряду с Гете и Шекспиром осознанно выбирался также русский писатель, творчество которого имело европейский масштаб. Выбор темы «Antemurale christianitatis»¹ был обусловлен тем, что этот лозунг имел и, вероятно, все еще имеет большое значение в первую очередь для регионов Центральной и Юго-Восточной Европы» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

Европейские места памяти мыслимы только как конструкторы, которые соединяют широкий исторический подход с тем, что составляет суть этих конструкторов: это контрапункты исторического процесса, которые в положительном или отрицательном смысле усваиваются в широких, а не только элитарных слоях и позволяют сформировать представление о некоей общности, прежде всего об общем наследии. Возможности и способности восприятия истории и исторической памяти могут быть при этом очень разными.

Общий замысел предопределил структуру издания. Первый том имеет заголовки «Мифы и основные понятия европейского самосознания», второй — «Европейский дом», третий — «Европа и мир». При этом структура первых двух томов почти идентична и состоит из шести разделов: «Мифы», «Общее наследие», «Основные свободы», «Пространство Европы», «Опыт войны и стремление к миру», «Экономическое пространство». К этому во втором томе добавлен раздел «Метафоры, цитаты, лозунги». Третий том стоит несколько особняком и разделен на три части: «Основные понятия», «Концепты» и «Конкретные случаи». Уже из этого видно, что авторы находятся под сильным влиянием не только концепции П. Нора, но и такого авторитетного направления исследований, как «Begriffsgeschichte».

Первый том («Мифы и основные понятия европейского самосознания») можно назвать теоретическим и установочным. Он сориентирован на самые общие идеи и высказывания, содержащиеся в основных европейских документах от Соглашения о правах человека 1950 г. до Конституционного договора 2009 г. В нем представлены те силы, которые формировали облик Европы с политической точки зрения. Неудивительно поэтому, что миф о Европе здесь представлен прежде всего в политическом ключе, а уж потом — его бытование в литературе и искусстве. Центральное место в книге занимает тема о б щ е г о н а с л е д и я. Под ним понимаются те масштабные духовные явления, благодаря которым Европа стала тем, чем является сегодня: наряду с влиянием Античности,

---

¹ В переводе с лат. «Оплот христианства» — девиз для стран, защищавших границы христианской Европы от угрозы со стороны Османской империи. Папа Лев X в 1519 г. так назвал Хорватию, поскольку хорваты внесли существенный вклад в борьбу против турок. Продвижение Османской империи в Европе было остановлено на хорватской земле, которая в этом смысле расценивалась как «врата европейской цивилизации».

христианства, иудаизма не забыты арабские и исламские влияния, а также и интеллектуальные феномены европейского характера — гуманизм и Просвещение.

Больше всего соответствует постановке вопроса о европейских местах памяти второй том — «Европейский дом». Он полностью повторяет первый по структуре и иллюстрирует его абстрактные положения показательными конкретными примерами, которые способны особенно подчеркнуть специфический характер европейских влияний, взаимосвязей и воспоминаний. Мифологический раздел здесь охватывает тысячелетия и простирается от Геркулеса до гимна Евросоюза. Если в первом томе перечень основных свобод вполне предсказуем (права человека, правовое государство, разделение властей), то во втором можно наблюдать торжество гендерного подхода: из пяти статей раздела три так или иначе посвящены женской теме («Анна Франк», «Женская эмансипация: Мари Кюри», «Женское движение: Симона де Бовуар»). В богатейшем общем наследии обращают на себя внимание презентации пяти конфессиональных столиц — Рима, Виттенберга и Женевы, Третьего Рима (Москвы) и Стамбула, а также разнообразие материальных носителей общеевропейского «культурного кода», среди которых соседствуют конные статуи и пиццерия.

Ввиду изобилия всевозможных мыслимых случаев важную роль играла репрезентативность и одновременно обусловленная отбором круга авторов случайность выборки, что можно продемонстрировать на примере раздела «Опыт войны и стремление к миру». Войны против меньшинств поясняются на примере таких ключевых понятий, как «1348 год» (чума, еврейские погромы и вызванное этим бегство евреев из Центральной в Восточную Европу) и Варфоломеевская ночь. Оба события имели общеевропейское значение, а Варфоломеевская ночь, кроме того, стала первым поистине европейским информационным поводом. Эти сюжеты развивает тема «Освенцим», в которой представлена трагедия шоа как центрального события XX столетия. Сражениями общеевропейского масштаба, оставшимися в памяти всей Европы, были выбраны битва при Каленберге, битва народов под Лейпцигом и Миссолонги, а кроме того, Верден и Ковентри — как два ярких свидетельства нового измерения войны, далеко выходящего за пределы только непосредственных ее участников. В последних случаях прежде всего речь идет об эмоциональном конструкте сопричастности, ответственности и покаяния. Тема «Солдатские кладбища» символизирует инструментализацию войны на примере не стихийно возникшего, а целенаправленно создаваемого места воспоминания. В качестве выдающихся событий, связанных со стремлением к организации длительного мира, стали Вестфальский мир, Парижская мирная конференция 1919 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все они проходили на фоне интенсивных философских теоретических размышлений о мире. Примером тому является «К вечному миру» И. Канта. Насколько войны XX столетия были также в самом широком смысле «вызовом» для художников, показано на примере того, какого рода местом памяти стала «Герника» Пикассо.

В третьем томе («Европа и мир») авторы настойчиво подчеркивают свое намерение уйти от темы экспорта европейского опыта вовне или стремления

вновь вдохнуть жизнь в давно устаревшие мифы-послания о преобладании «старого континента». Скорее подчеркивается намерение анализировать «возвращение европейского мышления в измененных формах в Европу, понять, как обогащает европейский мир все то, что он воспринимает в совершенно различных сферах из-за морей» [Europäische Erinnerungsorte, S. 11]. Однако до сего дня в дискуссиях вокруг альтернативы «культурный релятивизм — универсализм» преобладают скорее эмоциональные и этноцентрические, чем рациональные и ориентированные на понимание точки зрения и установки. При этом знакомство со структурой и содержанием тома оставляет впечатление торопливости и «недоделанности». Вызывает вопросы отбор базовых ключевых понятий тома. Наряду с неизбежной «Глобализацией» присутствуют статьи «Экспансия», «Ориентализм», «Расизм» и «Постколониализм». Да и в основном разделе очевиден дисбаланс: из 25 статей две («Лига Наций» и «ЮНЕСКО») призваны подчеркнуть мировой масштаб европейского наследия, а еще 10 посвящены многообразным символам исторических связей между Европой и Америкой (два юбилейных года, связанных с именем Колумба: 1892 г. и 1992 г., Монтесума на оперной сцене, богослужение в форме госпела, Че Гевара и пр.). Но только одна статья имеет отношение (и то весьма специфическое) к восточной части евразийского континента — это «Китайский ресторан». Впечатление, что выбор тем этой рубрики был весьма произвольным, подтверждается тем, что несколько статей сильно ориентированы на Германию («Макс Вебер и Япония», «Колониализм и этнографические коллекции в Германии», «Немецкий дух», «немецкая наука» и латиноамериканские исследования») и — независимо от их качества — довольно слабо связаны с общей темой.

Вполне естественно, что труд, включающий 151 статью, отличаются широта и разнообразие подходов, постановки проблем, акцентов. Их невозможно, да и не нужно построить под один шаблон. И все же именно во втором томе значительная часть статей более всего соответствует общему намерению исследования европейских мест памяти, даже если их наличие не постулируется изначально, но раскрывается в процессе изложения исторического материала. Характерным примером может быть статья Н. Катцера, где автор сначала тщательно анализирует становление и развитие представлений о Москве как «Третьем Риме», затем отмечает, что в данном случае речь идет прежде всего о национальном, возможно лишь отчасти европейском, месте памяти, которое, однако, способно порождать самые различные восприятия на общеевропейском уровне. То же можно сказать и о статье «Antemurale christianitatis», в которой показано, как в процессе литературной и художественной переработки из «фигуры для умственных упражнений» возникает место памяти. Эти примеры также свидетельствуют, что авторы не замыкаются в границах Западной Европы, а стремятся освоить пространство на Востоке, вплоть до территорий бывшей Османской империи. При этом, несмотря на заявленное стремление презентовать места памяти общеевропейского масштаба, довольно часто допускаются отклонения. Вряд ли Виттенберг и Женева воспринимаются как общие места памяти населением католической Европы. Лувр и Миссолонги имеют гораздо более выраженный национальный, чем европейский характер. Наличествуют

статьи о Вердене и Ковентри, которые символизируют ужасы войны в сознании западных европейцев, но нет Сталинграда и Сараево. Даже восприятие одного и того же события могло меняться во времени и пространстве. Та же битва при Каленберге в глазах современников (включая и турок), безусловно, имела общеевропейский масштаб, но позже, в XIX столетии, все больше становилась частью австрийской государственной пропаганды и имперской мифологии.

Хронологические рамки выбранной темы чрезвычайно широки: они охватывают 2500 лет — от Античности («Антигона», «Марафон») до современной истории («СБСЕ», «Евро»). Но разработка этих современных тем представляет определенную трудность. В связи с отсутствием должной временной дистанции их соответствие общим критериям европейских мест памяти еще предстоит доказать. При этом очень немногие темы связаны с холодной войной. Читатель напрасно будет искать статьи о Берлинской стене или железном занавесе. Это тем более удивительно, что в книге присутствуют сюжеты, интерес к которым не столь значителен и чье значение для европейской идентичности не так велико: например, «Варфоломеевская ночь» или «Битва народов под Лейпцигом».

Подводя итог, следует отметить, что эти три тома часто колеблются между исследованием европейских мест памяти в строгом смысле, с одной стороны, и обращением к способам укрепления европейского единства — с другой. Этот поиск следов поставленной под сомнение в последние годы европейской идентичности обусловил и во многом неоднозначный тематический отбор.

Представленный труд может стать основой для дальнейших исследований самого понятия места памяти, так как в нем была предпринята попытка осмысления многих феноменов и линий развития с одной — европейской — точки зрения. Разработка проблемы специфики европейского самосознания в сравнении с другими континентами потребует и новых исследовательских подходов, и определенной модификации самого концепта «Места памяти».

Bilder von Europa. Innen- und Außenansichten von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. B. Drechsler. Bielefeld, 2010.

Erl A. Gedächtnis- und Erinnerungskulturen. Stuttgart ; Weimar, 2011.

Europa — Europäisierung — Europäistik : Neue wissenschaftliche Ansätze, Methoden und Inhalte / Hrsg. M. Gehler, S. Vietta. Wien, 2009.

Europäische Erinnerungsorte / Hrsg. Pim den Boer, Heinz Duchardt, Georg Kreis, Wolfgang Schmale. München, 2012. Bd. 1 : Mythen und Grundbegriffe des europäischen Selbstverständnisses. 333 S; Bd. 2 : Das Haus Europa. 626 S; Bd. 3 : Europa und die Welt. 290 S.

Europäische Erinnerungsräume / Hrsg. K. Buchinger, C. Gantet, J. Vogel. Frankfurt a/M, 2009.

Francois É., Serrier Th. Lieux de mémoire européens. Paris, 2012.

Gedächtnis und Erinnerung / Hrsg. C. Gudehus u. a. Stuttgart ; Weimar, 2010.

Herder J. G. Über Denkmale der Vorwelt. Erstes Stuck. Gotha. 1792.

Jahrbuch für Europäische Geschichte. Bd. 3. 2002.

Статья поступила в редакцию 14.06.2013 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 929(37) + 94(37)“0”

А. С. Козлов

ВРЕМЯ РОМУЛА АВГУСТУЛА

Рец. на кн.: *Murdoch, A. The Last Roman: Romulus Augustulus and the Decline of the West / Adrian Murdoch. — Stroud : Sutton Publ., 2006. — 190 p.*

Создать аналитическое жизнеописание последнего западноримского императора, мальчиком процарствовавшего десять месяцев и смещенного 4 сентября 476 г., невозможно. Неизвестно, когда он родился и умер, где был похоронен. Неизвестно ничего о каких-то сторонах его поведения по каким-либо конкретным поводам как на государственном поприще, так и в частной жизни. Кроме нескольких лапидарных сообщений в нарративе, весьма положительно оценивающих его юный облик, источники ничего не говорят об его внешности. Монетная чеканка, с ним связанная, демонстрирует типичный для этого этапа поздней Античности маловыразительный профиль, практически лишенный личных черт. Все это автор рецензируемого изыскания Эдриэн Мердок прекрасно осознает, что подтверждается не только обзором привлекаемых им источников (практически всех основных, донесших до нас реалии, связанные с Ромулом Августулом) (р. 13–20), но и постановкой проблемы, разбираемой в книге, а также композицией изложения материала.

Постановка проблемы — так, как ее понимает Мердок, — обладает изрядным зарядом публицистичности. С точки зрения автора, «Ромул — человеческий символ, имя, которое используют для обозначения падения Римской империи. Как только его вынудили отречься, Европа стала открыта для того, чтобы радушно принять Средневековье. Ромула восхваляли, его осмеивали, его отправили в отставку, — но невозможно читать его историю без ощущения потери» (р. 6). Более того, тематика книги представлена не просто исторически актуальной. «Когда освещается расчленение государственности Римской империи,

падение Рима ощущаешь как особенно современное явление» (р. 158). Мердок не стесняется указать на то, что, когда он пишет эти строки, западные газеты заполнены попытками переоценки ценностей, в частности вопросами о характере реакции на действия воинственных исламистских групп, именуемых некоторыми «варварами с Востока», что вызывает в памяти у «многих комментаторов» предупреждение Э. Гиббона о возможном «триумфе варварства и суеверия». «Ощущая головокружение от невидимого ужаса, правительства выбирают местечковое, в то же время искренне уверяя в своей приверженности к глобализации» (р. 158). Более того, прямо указывая на превратившуюся в последнее время в банальность тему Соединенных Штатов как аналога поздней Римской империи, Мердок охотно ссылается на М. Бермана, сравнившего удар по Всемирному торговому центру 11 сентября 2001 г. с поражением римлян под Адрианополем (р. 159).

Присутствие в методике Мердока сильного заряда тематической актуализации обуславливает и наличие в рецензируемой работе особой главы, посвященной воплощению образа Ромула Августа и его эпохи в *popular imagination* и в *popular culture*, поскольку, по мысли автора, «это отражает способ, благодаря которому исторические фигуры становятся частью ткани нашей коллективной памяти» (р. 133). Формы реализации в художественной культуре образов «последнего римлянина» и его современников, естественно, весьма пестры — от «Песни о Химльдебранде» до великолепной пьесы Ф. Дюрренматта «Ромул Великий» и голливудского ширпотребя «Последний легион» (2007). Однако достаточно беглого взгляда на перечень такого рода творений, чтобы убедиться в несоответствии их достаточно скромного количества тому жгучему пафосу в отношении актуальности темы, который демонстрирует Мердок. Видимо, для художественно-эстетической мысли Ромул Августул как историческая личность все-таки не столь привлекателен (даже при заостренной политизированности его судьбы). Другое дело, например, Атила, чей образ, как видно даже из представленного материала, намного привлекательнее.

Заостренная актуализация тематики текста превращает личность Ромула Августа лишь в повод для видения постепенного падения Римской империи в качестве интерактивного феномена, принципы (мотивы) которого способны обнаружиться в любых вневременных глобальных кризисных ситуациях. Отсюда возникает структура текста Мердока. И если в первой главе рассматриваются «ответы» позднеантичной цивилизации на разрушительную функцию варварского фактора от проявлений готской опасности до воцарения Аттилы, то в главе второй преподносится фактология распада Западного Римского государства, в которой события, связанные с воцарением и смещением Ромула Августа, занимают сравнительно скромный объем (р. 69, 73–79). Контекст дальнейшей жизни Ромула (не просто на кампанской Лукулловой вилле, где позже был выстроен Кастель-дель-Ово), раскрываемый в третьей главе, охватывает время правления Одоакра в Италии, и особенно детали сложных взаимоотношений этого правителя с Византией, увенчавшихся появлением у Северных Апеннин войска Теодориха Амала. Соответственно четвертую главу книги (с многозначительным названием «No more Heroes») пронизывает идея опреде-

ленной инерции останков антично-римской цивилизации в условиях господства остготов в Италии, особенно в обстановке правления Теодориха.

В интерпретации общего хода падения Римской империи Мердок следует в основном за современной англоязычной историографией, и прежде всего концепцией и выводами П. Хизера. Сходная методика присуща и отдельным наблюдениям. Например, отслеживание такого важного для эпохи (и в частности судьбы Ромула Августула) сюжета, как роль магистров войск в конкретных изменениях политического климата империи, базируется на результатах изысканий Д. О'Флинна и П. Мак-Джордж. В комментариях к отдельным высказываниям Аполлинария Сидония автор ориентируется на выводы Джил Гаррис, в комментариях на пассажи Галльской хроники 452 г., Идасия и Проспера — на С. Малбергера. Прибегая к данным Кассиодора, Мердок в значительной степени идет в их толковании за Д. О'Доннелом, используя Эннодия — за С. Кеннелом. Все это, однако, не означает вторичности сведений собственно источников в построении текста рецензируемой монографии. Напротив, обращение к материалу хроник, публицистики, эпистолярная и прочих, в основном латиноязычных, оригиналов у Мердока обладает приоритетом.

Английский популяризатор великолепно ориентируется в историографической весомости и глубине анализа источников при конкретных наблюдениях, выполненных названными и другими солидными исследователями. Если речь идет об оценке феномена Стилихона, то, подчеркивая, как это и превалирует в современной историографии, его безусловно позитивное значение для реализации военно-политических задач, стоявших перед Западной империей, автор в то же время пишет о недостаточности потенциала этого магистра войск для оптимального решения таких задач (р. 32). Когда речь идет о целях Алариха (во время пребывания его отрядов на Балканах и во время экспедиции в Италию), то, вслед за Хизером и другими специалистами, автор указывает на приоритетное стремление этого готского короля достичь официальной должности *magister militum* (р. 34). Точно такая же методика видна при оценке поведения Аттилы во время раскрытия заговора против него, заговора, подготовленного определенными группами византийской элиты: вождь гуннов предпочел кровавым репрессиям «укрепление своего психологического доминирования над восточными римлянами» (р. 52). В том же ряду подходов к описываемым реалиям стоит и оценка исторической роли Флавия Рицимера, «варварского генерала и военного диктатора» (р. 57). По Мердоку, он «имел над тем, что осталось от Европы, гораздо большее влияние, чем то, которым обладали его предшественники, Стилихон и Аэций»; в отличие от них, Рицимер ни в малейшей степени не зависел от императоров, «развивал подобную властную базу самостоятельно, так что один из хронистов именуется его королем» (р. 58). Мердок весьма далек от подчеркивания деструктивной роли подобных военачальников: Рицимер, как и другие, уже упомянутые, во многом был движим личными интересами, но власть его подпитывалась исключительно существованием Римской империи (р. 58). Подобные же мотивы двигали Одоакром, свергшим Ромула Августула, но сознательно поставившим себя и Италию в определенную зависимость от византийского императора.

Огромное внимание даже к невыразительным сообщениям источников, имеющих отношение к главному герою темы, искусно влетает Ромула, уже утратившего статус императора, в судьбу Италии и, более того, всего Средиземноморья. Так, не ссылаясь на Э. Гиббона, который первым высказал предположение, что упомянутая в «Житии св. Северина» Варвария — это мать Ромула, Мердок вполне разделяет эту гипотезу, усиленно превращая ее положения в исторический факт. Здесь в аргументацию входит и хорошо известная связь Ореста и Варварии с провинцией Норик и ее элитой, и то обстоятельство, что к середине 80-х гг. V в. Варварии было больше сорока лет, и то, что останки св. Северина, умершего 8 января 482 г., были именно некой Варварией перевезены из Маутерна под Неаполь, именно в *Castellum Lucullanum* (р. 94–95). Полагаю, существенный штрих в последний факт вносит то обстоятельство, что тогда округа Неаполя была территорией, где располагались резиденции и имения весьма знатных фамилий [см.: Moorhead, p. 208–210]. В этом плане весьма симптоматична продолжающаяся до сих пор дискуссия о возможной принадлежности Северина к римской аристократии [см.: Wirth, S. 217–266; Krautschik, S. 348].

Мердок уверен и в том, что краткое письмо Кассиодора, написанное между 507 и 511 гг. от имени короля Теодориха некоему Ромулу, было адресовано как раз Ромулу Августулу (р. 123). То, что письмо доводит до сведения адресата подтверждение префектом претория Либерием, известным сановником времен Теодориха, неких прав собственности, дарованных Ромулу в начале правления этого короля, дает основание предполагать (вслед за Т. Ходжкиным) увеличение содержания бывшего последнего римского императора [см. об этом также: Krautschik, S. 158]. Подобный шаг нового владыки Италии, если письмо Кассиодора толковать именно так, оказывается в русле первоначальной, откровенно «проримской» политики Теодориха.

В рецензируемой книге приводится немало фактов благосклонного и конструктивного отношения короля к наследию позднеантичной цивилизации во всех ее аспектах. Мне, однако, кажется, что начать такой обзор следовало бы многозначительным пассажем из «Гетики» Иордана: «На третий... год по вступлении своем в Италию Теодорих, по решению императора Зинона, снял с себя частное платье и одежду своего племени и принял пышное царское облачение уже как правитель готов и римлян» (Jordan. Get., 285). Известную оппозицию такому суждению составляет сообщение Прокопия Кесарийского: «Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал скромно называться и в дальнейшем именем *rex* (так обычно варвары называют своих начальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору» (Procop. Bell. Goth., I, 1.26). Такого рода достаточно «умеренных» по своему содержанию противопоставлений из сведений источников о социокультурной ситуации в Остготском королевстве можно привести во множестве, и все они, на мой взгляд, рисуют картину гораздо более сложную чем та, что нарисована Мердоком. Английский исследователь полагает, что в начале истории этого королевства имеет место *continuity* с поздней Античностью в политике, обществе и искусстве (р. 114). Отсюда и приветствия-аккламации римской толпы и сенаторов в ад-

рес Теодориха, именованная его Траяном и Валентинианом; отсюда и строительные работы по распоряжению короля в ряде италийских городов: Мердок считает возможным даже говорить об «экономическом буме» (р. 119–120), и многое иное в этом роде.

Перед объяснением причин того, что последние годы правления Теодориха были отмечены «жестокостью, беспорядком и религиозным конфликтом», автор, однако, фактически пасует. Констатации того, что король был уже пожилым человеком и многое обстояло не так, как раньше, в этом случае явно недостаточно (р. 125). Можно согласиться с тем, что основной формой роста напряженности в обществе стал конфликт арианства готы с католицизмом большинства населения Италии. Можно согласиться с тезисом о значительной ориентации италийских католиков на Византию. Но в фиксации глубинных причин перемен Мердок чуть ли не следует идеям «Теодориховой хроники», второй части Анонима Вalezия, и охотно цитирует то место из источника, где объявляется о попадании короля в лапы дьявола.

В связи с описаниями признаков будущего заката готского господства в Италии находится и последнее наблюдение автора за возможной судьбой бывшего последнего императора Западной империи. Мердок не исключает, что упомянутое Фульгенцием Руспенским в письме к Флавию Теодору (528 г.) получение послания от «святого брата Ромула» может подразумевать того, кого когда-то называли Августулом (р. 124–125). Если это было так, то герой рецензируемой книги действительно мог дожить до весьма преклонных лет, хотя и не дождавшись реставрации римского (византийского) правления в Италии. И в этой связи еще одно замечание. Указание Анонима Вalezия на то, что Ромул в 476 г. был пощажён *et quia pulcher erat*, хотя вроде бы и подразумевает в качестве причины «мягкости» Одоакра, на деле прежде всего коррелируется с указанием Евгиппия на те же качества мятежного военачальника, который, как известно, не хотел портить отношения с сенатом и римским народом. И. Кениг полагает, что в связи с подобным контекстом термин *pulcher* следует читать как «благородный», «знатный» [Konig, S. 102]. Действительно, Иордан, описывая заложничество Теодориха Амала в Византии, использует схожую с Анонимом формулировку: *et quia puerulos elegans erat, meruit gratiam imperialem habere* (Jordan. Get., 271). Другим объяснением «мягкости» Одоакра может служить то, что Ромул был посажен своим отцом Орестом на трон в результате свержения абсолютно легитимного императора Юлия Непота и, следовательно, мог рассматриваться как узурпатор, реставрация власти которого была маловероятна. Юлий Непот в 476 г. был еще жив и пребывал в Далмации, и именно о возможности реставрации его власти мог задумываться византийский император Зенон, когда вел с Одоакром переговоры о судьбах правления Италией.

В заключение можно сказать, что каких-то открытий в описании хода распада Западной Римской империи и судеб Италии при Одоакре и остготах книга Мердока не содержит. Она в большей степени популяризирует эти сюжеты на добротной источниковой и историографической базе. Однако читается этот труд, выполненный прекрасным английским языком, с большим интересом.

König I. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle : wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1997.

Krautschik S. Zwei Aspekte des Jahres 476 // *Historia*. 1986. № 35.

Moorhead J. Theoderic in Italy. Oxford, 1992.

Wirth G. Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum // *Quaderni Catanesi*. 1979. T. 1.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Международная научная конференция

23 апреля с приветственного слова ректора УрФУ *В. А. Кокшарова* и обращения *Н. И. Ельциной*, которое было представлено заместителем директора Фонда Ельцина, началась работа международной конференции «Конституционализм в современной мировой и российской истории», проведенной в рамках Вторых Ельцинских чтений. Организаторами Вторых Ельцинских чтений наряду с УрФУ выступили: Уральское отделение РАН, Фонд Ельцина, Центр Ельцина. Огромную поддержку в проведении конференции оказали Гуманитарный университет и Уральская государственная юридическая академия. В работе Вторых Ельцинских чтений приняли участие более 270 человек из различных городов Уральского региона, а также представители академических кругов Австрии, Италии, США, Франции и Венгрии.

Пленарное заседание объединило выступления целого ряда специалистов, связанных с прошлым и настоящим российской конституции: от политологов и юристов до государственных деятелей, принимавших непосредственное участие в разработке текста Основного закона. Наиболее бурная дискуссия разгорелась в работе первых двух секций.

В ходе работы **секции 1 «Конституция Российской Федерации и международный опыт конституционализма»** было заявлено 12, заслушано 10 докладов, в дискуссии приняли участие гости секции, преподаватели, студенты, аспиранты, практикующие юристы (20 человек). Среди участников секции были не только юристы, но и политологи, историки, философы, что способствовало многостороннему рассмотрению проблем, заявленных в тематике докладов.

Вопросы, связанные с историей формирования конституционной культуры и проблемами становления конституционализма в России, рассмотрел *Мишель Тисье*, доцент Университета Ренн-2, член Центра исторических исследований Запада (Франция). Анализируя конституционные модели, которые использовались при популяризации государственных знаний в революционной России 1905–1906 гг. и в 1917 г., он отметил, что опыт Великой французской революции и республиканского движения во Франции был далеко не единственным ресурсом в российской общественно-политической мысли в области знаний о государстве, конституции, праве и свободе. Примеры конституционного и законодательного опыта Великобритании, США

и Швейцарии более часто использовались российскими мыслителями и практиками как модели защиты свобод или федеративного устройства государства.

Руководитель представительства Фонда конституционных реформ в Италии, доцент, один из ведущих секции *Иван Марино* в докладе «Борис Ельцин — главнокомандующий конституционных процессов в России в начале 90-х гг. XX в.» подробно рассмотрел подготовку проектов Конституции РФ 1993 г., проанализировал ее основные положения, достоинства и недостатки. Самая лучшая часть Конституции РФ, по признанию многих специалистов, отметил Марино, — это вторая глава («Права и свободы человека и гражданина»). По мнению И. Марино, в проекте Конституционного совещания и соответственно в действующей Конституции не были учтены некоторые ценные разработки Конституционной комиссии в защиту ряда категорий граждан, а кроме того, были отклонены прогрессивные разработки комиссии о гражданском обществе. Основной умеренный ориентир для современных российских законодателей и конституционалистов, как считает И. Марино, следующий: изучать не только разработки иностранных государств, но и стенограммы Конституционной комиссии, десятки проектов Конституции РФ, предложенных в самом начале 90-х гг., которые были изучены и проанализированы данной комиссией. Разработки о правах человека, гражданском обществе и народовласти в проекте Конституционной комиссии — это ценный ориентир для современной ежедневной законотворческой работы российских законодателей и всех, кто интересуется развитием и совершенствованием российского конституционализма.

Проблемы конституционного развития и особенностей процессов демократизации рассмотрел в своем докладе профессор Института европейских исследований Университета Дж. Хопкинса *Паоло Кальчини* (Италия). Анализируя ельцинский период развития России, он отметил, что в начале 90-х гг. Б. Ельцин создал президентскую республику, в которой не было сильных политических партий ввиду неразвитости гражданского общества. Политический режим России того времени он считает гибридным, сочетающим демократические формы и авторитарные настроения. Главным достоинством ельцинского режима стало, по мнению Кальчини, то, что он был гарантией против возврата коммунизма.

Заведующая кафедрой прав человека, профессор Гуманитарного университета, одна из ведущих секции *С. И. Глушкова* (Екатеринбург) отметила, что новым импульсом для развития конституционных идей в России 90-х гг. XX в. стала эпоха перестройки, становления новой российской государственности, связанная прежде всего с мощной и авторитетной фигурой Б. Н. Ельцина, поддерживающего либеральные и демократические идеи, в частности идею о необходимости реформаторских преобразований в политике, экономике и праве. Исторической заслугой Б. Н. Ельцина стало то, что он смог сформировать команду единомышленников для создания проекта демократической Конституции РФ и последующей конституционной реформы. Влияние на конституционные воззрения Ельцина оказали идеи знаменитого правоведа, одного из авторов российской Конституции С. С. Алексеева, а также идеи известного правозащитника академика А. Д. Сахарова, создавшего ранее, еще в Советской России, проект демократической конституции. Впервые в Конституции РФ 1993 г. был представлен полный комплекс прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Но самым сложным и длительным после принятия Основного закона страны оказался процесс создания конституционной культуры, культуры уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, развития правовой грамотности и культуры граждан.

Вопросы содержания и толкования Конституции РФ 1993 г., развития идей российского конституционализма в школьных учебниках истории и обществознания проанализировала доцент СУНЦ УрФУ *И. С. Огоновская* (Екатеринбург). Она отметила, что в современной России необходимо увеличение в школьной программе учебных часов по праву, в том числе по изучению основ Конституции РФ, а также усиление внимания к олимпиадам по этому вопросу.

Аспирантка УрГЮА *С. В. Астратова* (Екатеринбург) рассмотрела содержание категории «конституционализм», его развитие на национальном и межгосударственном уровнях, роль конституционного права в конституционализме. Она справедливо отметила существенное влияние деятельности национальных органов правосудия и Европейского суда по правам человека на формирование и содержательное наполнение конституционализма в России, а также представила свое видение перспектив развития конституционализма в условиях столкновения правовых позиций Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека.

Доцент УрФУ *Э. Ю. Петров* (Екатеринбург) обратил в своем докладе внимание на принципы организации деятельности судебной власти в конституциях иностранных государств и Российской Федерации.

Вопросы, затронутые в докладе доцента УрГЮА *М. Л. Белых*, были связаны с особенностями конституционного судопроизводства в различных странах в области изучения и анализа органами конституционной юстиции зарубежного законодательства, судебной практики, теоретических и иных источников. Данная проблема в рамках конституционного судопроизводства остается открытой. Тем не менее существующая практика требует тщательного изучения, анализа и систематизации. Конституционный суд РФ обращается к сравнительно-правовому аспекту при вынесении решений. Например, при обращении к анализу особых мнений или мнений судей Конституционного суда, как считает *М. Л. Белых*, мы видим использование опыта таких стран, как Австрия, Азербайджан, Армения, Бельгия, Болгария, Бразилия, Германия, Испания, Италия, Казахстан, Канада, Киргизия, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Молдова, Португалия, Словакия, Великобритания, США, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Франция, Хорватия, Швейцария, Швеция, Эстония и др.

Судьбы конституционализма в Центральной Европе, роль общественных настроений и страх перед новыми конституциями проанализировал в своем докладе научный сотрудник Венгерской академии наук *Фекете Балаш*.

Проблемы и направления формирования конституционализма в современном мире, их взаимосвязь с частноправовыми вопросами представила в своем выступлении научный сотрудник Венгерской академии наук, консультант Генерального секретариата Конституционного суда Венгрии *Гардош-Орош Фрузина*. По ее мнению, в Конституцию РФ можно внести много поправок. На примере Конституции своей страны она отметила: с появлением новых проблем, неизбежно возникает необходимость поправок основных законов той или иной страны. Особенно важна в связи с этим норма о прямом действии Конституции, ограничение стремления любого правительства к неограниченной власти в современном мире. Многое здесь зависит от судей Конституционного суда конкретной страны. Актуальным, по ее мнению, является включение конституционных процессов всех стран в мировой тренд.

Вопросы эффективности интернет-технологий в осуществлении общественного обсуждения рассмотрела в своем докладе старший преподаватель Челябинского государственного университета *Т. П. Корецкая*.

Профессор Института философии и права УрО РАН *О. Ф. Русакова* (Екатеринбург) в докладе «Smart Power (умная власть) как концепт политической философии

конституционализма» отметила, что в работах современных авторов понятие *smart power* расшифровывается как способность превращать ресурсы *soft power* («мягкой» силы) и *hard power* («жесткой» силы) в стратегию, ведущую к желаемым результатам в форме предпочитаемого поведения других людей и государств. Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками *soft power* обеспечивает политическим институтам и структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что *soft power* обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия, опираясь на техники соблазна ценностями и благами цивилизации, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации государственных и межгосударственных организаций: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность договорным обязательствам.

В целом, участники секции в ходе двухдневной интересной научной дискуссии пришли к следующему выводу: в современной России Конституция РФ должна рассматриваться в качестве основы для общественного диалога, научных исследований, основы для медиации в политической и правовой сферах, как фундамент для достижения согласия и примирения конкурирующих в обществе сил, противоборствующих в государстве политических партий.

По мнению участников секции, перспективным направлением общественного и научного обсуждения на следующих — третьих по счету — Ельцинских чтениях могла бы стать проблема формирования и совершенствования моделей реформирования, модернизации экономики, политики, права, культурной, образовательной и социальной сфер в современном мире в целом и в России в частности. Предлагаем включить в программу следующих чтений практику проведения мастер-классов, актовых лекций, обучающих семинаров европейских, американских и российских специалистов для студентов, аспирантов, преподавателей и практиков.

В ходе работы **секции 2 «Конституция Российской Федерации и проблемы федерализма (опыт взаимодействия центра и регионов)»** было заслушано и обсуждено 7 докладов. Среди участников секции были юристы, политологи, историки и экономисты, что и позволило взглянуть на проблемы российского федерализма комплексно. В ходе обсуждения обозначены три ключевые проблемы.

Первое направление — это факторы формирования российского федерализма. Основным условием формирования и институционализации федеративных отношений в России стали обоснованные притязания региональных сообществ, настаивающих на новой модели взаимоотношений центра и регионов. В частности, *Й. Херпера* (США, Университет Висконсин, директор Центра исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии) проанализировала феномен Уральской республики как одно из условий перехода от асимметричной модели федерализма в России к симметричной. Сама возможность изменения статуса субъектов Российской Федерации, предусмотренная сегодня положениями Конституции РФ, обусловлена опытом Уральской республики. В этом смысле он должен оцениваться как фактор, оказавший позитивное влияние на развитие российской государственности.

Положительной оценки заслуживает и позиция первого президента РФ Б. Н. Ельцина по отношению к максимально возможной самостоятельности регионов. В конкретных исторических условиях это способствовало сохранению России как единого государства. Такой вывод был сформулирован *К. В. Киселевым* (Институт философии и права УрО РАН) в докладе «Российский федерализм — динамика символических логик». Один из выводов доклада доктора юридических наук *Н. А. Филитовой* (Сургутский госуниверситет) заключался в том, что унитаризм и

централизация в специфических условиях российской государственности — это факторы риска. Сохранение территориальной целостности в условиях колоссального этнического, конфессионального и регионального многообразия без федерализма (реального, а не номинального) невозможно.

Второе направление в работе секции — это оценка тех институциональных изменений в российском федерализме, которые произошли в рамках реформы федеративных отношений в период с 2000 по 2008 г. В докладе доктора юридических наук, профессора *О. А. Кожевникова* (УрГЮА) было исследовано главное направление реформы — изменение порядка разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В вышеупомянутом докладе *Н. А. Филипповой* был предложен анализ семи направлений реформы федеративных отношений в их системной связи, а также обозначено влияние реформы на новейший институциональный дизайн России (расширение полномочий президента РФ, деформация партийной системы, дефекты парламентаризма и т. д.)

Вывод по итогам длительной и плодотворной дискуссии гласит, что Россия нуждается в восстановлении федерализма. Модель политико-правового устройства, которая сложилась в ходе реформы, не что иное, как фактический унитаризм (регионализм). В связи с этим были сформулированы конкретные предложения: изменить приоритеты в реформировании Совета Федерации Федерального собрания РФ. Консолидация субъектов Федерации возможна лишь за счет обновления и расширения их полномочий. Второе предложение можно рассматривать как продолжение первого: в случае, если Совет Федерации станет интегрирующим механизмом, необходимости в таком институте, как полномочные представители президента РФ в федеральных округах, не будет. Анализ причин формирования этого института был предложен профессором *Г. С. Тумалевичем* (УрГПУ). В выступлении профессора *А. П. Семитко* (Екатеринбург, Гуманитарный университет) прозвучала мысль о важности закрепления федеративной формы устройства в Конституции РФ как условия демократизации страны в будущем.

Третье направление работы секции — эффективность правозащитной деятельности в субъектах Российской Федерации. Доклад уполномоченного по правам человека Свердловской области *Т. Г. Мерзляковой*, а также выступление советника уполномоченного по правам человека в Свердловской области *И. Н. Литвиновой* вызвали оживленную дискуссию, в результате которой участники пришли к выводу о недопустимости пересмотра второй главы Конституции РФ, а также о необходимости скорейшего принятия федерального закона, регулирующего общие принципы деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. В докладе профессора *А. Т. Карасева* (УрГЮА) было отмечено, что институт обращений Конституционного суда РФ к Федеральному собранию Российской Федерации может стать инструментом повышения качества как федеральных, так и региональных законов в аспекте их соответствия требованиям Конституции. Этот резерв в правовой защите Конституции РФ может и должен быть использован.

Помимо трех основных направлений, в ходе работы секции обсуждались вопросы заимствования институтов федерализма. Например, выступление доцента *Н. Мочалова* (УрГЮА) раскрывало в этом контексте особенности австралийской модели федерализма. Также в контексте принципа федерализма оценивались перспективы формирования единого таможенного пространства в рамках Таможенного союза. Анализ этой проблемы был предложен доцентом *В. В. Килиным* (ИСПН УрФУ).

С обстоятельным докладом на тему проблем преподавания теории федерализма в школах выступила учитель истории и обществознания *В. А. Маспанина* (Екатерин-

бург, гимназии 174). Тему особенностей обучения современных студентов-гуманитариев продолжил кандидат исторических наук *А. П. Килин* (ИГНИ УрФУ).

По мнению участников секции, перспективным направлением общественного и научного обсуждения на следующих чтениях могла бы стать проблема трансформации институтов местного самоуправления в условиях системных конституционных реформ федеративных и межбюджетных отношений, реформы избирательной системы.

С. И. Глушкова, Н. А. Филипова

МНОГОРЕЧИЕ: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ:

Межвузовский научный семинар*

14 мая 2013 г. на базе Уральского университета прошел межвузовский научный семинар с международным участием [см.: Многоречие...].

Языковая ситуация в странах ближнего зарубежья была проанализирована в докладах *Р. О. Туксаитовой* (Астана, Казахстан), *Б. Ю. Нормана* (Минск, Республика Беларусь). Принцип «единой скамьи» позволил представить свое видение общей проблемы многоречия профессорам и аспирантам, доцентам и магистрантам, школьным учителям и студентам. В работе семинара приняли участие представители семи вузов Екатеринбурга: Уральского педагогического университета, Российского профессионально-педагогического университета, Института МЧС России, Уральского горного университета, Уральской юридической академии, Уральского института экономики, управления и права, Уральского федерального университета, учителя средних школ Екатеринбурга и области, а также доцент РГПУ им. Герцена *А. И. Дунев* (Санкт-Петербург).

Лингвокультурологическая и социолингвистическая трактовка многоречия в контексте российского мультикультурного общества была представлена в **пленарных докладах** *Б. М. Гаспарова, А. И. Дунева, Н. А. Купиной, Н. И. Коноваловой, И. В. Шалиной*; многоречие в художественном тексте сквозь призму социологии литературы — в пленарных докладах *А. И. Кубасова, М. А. Литовской*. В докладе *Н. А. Боровиковой* освещались практические вопросы, связанные с адаптацией мигрантов в русской культурной среде.

В режиме **круглого стола** были обсуждены три основные проблемы: «Отражение многоречия в практике языковой личности, текстах и словарях»; «Многоречие в пространстве дискурсов разных типов»; «Русский язык в этнокультурной среде».

Семинар подвел итог исследовательской работе, проводившейся сотрудниками УрФУ в рамках федерального гранта по теме многоречия в современном русском языке. Одна из задач семинара — определение структуры и конкретного содержания планируемой монографии «Русский язык в многоречном социокультурном пространстве».

Семинар отличался высоким научным уровнем в целом. Интересное и конкретное выражение получила общая концепция исследования в докладах и сообщениях участников. Изучение различных социокультурных разновидностей и жанров рече-

---

* Семинар проведен при поддержке Министерства образования и науки РФ. Соглашение 14.А.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»). Научный руководитель проекта профессор *Б. М. Гаспаров* (Нью-Йорк, США).

вого поведения говорящих на русском языке вызывает в последнее время повсеместный живой интерес как в России, так и в США. Специфика настоящего исследовательского проекта заключалась в том, что в центре внимания оказывался динамический аспект многоречного языкового пространства, в силу которого один и тот же говорящий может выступать в различных речевых ролях, реализуя разные аспекты своего речевого «голоса» в зависимости от коммуникативной ситуации и характера партнера. Тем самым разнообразие форм речевого выражения оказывается не разделяющим, а, напротив, интегрирующим фактором, поскольку позволяет говорящим адаптироваться к многообразию социальных ситуаций и друг к другу в процессе речевого общения.

Как это продемонстрировал целый ряд выступлений на семинаре, его участникам удалось выявить механизмы речевого поведения, позволяющего говорящему с полной естественностью переключаться из одного жанрового и стилевого пространства в другое. В этой перспективе сама социальная и локальная стратификация русского языка приобретала динамический характер, что позволяло по-новому поставить вопрос о языковой норме. Трудно выделить кого-либо из участников: практически все доклады, посвященные разным речевым жанрам и социальным речевым группам, эффективно перекликались друг с другом. Следует также отметить широту диапазона рассмотренного материала: тут и локальные и социальные варианты языка, и дискурсы Интернета и массовой культуры, и языковой мир школы, и, наконец, метаязыковые проблемы кодификации нормы и ее осознания самими говорящими.

Особенно важным достижением семинара стало активное участие в нем большой группы молодых исследователей — студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, с самого начала включенных в исследовательскую команду в рамках гранта и представивших результаты своей работы. В выступлениях молодых особенно порадовала четкость мысли, ясность исследовательской задачи и последовательность в ее реализации на конкретном материале. Следует отметить, что в этом отношении семинар стал, пожалуй, самым ярким примером сотрудничества различных университетов России.

Особенно интересными были сообщения *О. Асташовой* и *Е. Шульдиной*, посвященные характеристике «языковой личности» одного говорящего; *О. Ильиной* — о языке инонациональной русскоязычной газеты; *А. Огоновской* и *Т. Киришевой* — о языке различных жанров массовой коммуникации. Успех молодых исследователей позволил поставить вопрос о включении некоторых из них в число авторов будущей монографии. Конечно, большая заслуга в этом успехе принадлежит научным руководителям, и прежде всего соруководителю проекта профессору *Н. А. Купиной*.

В результате напряженной и интенсивной работы семинара у руководителей проекта сложилось ясное представление о концептуальном содержании будущей монографии, ее составе и структуре. Есть все основания ожидать, что книга, к работе над которой коллектив сейчас приступает, станет заметным научным событием.

Многоречие: проблемы изучения [Электронный ресурс] : тез. докл. и сообщ. Межвуз. науч. семинара с междунар. участием. Екатеринбург, 2013. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18219/1/many_lang_2013.pdf.

Борис Гаспаров, Columbia University
(Нью-Йорк, США)

ИНФОРМАЦИЯ

РАБОТА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.16

В 2012 г. совет провел 13 заседаний, на которых состоялись защиты трех докторских (по специальности 07.00.02 «Отечественная история» — 2; по специальности 07.00.03 «Всеобщая история» — 1) и 10 кандидатских диссертаций, в том числе 8 работ по специальности 07.00.02 «Отечественная история» и 2 диссертации по специальности 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)». Все диссертации отличались высоким научным уровнем и были нацелены на решение актуальных проблем отечественной и всемирной истории, внося несомненный вклад в развитие исторической науки.

Особенностью работы совета в 2012 г. стал интерес диссертантов к политической, социальной и социально-экономической тематике (см. таблицу). Большинство диссертаций (11 из 13) охватывает период новейшей истории Европы и России.

Тематика защищенных работ

Тематические направления истории	Количество диссертаций
Политическая история	4 (в т. ч. 1 докторская)
Социальная история	4
История экономики	3 (в т. ч. 2 докторские)
История культуры	1
История религии	1

Среди защищенных работ следует отметить три докторские диссертации, защита которых прошла в атмосфере конструктивной творческой дискуссии, что свидетельствует о появлении фундаментальных исследований в изучении проблем политической и экономической истории.

• В докторской диссертации **Николая Николаевича Баранова «Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии (1858–1918)»** нашла отражение тема, связанная с изучением исторического опыта левого политического либерализма как самостоятельного явления политической культуры Германии второй половины XIX — начала XX в. Значимость проведенного исследования определяется обращением к неисследованной в отечественной и зарубежной историографии проблеме. Большой интерес вызвала авторская концепция об особенностях формирования немецкого левого политического либерализма, который испытывал на себе мощное влияние немецких дихотомических традиций — имперства и партикуляризма, католицизма и протестантизма, монархизма и сословного конституционализма. Становление немецкого либерализма происходило в период Реставрации,

когда в Германии национальная буржуазия как класс еще не сложилась, а либеральные ценности под влиянием британского и французского опыта усваивались и воспроизводились в основном представителями традиционных городских слоев.

Н. Н. Барановым была предложена периодизация эволюции левого политического либерализма, включающая три основных этапа, в рамках которых прослеживается взаимосвязь эволюции либерализма с развитием политической системы и государственного строя Германии: 1) период становления в рамках общего либерально-демократического движения (1859—1867); 2) («классический») период принципиальной оппозиции государству Бисмарка по вопросам конституционно-правового государства и свободной рыночной экономики (1860—1880-е); 3) период, связанный с эволюцией либерализма в условиях империализма, в рамках которого проявилось стремление левых либералов к обновлению за счет создания массовой социальной базы и принципиальной поддержки германской «мировой» политики (1890-е — начало XX в.). Диссертация основана на изучении широкого комплекса архивных и опубликованных источников.

- В докторской диссертации **Владимира Николаевича Мамяченкова «Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946—1991 гг.»**, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук, рассматриваются проблемы изменения уровня жизни, доходов и расходов населения Среднего Урала во второй половине XX в. — времени становления индустриального общества. Автором проанализированы факторы, влияющие на изменение показателей материального благосостояния, выявлены циклические тенденции, которые определялись в значительной степени зигзагами политики государства. Диссертация основана на материалах бюджетных обследований второй половины XX в. и предлагает новый взгляд на эволюцию материальных условий жизни в советский период.

- **Сергей Алексеевич Баканов** представил к защите докторскую диссертацию **«Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка»**. Автор доказал возможность применения теории жизненного цикла, разработанной для анализа рыночной экономики, к изучению экономической истории России XX в. Сильной стороной диссертационного сочинения выступает опора на неинституциональный подход, теорию модернизации, теорию жизненного цикла товара (*product life cycle*), а также комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Эмпирическая база диссертации представлена широким кругом исторических источников, выявленных диссертантом в 46 фондах двух центральных (ГАРФ и РГАЭ), пяти региональных и трех муниципальных архивных учреждений. При характеристике динамики развития угольной отрасли на Урале С. А. Баканов разработал авторскую периодизацию развития отрасли, выделил основные факторы, влияющие на ее эволюцию, в том числе свертывание объемов производства. Диссертация формирует новый взгляд на экономические процессы, подчиненные в большей степени макроэкономическим факторам, чем политическим.

По специальности 07.00.02 «Отечественная история» в 2012 г. было защищено 8 кандидатских диссертаций, характеризующих разные проблемы российской истории.

- В диссертации **Сергея Анатольевича Белобородова «Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во второй четверти XIX — начале XX в. (На примере согласия беглопоповцев/часовенных)»** было проведено комплексное исследование социальной организации старообрядцев

(беглопоповцев/часовенных) горнозаводского Урала в переломный для истории согласия момент. Автором была детально изучена структура старообрядческого общества. Впервые в отечественной историографии приводятся систематизированные сведения о культовых зданиях, беглых священниках, скитах, святых местах. Установлено, что важнейшую роль в трансформации беглопоповщины сыграла не только репрессивная государственная политика, как это считалось раньше, но и внутренние процессы, проходившие в согласии в середине XIX в. Выявлены изменения, произошедшие в обрядовой практике старообрядцев при переходе на позиции беглопоповщины. Уточнены даты конкретных событий и биографии целого ряда ключевых фигур в истории уральского староверия. Диссертация вызвала большой интерес и дискуссию, показав актуальность и новизну постановки проблемы.

- Диссертационное исследование **Виктора Владимировича Шibaева «Организация управления лесным хозяйством уральских горных заводов в XVIII — первой половине XIX в.»**. посвящено вопросам организации «правильного лесного дела» на горных заводах. Автором отмечена роль личностного фактора в развитии отрасли. В XVIII в. большой вклад в развитие лесного дела внесли В. Н. Татищев и В. И. Геннин. В первой половине XIX в. постановкой этой отрасли занимались Н. М. Мальгин, И. И. Шульц, К. И. Мейер, А. Е. Теплоухов. В. В. Шibaевым было проведено комплексное исследование вопросов организации управления лесным хозяйством горных заводов во всей их сложности и противоречивости, разработана периодизация развития горно-лесного ведомства на Урале в XVIII — первой половине XIX в. Много внимания уделено мероприятиям государства и влиянию законодательства на этот процесс. Для изучения темы были использованы новые архивные документы, позволяющие проследить основные технологии управления на микроуровне.

- Проблемам внедрения научно-технических инноваций в промышленное производство на Урале в 1920-е гг. посвящена диссертация **Ирины Ивановны Васиной «Технико-экономические и научные отношения России и Германии (на материалах тяжелой промышленности Урала конца XIX — первой трети XX в.)»**. Автор исследовала вопрос влияния и роли Германии на процессы модернизации России, вклад немецких специалистов в развитие промышленности и инженерного образования на Урале. И. В. Васиной были выделены и охарактеризованы этапы развития двухсторонних отношений Урала и Германии: Первая мировая война, смена политического режима в государствах, курс на индустриализацию в СССР, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. В качестве основного методологического подхода была успешно использована теория диффузии, на основе которой охарактеризованы механизмы внедрения инноваций в уральскую промышленность, проведен анализ и сравнение различных форм российско-германского и советско-германского экономического сотрудничества. При изучении темы упор был сделан на привлечение архивных документов по истории российско- и советско-германских отношений 1894—1933 гг. Используемый автором комплексный подход позволил дать взвешенную оценку результатов взаимодействия России (позднее СССР) и Германии по вопросам технико-экономического и научно-образовательного сотрудничества.

- История деятельности Российского общества Красного Креста (РОКК) на региональном материале раскрыта в диссертационном исследовании **Анны Михайловны Олешковой «Эволюция организации и деятельности Российского общества**

Красного Креста во второй пол. XIX в. — 1917 г. (на материалах Урала)». Автором в ходе защиты было доказано, что региональные особенности не имели принципиального значения. Структура и принципы функционирования уральских учреждений Красного Креста строились по общероссийской модели и отражали в большей степени особенности модернизации позднеимперского периода. В числе характерных черт деятельности РОКК А. М. Олешковой были выделены активный рост численности краснокрестных учреждений; высокий авторитет начальников отделений. Одновременно подчеркивается незначительная роль священников в деятельности общества; отсутствие выраженных религиозных мотивов у сестер милосердия, что меняет взгляд на деятельность РОКК как религиозно-благотворительного общества. А. М. Олешковой были исследованы основные направления деятельности уральских отделений Российского общества Красного Креста со второй половины XIX в. до 1917 г. и отмечено, что в работу региональных учреждений общества были включены представители всех сословий и социальных групп при преобладании в социальной структуре чиновничества.

Результаты исследования основаны на глубоком анализе отечественной и зарубежной историографии, в том числе на английском и немецком языках; введении в научный оборот исторических источников, выявленных диссертантом в 24 фондах 2 федеральных и 5 региональных архивов, материалов периодических изданий, источников личного происхождения.

- В диссертации **Ольги Рамилевны Назмутдиновой «Бирское купечество конца XVIII — первой половины XIX века»** дается комплексная характеристика общественной, экономической деятельности купечества уездного города. Автор проследживает эволюцию купечества г. Бирска Уфимской губернии, раскрывает малоизученные аспекты его социокультурного облика, предпринимательской деятельности. На местных материалах автором показано, что торгово-предпринимательская специализация купечества напрямую зависела от социально-экономических и географических условий развития конкретного региона и города. Автором были выделены и охарактеризованы основные этапы развития г. Бирска: от военно-гарнизонного поселения до торгово-экономического центра уезда, и показано, как на становление купечества влияли разные факторы: государственная политика в сфере градостроительства и предпринимательства; крестьянское переселенческое движение и национальный фактор, деятельность местных органов управления. В диссертации представлена история отдельных купеческих фамилий и их вклад в развитие города, т. е. реализуется историко-биографический подход к пониманию социальных процессов. Это позволяет проследить эволюцию сословия через конкретные жизненные истории его представителей.

- Комплексный подход (статистический и антропологический) к изучению истории формирования профессиональной группы судей нашел отражение в диссертации **Ульяны Евгеньевны Головачевой «Судьи по земельным делам в Русском государстве XV — середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение»**. На основе статистических материалов автором были раскрыты основные тенденции и противоречия в развитии централизованной управленческой системы и судопроизводства по земельным делам. Диссертация реализует последовательный логический план изложения темы: много внимания уделено характеристике эволюции общерусского законодательства в земельной сфере и оценке динамики судопроизводственной деятельности в сфере разрешения конфликтов о земле. Анализ судей как социальной группы построен на принципах структурно-

функционального подхода: в диссертации приводится характеристика полномочий различных категорий должностных лиц, занимавшихся судом о землях; рассматриваются типовые механизмы назначения судей по земельным делам, их социальный облик, процедуры ведения дел (доклада).

В целом, автору удалось уточнить представления о судебной системе на этапе формирования централизованного государства. Используя в качестве основных источников акты, У. Е. Головачева предложила методiku их исследования, основанную на применении квантитативных методов. Это позволило оценить динамику судопроизводственной деятельности по земельным делам, уточнить персональный состав судей, разбиравших земельные споры, и их полномочия.

• В кандидатской диссертации *Сергея Сергеевича Бороздина «Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867–1914)»* уделено внимание проблеме формирования и эволюции официального политического курса в отношении мусульманского населения Туркестанского края и Бухарского эмирата. Исследование построено как на анализе отечественной и зарубежной историографии по изучаемой проблеме, так и на введении в научный оборот ранее неопубликованных источников, значительная часть которых выявлена в Центральном государственном архиве Узбекистана. С. С. Бороздиным показаны противоречия в среде российской правящей элиты по вопросам управления среднеазиатскими территориями; рассмотрены различные модели взаимодействия центральных органов власти с населением Туркестанского края и Бухарского эмирата. Значительное внимание уделено изучению антиправительственных настроений в среде местного населения, квинтэссенцией которых стало восстание 1916 г. Большой интерес вызвали выводы диссертанта об особенностях административного устройства Туркестанского края и вассального эмирата.

• Не менее актуальные вопросы были затронуты в диссертационном исследовании *Якова Анатольевича Лазарева «“Великороссийская” администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса»*. Автором был осуществлен глубокий анализ статуса и функционала институтов «великороссийской» администрации на Гетманской Украине. Диссертации свойствен полемический настрой, который проявился в критической оценке отечественной и зарубежной историографии по рассматриваемой проблеме, опровержении многих историографических мифов, связанных с интерпретациями причин и характера «включения» территории Гетманской Украины в состав Киевской губернии в годы Петровских реформ; преувеличении полномочий резидентов при гетманском дворе и малороссийской коллегии. Я. А. Лазаревым был уточнен статус и функционал киевских губернаторов, резидентов при гетманском дворе. Ценность диссертации придает широкое использование архивных документов, выявленных диссертантом в 12 фондах 3 федеральных архивов.

• В диссертации *Талайгюль Шабданбековны Турдубековой «Советско-иранские отношения в 1939–1941 гг.»* было рассмотрено влияние немецкого фактора на эволюцию советско-иранских отношений в 1939–1941 гг. На основе комплексного анализа опубликованных и архивных российских, британских, немецких, американских и итальянских документов были уточнены спорные выводы отечественной и зарубежной историографии по проблемам развития советско-иранских отношений в изучаемый период. В диссертации подробно освещены внутренние и внешние противоречия советской и иранской политики в отношении друг друга, вза-

имодействие СССР и Ирана по широкому кругу вопросов двусторонней, региональной и глобальной политики. Автор выделила этапы развития советско-иранских отношений, проследила их эволюцию от открытой враждебности до оформления союзнических отношений в торгово-экономической и политико-дипломатической сферах. В диссертации показана противоречивая роль Турции на разных этапах развития советско-иранских отношений, сделан вывод о заметном влиянии Великобритании на характер советско-иранских отношений, которое проявилось в попытках Лондона перетянуть Тегеран на свою сторону и включить его в процессы формирования антигитлеровской коалиции.

• Большой интерес вызвала кандидатская диссертация **Евгения Юрьевича Чемякина** «**«Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.**». В качестве объекта исследования диссертанта выступили «постколониальные исследования» — художественные и публицистические произведения писателей бывших колониальных стран, рассмотренные диссертантом как особый культурный феномен. Автором изучены условия возникновения и становления этого явления, а также влияние западноевропейской философии (марксизма, психоанализа, постструктурализма и деконструктивизма) и национально-освободительных идей на его развитие. В диссертации предложен новый подход к оценке «постколониальных исследований» как духовной практике переосмысления колониальной истории и постимперского развития диалога «Восток — Запад». Они стали неотъемлемой частью интеллектуального пространства современного мультикультурного общества, без которого невозможно понимание процессов и проблем межкультурного взаимодействия.

Достиженные диссертантами результаты прошли апробацию на многочисленных региональных, всероссийских и международных научных конференциях, активно используются в преподавательской работе, нашли отражение в публикациях авторов.

Во время дискуссий в ходе защит диссертаций подчеркивалась плодотворность и перспективность развития предложенных диссертантами подходов, в том числе внимание к личностному фактору. Больше внимания было рекомендовано уделять обоснованию теоретических аспектов исследования: уточнению понятийного аппарата, развитию методологии предметной области.

*Л. Н. Мазур,
ученый секретарь диссертационного совета*

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 317 с.

В сборнике опубликованы статьи, посвященные изучению деятельности польских и российских архивов по хранению и использованию документов в XVIII—XX вв., исследованию современных проблем архивной отрасли Польского и Российского государств, а также анализу влияния процессов информатизации на расширение и совершенствование функций архивных учреждений.

Бородина, Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири / Е. В. Бородина. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. — 308 с. (сер. «Очерки истории Урала» ; вып. 72).

Исследуются обстоятельства проведения судебной реформы Петра I (1717–1727) на Урале и в Западной Сибири. На основе широкого круга архивных материалов реконструирован и проанализирован процесс проектирования и создания органов суда в западных уездах Сибирской губернии (1708), представлена картина их функционирования и взаимодействия с другими административными учреждениями. Отдельная глава книги посвящена характеристике нормативно-правовой базы деятельности судов, анализу ведущейся в них делопроизводственной документации и объемов документооборота, выявлению источников финансирования региональных органов власти. Достоинством монографии является наличие главы о судебском корпусе и судебной активности населения Сибири в пореформенный период.

Документ. Архив. История. Современность : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 387 с.

В сборник включены материалы докладов участников IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском университете. В публикациях получили отражение проблемы источниковедения, теории, истории и организации архивного дела и делопроизводства.

Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 13. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 426 с.

Рассматриваются проблемы источниковедения, историографии и методологии отечественной истории, теоретические и практические вопросы организации архивного дела; публикуются архивные источники, а также статьи начинающих исследователей.

Документ в современном обществе. Общество в документе : тез. докл. V Всероссийской (с международным участием) студенческой науч.-практ. конф., 6 апреля 2012 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 286 с.

Публикуются материалы студенческой конференции, организованной историческим факультетом Уральского федерального университета в сотрудничестве с Российским государственным профессионально-педагогическим университетом и Нижнетагильской государственной социально-педагогической академией. Материалы объединены общей проблематикой — «Функционирование документа в современном обществе». Рассматриваются вопросы значимости документа в информационном и правовом пространстве, роль архивов в информационном обществе, проблемы современного делопроизводства.

Зайков, А. В. Римское частное право в систематическом изложении : учебник / А. В. Зайков. — М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012. — 418 с.

Книга создана на основе многолетнего чтения автором данной дисциплины студентам юридических факультетов ряда университетов. Многие представленные здесь разделы лежат в основе спецкурса «Суд и право Древнего Рима», читаемого на историческом факультете Уральского федерального университета, а также спецкурсов, читавшихся автором в разные годы в университете Париж-ХII Валь-де-Марн (Франция).

Изложение юридического материала снабжено большим количеством конкретных примеров (казусов), которые иллюстрируют теоретические положения курса и являются дидактическим материалом для семинарских занятий.

Куц, Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / Татьяна Куц. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 456 с.

Исследуется поздневизантийская интеллектуальная среда как целостный социокультурный феномен на основе анализа системы присущих ей ценностей и норм, идей и представлений, стереотипов деятельности и поведения, институциональных моделей и форм общения. Интеллекту-

альное сообщество рассмотрено с точки зрения его состава, особенностей функционирования и влияния на культурную реальность Византии последней трети XIV — первой половины XV в. Изучение интеллектуальной жизни Византии на фоне глубокого всестороннего кризиса империи позволяет ярче выделить уникальные черты византийской цивилизации, а также оценить способы сохранения классического наследия и характер его воздействия на европейскую культуру.

Мазур, Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX—XX в.) / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 472 с.

Рассматриваются проблемы эволюции уральской деревни в условиях становления индустриального общества и урбанизации. Исследуются пути и механизмы реконструкции деревни, основные факторы урбанизации сельской местности. Особое внимание уделяется миграции и политике государства в вопросах благоустройства сельской местности. Анализируются основные этапы сельской урбанизации и ее цивилизационные и региональные особенности, эволюция образа жизни крестьянства.

Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию : материалы докл. V Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и соискателей, Екатеринбург, 1 декабря 2012 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 166 с.

Публикуются материалы V Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и соискателей, организованной и проведенной историческим факультетом Уральского федерального университета. Материалы объединены общей проблематикой: исследования и интерпретация исторических источников. Хронологически доклады, включенные в сборник, охватывают различные периоды истории: от первобытных культур и древних цивилизаций до современности.

Мосин, А. Г. Род Демидовых / А. Г. Мосин. — Екатеринбург : Сократ, 2012. — 532 с. : ил.

Книга доктора исторических наук Алексея Мосина, продолжающая популярную серию «У истоков уральского предпринимательства», рассказывает о нескольких поколениях известных промышленников Демидовых — богатейших горнозаводчиках, щедрых благотворителей и меценатах, возведенных за свои заслуги перед государством в дворянское достоинство.

Семенов, О. В. Преображенская церковь и религиозная жизнь Малого Атлыма в начале XVIII — первой трети XX века : сб. док. и материалов / О. В. Семенов, А. Г. Мосин. — Екатеринбург : Волот, 2012. — 240 с.

Сборник содержит подлинные документы по истории Преображенской церкви и религиозной жизни ее прихода. В приложении к сборнику дан список фамилий жителей прихода.

Смирнов, С. В. Отряд Асано. Русские воинские формирования в Маньчжоу-Го, 1938—1945 / С. В. Смирнов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 156 с. : ил.

Монография посвящена одной из малоизученных страниц российской эмиграции в Китае — деятельности русских воинских формирований в «независимом» государстве Маньчжоу-Го. Опираясь на новые документальные материалы, автор детально описывает историю существования русских воинских отрядов на протяжении 1938—1945 гг.

Шашков, А. Т. Избранные труды / А. Т. Шашков. — Екатеринбург : Изд-во Баско, 2013. — 736 с. : ил.

Публикуются исследования известного историка и археографа Анатолия Тимофеевича Шашкова (1953—2007). Сборник избранных трудов в полной мере отражает круг научных интересов автора: история и культура старообрядчества, общественное сознание, народная религиозность, книжность, освоение Урала и Сибири.

ЮБИЛЕИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА И. Н. ЧЕМПАЛОВА

29 октября 2013 г. исполняется 100 лет со дня рождения профессора, доктора исторических наук Ивана Никаноровича Чемпалова, создавшего известную научную школу уральских историков-международников.

Путь в историческую науку для Ивана Никаноровича не был простым. Вначале сферой его деятельности была геология. Закончив два курса Миасского горного техникума, Иван Чемпалов начал работать в геологоразведочных партиях. Вдоль и поперек исходив Вишневые горы, что находятся в Челябинской области, он стал признанным знатоком их недр. В 1937 г. И. Н. Чемпалов

поступил на рабфак одного из вузов Челябинска и за один год прошел всю программу школы с 7-го по 9-й класс. В 1938 г., с намерением поступить на геологический факультет Уральского университета, он приезжает в Свердловск, где узнает, что этот факультет переведен в Пермь, но зато открыт исторический факультет. Иван Никанорович сделал неожиданный для многих шаг — поступил учиться на первый курс исторического факультета. Однако вскоре учебу на очном отделении пришлось прервать. В 1940 г. И. Н. Чемпалов по причине тяжелого материального положения вынужден был возвратиться в Челябинск и пошел работать на абразивный завод техником по сырью, продолжая наездами посещать Свердловск и сдавать экзамены за 3-й курс исторического факультета. 22 июня 1941 г. студент Чемпалов, готовясь к очередному экзамену, узнал о начале войны и на следующее утро вместе со своими товарищами уже был в военкомате, где ему было предложено вернуться по месту призыва в Челябинск, где он был извещен, что на него как специалиста оборонного завода распространяется бронь. Только в феврале 1943 г. заместитель начальника цеха обогащения И. Н. Чемпалов смог добиться зачисления в Уральский добровольческий танковый корпус. В составе корпуса Иван Никанорович оказался в боях на Брянском фронте, участвовал в битве на Курской дуге, разгроме Квантунской армии. И. Н. Чемпалов закончил войну на Дальнем Востоке. Только после окончания войны и демобилизации, вернувшись в Уральский университет, в 1948 г. он заканчивает истфак. Позднее Иван Никанорович шутил, что, поступив в 1938 г., он с отличием окончил университет в 1948, проучившись, таким образом, 10 лет!

Как подающий большие надежды выпускник он был оставлен в университете на преподавательской работе в качестве старшего преподавателя кафедры всеобщей истории. Еще будучи студентом, И. Н. Чемпалов заинтересовался международными отношениями Новейшего времени. Первый же разработанный и прочитанный им спецкурс увлек многих студентов-историков. На лекциях, семинарских занятиях, которые проводил преподаватель И. Н. Чемпалов, в созданном им студенческом научном кружке начиналось формирование будущей школы уральских историков-новистов. Параллельно с преподавательской работой аспирант Чемпалов напряженно трудился в столичных библиотеках и архивах.

В 1953 г. И. Н. Чемпалов в Москве защитил кандидатскую диссертацию «Итало-германская агрессия против Греции и позиция Англии и США (1940—1941 гг.)». Последовавший затем период стал для Ивана Никаноровича временем постоянных научных исканий и плодотворных итогов. И. Н. Чемпалов значительно расширил первоначальные рамки своих исследований. Одним из первых среди отечественных историков он начал изучать осуществлявшуюся в 1933—1939 гг. экспансию нацистской Германии на юго-восток Европы и далее, через Балканы и Турцию, на Ближний Восток с его нефтяными богатствами. В научных работах И. Н. Чемпалова, опубликованных в 1950—1960-е гг., посвященных борьбе западных держав и держав фашистской оси Берлин — Рим в Юго-Восточной Европе и Турции, фактически были намечены хронологические рамки и географический регион исследований большой группы его

учеников. В 1962 г. И. Н. Чемпалов первым из уральских историков получил возможность работать в зарубежных архивах. На стажировке в Болгарии он выявил в архивах Софии целый пласт уникальных документов, позволивших по-новому взглянуть на многие проблемы международных отношений кануна и начального периода Второй мировой войны. 2 июля 1973 г. И. Н. Чемпалов защитил в Пермском университете докторскую диссертацию «Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933—1939 гг.)». В 1976 г. он получил ученое звание профессора.

Последовавшие за защитой докторской диссертации годы были для него годами постоянных научных исканий и плодотворных итогов. Обогащенный изучением международных отношений кануна войны, с середины 1970-х гг. профессор И. Н. Чемпалов сосредоточил исследовательскую работу на изучении политики великих держав, прежде всего Англии и США, на Балканах и Ближнем Востоке в 1939—1941 гг.

Основным научным направлением возглавленной И. Н. Чемпаловым кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета стала коллективная тема «Международные отношения и политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны». Создание кафедры позволило расширить тематику исследований, активней развивать научные связи с академическими институтами и аналогичными кафедрами других вузов. Стажировки преподавателей кафедры в университетах и научных центрах Италии, Великобритании, Болгарии, Германии, Югославии, Франции позволили существенно расширить источниковую базу исследований уральских международников за счет зарубежных архивных материалов.

По его инициативе и под его руководством с середины 1960-х гг. на кафедре новой и новейшей истории началась разработка комплексной научной темы «Международные отношения и политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны». Результаты исследований коллектива кафедры в виде научных статей публиковались в издававшемся с конца 1960-х гг. под редакцией И. Н. Чемпалова университетском сборнике «Балканы и Ближний Восток в Новейшее время», впоследствии ставшим межвузовским. До начала 1990-х гг., когда издание по причине свертывания финансирования вузовской науки было прекращено, было выпущено 22 сборника (названия отдельных выпусков менялись, но статьи по ближневосточной тематике в них публиковались постоянно). И. Н. Чемпалову принадлежит серия статей, в которых на широкой источниковой базе, включая неопубликованные дипломатические документы из архивохранилищ Болгарии, освещена политика великих держав в отношении Турции в 1933—1941 гг.

Фактически профессору И. Н. Чемпалову принадлежит основополагающая роль в становлении и развитии в Уральском университете исследований в области истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке в Новейшее время. Глубоко занимаясь изучением германской экспансии в Юго-Восточную Европу в период 1939—1941 гг., И. Н. Чемпалов выдвинул и серьезно обосновал звучавший как формула тезис об одном из

важнейших направлений агрессии нацистской Германии — «через Балканы на Ближний Восток», к черноморским проливам, турецкой хромовой руде, богатейшим запасам нефти стран Персидского залива и Аравийского полуострова, к овладению позициями Англии и Франции в этом стратегически важном регионе и созданию плацдарма для последующего захвата Британской Индии.

Ряд кандидатских диссертаций учеников И. Н. Чемпалова написан по ближневосточной тематике. Следует назвать диссертации П. К. Тарасова «Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936—1939 гг.)»; В. Н. Грак «Борьба империалистических держав за господство на Ближнем Востоке в начале Второй мировой войны (июнь 1940 — июль 1941 гг.)»; В. А. Бабинцева «Политика империалистических держав на Ближнем Востоке в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1940 гг.)»; В. А. Кузьмина «Политика европейских великих держав на Ближнем Востоке накануне Второй мировой войны (1933—1939 гг.)»; В. А. Кокшарова «Деятельность американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии (1933—1945 гг.)».

В 1994 г. В. А. Кузьмин защитил докторскую диссертацию «Подготовка и заключение Саадабадского пакта 1937 г.», посвященную малоизвестным страницам истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в период между двумя мировыми войнами. С 2000 г. В. А. Кузьмин возглавляет созданную им в составе факультета международных отношений Уральского университета кафедру востоковедения.

В дальнейшем под руководством В. А. Кузьмина его аспирантами был написан и успешно защищен ряд кандидатских диссертаций по истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке. Среди них следует назвать диссертации Г. Н. Валиахметовой «Борьба великих держав и нефтяных компаний за иракскую нефть (1912—1928 гг.)», Н. М. Галиакбаровской «Советско-турецкие отношения в 1939—1941 гг.», Е. В. Соболева «Англо-американское соперничество за нефть арабских эмиратов Персидского залива (1923—1938 гг.)», В. В. Хренова «Вступление Турции в НАТО в контексте ее участия в Корейской войне на стороне сил ООН», Т. Ш. Турдубековой «Советско-иранские отношения в 1939—1941 гг.» В 2010 г. Г. Н. Валиахметова успешно защитила в Институте востоковедения РАН докторскую диссертацию «Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке (1932—1941 гг.)», с 2012 г. она стала работать в должности профессора кафедры востоковедения УрФУ. Г. Н. Валиахметова — автор большого числа статей и нескольких научных монографий по проблемам борьбы за нефтяные богатства Ближнего Востока.

В рамках проблематики, связанной с историей международных отношений и политикой великих держав в Восточном Средиземноморье, Северной Африке и на Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны, защищена докторская диссертация, опубликованы монография и серия научных статей профессора кафедры новой и новейшей истории ИГНИ УрФУ А. Г. Чевтаева, серия статей и кандидатская диссертация «Итальянская агрессия против Эфиопии и позиция Франции (1932—1936 гг.)» доцента кафедры европейских

исследований Т. П. Нестеровой. Труды международников-ближневосточников из Уральского университета получили положительные отзывы в отечественной и зарубежной историографии.

Учебно-методической работой в области преподавания общих и специальных курсов по истории стран Азии и Африки наиболее активно занималась ученица И. Н. Чемпалова доцент В. Н. Грак, накопившая богатый опыт в чтении лекций, проведении семинарских занятий, коллоквиумов, собеседований со студентами. Имеют методические разработки по различным аспектам изучения студентами истории, языков, религий стран Востока представители чемпаловской школы международников профессора В. А. Кузьмин, Г. Н. Валиахметова, доценты В. А. Бабинцев, Э. А. Замов, Н. М. Галиакбарова и др.

Таким образом, можно заключить, что благодаря усилиям профессора И. Н. Чемпалова в Уральском федеральном университете сложилось целое научное направление востоковедов-международников, представленное уже несколькими поколениями исследователей, создана серьезная источниковая база в виде широкого круга дипломатических документов и других материалов, выявленных его учениками в зарубежных архивах, заложены прочные основы для продолжения научно-исследовательской работы в области дальнейшего изучения многоаспектных процессов международных отношений и политики отдельных государств в таком значимом регионе планеты, каким является Ближний Восток.

В. А. Кузьмин

Сведения об авторах

Аболина, Татьяна Михайловна (tatyanalobova@gmail.com). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Кандидат филологических наук (2008), зав. сектором зональной научной библиотеки Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-33-81). Сфера научных интересов — эстетика романтизма, творчество М. Ю. Лермонтова, социокультурные исследования детства, детская литература.

Баранов, Николай Николаевич (baranov61@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Доктор исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32). Сфера научных интересов — германистика, история международных отношений.

Быстров, Никита Львович (nikita-bystrov@yandex.ru). Выпускник философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1990). Кандидат философских наук (1997), доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-70; aesthetics@yandex.ru). Сфера научных интересов — русская религиозная эстетика, эстетика и поэтика русского символизма, онтологические основания индивидуальных поэтических систем.

Высокова, Вероника Витальевна (vyssokova@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1988). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32). Сфера научных интересов — история исторической науки.

Гаспаров, Борис Михайлович. Доктор филологических наук, профессор Колумбийского университета. Автор более ста работ по музыковедению, языкознанию и литературоведению.

Глушкова, Светлана Игоревна. Доктор политических наук, заведующая кафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, Приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

Городецкая, Наталья Борисовна (Chydik17@mail.ru). Выпускница Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2011). Аспирант кафедры новой и новейшей истории УрФУ (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32). Сфера научных интересов — славяноведение, балканистика.

Ермакова, Ольга Константиновна (ermakovaok@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009). Кандидат исторических наук (2013), младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; (343)374-53-40). Сфера научных интересов — история российско-европейского взаимодействия и взаимовлияния, иностранцы в России.

Запарий, Юлия Владимировна (julia.zapariy@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-32). Сфера научных интересов — история международных отношений и международных организаций, история ООН.

Иоффе, Всеволод Александрович (Seva.ioffe@gmail.com). Аспирант Практической школы высших исследований (Париж, Франция).

Козлов, Александр Сергеевич. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1971). Кандидат исторических наук (1975), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-38). Сфера научных интересов — история Римской империи и ранней Византии, Западной и Центральной Европы V—XI вв., история средневековой исторической мысли, история раннесредневековых кочевых народов.

Лаптева, Елена Ростиславовна (E.rostislavna@g-mail.com). Выпускница филологического факультета Курганского государственного педагогического института (1995). Кандидат филологических наук (2002), доцент кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (620137, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30; (343) 341-24-78). Сфера научных интересов — взаимодействие литературного текста и музыкального либретто, проблемы интерпретации отечественной классики.

Любимова, Ольга Владимировна (lov800@yandex.ru). Выпускница Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (2001). Помощник директора Всероссийского научно-исследовательского института геологических, геофизических и геохимических систем, соискатель кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — политическая борьба в Древнем Риме в период гражданских войн I в. до н. э.

Мазур, Людмила Николаевна (Lmaz@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Доктор исторических наук (2006), профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-32). Сфера научных интересов — сельская история России XX в., источниковедение, методы исторического исследования.

Мельчакова, Ольга Анатольевна (istrus@usu.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1975). Старший преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-67-09). Сфера научных интересов — частная горнозаводская промышленность Урала конца XVIII — начала XIX в., система управления и социального регулирования Нижнетагильским горнозаводским хозяйством Демидовых.

Мушников, Елена Николаевна (helenmush@list.ru). Выпускница Таганрогского государственного педагогического института им. А. П. Чехова (2008). Аспирант кафедры общего языкознания ТГПИ (тел. (8634) 60-13-03).

Нефедов, Сергей Александрович (hist1@ya.ru). Выпускник Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1973). Доктор исторических наук (2007), ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; (343)374-53-40). Сфера научных интересов — экономическая история, военная история.

Охлупина, Ирина Сергеевна (sleepingsun83@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2007), кандидат исторических наук (2011), ассистент кафедры Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — житийная литература, агиография, история Византии, образы святости, святые женщины, византийские женщины, византийские императрицы.

Павленко, Алексей Павлович (pavlenko-09@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2011). Аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; (343)350-27-08). Сфера научных интересов — революция 1917 г., вооруженные силы России в начале XX в., социально-политическая история морского офицерства.

Перевалова, Ольга Андреевна (olgaaperevalova@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2012). Учитель русского языка и литературы гимназии № 47 (г. Екатеринбург, ул. Советская, д. 24а), аспирант кафедры русской литературы УрФУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; (343)350-75-92). Сфера научных интересов — проблемы поэтики и эволюции жанров русской лирики.

Постникова, Екатерина Георгиевна (ekaterinapost@mail.ru). Выпускница Магнитогорского государственного педагогического института (1992). Кандидат филологических наук (2000), доцент кафедры журналистики Магнитогорского государственного университета (450038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114; (3519)38-49-38). Сфера научных интересов — творчество Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрин.

Садомина, Наталья Сергеевна (goгуаeva3@yandex.ru). Выпускница Института языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета (2010). Аспирант ЮГУ (628012, Тюменская область, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; (3467)357-767; ugrasu@ugrasu.ru). Сфера научных интересов — сравнение в хантыйском языке.

Суровень, Дмитрий Александрович (Yamato.ur@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1989). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; sea003@usla.ru, igr@usla). Сфера научных интересов — история общества, государства и права древней и раннесредневековой Японии, история Восточной Азии в период древности и раннего Средневековья, процессы формирования классового общества и государства, варварские общества и государства.

Сухих, Маргарита Павловна (mps1986@rambler.ru). Выпускница Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Эксперт сектора психолого-лингвистических экспертиз отдела исследования документов ФБУ Уральского РЦСЭ Минюста России, аспирант кафедры современного русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92). Сфера научных интересов — неология, неография.

Филиппова, Наталья Алексеевна. Доктор юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (628412, Тюменская обл., ХМАО-Югра, Сургут, пр. Ленина, 1; (3462)76-29-00).

Чудинов, Александр Викторович. Выпускник исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (1984). Доктор исторических наук (1997), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, директор

Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока РГГУ, главный редактор «Французского ежегодника», лауреат премии им. А. Леруа-Болье. Сфера научных интересов — история Великой французской революции, история европейской общественно-политической мысли.

Шаманаев, Андрей Васильевич (shamanaev@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1993). Кандидат исторических наук (2002), доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — археология, история археологии, охрана историко-культурного наследия, история охраны памятников старины.

Юмашева, Юлия Юрьевна (juliayu@yandex.ru). Выпускница исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1991). Кандидат исторических наук, заведующая Лабораторией автоматизированных архивных технологий Всероссийского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) (117393, Москва, ул. Профсоюзная, 82; (495)334-46-46). Сфера научных интересов — прикладная информатика: использование информационных технологий в исторических исследованиях, а также в архивном, музейном и библиотечном деле; базы данных в исторических исследованиях; оцифровка объектов историко-культурного наследия.

SUMMARY

HISTORY

Yumasheva, Yu. Yu.

All-Russian Research Institute of Documentation and Archives

juliayu@yandex.ru

Digitizing Russian Cultural Heritage: Normative and Methodical Regulation

The article deals with the content of the first Russian normative methodic document regulating the process of electronic (digital) copying of archival materials and objects of historical and cultural heritage from Russian museums and libraries.

Key words: methodic recommendations, digitization, archival documents

Lyubimova, O. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University

lov800@yandex.ru

Marriage Unions as a Political Instrument in the Late Roman Republic (1st Century BC): the Family of Crassus the Triumvir

The author considers the marriage unions of Marcus Crassus and his sons in the context of his head of family policy. Contrary to many researchers' opinion, the marriages of Crassus' sons do not give evidence of his conservative policy. The marriage of Marcus Licinius to Caecilia Metella strengthened the union of his father with Metellus Creticus against their common enemy Pompeius. Until 52 BC, Metellus Scipio was at enmity with Cato and his entourage who constituted the most conservative group. The marriage of Publius Crassus to Metellus' daughter provided the triumvir with the friendly neutrality of the noble and influential politician. Rumours about the supposed adultery of Crassus' wife Tertulla were disseminated by the triumvir's enemies in order to set Crassus at odds with Caesar, but it is doubtful that those speculations enjoyed people's confidence.

Key words: Marcus Crassus the Triumvir, First Triumvirate, Optimates, Metellus Creticus, Metellus Scipio, marriage unions

Suroven, D. A.

Yekaterinburg, Ural State Law Academy

Yamato.ur@mail.ru

The Preparation of the Korean March to Silla by Empress Jingy in 346 AD. Okinaga-tarashi-hime in Central Japan

The article provides a comparison of local sources from Central Japan and Ancient Japanese official sources about the preliminaries of Empress Jingy's military campaign to Silla in 346 AD.

Key words: Ancient Japan, Yamato, Чыяй, Jingy, Okinaga-tarashi-hime, Shiragi, Silla, Samhan, campaign of 346 AD, Kojiki, Nihon Shoki, Shinsen Shoji-roku, Sumiyoshiki, Sendai Kuji Hongi, Samguk Sagi

Okhlupina, I. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
sleepingsun83@mail.ru

The Images of Mothers in Byzantine Hagiography

The article is devoted to the study of the images of Byzantine mothers associated with the saints celebrated in Middle Byzantine hagiography, as well as the images of canonized mothers. The author establishes functions of the “maternal narrative” within the stories, the mother being either a preceptor of the saint, his follower or a kind of a “fairy-tale villain”, and demonstrates the influence of the cult of the Mother of God upon the characters of saint mothers. Additionally, the author argues that the deviant forms of mothers’ behavior in hagiography are due to the dissipation of family property and adultery, and concludes that the images of ideal and vicious mothers correspond to the axiological and ideological paradigms proper to Byzantine society and to the behavioral logic of medieval man.

Key words: Byzantine Empire, hagiography, image of mother, saint’s mother, Byzantine literature, saint women, Mother of God

Ioffe, V.

École pratique des hautes études (Paris, France)
Seva.ioffe@gmail.com

The University Quarter in the Urban Space of Paris (Late 14th – Early 15th Centuries)

Founded in the early 13th century, the University of Paris soon claimed a part of the urban space, the “corporation of scientists” being able to gradually override a wide but compact quarter on the left bank of the Seine. The quarter was not homogeneous. Like the University which emphasized its special position within the space of the city, the quarter’s structural units also aspired to delimit its space. The article focuses on the different forms of spatial relations which existed between the two worlds – the University and the city.

Key words: Middle Ages, Paris, university, Latin Quarter, organization of space, spatial relations

Vysokova, V. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
vysokova@mail.ru

Scottish Enlighteners and Their Circle of Ideas

The article focuses on specific features of the Scottish Enlightenment in the 18th century all-European intellectual context. With reference to the Scottish enlighteners, the author studies the emergence of the “public sphere” (flourishing of voluntary societies, clubs and active discussions on the major problems of the epoch), describing the Scottish enlighteners’ contribution to the development of moral philosophy, political economy and historical research.

Key words: Enlightenment, republic of letters, David Hume, political economy, historicism, moral philosophy

Melchakova, O. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
istrus@usu.ru

Foreigners at the Court of Pavel I: Reception Ceremonies

The author analyzes documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs, chamber fourriers’ journals, memoirs, and correspondence containing any information about the ceremonial etiquette at the receptions of foreign diplomats, monarchs and other foreigners at the court of the Russian Emperor Pavel I. The article concludes that Pavel’s audience of foreigners became particularly pompous and strictly regulated after he received the title of Grand Master of the Knights Hospitaller.

Key words: Pavel I, foreign diplomats, diplomatic ceremonial, court ceremonial

Yermakova, O. K.

Yekaterinburg, Institute for History and Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Ural Branch
ermakovaok@mail.ru

Western European Specialists within the Technical Elite of Ural Region: Social and Cultural Adaptation (Early 19th Century)

The article deals with labor contracts, judicial and investigatory documents and clerical records relating to the problem of Europeans' adaptation to the life in Russian province and their integration into the social and cultural environment of Ural Region. The author points out the signs of the abovementioned specialists' belonging to the Ural technical elite and traces the complicated relations of the European workers with the local population, the basic forms of their interaction, the reasons for conflicts as well as the evidence of the foreign diasporas' desire for isolation.

Key words: Western-European specialists, foreigners, social and cultural adaptation, technical elite, Urals

Pavlenko, A. P.

Yekaterinburg, Ural Federal University
pavlenko-09@yandex.ru

Vice-Admiral A.V. Kolchak's Political Activity (February – June, 1917)

With reference to archival and published sources (management records, personal documents, periodicals), the article reconstructs A.V. Kolchak's political activity at the beginning of the Revolution of 1917. The main sources of the research are made up by documents and materials kept in the Russian State Archive of the Navy. The author studies Kolchak's attitude towards the Russian Provisional Government and Revolution, his interaction and conflicts with the unions and committees, and measures to sustain the Black Sea Fleet's combat capability, concluding about Kolchak's flexibility as a politician on the one hand and, along with that, his uncompromising stand when it came to problems of his primary concern, i.e. the Fleet's fighting capacity and stability of the political situation during World War I. Kolchak's political views in 1917 may be defined as moderate-conservative.

Key words: vice-admiral A.V. Kolchak, social and political activity, Revolution of 1917, Black Sea Fleet, military forces democratization, Sebastopol Committee of Deputies of the Army, Fleet and Workers, Russian Provisional Government, conflicts between officers and sailors.

Nefedov, S. A.

Yekaterinburg, Institute for History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch
hist1@ya.ru

Military Revolution Theory: Half a Century Later

The author gives a brief historiographic review of works on the theory of military revolution, focusing their attention on the use of the theory in question to study Russia's history and the problem of connection between the military revolution and the establishment of absolutism.

Key words: military revolution theory, 16-17th centuries, Western Europe, Russia, enginery, financial reforms, bureaucracy, absolutism

Zapariy, Yu. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
julia.zapariy@mail.ru

A Sketch of a New World: American Projects of an International Peacekeeping Organization (1939–1944)

The author explores the role of the US in the formulation of the United Nations Organization Charter. With reference to a variety of sources, the author analyzes the evolution of the US

administration's approaches to the notion of the international organization and its role in the post-war world, describing the factors that conditioned the position of the US in the UN organization establishment. The author analyzes the proposals drafted for the structure of the future organization by the US in 1939-1944. In the article, special attention is paid to the study of F. Roosevelt's administration's motivation in their activity to draw the international organization's peace-keeping projects.

Key words: American diplomacy; World War II, UNO history, UNO Charter, F.D. Roosevelt, peacekeeping projects.

Gorodetskaya, N. B.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Chydik17@mail.ru

Yugoslavia at the Threshold of a Systemic Crisis (1960s – 1970s)

The author studies two reasons underlying the 1980s crisis in the SDR Yugoslavia and dating back to the 1960s-1870s, i.e.1) turning of the country into a confederation as a result of a constitutional reform; 2) the beginning of suppression of any dissent among the intellectual elite of all the republics. With reference to archival and published documents as well as Russian and foreign studies, the author concludes that as early as the 1960s and 1970s Yugoslavia was heading to a crisis, the country's breakup and bloody wars.

Key words: Yugoslavian crisis, Dobrica Жосиж, Aleksandar Rankoviж, Josip Broz Tito, intellectual elite, constitutional reform.

PHILOLOGY

Perevalova, O. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
olgaaperevalova@yandex.ru

Genre Variety of the Meta-Prayer in Russian 19th Century Poets' Works

With reference to metalyrical poetry, the author draws a genre model of the meta-prayer, a variety of the poetic prayer. Basing their analysis on Russian 19th century lyrical poetry, the author shows the constructive features of the genre form in question, making a content-oriented typology of meta-prayers. The analysis of individual works makes the author conclude about the reduction of genre features and meta-textual reflection as a main way of evolution of the prayer as a genre in the Russian poetry of the early modern period.

Key words: poetic prayer, genre variety, meta-lyrical poetry, self-reflection, meta-prayer, M.Yu. Lermontov, I.F. Annensky, A.N. Maykov, Yu.V. Zhadovskaya.

Abolina, T. M.

Yekaterinburg, Ural Federal University
tatyanalobova@gmail.com

Lermontov's *Princess Ligovskaya* Within the Poetic Cycle Dedicated to Lopukhina

The author studies the structure, the elements, and the system of images and motifs of Lermontov's cycle dedicated to V.A. Lopukhina analyzing his *Princess Lopukhina* novel and describing its biographical, historical and literary basis, and its intertextual connections with A.S. Pushkin's *Eugene Onegin*. The author concentrates their attention on women's emancipation, concluding that the aforementioned problem is reflected in Lermontov's work as disputing Pushkin's Tatiana Larina's attitude, and sympathizing with women's position in society, criticizing the modern habit of marriages of convenience with women's subjection as a result thereof.

Key words: M.Yu. Lermontov, V.A. Lopukhina, A.S. Pushkin, cycles, literary characters, intertextuality, emancipation.

Lapteva, E. R.

Yekaterinburg, Ural Federal University
E.rostislavna@g-mail.com

The Mermaid Theme as Interpreted by A.S. Dargomyzhsky: on Creating a Libretto

The archetypal plot relating of a mermaid unites a complex of common motifs, i.e. marriage, betrayal, deceived expectations, death, and revenge. The mermaid plot enjoyed a particular popularity in the 19th century, thus, it is not by chance that A.S. Pushkin and A.S. Dargomyzhsky paid attention to it. In Pushkin's dramatic work, the story turns tragic and completely devoid of any of its comic characteristics. In Pushkin's drama, the mermaid plot became complete and conceptually more integral, while in A.S. Dargomyzhsky's opera it acquired psychological depth and richness. Pushkin's text attracted the librettist as an inexhaustible source of creative self-expression, bearing the previous cultural experience.

Key words: A.S. Dargomyzhsky, A.S. Pushkin, mermaid theme, opera, libretto, archetypal scheme, psychological insight.

Postnikova, E. G.

Magnitogorsk State University
ekaterinapost@mail.ru

The Phenomenon of Power in F.M. Dostoyevsky's *The Double*

The author maintains that in Dostoyevsky's early works the topic of power is closely connected to the one of the hierarchic society. Employers are depicted as a sacral force of its own, and disrespect of the authority may turn fatal with punishments in the form of a disease or death. Dostoyevsky's *The Double* re-mythologizes the pre-Christian idea of authority as a magical force connected with the world of the dead and ancestors.

Key words: Dostoyevsky, power, hierarchy, imposture, doubleness.

Bystrov, N. L.

Yekaterinburg, Ural Federal University
nikita-bystrov@yandex.ru

Movement and Immobility in V. Ivanov's Poetic World

The author explores the space in Vyacheslav Ivanov's poetry, so organized that its subjectness gradually turns into its own self, as if shifting from the material sphere where there exists the possibility of movement into the sphere of incorporeal existence, where the extensive outer movement ceases, actualizing the new inner ideal dynamics. The author analyzes the emerging effect of "movement in immobility", or even "motionless movement" when its subject, the lyrical hero, though being at rest, preserves the capability to ascend to a more and more perfect state of his own and the world's being. For their research, the author employs the method of phenomenological analysis made with reference to poems from various books by Vyacheslav Ivanov.

Key words: Vyacheslav Ivanov, poetic world, space and time, transcending view, sense limit, memory, reverse time.

Sadomina, N. S.

Yugra State University
goryaeva3@yandex.ru

Structural and Semantic Peculiarities of Comparison in the Khanti Language (with Reference to Shuryshkar and Kazym Dialects)

The article studies the means of expression of comparison in the Khanty language with reference to the modern material of the Shuryshkar and Kazym dialects, revealing the grammatical means of comparison and their usage peculiarities depending on the dialect. The author analyzes the models of comparative structures formed according to the nominal type, along with their structural and semantic characteristics.

Key words: Khanty language, comparative construction, indication of comparison, model.

Sukhikh, M. P.

Yekaterinburg, Ural Federal University
mps1986@rambler.ru

Derivational Types of Substantive Neologisms in D. Revyakin's Poetic Texts

The article considers the derivational types of substantive neologisms in the poetic texts of Dmitri Revyakin, a modern rock poet, giving a detailed description of the word-formative means of such textual units, both systemic linguistic and coined by the author. As a result of the analysis, the author reveals the most significant functions of neologisms in Revyakin's texts, namely, the nominative, and expressive, as well as the functions of drawing attention to the context and supporting of contextual meanings.

Key words: rock poetry, neologism, noun, derivational type, D. Revyakin.

Mushnikova, E. N.

Taganrog State Pedagogical Institute
helenmush@list.ru

The *Golubchik/Golubushka* Address in Russian Writers' Speech Etiquette and Modern Tendencies

The article studies the problem of etiquette forms of address and the possibility to include the metaphoric pair *golubchik/golubushka* (English: *dove*) into their range. These animalistic names being extensively used as vocatives in works by Chekhov are very well motivated by their linguistic peculiarities within the system of linguistic units.

Key words: animalistic names, anthroponym, vocative, address, zoological metaphor, lexeme, connotation, etiquette.

THE MEMORY OF HISTORY AND THE HISTORY OF MEMORY

Mazur, L. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Lmaz@mail.ru

The Image of the Past: Historical Memory Formation

The author studies the theoretical and methodological issues connected with the study of historical memory, the approaches to the definition of "historical memory", its structure, and mechanisms of formation. Considerable attention is paid to the characteristic of sources of historical memory study, and the methodical aspects of its reconstruction in historical research.

Key words: historical memory, structure and types of memory, sources and mechanisms of historical memory formation, patterns of historical memory functioning, reconstruction of the image of the past.

Chudinov, A. V.

Moscow, Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences

Horses in Churches: a Topos of Russian Popular Memory of the War of 1812

Though the Russian folklore on the war of 1812 against Napoleon is quite abundant, it does not immediately correspond to the real events. The unknown authors of folk songs, tales and legends described this conflict using the same images and verbal constructions as it had been used previously for descriptions of wars of ancient times. But there is one topos that may seem an exception to this rule, namely the image of Orthodox Christian churches turned into stables by the French. The description of the French militaries guiding their horses into Orthodox churches is one of the most popular topics in the Russian folklore on the war of 1812. There exists a lot of reliable evidence that the French did it. Nevertheless, the author of the article demonstrates that the plot in question is not reality reflected by folklore but a coincidence of real events and oral tradition. The authors of Russian folklore constructed the image of the French according to the ancient archetype of foreign enemy,

attributing to them all his characteristics, including hostility towards Orthodox Christian sacred places. One of such traditional sacrileges of the archetypical enemy was herding horses into Orthodox churches. Though the real French had no any sacrilege purpose and guided their horses into churches only out of practical need, though they did not commit any other archetypical sacrileges like, i.e. the destruction of temples, this particular coincidence of their behavior with the traditional behavior of the archetypal enemy was accepted by Russian common people as a proof of the religious nature of this war on the whole.

Key words: Patriotic War of 1812, folklore, topos, archetype, peasant culture, enemy image.

Shamanaev, A. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University

shamanaev@mail.ru

Cultural Heritage Loss during the Crimean War

The article deals with the problem of cultural heritage protection in the context of the military conflict with reference to the monuments of the Crimean Peninsula during the Crimean (Eastern) War (1853–1856). The study is based on the memoirs of contemporaries, the press, and published archival documents. The article demonstrates the examples of cultural heritage destruction as a result of military operations, the construction of military infrastructure, evacuation, vandalism and marauding, unlawful excavation. The author shows the inevitability of cultural heritage loss as a result of hostilities.

Key words: Crimean (Eastern) War; vandalism; cultural heritage; unlawful excavation, relocation of cultural property

Baranov, N. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University

baranov61@mail.ru

“Places of Memory”: Successful Reconstruction in a European Publishing Project

The article deals with a scientific tendency devoted to the problems of places of memory within the cultural and historical context, conditioned by the rising need for the studies of human memory and mentality. The author analyzes the three-volume edition of the European Places of Memory published in German in Munich, 2012.

Key words: places of memory, human memory phenomenon, cultural practices, mentality.

REVIEWS

Kozlov, A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University

The Times of Romulus Augustulus

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2013. №3 (117)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Р. Н. Кислых
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 26.09.2013. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 26,7. Усл. печ. л. 26,0. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 2289

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (4 номера в год). Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранному сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, резюме на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, не более 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Анонимное рецензирование статей осуществляется ведущими российскими и зарубежными учеными.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редколлгией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).

- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы обязательны** (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. н., т. д., т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*. **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — говорил Маршак¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой *е/Е* за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.